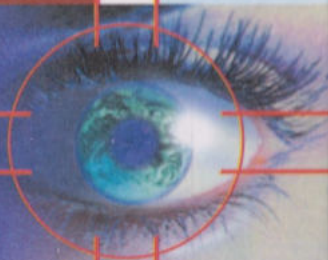

ВСЕ

ВСЕ ЗАГАДКИ ЗЕМЛИ

ВСЕ
ЗАГАДКИ
ЗЕМЛИ

ИПОЛ КЛАССИК

ISBN 5-7905-1561-4

9 785790 515613

РЫЦАРСКИХ
ОРДЕНОВ

ТАЙНЫ

М. И. Ткач, Н. В. Какабадзе

ТАЙНЫ РЫЦАРСКИХ ОРДЕНОВ

Москва, 2002

Ткач М. И., Какабадзе Н. В.

Т48 Тайны рыцарских орденов.— М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002.— 432 с.: ил.— (Все загадки Земли).

ISBN 5-7905-1561-4

Цель данной книги — поведать читателям некоторые тайны духовно-рыцарских орденов, зародившихся в эпоху Средневековья. Вы узнаете много нового и интересного о тамплиерах, госпитальерах и тевтонах, их обычаях, традициях и обрядах, окунетесь в увлекательный, таинственный мир благородных и храбрых рыцарей, примете участие во взятии Константинополя и Акры. Книга расскажет также об эволюции взглядов идеологов воинства Господня на цели и задачи монашеских орденов.

ББК 63.3(0)4

ISBN 5-7905-1561-4

© Издательский дом «РИПОЛ
КЛАССИК», 2002

ВВЕДЕНИЕ

Ордена — католические централизованные монашеские объединения, образованные в VI веке до н. э. по инициативе папства.

В состав монашеских орденов входили духовно-рыцарские ордена, возникшие в эпоху Крестовых походов XII—XIII веков. Папа, утверждающий уставы подобных организаций, использовал их для пропаганды идеи «борьбы с “неверными” за освобождение Гроба Господня», хотя изначально целью создания духовно-рыцарских орденов считалась защита паломников и больных при христианских святынях в Палестине.

Вплоть до XII века уставы орденов призывали членов воинства Христова (лат. militia Christi) истреблять зло исключительно с помощью Божьего слова, но с наступлением эры Крестовых походов ситуация резко изменилась. Основоположник церковно-мистического направления средневековой христианской теологии аббат Бернар Клервоский проповедовал: «Великое счастье умереть в Боге, счастливее тот, кто умирает за Бога!» Выступая инициатором Второго крестового похода, аббат утверждал, что война против врагов христианства и церкви является не греховным, а богоугодным делом, и призывал верующих пролить кровь в великой битве за Гроб Господень. С тех пор каждый, кто желал вступить в духовно-рыцарский орден, должен был дать обет огнем и мечом истреблять «неверных» и защищать христиан. За время Крестовых походов духовно-рыцарские ордена захватили на Востоке и в Европе обширные территории. Ордена иоаннитов и тамплиеров, возникнув на Востоке, проникли затем в Западную Европу и развернули там широкую коммерческую деятельность.

Организационная структура духовно-рыцарских орденов носила ярко выраженный монархическо-иерар-

хический характер. Во главе каждого из них стоял так называемый Великий магистр (от лат. *magister* — «начальник, глава, учитель»), или гроссмейстер, избираемый пожизненно. Резиденция главы ордена у тамплиеров, тевтонов и иоаннитов в эпоху Крестовых походов находилась в Святой земле.

При магистре состоял совет — генеральный капитул (позднелат. *capitulum*), представлявший собой коллегия высших должностных лиц.

Следует отметить, что все решения по основным вопросам деятельности ордена магистр принимал единолично, не учитывая мнения капитула, который, по сути, был лишь совещательным органом.

В настоящее время духовно-рыцарские ордена утратили свое значение. Только немногочисленная организация госпитальеров (мальтийских рыцарей) продолжает свое существование, не оказывая при этом заметного влияния на политическую и общественную жизнь народа.

Первая глава книги посвящена истории рыцарства (нем. *Ritter*) — привилегированного социального слоя в странах Западной и Центральной Европы. Глава повествует об особенностях воспитания будущих рыцарей, турнирах, гербах и девизах, описывает обряд посвящения в рыцари.

Во второй, третьей и четвертой главах рассказывается о крупнейших духовно-рыцарских орденах тамплиеров, госпитальеров, Тевтонском, основанных соответственно в 1118, 1070 и 1190 годах, об их структуре, традициях и обычаях.

История возникновения и развития духовно-рыцарских орденов неразрывно связана с эпохой Крестовых походов. Именно поэтому пятая глава книги посвящена военной деятельности орденов, то есть непосредственному участию крестоносцев в деле освобождения Гроба Господня.

Глава 1. СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ РЫЦАРСТВА

Понятия «рыцарь» и «рыцарство» далеко не так однозначны, как это может показаться на первый взгляд. Рыцарь (франц. *chevalier* — буквально «всадник») — прежде всего воин, как правило, аристократического происхождения, который способен в случае призыва на войну приобрести коня и полностью себя экипировать оружием и доспехами, необходимыми для службы в тяжелой кавалерии. Рыцарство в таком случае — сословие или класс воинов, основная задача которого — защита государства и церкви.

Однако авторы средневековых рыцарских романов вкладывали в эти понятия более глубокий смысл. Рыцарь, по их мнению, должен обладать определенными добродетелями, которые и делают его настоящим рыцарем. К качествам истинного рыцаря относили *pruiesse* («храбрость»), *loyaute* («верность»), *largesse* («великодушие»), *cortoisie* («учтивость») и *franchise* («вольность» — особая, свойственная истинному рыцарю манера поведения, свободная, искренняя и смелая).

Зарождение рыцарского сословия в XI веке во многом связано с изменениями в тактике ведения войны, значительно увеличившими роль кавалерии.

Уже в VIII веке в Европе стали использоваться стрелы, позволявшие всаднику гораздо эффективнее управлять конем и обеспечивавшие его устойчивость в седле. Но только в XI веке кавалерия приобрела в войне то значение, которое позволило ей выделиться в самостоятельный привилегированный класс средневекового общества. Это связано с дальнейшими усовершенствованиями тактики действий конницы.

Возможны четыре основных способа применения копья в конном бою. Всадник может держать его в поднятой руке и наносить удар сверху, из такого же положения он может метнуть копье в противника. Удар копьем может наноситься снизу, из-под руки, для этого копье держат в вытянутой вниз руке. Все эти способы подразумевают достаточно легкое копье — пику, которую держат, крепко ухватив примерно посередине, в центре тяжести.

Новый способ использования копья появился примерно в XI веке. Копье стали брать «в упор», то есть крепко зажимать под мышкой, чтобы оно было неподвижно. Так называемый таранный удар, то есть атака конницы с взятыми в упор копьями, мог пробить брешь в строю любого противника и решить исход сражения. Но для такой атаки требовалось тяжелое копье, которое всадник держал не за середину, а ближе к хвостовой части. Была усовершенствована также задняя лука седла, чтобы воин не слетел с коня при мощном ударе.

Для применения новой тактики от воинов требовался новый уровень мастерства. Была необходима специальная подготовка кавалеристов, но в то время не было постоянной армии, которая могла бы это обеспечить. Именно в этот период появилось множество упоминаний о турнирах, которые являлись своего рода во-

енными упражнениями, позволявшими группам конных воинов овладеть приемами боя.

Для участия в таких военных играх требовалась соответствующая экипировка. Рыцарю были необходимы прочные доспехи, способные защитить его от удара тяжелым копьем. Воин также нуждался в сильном боевом коне, который мог бы выдержать тяжесть рыцаря вместе с вооружением, и в запасных конях.

В таких условиях рыцари были постоянно озабочены поиском средств на собственную экипировку. В связи с этим стали приобретать большое значение различные аристократические союзы и объединения, дававшие возможность решить эти проблемы тем, у кого не было ничего, кроме доблести и благородного происхождения.

Конный рыцарь

Такие рыцари были опорой крупных феодалов в постоянных междоусобных войнах. За верную службу сеньор мог щедро наградить рыцаря-вассала, одарив его оружием, земельным наделом и т. п.

Зародившаяся в XII веке во Франции своеобразная рыцарская культура, включавшая в себя особую систему ценностей и образ жизни рыцарского сословия, быстро распространилась и в других странах. В этом сыграли немаловажную роль завоевательные походы франков, но рыцарская культура появилась и в тех государствах, куда не доходили французские войска. Это было связано с тем, что не только во Франции существовала определенная социальная группа, которая в силу своего общественного положения могла легко воспринять мировоззрение и ценности рыцарства.

Рыцари и церковь

Становление рыцарства тесно связано с церковной идеологией и Крестовыми походами. Движение крестоносцев способствовало проникновению христианских идей в формирующееся рыцарское сословие.

Призыв Папы Урбана II на Клермонском соборе (1095 год) к началу Крестового похода привел к изменениям взглядов церкви на войны и роль воинов в христианском обществе. Было даже объявлено отпущение грехов всем участникам похода. Если ранее за убийство, совершенное на войне, полагалась сорокадневная епитимья, то в походе за освобождение Святой земли убивать было дозволено, и нарушение заповеди «не убий» не влекло за собой никакого наказания.

Такая позиция церкви способствовала формированию и утверждению представлений о рыцарстве как о воинском сословии, служащем церкви для уничтожения врагов. Так как сами священнослужители не могли обог-

рять свои руки кровью, то для борьбы с еретиками, язычниками, мусульманами и раскольниками должны были призываться верующие воины — рыцари.

Участие в освященной церковью войне стало считаться столь же богоугодным делом, как и уход от мира в монастырь. Крестовые походы послужили утверждению идеи, что рыцарство — истинно христианское призвание. Идеология Крестовых походов, таким образом, провозглашала новый путь спасения для рыцарей. Церковь стремилась поставить себе на службу мощные военные силы. Именно такими силами явились духовно-рыцарские ордена тамплиеров, госпитальеров, тевтонцев. Эти ордена строились на основе синтеза воинских и христианских идеалов, их уставы имели много общего с уставами монашеских орденов.

Рыцарские ордена как бы изолировали своих членов от остального рыцарства. Так, устав ордена тамплиеров освобождал рыцарей от любой вассальной зависимости — они подчинялись только руководству ордена во главе с Великим магистром, которые в свою очередь напрямую подчинялись церковным властям и Папе Римскому.

Тем не менее идеалы духовно-рыцарских орденов не могли распространиться на все рыцарство, которое в основном оставалось светским сословием. Рыцари считали себя одновременно воинами Христа и своих сеньоров. Светские и христианские ценности тесно переплетались в их мировоззрении.

Светская знать поддерживала связь с монастырями, многие из которых существовали на выделенных богатыми сеньорами землях. Рыцари защищали интересы монастырей, за что монахи упоминали их в своих молитвах, за-

Мальтийский крест

щищая в свою очередь интересы воинов перед лицом Господа. Таким образом, в средневековой Европе местные монастыри имели для рыцарей гораздо большее значение, чем отдаленный Рим со своей официальной церковной идеологией.

В монастырях монахи молились за победу войска. Эти религиозные институты зачастую становились своего рода хранилищами военной традиции и центрами почитания крупных и выдающихся полководцев.

Воинское сословие во многом сохранило ценности дохристианской военной аристократии. Корни многих идеалов рыцарства лежат в языческом эпосе, воспевающим подвиги великих воинов, которые сознательно выбирали себе жизнь, полную опасностей и приключений, чтобы доказать себе и окружающим свою силу и доблесть. Рыцарская культура возникла от древней героической этики, в которую была со временем привнесена христианская религиозность.

Рыцарь на своем жизненном пути стремился достигнуть двух целей: стяжать славу и спасти свою душу. Светские и религиозные традиции органически сочетались в рыцарском образе жизни.

Христианство не смогло умерить воинственность, считавшуюся неотъемлемым качеством сословия, основным предназначением которого с древних времен была война. Военные подвиги — атрибут истинного рыцаря, и никакое вероучение не смогло бы подавить стремление к ним.

Впрочем, и в самой христианской церкви практически с самого ее основания боролись воинственная и миролюбивая тенденции. Христианский мир, со всех сторон окруженный язычниками, нуждался в воинах для защиты от набегов варваров. После Клермонского собора окончательно победила воинственная традиция. Церковь доказала свою агрессивность, освятив завоевательную войну.

Сочетание религиозности, благочестия и воинственных устремлений были характерной чертой рыцарства. В отношении к Крестовым походам также переплелись религиозные и светские мотивы. Священная война была для рыцарей не только путем к спасению души, но и замечательным приключением, способом добиться славы и почета. Для молодого рыцаря было очень важно доказать обществу свою значимость и состоятельность. Такую возможность давали Крестовые походы.

Посвящение в рыцари

Человек мог стать рыцарем, только пройдя через специальный обряд посвящения. Со временем рыцарское сословие обособилось, и в рыцари мог быть посвящен только тот, у кого в роду уже были рыцари.

Первоначально обряд посвящения был светским ритуалом, затем стало считаться необходимым участие в нем священнослужителей, вследствие чего церемония усложнилась.

В ходе обряда посвящаемый совершал ритуальное омовение, которое как бы очищало неопита от грехов. Ему повязывали белый пояс, символизировавший чистоту помыслов рыцаря, и вручали обоюдоострый меч, две режущие кромки которого должны были напоминать о двух святынях рыцарских обязанностей — бороться за справедливость и защищать слабых.

С какого-то момента ритуал посвящения стал церковным обрядом. Перед посвящением неопит должен был выкупаться в воде с лепестками розы и, бодрствуя, провести ночь в церкви. Утром будущий рыцарь приходил к мессе, затем представал перед священником или приором духовного ордена, который наносил ему легкий удар рукой — *collee*. После этого с алтаря приносили меч, священник благословлял оружие и опоясывал

им посвящаемого, а один из участников церемонии пристегивал неофиту золотые шпоры (это было единственным действием обряда, к которому допускались миряне).

Важнейший момент обряда посвящения — вручение оружия — имеет истоки в языческих ритуалах. Так, существовал германский обычай вручать молодым воинам оружие, что символизировало достижение совершеннолетия и переход молодого человека в класс взрослых мужчин. Германские инициации, таким образом, явились прообразом средневекового обряда посвящения в рыцари.

В дохристианские и дорыцарские времена вручение оружия, которое, по сути, и являлось своеобразным обрядом посвящения, как правило, осуществляли в двух случаях: по достижении юношами определенного возраста и при вступлении в военную дружину. Посвящение в рыцари осуществлялось в основном по такому же принципу: либо когда человек достигал соответствующего возраста, либо при вступлении в отряд вассалов.

Само слово «вассал» означало «боевой товарищ», или «последователь», то есть член боевой дружины, который оказывал своему сюзеру поддержку в военных конфликтах, а в награду за верную службу мог рассчитывать на получение земельного надела (вознаграждение не было обязательным — оно целиком зависело от желания сюзерена).

Итак, посвящение в рыцари тесно связано с достижением совершеннолетия и вступлением в боевой отряд, а также с институтом вассальной зависимости. В то же время вступление человека в рыцарское сословие обуславливалось благородным происхождением и обеспечивало привилегированное положение в обществе.

Со временем вассальная зависимость и владение вассальными землями (фьефами, или ленами) стали наследственными. Военная служба в дружине сеньора могла повысить социальный статус рыцаря, также он мог

получить щедрый подарок и тем самым улучшить свое материальное положение.

Статус сеньора, которому служил вассал, во многом определял отношение к нему самому. Такие общественные взаимоотношения тоже восходят к древним германским традициям и обычаям. Так, если кто-то убивал воина из дружины какого-либо вождя, то уплачивал вергельд (штраф за убийство), размеры которого устанавливались не в зависимости от социального статуса воина, а по ставке, соответствующей статусу вождя, то есть так, будто члены боевой дружины были родственниками ее предводителя. Подобные отношения сохранились и в воинском сословии времен Средневековья — рыцарь-вассал как бы нес на себе отблеск славы и величия своего сюзерена.

Именно из таких соображений молодые люди стремились быть посвященными по возможности знатными и великими рыцарями или даже самими королями. Этим объясняется и обычай отдавать сыновей на воспитание в дом знатного феодала, чтобы, достигнув определенного возраста, юноша получил оружие из рук достойного сеньора.

С начала XII века стало распространенным массовое посвящение в рыцари, когда одновременно посвящались целые группы воинов. Для такого обряда характерны яркость и пышность. Как правило, массовое посвящение, особенно в период становления рыцарства, устраивалось одновременно с посвящением в рыцари наследника какого-либо знатного рода.

Одним из важных элементов обряда был ритуал освящения меча, которым подпоясывали нового рыцаря. Происхождение этого ритуала относится к тому времени, когда христианский мир вынужден был защищать себя от вторжений язычников.

Это нашло свое отражение в произносимом во время литургии благословении: «Благослови сей меч... дабы

он мог защитить от злобных язычников святыне церкви, а также вдов, сирот и всех слуг Господа нашего».

Многое в ритуале освящения меча заимствовано из сходного с ним посвящения в рыцари, но возникшего гораздо раньше обряда коронации. Короли были в то время предводителями войска, занимая высшую ступень в воинской иерархии. Таким образом, они также являлись представителями военной аристократии, из которой впоследствии возникло рыцарское сословие.

Опоясывание мечом как символом верховной власти было включено в канонический обряд коронации. Самые ранние описания обрядов посвящения в рыцари с опоясыванием мечом относятся к посвящению наиболее знатных людей, чье влияние в феодальном обществе было вполне сопоставимо с королевским. Впоследствии этот ритуал распространился и на менее знатных рыцарей. Опоясывание мечом, изначально символизировавшее приобретение власти, в обряде посвящения в рыцари стало означать вступление в привилегированное сословие — «наивысшее из сословий, созданных Господом».

В связи с произошедшими в XI веке изменениями в тактике конного боя и соответствующим увеличением роли и численности кавалерии посвященными в рыцари смогли стать люди, занимавшие не очень высокое общественное положение.

Коронация, как обряд посвящения в рыцари, постепенно становился церковным ритуалом. Самые ранние описания коронации дают основание полагать, что первоначально этот обряд не имел никакого отношения к церкви и был светским ритуалом, закреплявшим за выборным вождем статус верховного правителя.

В источниках X века можно встретить описание обряда коронации, состоящего из двух церемоний: светской и церковной. В развитии обряда посвящения также переплелись светские и церковные традиции: древ-

ний обычай вручения воину оружия соединился с христианским ритуалом освящения меча.

Духовенство добилось полного подчинения обряда коронации церкви, но с обрядом посвящения в рыцари этого не произошло — он продолжал сохранять многие светские черты. Это связано с тем, что восприятие рыцарями своей роли в обществе всегда несколько отличалось от идей богословов, считавших призванием рыцарского сословия служение церкви. Воины гораздо теснее были связаны со светским правителем — своим сюзереном, чем с церковью. Именно это светское служение оставалось основной функцией рыцарства. В противовес идеям теологов в обществе были распространены представления о том, что церковь и рыцарство — две основы христианского общества, независимые друг от друга. Рыцари следовали по своему пути, предназначенному им самим Богом, и не желали признавать направляющую роль церкви.

Во времена позднего Средневековья появилось множество новых вариантов обряда посвящения. В этот период сохранялись стремления соискателей рыцарского звания быть посвященными каким-либо выдающимся человеком, прославившим себя как безупречный рыцарь. Но в то же время появилась и новая тенденция — многие стремились быть посвященными в какой-то особый момент и в особом месте, что должно было придать обряду большее значение.

Так, обряд посвящения часто проводили во время каких-либо празднеств или в связи с восшествием на престол нового короля. Распространенным было посвящение у Гроба Господня во время паломничества в Святую землю.

Люди, прошедшие обряд посвящения каким-то сходным образом, составляли своего рода орден, не являвшийся корпоративной организацией, как обычные рыцарские ордена, но все же подразумевающий опре-

деленную связь между входящими в него рыцарями. Например, прошедшие посвящение в Святой земле назывались «рыцарями ордена Гроба Господня»; посвященные во время особого праздника, сопровождаемого пышным ритуалом, получали звание «рыцарей ордена Бани».

В позднее Средневековье существовало три основных повода для посвящения в рыцари. Было распространено посвящение во время большого приема, устраиваемого правителем, или же во время его коронации. Другой, часто упоминаемый в источниках повод — паломничество в Святую землю. Кроме того, в рыцари часто посвящали перед крупной битвой, так как вновь посвященные рыцари стремились тут же прославить свое имя подвигами.

Рыцарские турниры

В рыцарском образе жизни значительное место занимало участие в турнирах. Такие состязания сыграли важную роль в становлении рыцарства, в формировании общеевропейской рыцарской культуры.

История турниров начинается примерно с середины XI века, то есть с того времени, когда рыцарство сформировалось как самостоятельное сословие. Несомненно, учебные бои и прочие военные упражнения существовали и раньше, но до 1100 года не было никаких упоминаний об играх, подобных рыцарским турнирам. Само слово «турнир» впервые появилось в источниках, относящихся к XII веку.

В начале XII века турниры стали быстро набирать популярность во Франции, что вызвало недовольство со стороны церкви. В 1130 году Папа Иннокентий II проклял это новое развлечение и отдал распоряжение, что убитых во время турниров не должны предавать христианскому погребению на освященной земле.

Но популярность турниров продолжала расти, им покровительствовали многие могущественные аристократы, например граф Генрих Шампанский.

Кроме Франции, крупным центром проведения турниров в этот период стали Нидерланды. Вскоре турниры распространились по всей Европе.

Судя по описаниям в рыцарской литературе и исторических хрониках, турниры XII века мало отличались от настоящего боя и были трудным и рискованным занятием.

Когда намечался турнир, заранее выбирался день его проведения и гонцы разносили по городам и имениям феодалов весть об этом. Ристалище занимало большую площадь, зачастую охватывая сельскохозяйственные угодья и территории деревень. Место сражения не имело строго определенных границ: к примеру, сообщалось, что состязание состоится на равнине под холмом или даже на землях между двумя какими-либо городами. Участники состязания, находясь на этой территории, могли обезопасить себя от противника, укрывшись в специальных, отгороженных веревками убежищах. Здесь они могли снять доспехи и отдохнуть.

Участники делились на две команды. В ранних описаниях турниров ничего не сообщается о судьях. Основным оружием для состязаний служили копье и меч, но в то же время не существовало ограничений на использование других видов оружия. На турнирах разрешалось брать противников в плен и требовать с них выкуп, захваченные лошади и оружие считались законной добычей. Применение боевого оружия создавало немалую опасность для участников.

Нередко во время турниров рыцари жестоко били своих противников, которые по тем или иным причинам были их личными врагами. Иногда страдали не только участники, но и зрители. Например, на турнире в Шалоне в 1273 году рыцари настолько рассвирепели, что

состязание превратилось в кровавое побоище, и затем этот турнир называли не иначе, как «маленькая битва в Шалоне».

Необходимость как-то уменьшить жестокость рыцарских турниров привела к созданию правил проведения таких состязаний, сведенных в ордонансы короля-ми Ричардом I и Эдуардом I. По установленным Ричардом I правилам турниры должны были проводиться на пяти ристалищах со строго определенными границами. Каждый из участников обязан был выплатить налог, размер которого устанавливался в зависимости от ранга рыцаря. Предусматривалось также судейство. Эдуард I пошел еще дальше, ограничив численность свиты, которую мог привести с собой тот или иной рыцарь. Было запрещено использовать боевое оружие.

Хотя эти правила действовали только на территории Англии, начиная с XIII века и в других странах проявилось стремление сделать турниры менее жестокими и опасными. Повсеместно стало распространяться применение на состязаниях затупленного оружия, называемого *plaisance* («для удовольствия»). В некоторых турнирах использовали даже неметаллическое оружие и кожаные доспехи. В это же время появились судьи, а чтобы они могли следить за всем происходящим на поле боя, границы ристалищ были строго определены.

Существовавшие раньше рыцарские поединки — «джостры», предшествовавшие состязанию команд, — стали в XIII веке особенно популярными. Как турнир был имитацией настоящего боя, так и рыцарские поединки были имитацией настоящей дуэли или судебного поединка, бывшего в то время очень распространенным явлением. Иногда поединки длились первые несколько дней турнира.

Иными словами, к концу XIII века турнир стал уже мало походить на настоящую войну, больше напоминая ритуальное действие. Но в то же время риск для его

участников был по-прежнему велик, и в XIII столетии множество рыцарей погибло или получило тяжелые увечья на ристалищах. Есть сведения, что во время турнира в Нусе (Швейцария) в 1241 году погибло около восьмидесяти рыцарей, многие из которых попросту задохнулись в своих доспехах из-за жары и пыли.

Турниры могли приводить и к другим печальным последствиям, вызывая политическую нестабильность и междоусобицы между затаившими друг на друга обиду участниками. Но, несмотря на это, популярность рыцарских поединков продолжала расти.

Прежде всего, широкое распространение турниров было вызвано тем, что они являлись отличной военной подготовкой. Появившись вместе с новой техникой конного боя с копьем, взятым «в упор», они позволяли рыцарям отрабатывать столь необходимые в сражении приемы выбивания противника из седла, управления боевым конем. А поскольку команды составлялись по территориальному признаку, участники состязаний получали прекрасную возможность потренироваться в совместных боевых действиях, ведь и в настоящей войне они, как правило, состояли в одной армии. В XIII веке даже стали звучать критические замечания по поводу излишней мягкости турниров, уже не воспроизводящих условия настоящего боя.

Критику турниров вызывало также то, что многие рыцари являлись на состязание не для демонстрации своей доблести, а прежде всего для захвата трофеев и пленных, за которых можно было потребовать выкуп. Хотя и велик был риск разориться на турнирах, в то же время для бедных рыцарей и младших отпрысков знатных родов, не получавших никакого наследства, турниры были единственным шансом улучшить свое материальное положение. Особо отличившиеся на поединках рыцари имели возможность быть замеченными богатым феодалом и получить его покровительство.

Сами крупные феодалы и короли нередко приезжали на турниры, чтобы поискать достойных рыцарей для своего войска. Приобретенная на таких состязаниях прекрасная репутация («grant renomtee») значила для рыцаря очень много.

Кроме того, участие в поединках было привилегией рыцарства, оно как бы подтверждало высокий социальный статус воинов. В связи с этим в XIII веке проявилось стремление не допускать к участию в турнирах недостаточно знатных людей. В это время турниры приобрели особенный блеск и пышность, подчеркнутую элитарность. Все это привлекало рыцарей к участию в них, способствовало росту популярности такого рода развлечений.

Еще один важный аспект, заставлявший рыцарей участвовать в турнирах, — возможность обратить на себя внимание женщин. В рыцарских романах часто присутствуют такие мотивы. Рыцари, проявившие доблесть, получали призы из рук прекрасных дам.

В XIII веке стали проводиться театрализованные турниры по мотивам легенд о короле Артуре и рыцарях Круглого стола. Участники наряжались в соответствующие парадные костюмы, организовывались пышные шествия и церемонии. Но и эти костюмированные представления таили в себе опасность для участников: на таких поединках также происходили трагические случаи.

Турниры прочно вошли в жизнь рыцарского сословия и существовали, несмотря на все запреты, налагавшиеся церковью со времени их появления. Поняв, что запрещение таких игр ни к чему не привело, Папа Иоанн XXII в 1316 году отменил все запреты.

Духовенство делало все возможное, чтобы отвратить рыцарей от жестокой забавы. В своих проповедях священнослужители рассказывали невероятные истории о том, как над ристалищами, где погибло много рыца-

рей, видели витающих демонов; о том, как некто, воскреснув из мертвых, рассказывал об адских муках, которым подвергаются души рыцарей, погибших на турнирах. Нападки на турниры со стороны церкви объясняются во многом тем, что эти состязания как всецело светские мероприятия усиливали светский аспект рыцарства и тем самым ослабляли влияние церкви на военную аристократию. Но никакие запреты не могли остановить распространение турниров, так как в них отражалась вся система ценностей рыцарства, их культура и мировоззрение.

Геральдика

Рыцарское сословие создало вокруг себя своеобразную рыцарскую культуру со своей системой ценностей, обрядами и церемониями, с представлениями об особой роли рыцарства в христианском обществе. Рядом с рыцарством появилась общественная группа, в функции которой входило хранить рыцарские традиции, создавать великолепную внешнюю форму существования военно-аристократического сословия. Эти задачи выполняли герольды.

Деятельность герольдов, первые упоминания о которых относятся к XII веку, тесно связана с геральдикой — системой использования наследуемых гербовых эмблем рыцаря.

Правила геральдики установились к концу XII века, но, судя по историческим документам, она стала основным занятием герольдов только с XIV века. До этого времени их общественные функции были самыми разнообразными; вполне вероятно, что герольды сыграли немалую роль в становлении рыцарского сословия.

Появление геральдики связано с теми эмблемами и знаками, которые использовались воинами с давних

времен для распознавания своих и чужих на поле боя. В Средневековье необходимость применения таких эмблем была особенно острой, что связано с появлением рыцарских доспехов и закрытых шлемов. Развитию гербовых знаков способствовали и турниры, где большое значение придавалось тому, насколько доблестно сражается каждый из рыцарей.

Для распознавания друг друга в бою и на ристалище стали использоваться особые изображения на щитах. Со временем аналогичные знаки начали помещать и на одежде рыцарей, на их печатях, а также на памятниках и гробницах. В результате геральдические эмблемы стали восприниматься как некие символы, много говорящие о самом рыцаре, или, когда они стали передаваться по наследству, — о его роде.

В XII веке использование гербов еще не было систематизировано — во многих семействах было сразу несколько гербовых эмблем, иногда рыцари произвольно изменяли свой герб. Но в это время начали складываться принципы геральдики.

Первоначально гербы имели только самые знатные рыцари и крупные феодалы. Даже на войне гербовые знаки носили только те, кто вел за собой отряд, то есть богатые представители воинского сословия, владевшие замками и феодами.

В первых геральдических списках — «гербовых свитках» — были записаны только представители высшей знати, составлявшие часть дворянства.

В XIII веке положение значительно изменилось — гербы появились и у оруженосцев, и у тех дворян, которые, хотя и происходили из рыцарских семей, сами посвящены в рыцари не были.

Геральдические символы отражали отношения в средневековом обществе. Так, гербы вассалов какого-либо аристократа являлись зачастую производными от его родового герба, к которому добавлялись дополнитель-

ные знаки. Геральдика показывает процесс консолидации воинского сословия, происходивший в то время, — сближение знати и менее знатных рыцарей, находившихся у них на службе. При дворах крупных феодалов находилось значительное количество рыцарей, составлявших боевую дружину.

Таким образом, гербы, изначально являвшиеся атрибутом лишь крупной феодальной знати, со временем стали отличительной чертой благородного происхождения, принадлежности к высшему, привилегированному сословию. Право иметь собственный герб постепенно приобрело даже большее значение, чем обряд посвящения в рыцари; оно обеспечивало доступ в светское общество.

В рыцарском обществе с его системой ценностей, гордостью подвигами предков, героической этикой геральдика стала важнейшей наукой. Основной составляющей этой науки были строго определенные правила блазонирования — составления и описания гербов.

Тинктура герба, то есть используемые в геральдике цвета, меха и металлы, состоит из пяти цветов (финифтей): синего (лазурь, *azur*), зеленого (верт, *vert*), алого или червленого (гюльз, *gules*), черного (траур, *sable*) и пурпурного (пурпур, *purpur*); из двух металлов — золота (*or*) и серебра (аргент); двух мехов — беличьего (*vair*) и горностаевого (*ermine*). Существовали определенные правила сочетания цветов, мехов и металлов, например запрещалось накладывать один цвет или металл на другой.

Гербовые фигуры, или «составляющие герба», — его простейшие элементы в виде геометрических фигур или линий. В геральдике стали выделяться глава (*chief*) — верхняя часть щита; фесс (*fess*) — перекладина щита в виде горизонтальной полосы; шеврон (*chevron*) — угол; пояс, полоса, или перевязь (*bend*), — диагональная полоса, идущая от левого верхнего угла; граница, или столб (*bar*), — вертикальная полоса.

Геральдические фигуры представляли собой изображения птиц, животных, а также другие символы, которым придавалось определенное значение.

В геральдической науке были разработаны строгие правила использования таких фигур.

Правила блазонирования определяли последовательность описания герба: вначале указывался цвет поля щита, затем давалось описание главной фигуры, после этого — дополнительных фигур и в завершение указывались признаки различий, обозначающие, например, старшинство в роду.

В геральдике очень быстро сложилась определенная терминология. Правила описания гербов начали развиваться с того времени, как гербы стали передаваться по наследству. Появление точной терминологии позволило геральдике превратиться в самостоятельную научную дисциплину, способную дать адекватное описание изучаемых предметов.

Правила присвоения герба были четко сформулированы гораздо позднее. Существовало четыре обоснования права на герб: получение герба по наследству, владение феодалом или какой-либо должностью, пожалование герба правителем или знатным сеньором, присвоение герба, отнятого у врага в бою. Однако многие рыцари брали себе гербы по собственному желанию, не спрашивая разрешения у властей, и нередко их право никто не оспаривал. По этому поводу существовало мнение, что каждый может взять себе герб так же, как берут фамилию.

То, что гербы были тесно связаны с фамилией, подтверждается широким распространением гербов, названия геральдических фигур которых созвучны с фамильными именами их владельцев.

Геральдические фигуры и другие элементы герба часто имели символическое, аллегорическое значение, изображая рыцарские добродетели, свидетельствующие

о славных подвигах предков. И к их первоначальному практическому значению — опознанию воинов на поле боя — прибавились мотивы героической этики и рыцарской чести, так как каждый мог отличить рыцаря по его гербу, а значит, доблесть или трусость любого из воинов не оставалась незамеченной.

Герольды записывали имена и создавали гербы тех, кто отличился в бою особым мужеством, они принимали непосредственное участие в организации поединков и турниров, коронаций и обрядов посвящения в рыцари. Эти люди обладали неприкосновенностью, защищавшей их от любых враждебных действий, поэтому на войне они служили парламентарями, передавая ультиматумы, вызовы на бой и т. д. В XV веке «короли гербов» — самые выдающиеся из герольдов — играли существенную роль в дипломатических отношениях между разными странами. Но самой важной функцией герольдов оставалась регистрация подвигов рыцарей, совершенных как на войне, так и на турнирах.

Рыцарство и знать

Знатное происхождение имело огромное значение для рыцарского сословия. Особое внимание генеалогии стали уделять начиная с XIII века. Так, в это время был издан ордонанс Фридриха II, согласно которому, если среди предков человека не было ни одного рыцаря, то и он не мог получить рыцарское звание. Впоследствии требования были еще более ужесточены — чтобы стать рыцарем, необходимо было доказать принадлежность к рыцарству нескольких поколений своих предков.

Одновременно с этим стало распространяться и такое явление, как нежелание многих проходить официальный обряд посвящения в рыцари. Особенно это относилось к людям благородного происхождения, но из

небогатых семей, так как обряд к этому времени стал очень пышным и дорогим. Таким образом, люди рыцарского происхождения, но сами официально не вступившие в рыцарство, стали составлять значительную долю аристократии. В результате рыцарство стало восприниматься как благородное сословие, представители которого имеют право на наследуемые родовые гербы.

В конце XIII века появился новый вид документов — королевские или княжеские письма (патенты), которые аноблировали людей, не имевших знатного происхождения. Среди прочих привилегий они давали право быть посвященным в рыцари. Патент нередко включал пункт о пожаловании герба с подробным его описанием.

В результате всех этих новых общественных явлений в понимании значения и функций высшего сословия стали происходить глубокие изменения.

Если первоначально основное внимание уделялось профессиональным обязанностям рыцаря, обряд посвящения приобщал его к своеобразному братству воинов, то с этого времени принадлежность к привилегированному сословию определялась знатным происхождением или аноблированием, полученным от короля. Поскольку многие знатные семейства стали по своему материальному положению мало отличаться от процветающих горожан и наиболее зажиточных крестьян, возникло стремление возвести перед простолюдинами непреодолимый барьер, превратив благородное сословие в замкнутую касту.

В то же время начала проявляться и противоположная тенденция. В этом были заинтересованы и сами представители знати, промотавшие фамильное состояние из-за высоких затрат на рыцарский образ жизни. Для них вступление в родство с богатыми семьями простолюдинов часто являлось единственным спасением. Новые люди, вошедшие в число знати, с радостью принимали свойственный этому сословию образ жизни,

поскольку у них было достаточно денег, чтобы соответствовать приобретенному статусу. Они также считались с обязанностями, налагаемыми на них знатным титулом, в том числе выполняли рыцарский долг, участвуя в военных кампаниях.

Законы, поддерживающие чистоту благородного сословия, хотя и часто нарушались, но все же обрели жесткие и четкие формы. За нарушение этих законов можно было утратить свой дворянский статус и оказаться изгнанным из рыцарства. Так, дворянин мог лишиться своего благородного титула, обнищав и занявшись «недостойной» деятельностью — такой, как торговля.

Сближение понятий «рыцарство» (*chevalerie*) и «знать» (*noblesse*) было отражено в представлениях того времени о происхождении знати. В результате смут и раздоров, возникших после Вавилонского столпотворения, люди столкнулись с необходимостью выбирать самых мудрых и сильных для того, чтобы они защищали народ с оружием в руках и вершили справедливый суд.

Согласно этой версии, благородное сословие изначально выполняло воинские функции, и его задачи определялись так же, как и долг рыцаря — «защищать святую церковь, вдов и сирот, слабых и больных». Иными словами, знатное происхождение ассоциировалось с профессией воина.

Одной из важных составляющих благородства было богатство, и, хотя не все рыцари могли им похвастать, оно было действительно необходимо для поддержания истинно рыцарского образа жизни. Война была одним из тех занятий, которые позволяли улучшить свое материальное положение за счет жалованья и добытых трофеев. Бережливость же не считалась достойным способом сохранения своего состояния, поскольку противоречила одной из рыцарских добродетелей — щедрости.

Кроме благородного происхождения и богатства, в понятие «знатность» включался определенный набор

добродетелей, который должен был отличать дворянина от обычных людей. Рыцарь должен был показать, что он достоин своих благородных предков и высокого социального статуса. Такие представления о знатности развились в точку зрения, что гораздо ценнее титул, добытый личными заслугами, чем дворянское звание, полученное по наследству.

Но и в свете этих рассуждений генеалогия не утратила своего значения в рыцарском обществе, так как подвиги и достоинства предков не определяли добродетельность потомков, но служили для них прекрасным примером и вызывали у рыцаря стремление проявить себя достойным наследником прославленного рода. Иными словами, в понятие благородства и знатности вкладывалось также представление о семейной традиции рыцарской чести. В эпоху, когда в обществе были сильны традиции обычного права, полностью отделить человека от его рода было невозможно.

Достоинства рыцаря определялись прежде всего совершаемыми им военными подвигами. В этой области существовала даже своя шкала ценностей, определяющая значимость того или иного подвига. Различались три основных вида сражений: *rencontre* («случайная стычка»), *besogne* («быстротечный бой») и *bataille* («подготовленное сражение»). Соответственно различалась и степень почетности участия в них. Так, подвиг в лобовом сражении ценился гораздо больше, чем подвиг во время штурма, а участие в войне было почетнее, чем участие в турнирах. Самым же достойным занятием считалось участие в Крестовых походах. Вполне вероятно, что герольды умели применять эту шкалу ценностей, необходимую им для регистрации рыцарских подвигов и заслуг.

Одним из явлений, порожденных рыцарским стремлением к славе и почестям, были Столы чести. Их происхождение связано с походами в Восточную Европу, которые осуществляли в основном рыцари Тевтонского

ордена. Войны в этих землях были нелегким делом, кроме того, победы не сулили крупной добычи. Тевтонских рыцарей привлекала перспектива получения в собственность завоеванных земель, но единственное, что влекло сюда странствующих рыцарей, — слава.

Чтобы привлечь к участию в таких походах как можно больше рыцарей-паломников, устраивались Столы чести. Это были пиры, на которые приглашалось ограниченное число рыцарей, особо отличившихся своей доблестью. Каждому из приглашенных отводилось место за столом в соответствии с его заслугами. По тому, что исключительно из-за чести и славы воины готовы были терпеть тяготы и лишения и рисковать жизнью, можно судить, что рыцарские идеалы занимали прочное место в мировоззрении рыцарского сословия.

Наряду с поощрениями за подвиги, существовали и ритуалы лишения чести рыцаря, виновного в нарушениях обычаев и норм благородного сословия. Так же как и шкала достоинства подвигов, была выработана определенная система различия проступков по их тяжести.

Некоторые знаки отличия могли быть убраны из герба рыцаря, опорочившего свою честь. Провинившийся в нанесении оскорбления женщине или в нарушении клятвы не допускался на турниры.

Обвинение в нарушении данного слова считалось очень серьезным в рыцарском обществе. Такое обвинение зачастую выдвигалось в том случае, когда кто-то был захвачен в плен и, пообещав уплатить выкуп, был отпущен под честное слово.

Если обещание было нарушено, обманутый рыцарь мог преследовать нарушителя по суду или же вызвать его на поединок. Кроме таких мер, существовал способ воздействия, называемый *deshonnoirment* («лишение чести»), который заключался в том, что герб несостоятельного должника выставлялся в общественных местах, перевернутый вверх ногами.

Известен случай, когда рыцарь подвесил перевернутый герб должника к хвосту своей лошади.

Законы рыцарской чести считали трусость и предательство еще более тяжкими преступлениями, чем нарушение слова или неоплаченный долг. За крайние проявления трусости наказанием была смерть. В менее серьезных случаях провинившегося могли лишить герба и общественного положения. Предательство являлось еще более страшным преступлением, поскольку верность сюзерену была основой рыцарского общества. За измену провинившегося, кроме смертной казни, ожидало еще и полное бесчестье, бывали даже случаи, когда тело казненного протаскивали по улицам города.

Все эти ритуалы поощрения за доблесть и наказания за проступки показывают, что благородное происхождение было не единственным требованием к представителю знати. Имели значение и его личные качества, соблюдение рыцарского кодекса чести, определявшего ценности и идеалы аристократического сословия.

Светские ордена

Стремление рыцарства к всеобщему признанию его высокого предназначения и важной роли в христианском мире привели к созданию в XIV–XV веках огромного количества светских рыцарских орденов.

Из множества светских орденов самый заметный след оставили ордена, основанные королями, для которых характерны были пышные и грандиозные церемонии, богатство и блеск. К известнейшим орденам такого рода относятся орден Ленты, основанный Альфонсо XI Кастильским, орден Подвязки, созданный Эдуардом III, орден Звезды и др.

Хотя между такими объединениями рыцарей и создававшимися в более ранний период орденами кресто-

носцев есть некоторое сходство, все же эти два типа организаций значительно отличались друг от друга. Духовно-рыцарские ордена подлежали юрисдикции церковных властей, их члены давали обеты бедности и безбрачия (испанский орден Сантьяго был единственным, чей устав разрешал рыцарям жениться). Основной задачей, которую ставили перед собой такие ордена, было участие в священной войне.

В светских орденах дело обстояло совсем иначе. Входящие в них рыцари жили обычной светской жизнью, эти ордена не подчинялись церковной власти, а священная война не являлась главной целью. Вполне вероятно, что духовые ордена послужили прототипом создания светских орденов и братств, но все же гораздо более заметно влияние традиций турнирных обществ.

Рыцарские светские ордена позднего Средневековья во многом схожи со светскими братствами, которые стали многочисленными с начала XIII века. В таких сообществах большое внимание уделялось соблюдению религиозных обрядов, особое значение придавалось организации похорон и заупокойных служб. Среди прочих задач светских братств были образование, забота о старых и больных, вдовах и сиротах и т. д.

По сути, братства принадлежали к такому же типу институтов, что и гильдии, занимавшиеся производством и торговлей. Но в деятельности братств с самого начала была заметна военная направленность. Так, есть сведения о братствах, осуществлявших материальное обеспечение Крестовых походов посредством создания специальных фондов и набора войска для них.

Первое упоминание о рыцарских братствах содержится в каноне Авиньонского собора 1326 года, на котором осуждалось создание таких братств. Из документа следует, что рыцари, состоящие в братстве, «собираются раз в год в некоем условленном месте, где и проводят свои тайные собрания и моления и вместе клянутся поддер-

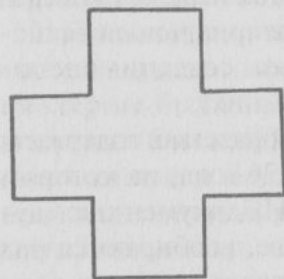

живать друг друга во всем и помогать друг другу как деньгами, так и советом или просто добрым отношением, выступать против любых чужаков, кроме их собственных сеньоров; и все они одеваются в одинаковое платье, украшая его особыми нашивками или эмблемами, и выбирают предводителя, которому единодушно кланутся в повиновении».

Главной особенностью рыцарских братств было наличие устава, регулировавшего жизнь сообщества, проведение общих собраний, назначение руководства, допуск рыцарей в братство. Как правило, братья выбирали себе в покровители какого-нибудь святого, и день этого святого считался праздником для всего рыцарского союза.

На собраниях братства определялись направления его деятельности, разбирались споры между членами союза, вершился суд и наказывались нарушители устава.

Примерно та же форма организации была и у светских рыцарских орденов. У них также имелись уставы, которые четко регулировали прием в орден новых членов, определяли их обязанности и ответственность за нарушения. Ордена, как и братства, выбирали себе какого-либо святого, которого почитали все рыцари. Так, например, орден Подвязки был связан с культом св. Георгия, орден Полумесяца — с культом св. Маврикия, орден Узла почитал Святого Духа. Во многих светских

Крест Св. Георгия

орденах проводились общие собрания; в этих союзах, как и в братствах, заказывали заупокойные мессы в случае смерти одного из рыцарей.

Наличие своего устава и регулярное проведение общих собраний позволяли отличить рыцарский орден от прочих рыцарских сообществ. Например, правитель

мог пожаловать какую-либо эмблему большой группе рыцарей, не составляя при этом для них никакого устава. Сообщество, имеющее устав и проводящее общие собрания, но не ограничивающее число своих членов, считалось братством, а не орденом.

В действительности очень сложно разграничить понятия «орден», «братство» и «рыцарское сообщество» (devise), но различия между ними в средневековом обществе были очень существенными. Светские рыцарские объединения, не считая самых свободных союзов, не имевших устава и четких границ, можно условно разделить на три группы: придворные (куриальные) ордена, демократические (вотальные) ордена и братства.

К куриальным орденам можно отнести те объединения, которые, кроме того что имели устав и проводили общие собрания, еще находились под покровительством правителя или сеньора, а также его наследников. Вотальными орденами можно назвать объединения, связанные каким-либо обетом, основной задачей которых являлось его выполнение. Такие ордена были временными и имели общие черты с турнирными сообществами. К рыцарским братствам по этой классификации относятся те объединения, которые сами избирали свое руководство и не пользовались покровительством сюзерена.

Хотя такую классификацию нельзя признать совершенно точной, она имеет некоторые преимущества, позволяя различать рыцарские союзы в зависимости от целей, которые преследовались при их основании.

При ближайшем рассмотрении оказывается, что многие куриальные ордена создавались с политическими и пропагандистскими целями. Например, Эдуард III основал орден Подвязки прежде всего для того, чтобы оправдать и возвеличить тяжелую и нескончаемую войну, которую он вел с Францией, представить ее как прекрасные рыцарские приключения, к которым и должны стремиться все благородные воины.

Верность сюзерену особо подчеркивалась уставами куриальных орденов. Так, в уставе ордена Золотого руна записано, что его члены не имеют права состоять ни в каком другом ордене или братстве, поскольку обязаны верно служить только одному господину.

Во многих орденах требовалось, чтобы рыцарь, который в силу неких обстоятельств не может сохранить верность сюзерену, вернул орденские эмблемы. Устав ордена Ленты так говорит о верности: «Это одна из величайших добродетелей, свойственных человеку и тем более рыцарю, ибо рыцарь обязан всегда и во всем быть преданным, во-первых, своему господину, а во-вторых — той, чей образ он хранит в своем сердце».

Ордена, которые можно назвать вотальными, более всего стремились к поддержанию рыцарского образа жизни, неотъемлемой частью которого были рыцарские турниры и куртуазная любовь.

Особенно примечателен орден Оков. Шестнадцать знатных рыцарей на два года связали себя клятвой, что каждое воскресенье будут носить орденский знак в виде золотых оков, пока каждый из них не найдет себе достойного противника, принявшего вызов на поединок не на жизнь, а на смерть. Среди других обетов этого ордена были обет братской дружбы и обязательство сделать щедрые пожертвования часовне Пресвятой Богородицы, где в течение двух лет должна непрерывно гореть свеча в подсвечнике, выполненном в форме оков узника.

Турниры также были основным занятием рыцарских братств. Однако братства были не такими недолговечными, как вотальные ордена, но все же являлись временными институтами, создававшимися на определенное количество лет.

Каждое братство выбирало свое руководство — «короля» и «министров». Они были судьями во время турниров, и после каждого турнира следовало избирать нового «короля». В братства принимались только рыца-

ри с безупречной репутацией; отлученные от церкви, унизившие себя браком с женщиной неблагородного происхождения, а также те, кто опорочил честь дамы, не могли вступить в такой союз. Братства, по сути, представляли собой аристократические объединения, оказывавшие влияние на все сферы жизни общества, хотя создавались они ради турниров. Особенно влиятельны были такие братства в Германии.

В Южной Германии после падения дома Гогенштауфенов и распада империи сложилась ситуация, способствовавшая усилению влияния братств. Знать вынуждена была защищать свою независимость и привилегии от представителей королевских династий. Помощь в этом смогли предоставить рыцарские братства, благодаря им высшее привилегированное сословие смогло обеспечить себе определенную безопасность и устойчивость. В результате такие объединения приобрели на территории Германии существенный политический вес.

Создание рыцарских орденов преследовало вполне прагматические цели: набор воинов, поиски союзников, укрепление верности сюзерену, развитие турниров, поддерживающих исключительность благородного сословия. Но политические и социальные цели казались гораздо более привлекательными, когда им придавали романтическую окраску и свойственный рыцарству блеск. Этой цели служили пышные церемонии и ритуалы, а также обращение к популярным в Средневековье псевдоисторическим сюжетам — таким, как произведения Артура цикла. Рыцари Круглого стола при дворе короля Артура стали литературным прообразом рыцарских орденов. Например, орден Подвязки явно был создан по образу и подобию мифического Круглого стола.

Другим литературно-мифологическим прообразом рыцарских орденов был Вольный чертог, где якобы также стоял круглый стол из слоновой кости, за которым могли разместиться триста рыцарей, и сам Господь назвал

имена тех, кому принадлежали места за столом. По образу рыцарей Вольного чертога были созданы орден Звезды и орден Узла.

Литературные образцы позволяли создать внешнее оформление рыцарского ордена, но, кроме этого, они придавали большое значение законам и традициям такого сообщества. Для светских орденов характерно было следование идеалам куртуазной любви и активное участие в истинно рыцарских развлечениях. Именно в этих сферах жизни особенно проявлялись блеск и романтика рыцарства. Создатели рыцарских орденов стремились к тому, чтобы учрежденные ими институты рассматривались как элитные сообщества внутри рыцарского сообщества, поэтому следование рыцарским идеалам в таких союзах имело огромное значение.

Связь орденов с рыцарской идеологией и культурой проявлялась в подчеркивании христианского значения рыцарских союзов. Этим объясняются пышные религиозные церемонии, устраиваемые братствами, щедрая финансовая поддержка церквей, дорогие заупокойные мессы по умершим братьям. Многие уставы орденов придавали большое значение священной войне.

Некоторые светские ордена, например орден Меча, очень напоминали ордена крестоносцев. Светские рыцарские объединения часто принимали самое деятельное участие в Крестовых походах.

В позднее Средневековье, когда знать уже не особенно стремилась пройти обряд посвящения в рыцари, рыцарские ордена, связывающие своих членов торжественной клятвой, сопровождаемой особым обрядом, сохраняли представление о высоком предназначении рыцарства.

Стремление к элитарности выражалось также в том, что практически все куриальные ордена принимали только рыцарей знатного происхождения, часто требуя от неопита назвать рыцарей в нескольких поколениях своих

предков. Кроме того, уставы многих орденов оговаривали, что принимаемый в орден должен предварительно пройти обряд посвящения в рыцари. Иными словами, светские ордена представляли собой аристократические союзы, ставящие во главу угла традиционные идеалы рыцарства. Несмотря на ограничения доступа в ордена по критериям знатности, вне зависимости от происхождения или богатства того или иного рыцаря все члены ордена были равны. В идеалах равенства всех членов братства отчетливо заметно влияние сюжета о короле Артуре и рыцарях Круглого стола.

Рыцарские ордена стремились следовать также идеалам воинской этики. Орденские знаки отличия были предназначены прежде всего для того, чтобы носить их в бою и на турнирах. Под верностью понималась преданность рыцаря не только сюзерену, но и своим товарищам по оружию. Трусость и предательство считались в орденах самыми тяжкими преступлениями. В основе идеологии светских орденов лежало прославление воинской доблести как высшего достоинства рыцаря.

Помпезность, показной блеск, пышные церемонии, чрезмерный интерес к символике, характерные для светских орденов, преследовали определенные цели. Основной ценностью этих организаций была слава, добытая рыцарем своей доблестью, а различные обряды, эмблемы, знаки отличия и церемонии служили для пропаганды этой идеи, делая ее более привлекательной. Рыцарская система ценностей нуждалась в красивом внешнем оформлении.

Внешние формы рыцарства

Средневековых рыцарей нередко упрекали во внимании к внешним проявлениям «рыцарственности»: пышным процессиям, богатым одеждам и кричащим

эмблемам. Многие полагали, что таким образом утрачивалась истинная система ценностей, свойственная рыцарям.

Однако эта точка зрения не совсем правильна, поскольку любовь к роскоши и пышным ритуалам не обязательно влекла за собой утрату рыцарских ценностей и веры в добродетель. Турниры и поединки позднего Средневековья поддерживали традиции рыцарства XIII века; наглядно это было видно в описании костюмированных турниров XV века, которые превращались из военно-спортивных соревнований в театрализованные представления.

Наиболее показательным примером костюмированного состязания стал известный современникам «Поединок у Фонтана слез». Это соревнование состоялось в Шалон-сюр-Сон в 1450 году.

Основное внимание зрителей привлекала фигура рыцаря Жака де Лалена, олицетворявшая все бургундское рыцарство того периода. Он происходил из знатного рода, его предок сражался в войске Людовика Святого во время Крестовых походов. Первоначально Жак де Лален служил у герцога Клевского, позднее — у герцога Бургундского Филиппа Доброго. Он рано стал принимать участие в рыцарских поединках. Заветной мечтой рыцаря было одержать тридцать побед к своему тридцатилетию.

Будучи еще совсем молодым, Жак де Лален сражался на поединке с доном Диего де Гусманом в присутствии короля Кастилии и с сэром Джеймсом Дугласом, когда почетным гостем турнира был король Шотландский. Во время поединка, на котором находился французский король, Жак де Лален украсил себя знаками внимания сразу от двух знатных дам — герцогинь Орлеана и Калабрии. На шлем рыцарь повязал платок одной и прикрепил перчатку другой. Дамы были покорены мужеством и благородством Жака.

К моменту «Поединка у Фонтана слез» де Лален уже одержал победы в более чем тридцати сражениях. Он вступил в орден Золотого руна, а позднее сражался в гетской войне 1453 года. Жак завоевал «главный приз за победу в неожиданной стычке с врагом». Жизнь рыцаря была прервана весьма неожиданно: во время осады Пуке пушечное ядро попало в окоп, где находился Жак де Лален, и ему оторвало голову.

За пять лет до своей смерти Жак де Лален подписал условия костюмированного представления «Поединок у Фонтана слез». По замыслу, представление должно было проходить на реке Соне, на острове Сен-Лоран около Шалона.

Для этой цели был специально возведен павильон с изображением над ним Пресвятой Богородицы. Впереди сооружения стоял единорог, рядом с ним восседала девушка с распущенными волосами и омытым слезами лицом. Естественно, единорог и девушка не были настоящими. Около павильона первый день каждого месяца должен был стоять на посту герольд. Щиты на шее единорога были трех цветов: белого, фиолетового и черного. Если кто-то хотел вызвать Жака де Лалена на поединок и сражаться с ним на топорах, то он дотрагивался до белого щита. Если противник предпочитал драться на мечах, то касался фиолетового, а если хотел провести двадцать пять боев на копьях, то выбирал черный цвет.

Как только рыцарь дотрагивался до какого-то из щитов, герольд заносил его данные в список и выяснял происхождение претендента на поединок. После этого объявлялось время турнира и место его проведения.

Противник, хорошо зарекомендовавший себя в борьбе на топорах, получал приз в виде позолоченного топора; позолоченный меч и копье ожидали победителей в других видах сражения. Тот, кто проигрывал в поединке на топорах, обязывался в течение целого года

носить браслет в виде оков, до тех пор пока не отыщется дама, которая смогла бы открыть их своим ключом. Подобные наказания ждали проигравших в других поединках.

«Поединок у Фонтана слез» впервые был открыт 1 ноября 1449 года и длился в течение одиннадцати месяцев. В одном из таких турниров Жак де Лален победил очень известного рыцаря Жана де Бонифаса. По правилам рыцарского кодекса подобные поединки завершались большим пиром, на котором вручали награды победителям.

Аналогичные поединки имели место в турнирах XIII века в Хеме и Шованси. Однако есть и существенные различия: менестрели в раннем Средневековье описывали турниры стихами, а в XV веке — прозой.

В XIII веке турнир длился неделю, а театрализованный поединок в XV веке продолжался целый год.

В раннем Средневековье рыцаря могли серьезно ранить или даже убить, а в позднем были исключены все несчастные происшествия.

Для XV века характерной особенностью являлось знакомство с родословной противника. Так, сражавшиеся сначала узнавали гербы и символику друг друга, в то время как в XIII веке не обязательно

было знать настоящие имена участников — зачастую в турнирах соревновались *chevalier mesconnu* (неизвестные рыцари).

Исследователи не выяснили, что за история лежала в основе «Поединка у Фонтана слез» и кем была девушка, сидящая перед павильоном. Непонятно было, какая роль отводилась во всей истории единорогу, помимо олицетворения чистоты. Задача рыцаря состояла

Гарда меча XII век

в том, чтобы утешить плачущую девицу и защитить ее от возможных преследователей.

Таким образом, в основу театрализованного представления XV века было положено некое драматическое начало. В этом и заключалось еще одно существенное различие позднего и раннего Средневековья.

Необходимо отметить, что поединки, подобные тем, которые ставил де Лален, не были единичными. Широко известны театрализованные турниры XV–XVI веков: «Древо Карла Великого» (1443), «Опасный утес» (1445), «Пастушка» (1449), «Прекрасная мавританка» (1454), «Золотое дерево» (1468).

Данные представления использовали многие литературные источники. Например, «Пастушка», поставленная в 1449 году в Тарасконе Рене Анжуйским, была оформлена на основе пасторальных произведений. Помещение для зрителей было похоже на тростниковую хижину, в одном из углов ристалища находилась пастушка, двое рыцарей-пастушков бросали, добиваясь благосклонности девицы, перчатку.

Поединок под названием «Дикарка», устроенный Антуаном Бургундским, напоминал примитивную жизнь дикарей. Представление было сделано в форме аллегии, которая получила большую известность благодаря «Роману о Розе». Героя этой аллегии вылечила от ран девушка-дикарка.

Излюбленным театрализованным турниром рыцарей XV века стало представление на тему Артурова Круглого стола и каролингского прошлого. Участники этого своеобразного спектакля с удовольствием играли в рыцарей короля Артура. Представление чаще всего проходило в лесу, недалеко от замка. Наиболее грандиозным был турнир под названием «Приключения». Каждому из участников этого соревнования подбирали соответствующий герб одного из рыцарей короля Артура. Они были одеты в доспехи той знаменитой эпохи. Во время

странствий рыцаря в поисках противника его обязательно сопровождали карлик и девица. Все представления были обставлены с особой роскошью. Участники спектакля стремились к точному воспроизведению реальных действий. Показной блеск рыцарей этого времени наводил многих исследователей на мысль, что в позднее Средневековье система рыцарских ценностей была уже утрачена воинским сословием, отошедшим от самой сути рыцарства.

В позднем Средневековье еще действовали так называемые судебные поединки. Они допускались как последнее средство для восстановления справедливости, когда остальные способы расследования были исчерпаны. В проведении судебного турнира большое внимание уделяли специальному ристалищу. Такой поединок по своей форме напоминал обыкновенный рыцарский турнир.

Основным элементом рыцарского турнира был так называемый реггон, что в переводе обозначало «искусственное возвышение». Его нередко располагали возле «древа рыцарства». Это возвышение было тесно связано с ритуалом вызова на поединок: на нем помещались щиты, которых должен был коснуться рыцарь, бросающий вызов.

Подобный ритуал вызова на поединок нашел свое отражение в литературных произведениях. Примером служил роман Кретьена де Труа «Ивейн». В произведении описывался волшебный источник в лесу Броселианде, находившийся рядом с необычным деревом. К этому дереву и были направлены Калогренат, а за ним и Ивейн. Рядом с деревом стоял сосуд, куда собиралась вода из источника, и реггон. Рыцари вылили воду из сосуда на этот реггон, и тут началась буря. Птицы, испугавшись ветра, расселись на ветвях дерева. Неожиданно появился разгневанный рыцарь и вызвал Калогрената и Ивейна на поединок.

Упоминание о реггон нашло свое отражение во многих литературных произведениях того времени, а позднее стало неотъемлемой частью рыцарского ритуала вызова на поединок. Однако это действо не играло основной роли в турнире, скорее всего, это были чистые театральные эффекты.

С течением времени рыцарские турниры превратились в театрализованные представления и почти полностью отошли от военной деятельности рыцарей. В позднем Средневековье большое внимание уделялось мерам безопасности при поединке, что уменьшало риск участников турнира и в то же время отдаляло их от боевого сражения. Были сделаны барьеры, препятствующие столкновению в поединке на конях.

Все большее распространение получало затупленное оружие или оружие, на концы которого прикрепляли специальные «коронки». Одновременно с этими нововведениями развивалась и традиция использования на поединках индивидуальных гербовых щитов с изображениями, отличающимися от гербов «для войны». Для участия в театрализованных представлениях использовались специальные шлемы — «лягушачий рот». Если рыцарь надевал такой шлем, то он видел, только когда был наклонен немного вперед, то есть перед ударом. После удара он выпрямлялся, и шлем полностью прикрывал его глаза, предохраняя их от повреждений.

Естественно, что такие меры защиты использовались только в спектаклях или представлениях. Во время войны в них не было смысла, и они не столько защищали, сколько мешали видеть происходящее вокруг.

Рыцарские представления стали довольно дорогими, поэтому они оказались закрытыми для бедных молодых рыцарей. Большое внимание уделяли родовитости участников поединков. Организаторы турниров основной задачей представлений видели их зрелищность и реалистичность.

Нельзя однозначно утверждать, что с потерей значения рыцарских турниров исчезла вся система рыцарских ценностей. Много положительного было в театрализованных представлениях. Ярким примером служила групповая подготовка молодых воинов. Рыцари тренировались управлять конем, использовать оружие в поединке и в бою. Участники одной группы чаще всего вместе выступали в представлениях и сражались на поле битвы. Нередко герои театрализованных представлений становились героями войн.

Примером служил Баярд, ставший известным современникам как «рыцарь без страха и упрека». Он прославился в сражениях во время итальянских войн начала XVI века. Однако известно, что Баярд блестяще владел оружием благодаря участию в театрализованных представлениях. Впервые он выступил в подобных спектаклях в восемнадцать лет. Баярд сражался с опытным противником и не отступил. В XVI веке рыцарей, которые принимали участие в турнирах и сражались на войне, было немало: Жан де Бусико, Галеаццо ди Мантуа, Потон де Ксантрай, Пьер де Брезе.

Во многих литературных произведениях, посвященных рыцарству, описывались различные правила проведения поединков, турниров и дуэлей. В большинстве своем они отражали реальный рыцарский устав Средневековья.

Практически все крупные города Нидерландов имели свои турнирные союзы: Валансьен, Брюгге, Турнэ, Лилль. На рыцарских соревнованиях в Лилле победителю вручали награду в виде золотого ястреба-перепелятника. Пирь, которые следовали за турнирами, нередко посещали известные люди и правители: Жан де Ваврен, Луи де Грютхейзе, Филипп Добрый. Они даже сражались с победителями. Кастовая принадлежность не имела значения. Знаменитые пирь Espinette были роскошными и очень дорого обходились их организаторам. Фи-

липп Добрый издал специальный указ для сбора денег, которые шли на эти соревнования или были наградой победителю турнира.

Новый налог вызывал возмущение простого населения. Однако это не прекратило поединки, а, наоборот, подогрело интерес к ним. Нередко между городами шло соперничество за право проведения турнира.

В Германии подобные поединки устраивала специальная организация. В стране не было средств для проведения роскошных турниров, но, несмотря на это, они вызывали большой интерес со стороны знатных людей страны. Наибольшей популярностью в Германии пользовались групповые и смешанные состязания.

Участвовавшая в соревнованиях знать нередко спешиво относилась к противникам менее знатным. Были известны случаи, когда соревнующийся одалживал коня и доспехи у других участников турнира. Многие германские рыцари владели жалкое существование. Они не могли позволить себе устроить грандиозные поединки, подобные тем, которые устраивал Жак де Лален. Присутствующие дамы также были ограничены уставом в выборе одежды: нельзя было одеваться очень роскошно. Это сделали с целью избавить менее состоятельных женщин от чувства неловкости.

Очень часто рыцарь не имел права участвовать в турнире из-за своего низкого происхождения. Обязательным условием поединка была демонстрация шлемовых эмблем перед самым состязанием. Это являлось своеобразной экскурсией в мир немецкой геральдики и генеалогии. Нередко в перерыве между турнирами у участников поединков проверяли фамильные гербы.

На турниры не допускались рыцари, если они были замечены в осквернении церкви или были отлучены от нее, если они опорочили женщину или оскорбили ее честь, если они были виновны в преднамеренном убийстве, если нарушили данную клятву или поручитель-

ство, если они дезертировали с поля боя, если потерпели поражение в поединке чести, если они были поджигателями или капитанами вольных отрядов.

Эти положения были занесены в рыцарский устав. Они являлись серьезным напоминанием рыцарям о кодексе чести. В XVI веке наибольшее внимание придавалось рыцарским обрядам, а не стремлению подражать героям прошлого и их подвигам.

В позднем Средневековье немало внимания уделялось торжественным обетам, которые участники турниров давали перед началом поединка. Они клялись совершить различные подвиги. Иногда практиковались и коллективные обеты. Это было в том случае, если рыцари были членами какого-то ордена. Подобные обеты давали и отдельные рыцари; они нередко использовали такой символ, как «оковы узника».

Наиболее изощренные рыцарские обеты относились к турнирам и нередко носили эротический характер. «Оковы узника» являлись символом любви дамы к рыцарю. Существовали обеты, которые рыцари приносили на поле брани. Например, герой поэмы Томаса Грея «Scalacronica» Вильям Мармион поклялся своей возлюбленной не снимать подаренный ею шлем до тех пор, пока он не совершит какой-нибудь подвиг. Рыцарь был вынужден совершить подвиг и вскоре простился с жизнью. Этот пример наглядно доказывает взаимосвязь турнирных и военных ритуалов.

Большой популярностью пользовалась история Фруссара о молодых англичанах, которые во время турнира закрывали один глаз повязкой в честь данного им обета. В этом произведении прослеживаются мотивы известной поэмы Жана де Бомона «Обет цапли», в которой рассказывается, как перед началом Столетней войны на пиру королю Эдуарду III и его рыцарям подали цаплю. Все присутствующие клялись этой птицей совершить на поле битвы различные подвиги. Когда

очередь дошла до графа Солсберийского, то он попросил свою прекрасную супругу леди Джоан закрыть ему один глаз ладонью. Он поклялся, что его глаз останется закрытым до тех пор, пока он не окажется во Франции и не начнется война.

Клятва на птице входила в официальный рыцарский ритуал и имела лотарингские корни. Этот ритуал был описан и в книге Жана де Лонгийона «Роман об Александре». В произведении автор подробно рассказал о разнообразных обетах и клятвах, которые давали рыцари Александра над павлином, поданным на пиру во время осады Эфеса.

Очень знамениты рыцарские обеты участников пира Фазана в Лилле в 1453 году. Король герольдов ордена Золотого руна Туасон д'Ор подал живую птицу с золотистым воротником вокруг шеи.

На празднике огромное внимание было уделено организации всего пира. Перед застольем состоялся рыцарский поединок Адольфа Клевского, наряженного рыцарем-лебедem, со всеми желающими по очереди. Во время пира великан, одетый как сарацин из Гренады, ввел в зал слона, на котором сидела плачущая девушка, олицетворявшая собой святую церковь. После просьбы девушки помочь ей вошел король герольдов и внес фазана. Участники пира принесли обеты, которые отличались особой оригинальностью. Например, рыцари клялись не надевать лат, не спать в постели, не есть сидя до тех пор, пока не совершат подвиг. Все клятвы были записаны в геральдический свиток ордена Золотого руна.

Обеты бургундских рыцарей, которые они давали в Лилле в 1454 году, были похожи на личные. Некоторые из них напоминали религиозные обеты: поститься, произносить определенные молитвы, совершать паломничества в святые места и т. п. В уставах прочих орденов религиозные обеты не занимали центральное место, а были составляющей частью других клятв.

Многие рыцари совершали подвиги во имя славы своей страны и прекрасной дамы, остальных же влекло желание получше выпить и закусить на пиру.

Нельзя в точности определить, какой смысл вкладывали рыцари в клятву на птице. Скорее всего, ритуал имел литературные корни и являлся элементом театрального действия.

Многие обеты рыцарей носили всю серьезность намерений, которую они вкладывали в свои клятвы. Однако были и такие обеты, которые скорее составляли часть продуманного представления. Например, Филипп Добрый со своими рыцарями не отправился в Крестовый поход, а значит, клятвы, даваемые им на празднике фазана, не были выполнены. Основной целью театральных действий, проводимых на пирах и турнирах, была демонстрация важности благородной профессии воина и его боевой выучки. Призыв к прошлым доблестным подвигам свидетельствовал о серьезном подходе к тем целям, которые стояли перед рыцарством.

Рыцари позднего Средневековья старались приукрасить свою деятельность. Они нередко подражали героям прошлого, но это подражание иногда доходило до вульгарности и позирования. В XV веке ритуалы и обряды играли огромную роль и являлись способом выражения важных общественных обязанностей представителей различных слоев общества.

Рыцарство и война

Эпоха Средневековья отличалась бесконечными жестокими междоусобными войнами. Боевые действия того времени оставили неизгладимый след в виде разрушенных замков, крепостей и городских стен.

Рыцарство — это не просто красивое слово, это прежде всего честь, отвага, достоинство. Уходя в странствия,

рыцари подвергались различным опасностям. Несмотря на то, что герои были облачены в прочные доспехи, защищавшие их от удара меча или стрелы арбалета, несмотря на редкость грандиозных сражений (сами военачальники старались избегать столкновения с врагом лицом к лицу), рыцари не могли оставаться полностью неуязвимыми.

В период Крестовых походов византийцев и мусульман особенно потрясли облачения французских воинов. Мусульмане, увидев рыцарей в блестящих доспехах, называли их железными людьми. Очевидец битвы на Тивериадском озере в 1187 году писал об участниках сражения: «И были они с головы до ног закованы в некий панцирь, сделанный из множества железных колец, и эти кольца, переплетаясь, обеспечивали им столь прочную защиту, что удары от них просто отскакивали».

В конце XIV века мастерство кузнецов возросло настолько, что очень скоро в обиход вошел цельнокованный, так называемый дощатый, доспех, который обеспечивал воину большую подвижность. На смену тяжелому шлему пришел более удобный шлем с забралом — базинет. Зачастую воин по прошествии нескольких часов боевых действий уставал от непомерной тяжести на плечах и становился менее подвижным, что делало его уязвимым для врага (часто обессиленный рыцарь оказывался захваченным противником). Умереть в бою было честью для воина, попасть в плен не

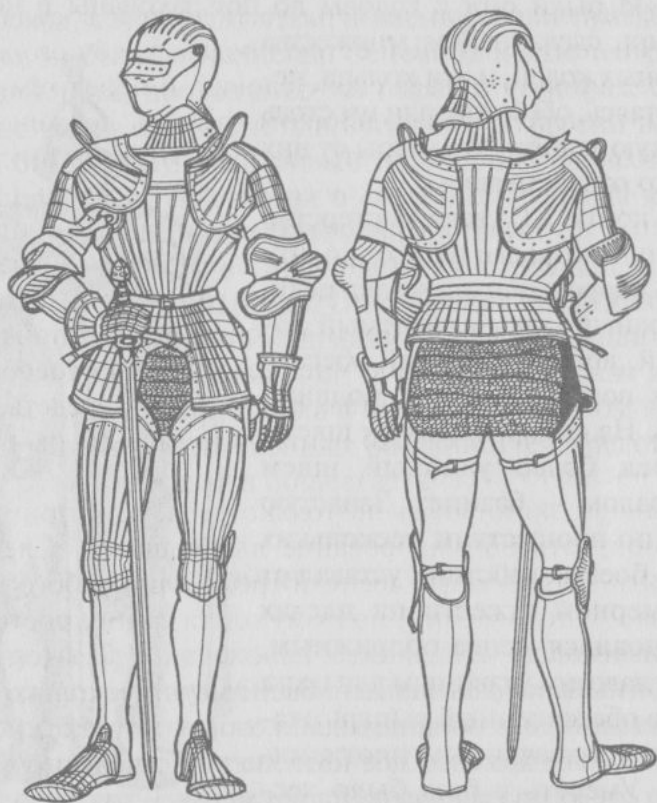
Рыцарь в доспехах

считалось большим бесчестьем, бегство же с поля боя жестоко каралось со стороны рыцарского братства.

Плененный рыцарь не изгонялся из общества, но его семье приходилось платить огромный выкуп, который мог разорить родственников и заставить самого воина залезть в долги, продать или заложить свое имущество.

Еще одной проблемой для рыцарей были болезни. Нередко осада города длилась несколько недель и даже месяцев. Находясь далеко от дома, люди подвергались опасностям, болезни настигали любого и не щадили никого. Известны случаи, когда рыцари умирали, не

Максимилиановский доспех

успев показать себя в ратном бою, — их пожирала болезнь. Но, если войска все же сходились на поле битвы, риск быть убитым увеличивался вдвое.

Имеется распространенная точка зрения, что боевые действия были практически безопасными для рыцарей, однако в исторических хрониках Средневековья находятся свидетельства, которые приводят ужасающие цифры погибших. Прославиться мог лишь тот, кто заслужил эту славу себе тяжелым трудом перед лицом настоящих опасностей.

Кроме служения рыцарскому ордену, каждый воин подчинялся своему господину. Когда средневековый воин становился под знамена господина и военачальника, он тем самым полностью предавал себя его воле.

Традиция диктовала свои условия, и перед тем, как предстать перед военачальником, рыцарь должен был полностью себя экипировать. Например, указы английских королей XII—XIII веков содержали перечень определенных требований к снаряжению, которое, в соответствии с доходом каждого конкретного воина, обязаны были иметь и содержать в боевой готовности подданные короля, так как их могли в любой момент призвать на службу. Общественное мнение являлось своеобразным возмещением вложенных в экипировку средств, поскольку оно очень высоко ценило стремление рыцарей нести военную службу.

Рыцарь экипировал не только себя, ему приходилось покупать обмундирование для лошадей. Следует отметить, что военные доспехи требовали особого мастерства в изготовлении, поэтому плата за них постоянно повышалась.

Конный рыцарь должен был иметь несколько лошадей (причем особой породы, которая могла бы нести на себе не только свои доспехи, но и облаченного в железо воина): прежде всего пару сменных для себя, несколько для оруженосцев и прочего сопровождения.

Традиция возлагать обязанности по экипировке на самого рыцаря имеет вполне реальные социальные и политические причины. Самой важной из них было то, что государство в то время, когда налогообложение еще находилось в зачаточном состоянии, не могло содержать за свой счет армию.

Состав средневекового войска был временным, и поэтому чем опытнее были воины, тем выше был престиж командира и военачальника. Светская власть стремилась пробудить в молодых людях честолюбие и привлечь их к военной службе. Воин жаждал подвигов, походов в далекие страны и боевых приключений.

Рыцарь, посвятивший свою жизнь служению, сразу становился непревзойденным образцом для памятников рыцарской литературы.

В произведениях описывались, как правило, благородные рыцари, однако не всегда они оказывались на самом деле таковыми. Войско зачастую оставляло после себя горы трупов мирных жителей, разрушенные города, пепелища. Командование мог взять на себя только опытный военачальник. Управлять обезумевшей в пылу сражения толпой было очень трудно, предотвратить мародерство — еще труднее.

Подобные трудности объяснялись двумя причинами. Во-первых, как уже говорилось выше, обязанности по экипировке лежали на самом воине, а доспехи стоили отнюдь не дешево. (Согласно средневековой традиции, добытые в бою доспехи по праву считались достоянием победителя.) Вторая причина тесно связана с первой: из-за высокой стоимости войн правители предпочитали использовать наемников, обязательства перед которыми завершались с окончанием военной кампании.

Враждующие между собой правители очень часто под личиной рыцарских походов собирали целые армии наемников, не имевших обмундирования. Его они добывали в боевых действиях — снимали с убитых ими вои-

нов. Командир такого войска составлял договор со своими подчиненными, в котором содержалось условие, что оплата за участие в походе будет произведена после окончания военных действий.

Отнюдь не всегда военачальники поступали в соответствии с договором. Расплатиться с войском и распустить его в Средневековье означало совсем не одно и то же, тем более что снаряжение воинов было их собственностью. У командующего не было другого выхода, кроме как оставить все как есть, вследствие этого армии наемников выходили из-под контроля нанимавшего их ранее. Чтобы добыть какие-то деньги, наемники подвергали грабежам целые провинции. Действия наемников были антиподом тому, за что ратовало настоящее рыцарство, — благочестивой жизни, защите слабых, вдов, сирот и бедняков.

Современники порицали рыцарей и знать за осуществляемые ими чудовищные грабежи во время военных походов, прямо осуждали их за несоблюдение аскетичной дисциплины и законов, которые были свойственны, по их мнению, традициям рыцарства былых времен. Кроме того, рыцари обвинялись в отступлении от благородного образа жизни, в экстравагантности, невежественности, в суетности и тщеславии, в любви к роскоши и в постоянных поисках средств для покрытия чрезмерных и зачастую бессмысленных расходов. Подобные нападки постепенно вели к потере доверия к рыцарской системе ценностей.

Рыцарские романы пропагандировали тему борьбы истинного рыцарства против рыцарства наносного. Жестоко осуждались так называемые черные рыцари — грабители и разбойники. В позднем Средневековье такая литературная борьба стала неотъемлемой частью рыцарских идеалов, а критики отступничество от рыцарских идеалов и склонность к мародерству и роскоши противопоставляли дисциплинированности и бла-

гочестию былых героев. Несмотря на такие суровые отклики о рыцарской культуре, вера в старинную систему ценностей не была утрачена. Возрождение настоящего рыцарства, всецело посвятившего себя выполнению своей традиционной задачи — защите слабых и обездоленных, представлялось самым действенным способом борьбы с рыцарством ненастоящим.

Как ни парадоксально, но возмущение рыцарства против оскорблений и унижений служило источником его жизненной силы.

Завершение рыцарской эпохи

Эпоха становления и расцвета рыцарства относится приблизительно к 1100–1500 годам н. э. Спад в развитии рыцарской культуры к концу этого периода еще не проявился в полной мере. Напротив, в Англии в начале правления Тюдоров и во Франции рыцарство переживало небывалый подъем. По желанию Франциска I, его посвящение в рыцари проводил знаменитый «рыцарь без страха и упрека» — Баярд.

Несколько позже короли Франциск и Генрих VIII прославились как великие мастера рыцарских поединков, зачастую устраивавшихся на территории их замков. В Германской империи наследник австрийского престола Максимилиан называл себя странствующим рыцарем и не скрывал своей страсти к рыцарским турнирам. Его внук Филипп II Испанский стал одним из самых известных героев бургундских праздников XV века.

В литературе этого периода огромное место принадлежит рыцарским романам и таким «учебникам рыцарства», как трактаты Рамона Луллия. В несколько обновленном виде мода на рыцарские романы сохранилась и в XVI веке. Наиболее известным произведением того времени по праву считается роман об Амадисе

Галльском, 12 частей которого вышли в Испании с 1500 по 1546 год. Однако, несмотря на внешнее благополучие рыцарства эпохи Ренессанса, имелся целый ряд причин, позволяющих сделать вывод, что примерно к 1500 году обозначились явные признаки упадка рыцарства и рыцарской культуры.

Первым и основным признаком было то, что вновь образованные ордена — такие, как орден Святого Духа, учрежденный французским королем Генрихом III, — уже не несли никаких новых идей, а лишь поддерживали традиции, сложившиеся в других рыцарских орденах.

В 1550 году в Блуа прошел рыцарский турнир, участники которого были одеты в духе произведений Маттео Марии Боярдо (1441–1494) и Лодовико Ариосто (1474–1533). Рыцарство становилось не столько идеей, сколько исторически сложившейся культурой. Каковы же были причины перемен?

Термином «рыцарство» принято называть не только кодекс чести, но и культуру воинского сословия, которое считало участие в военных действиях своей основной профессией.

Однако под воздействием ряда причин и весьма важных событий в начале XVI века в этой профессии произошли радикальные перемены. Во-первых, изменилась оплата за военную службу. Во-вторых, совершенствовалась тактика и военная техника. И в-третьих, активную позицию в стране заняли государственные и королевские фискальные органы. Совокупность этих преобразований и привела к тому, что процесс упадка рыцарства стал носить необратимый характер.

По сравнению с серединой XV века, армии конца XV — начала XVI века стали более мощными и оснащенными. Самыми развитыми родами войск стали артиллерия и пехота. С каждым годом увеличивалась их численность, совершенствовались тактические и стратегические приемы. К концу правления герцога Бур-

гундского Карла Смелого в его армии на одного кавалериста приходилось три лучника, три пикинера и три мушкетера.

Французская армия в конце XV века также была усилена освобожденными от налогов лучниками и отрядами наемных швейцарских и немецких *Lansknecchts*. Таким образом, даже понятие «сражаться по-рыцарски» к концу XV века стало носить совершенно иной смысл, нежели в эпоху расцвета рыцарства.

Идеал странствующего рыцаря с каждым годом терял свой загадочно-таинственный ореол и уступал место идеалу офицера и джентльмена. Большинство правил, входивших в кодекс чести шевалье, стали основой для составления кодекса чести офицерства.

Однако, несмотря на сходство, офицерство и рыцарство имели целый ряд существенных различий. Например, место службы офицера было определено командованием более четко как в плане боевых действий, так и в плане общественного управления. Свой пост в армии офицер занимал не в соответствии с титулом, а по назначению вышестоящего командира. Кроме того, перед военнотружущим всегда стояла проблема материального обеспечения, так как из королевской казны на армейские нужды во все времена тратились самые мизерные средства.

Чтобы как-то увеличить жалование военным, правительство поднимало государственные налоги. Однако взимаемые с народа деньги не могли в полной мере покрыть расходы государства, связанные с ведением военных действий. Тем более в сложившейся ситуации содержание относительно боеспособной армии стало не по силам кошельку отдельно взятого дворянина.

Огромное значение для ведения боевых действий в XV веке стала иметь артиллерия. К примеру, использование артиллерии в конце Столетней войны стало решающим фактором, позволившим французам одержать

победу. Помимо увеличения числа пушек, в новой армии возникла потребность в людях, способных грамотно управляться со столь грозным оружием. В ряду военных наук начала развиваться новая дисциплина, состоящая из правил размещения артиллерийских орудий, обустройства сети связывающих орудия траншей и выбора оптимальных условий для ведения залпового огня по войскам противника на марше.

Набирающая силу артиллерия не встретила никакого сопротивления у рыцарства. Более того, пушки стали украшаться фамильными гербами, девизами, а также различными резными украшениями и надписями. Некоторые пушки получали имена. Например, в армии Людовика XI были пушки Ла Гира, Барбасана и Флави. Знаменитый поклонник рыцарских турниров Луи де ла Грютхейзе для своей личной эмблемы выбрал бомбарду, на которой был начертан девиз: «Еще для вас?». Многие рыцари впоследствии стали профессиональными артиллеристами, а лучшие артиллеристы получали рыцарский титул.

В 40-е годы XV века французский король Карл VII претворил в жизнь давно забытое королевское право на личное командование государственными войсками и из представителей благородных фамилий создал королевские роты, которые впоследствии должны были стать основой постоянной французской армии.

По примеру Франции в 1473 году Карл Смелый издал ордонанс, описывающий основы создания постоянной армии Бургундии.

На первых этапах формирования постоянных армий большинство простого населения не понимало всей важности профессиональной подготовки и постоянного содержания войск огромной численности. Подданные Карла VII были искренне уверены в том, что после окончания войны с Англией король распустит армию и уменьшит размер взимаемых налогов. Однако ожидания не

оправдались, армия распущена не была, и налог на содержание армии стал постоянным. Это помогло упорядочить систему налогообложения, более эффективно контролировать вооруженные силы и установить монопольное право монарха на содержание армии.

По отношению к рыцарству подобная перемена имела огромное значение. В сложившейся ситуации благородное происхождение и наличие собственного герба уже не служили тем пропуском, который позволял называть себя воином. Представителем вооруженных сил считался только тот человек, фамилия которого была внесена в список какого-либо конкретного воинского подразделения.

Если в эпоху Средневековья при угрозе нападения вражеских войск правители были вынуждены собирать ополчение и мобилизовывать все возможные силы государства, то после создания постоянной армии их основная функция заключалась в обеспечении непрерывной боеготовности военных подразделений.

Одним из внешних признаков изменений, происходящих в устройстве вооруженных сил, стало то, что на полях сражения все реже можно было встретить рыцарские эмблемы и гербы. Геральдические изображения становились не столько опознавательными знаками рыцарских фамилий, сколько символами определенных родов войск или подразделений.

Не менее важную роль в происходящих переменах сыграл так называемый кризис феодального способа производства. В конце раннего Средневековья доходы феодалов стали резко сокращаться. Это объяснялось не только большими затратами на содержание армии, но и истощением возделываемых земель, приростом населения и инфляционными процессами. Широкое распространение тогда получили долговые обязательства. Многие поместья были отданы под залог или распроданы вовсе, знатные семейства все чаще становились бан-

кротами. Наибольшего накала подобные явления достигли в XIV веке, после «черной смерти» 1348 года. Чумные эпидемии и голод привели Европу в состояние демографического кризиса. Стоимость рабочих рук возрасла, товары становились все дороже, поэтому знать была вынуждена искать для себя новые источники доходов, главным из которых являлась военная или административная служба королю.

Уже в конце XIV века большинство феодалов состояло на службе у короля и получало всевозможные жалования, пенсии. Кроме того, военнослужащие имели возможность поживиться трофеями и заручиться покровительством почитаемых особ. Наиболее легким способом поправить свои дела стало заключение выгодных браков, с помощью которых знатные, но обедневшие семьи могли улучшить материальное состояние, а богатые коммерсанты — обзавестись громкими титулами. Этот процесс привел к формированию среди знати нескольких могущественных династий, претендующих на признание со стороны монарха своего превосходства.

Противостояние династий и королевской власти перерастало в войны: Алой и Белой розы в Англии, бургиньонов и арманьяков во Франции, испанские, предшествовавшие установлению власти их католических величеств Фердинанда и Изабеллы. Исключение в этом процессе составляла Германия, где консолидация власти способствовала укреплению могущества не императора, а местных правителей раздробленных княжеств.

В остальных же странах королевская власть добивалась значительных успехов и с помощью компромиссных мер заключала тайные договоры со знатью, способствующие укреплению государственности.

В конечном счете молчаливый сговор высшей аристократии с королевской властью привел к тому, что в их карманах стала оседать основная часть собираемых с населения налогов и сборов.

Таким образом в XIV веке в Европе начался процесс, приведший не только к немыслимому разрастанию королевских войск, но и к необычайной пышности придворной жизни. Наиболее ярко в плане затрат проявил себя в XIV—XV веках французский двор.

Бургундские правители с широчайшим размахом уставляли рыцарские праздники, балы и всевозможные церемонии.

Представителям знати предоставлялась возможность получать пенсию и пользоваться различными привилегиями, среди которых было освобождение от уплаты налогов, монополия на некоторые служебные должности, право на охоту и ношение меча для защиты своей чести, а также сохранение права на герб.

Если говорить о военной службе, то офицер и джентльмен, служа своему господину, испытывал такую же гордость, что и средневековый рыцарь.

Однако рыцарями во Франции в XV веке все чаще становились не военнослужащие, а королевские чиновники, занимающие высокое положение в финансовых кругах, и советники. Помимо титулов, они также наделялись землями с сеньориальными и судебными правами. Таким образом, рыцарское наследие широко распространилось среди знатных слоев населения. Разумеется, это уже было не то средневековое рыцарство, но оно сыграло свою немаловажную роль в истории.

В XVI веке герольды были лишены своих основных функций, на нет сошла популярность рыцарских турниров, рыцарские гербы стали простыми украшениями, а истории о короле Артуре и Карле Великом утратили свое значение и стали восприниматься читателями как красивые сказки о героических предках.

Однако светские рыцарские ордена — такие, как орден Подвязки, орден Святого Михаила и орден Золотого руна, — несмотря на перемены, продолжали не только существовать, но и процветать. Дело в том, что

рыцарские ордена, утратив свое истинное значение, стали служить для придания пышности и блеска конкретному сюзерену.

Отдельно хотелось бы остановиться на рыцарских наградах и почестях. В некоторых странах эта традиция сохранилась на многие века. По сей день в Англии наиболее выдающимся генералам жалуют титулы рыцарей, а доблестных воинов награждают орденами и прочими рыцарскими наградами.

Наиболее значительным наследием эпохи рыцарства стала сама концепция рыцарской чести, основанная на благородстве и поистине высоких нормах поведения. Идеология рыцарства очень плавно переросла в нормы поведения не только офицера, но и истинного дворянина. Каждому истинному дворянину в идеале были присущи такие черты, как мужество и великодушие, верность данному слову и внутренняя независимость. Рыцарские обычаи вносили в систему ценностей дворянства несколько военизированный оттенок, учили ставить честь во главу угла и ценить ее дороже, нежели саму жизнь. Влияние рыцарской культуры проявилось и в той независимости духа, который был присущ представителям знати при старом режиме.

В дополнение к титулам и наградам, которые рыцарь получал в течение жизни, церковь воздавала ему почести и после смерти, тем самым как бы подчеркивая его заслуги перед обществом. Рыцарские надгробия стали настоящими произведениями искусства и сохранили для потомков память о заслугах и доблестях средневековых рыцарей, понимающих службу королю и Господу как неделимое целое.

В конце средневекового периода в упадок пришла и деятельность крестоносцев. С одной стороны, это было воспринято как уход рыцарства от церковных приоритетов; с другой стороны, Крестовые походы в преддверии Нового времени просто утратили свою актуальность

в связи с тем, что их идея перестала соответствовать изменившимся нуждам государственной политики.

Если в период расцвета рыцарства Крестовые походы воспринимались как официальные действия королевского войска, то в эпоху Нового времени значительная часть энергии воинов тратилась на покорение Америки, Индии и Африки, а также на религиозные войны между братьями-христианами.

Таким образом, в XVI веке Европа была разобщена не только в политическом, но и в религиозном планах. Церковь, следуя древним традициям, продолжала благословлять войны против императоров, преданных анафеме, и проповедовать культ истинно благородного человека, который непременно должен был принадлежать к числу христиан.

Подводя итог, следует отметить, что во все времена понятию «рыцарство» соответствовали самые благородные качества человека.

По своей сути рыцарство являлось кодексом чести высшего сословия, корни которого уходят в самую глубь средневековых традиций. Христианская направленность была присуща рыцарству в связи с тем, что эта социальная группа развивалась в христианском обществе, основой которого была религиозная жизнь.

Расцвет рыцарской культуры, впитавшей в себя все общественные и политические особенности того времени, пришелся на XII–XVI века и сыграл огромную роль во всестороннем развитии европейской политики, экономики и культуры. Под влиянием роскоши королевских дворов рыцарский кодекс развился в великую интернациональную культуру со сложной системой светских отношений, богатым набором мифических историй, своей наукой и ритуалами.

Глава 2. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОРДЕНА ТАМПЛИЕРОВ

В центре Португалии находится Томар, город, известный как «столица» тамплиеров. «Темплариуш» (то есть «Тамплиеры») — так называется его самый комфортабельный отель, да и весь окрестный регион, часто посещаемый туристами.

Нужно отметить, что, несмотря на многочисленные реконструкции и реставрации, в городе до настоящего времени сохранилось много достопримечательностей времен существования рыцарского ордена. Одним из архитектурных памятников той поры является крепость над городом (в настоящее время там находится музей); в ней можно увидеть некоторые реликвии ордена, предания о которых вот уже на протяжении семи столетий волнуют всевозможных искателей приключений и охотников за сокровищами.

Однако, чтобы понять, что собой представляло общество тамплиеров, необходимо сначала рассказать об истории возникновения ордена. Как известно, в конце XI — начале XII века европейские рыцари, движимые

идеей освободить Святую землю от «неверных», с благословения Папы Римского совершили множество Крестовых походов и во время одного из них, отправившись в Палестину, создали там Иерусалимское королевство. Датой его основания принято считать 1099 год.

Однако на этом война с «неверными» не закончилась, и в 1118 году появился монашеско-военный орден Рыцарей Храма или орден тамплиеров (храмовников), созданный для охраны Гроба Господня и паломников на их пути от побережья к Иерусалиму.

Свое наименование рыцари Храма получили при следующих обстоятельствах: король Иерусалима отдал в их распоряжение целое крыло в бывшем храме Соломона. В течение 100 лет крестоносцы сражались за Святую землю, нападая первыми и отступая последними. Соответствующим был и их девиз, звучавший как «Победа или смерть, или бесчестье».

Разумеется, все члены ордена должны были являть собой пример мужества и благочестия. У тех, кто хотя бы раз позволил себе позорно оставить поле боя, бросив в беде своих товарищей, отбирали рыцарское звание. Но и это было еще не все: в течение целого года провинившийся был обязан вкушать пищу на полу. Так гласил один из законов, однако истории не известны случаи, чтобы в битвах с «неверными» (мусульманами) опозорился хотя бы один из тамплиеров. Нужно признать, что желающих вступить в орден было предостаточно, а потому численность тамплиеров увеличивалась очень быстро. Однако не все добровольцы сразу же становились рыцарями Храма, сперва они какое-то время жили среди посвященных на положении послушников.

Стремительное становление ордена и численный рост его членов привел к тому, что к началу XIV столетия влияние храмовников распространилось далеко за пределы Палестины, охватив большую часть Западной Европы, где у тамплиеров насчитывалось около десяти ты-

сяч резиденций. Первую ступень иерархической лестницы ордена Храма занимал Великий магистр, избиравшийся собранием представителей из всех девяти провинций Западной Европы.

Только Великий магистр обладал абсолютной властью, которая распространялась буквально на все. Никакой иной власти тамплиеры просто не признавали.

Пользуясь правом экстерриториальности, орден Храма не подпадал под юрисдикцию властей тех земель, на территории которых находились его владения. При этом он никому не платил налогов (включая церковную десятину), а также таможенных пошлин. Орден имел свою полицию и свой трибунал. Формально Великий магистр подчинялся только папе, однако тот сам его боялся и ограничивался редкими контактами.

Да и как было папе не бояться столь могущественного объединения, военная мощь которого в те времена не имела себе равных. Его ряды насчитывали 15 тысяч рыцарей и 45 тысяч сержантов, не считая священников, крестьян, ремесленников, гостей и вассалов, которые также могли в любой момент встать на защиту ордена. Для удобства вся эта армия не находилась в одном месте, отдельные ее части были рассредоточены по всей Западной Европе, что давало возможность осуществлять контроль над всеми владениями ордена и всеми находящимися в них богатствами. А последние собирались храмовниками с невероятной алчностью.

Несмотря на то что тамплиеры были монахами и давали обеты послушания, целомудрия и личной бедности, посвящая все свои помыслы Богу (в знак этого они носили белые плащи), сам орден как самостоятельная организация не только имел право владения имуществом, но и, согласно уставу, был обязан накапливать ценности. При этом распоряжаться имуществом (продавать его) мог только высший совет или люди, получившие его разрешение.

О могуществе и военной мощи ордена Храма можно судить и по существованию в его распоряжении собственной флотилии, а также стремлению добиться монополии в плаваниях по Средиземному морю между Европой и Ближним Востоком. Корабли храмовников перевозили не только отряды крестоносцев, но и паломников, совершавших длительные походы в Святую землю с целью поклониться ее святыням. Среди последних были и богачи, щедро платившие за услуги.

Со временем церковь и феодалы сами стали делиться с тамплиерами своими владениями. Это делалось с целью заручиться поддержкой столь могущественной организации, каковой был орден, который таким образом становился все сильнее и богаче. Во Франции и на Пиренейском полуострове его позиции были наиболее сильны — именно сюда стекались основные богатства и реликвии. Историки предполагают, что в этих областях появились первые банкиры эпохи Средневековья.

Каждая резиденция имела свое отделение. Банками пользовались практически все слои населения (за исключением самых бедных), а именно монархи, духовенство и коммерсанты.

Драгоценные металлы тамплиеры пускали в оборот, предлагая за них солидный процент королям, феодалам, коммуна и простым торговцам.

Налаживание банковской системы способствовало тому, что вскоре орден стал одним из крупнейших ростовщиков Европы. Помимо этого, тамплиерами было создано нечто вроде современной системы «дорожных чеков», то есть паломник, собирающийся посетить Святую землю, приобретал обменный вексель, по которому он мог получить деньги на всем пути из Западной Европы в Палестину. Это было очень удобно, так как путешественникам не нужно было носить с собой повсюду большие суммы денег, достаточно было предъявить соответствующую бумагу.

Также следует отметить, что не только богатства храмовники получали из Византии и Святой земли. В столицу их государства стекались и знания, накопленные древними восточными мудрецами. Можно считать, что Иерусалим эпохи Средневековья был одним из самых богатых и могущественных городов того времени.

Более двух веков рыцари Храма являлись властителями Европы, но со временем их богатство, а главное, власть навлекли на них открытую неприязнь со стороны многих европейских правителей, а также папы, которого никак нельзя было назвать бедным. В октябре 1307 года злоба и зависть по отношению к храмовникам вылились в открытое противостояние, тщательно подготовленное королем Франции Филиппом IV (по прозвищу Красивый) и санкционированное Папой Римским Климентом V. Последний обвинил тамплиеров в ереси и тем самым прекратил существование ордена.

С закрытием ордена резиденции братьев-рыцарей подверглись разграблению; сами же они были арестованы, а их имущество конфисковано. 1314 год стал годом гибели последнего французского тамплиера.

Однако, как уже говорилось выше, Франция была не единственной страной, где тамплиеры занимали одно из ведущих положений. Второй страной, где рыцари Храма имели достаточно прочные позиции, была Португалия. Приняв участие в борьбе против мавров, тамплиеры снискали к себе уважение португальского короля. В результате орден получил в свою собственность большие земельные наделы и щедрое денежное вознаграждение. Кроме того, немаловажное значение имел тот факт, что один из основателей ордена в этой стране происходил из местной знати.

В результате правивший в то время король Диниш не только не стал преследовать рыцарей-тамплиеров в своей стране, но и оказал помощь братьям из других стран, предоставив им убежище. Таким образом, Пор-

тугалия стала тем местом, где орден Храма обрел свое второе рождение: Диниш не препятствовал переселению рыцарского братства. Спустя несколько лет он даже предпринял некоторые меры, чтобы окончательно прекратить гонения на храмовников, переименовав орден Храма в орден Христа. Однако, кроме перемены названия, практически ничего не изменилось: устав, организационное строение, состав, имущество — все осталось прежним. Единственным новшеством стало то, что с тех пор Великого магистра назначал король, а не собрание рыцарского братства, как было раньше.

Центром ордена остался Томар. Там находилась крепость тамплиеров, строившаяся с 1160 года «для солдат храма» Великим магистром Португалии — Гвалдином Паишем, близким сторонником первого короля Афонсу Энрикиша. В 1357 году, после вышеупомянутого переименования, Томар был официально провозглашен центром ордена Христа.

К началу XV столетия должность Великого магистра ордена в Португалии перешла к принцу Энрики (один из восьмерых детей короля Жуана I), который был всего лишь инфантом. В историю он вошел как Генрих Мореплаватель, хотя на самом деле участвовал только в одной военной экспедиции против мавров, совершенной в 1415 году в Марокко.

Впоследствии, уже будучи Великим магистром, Энрики стал правителем небольшого королевства Алгарве, образованного в самой южной части Португалии, и обосновался в местечке Сагреш, где в 1418 году при его непосредственном участии была основана навигационная школа. Данное учебное заведение стало одним из лучших во всей Европе, так как туда были приглашены знатоки морского дела, а также арабские и иудейские ученые, понимавшие толк в древних книгах и картах.

Собирая отчеты мореплавателей, карты морских путей и астрономические таблицы, Энрики всеми сила-

ми способствовал развитию мореходства, привлекая для этого денежные средства ордена.

Имея в своем распоряжении неограниченные средства, Великий магистр строил современные корабли, моделью которых послужили суда, усовершенствованные самими тамплиерами. При этом нужно отметить, что все затраченные усилия и материальные средства впоследствии хорошо окупались. В 1420 году португальцами была открыта Мадейра, в 1427 — Азорские острова, к 1450 году они начали вывозить рабов и слоновую кость из Сенегала, а к концу XV века португальцами был проложен путь в Индию.

Интересно, что открытие Мадейры и гвинейского побережья были сделаны именно жителями Томара, Жоаном Гонсалвишем Зарку и Антаном Гонсалвишем. Таким образом, через сто лет после Энрики Португалия снискала себе славу крупнейшей морской державы.

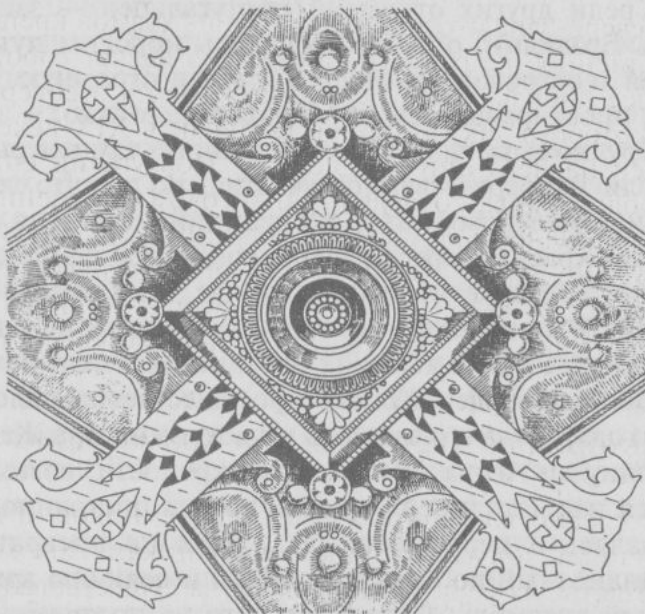
Среди других открытий португальцев — западная часть Бразилии; они же добрались морским путем до Китая и островов Пряностей, создав огромную империю, простиравшуюся от Марокко до Макао.

Трудно сказать, во всех ли плаваниях тамплиеры принимали непосредственное участие, но то, что все корабли вышеупомянутых экспедиций имели на своих парусах красный крест ордена, сомнению не подлежит. Из этого следует, что даже в случае, если рыцари принимали участие не во всех путешествиях к неведомым землям, все равно денег на это они затратили немало.

Вообще, орден Христа просуществовал вплоть до 1834 года, когда его закрыли указом министра Жаокина Антониу ди Агира. Что касается крепости, возвышающейся над «столицей» ордена, то она постоянно достраивалась и перестраивалась, пока не превратилась в грандиозный по своим размерам и величию архитектурный ансамбль. Дело в том, что на протяжении нескольких столетий церковь была дополнена целым ря-

дом построек, некоторые из которых возведены уже в конце XV — начале XVI века, во времена правления короля Мануэла I, явив собой некое воплощение Великих географических открытий в камне.

Как уже говорилось, орден обладал несметными сокровищами, которым завидовали все монархи Европы, папа, а также самые богатые и влиятельные европейцы. Разумеется, такой ажиотаж способствовал появлению бесчисленных легенд и преданий, согласно которым в руках тамплиеров находился даже Священный Грааль. С закрытием ордена все кинулось на поиски сокровищ, причем этим занимались не только обычные авантюристы, но и монархи вкупе с духовенством, которые искали сокровищницу рыцарской братии даже под мечетью Аль-Акса в Иерусалиме, возведенной на том месте, где некогда стоял величественный храм Соломона.

Использование христианских символов в архитектуре

Поиски продолжают по сей день. Многие просто не хотят верить, что все сокровища или, по крайней мере, их львиная доля ушла на строительство кораблей и снаряжение морских экспедиций. Однако пока еще никто не открыл желанного клада. Но что же люди подразумевают под понятиями «клад», «сокровища» и т. д.? Ведь ценностью являются не только драгоценные металлы, камни и священные реликвии.

Так, во времена Великих географических открытий архитектор Диогу ди Арруда (брат создателя Белемской башни в Лиссабоне), был приглашен в Томар для того, чтобы дополнить архитектурный ансамбль крепости и сделать его более изящным. И нужно сказать, что великий архитектор прекрасно справился со своим заданием, оставив о себе память в творении, получившем известность как «поэма в камне».

Этот памятник представляет собой окно, украшающее северо-западную стену одного из храмов крепости. Выполненное из резного камня, оно являет собой настоящее произведение искусства, красота и совершенство которого так поразили англичан в XIX веке, что в обмен на него они предложили Португалии списать весь долг страны, которая в финансовом отношении целиком и полностью зависела от Англии. Но португальцы не приняли это выгодное для них предложение и не расстались со своей реликвией, которая и по сей день является одним из украшений Томарской крепости.

История создания ордена Храма (Христа)

Согласно воспоминаниям современников, а также различным документальным источникам, мы можем воссоздать для себя дух эпохи, когда существовали рыцари в белых плащах с красным крестом, галопом несущиеся по дорогам Святой земли, а также понять, что

собой представлял орден Храма и сами тамплиеры, отличавшиеся бесстрашием, фанатичностью и отдающие службе свою веру и силы. Каждый из них мечтал стать героем и проявить в борьбе с «неверными» все свое мужество.

Вот что представляли собой рыцари Храма Соломона, которые, помимо всего прочего, были одновременно и монахами, и членами таинственного ордена, могущественной организации, плетущей интриги, вступающей в заговоры против сильных мира сего и занимающейся накопительством. Казалось бы, этого достаточно, чтобы составить себе точное представление о членах ордена, однако все сохранившиеся на сегодняшний день сведения о нем — это всего лишь общеизвестные факты, лежащие на поверхности и представляющие собой общедоступную информацию.

Многое из жизни тамплиеров так и осталось неразгаданным, так как братья-рыцари умели хранить свои тайны и унесли их с собой в могилу. А незнание, как известно, порождает домыслы. Вот почему орден Храма (позднее переименованный в орден Христа) до сих пор окутан покрывалом таинственности.

Но обо всем по порядку. Каких только чувств не вызывали к себе рыцари! Об этом можно узнать из литературных памятников. Так, В. Скотт в «Айвенго» изображает их деспотами, полными лицемерия и спеси, бессовестно злоупотреблявшими своей властью и богатством, распоряжающимися по своей прихоти не только судьбами отдельных людей, но и целых государств. Другие писатели XIX века видят в них разбойников, безжалостных насильников, язычников, еретиков, а также магов и алхимиков.

Что же касается современных исследователей, то одни считают тамплиеров несчастными жертвами, исполнявшими волю церкви (в частности, Папы Римского); другие, в традициях франкмасонства, рассматрива-

ют их как мистиков, адептов науки, известной якобы только им одним, тайны которой они ревностно оберегали от всего остального мира.

Несмотря на то что никто и никогда не отрицал храбрость тамплиеров во время крестовых походов, их вклад в развитие культуры Западной Европы XII и XIII веков, их могущество и влияние, которыми они пользовались во всех христианских странах, а также роль в мировой истории, тем не менее никто до сих пор не может определить их истинную личность. Что они представляли собой в действительности и что скрывалось за их внешней респектабельностью? В чем причина такого ажиотажа вокруг ордена? Почему не утихают споры вокруг воинства Христа? Почему, наконец, за официальными версиями, принятыми историками разных стран, явно просвечивает какая-то другая, тщательно завуалированная?

Первое упоминание о тамплиерах встречается у историка Вильгельма Тирского в книге «*Historia rerum transmarinarum*» («История заморских событий»), где затронуты события 1175 и 1185 годов. В данном сочинении приведено описание Франкского королевства в Палестине и рассказывается обо всех наиболее значимых событиях со дня его основания. Однако ко времени написания книги государство тамплиеров существовало уже более семидесяти лет, а орден Храма, как известно, был основан еще раньше — за пять, а то и за десять лет до этого.

Получается, что средневековый историк, не присутствовавший лично при описываемых событиях, пользовался материалами, полученными даже не от современников, а от их потомков. В действительности ни один хронист не был в государстве тамплиеров между 1127 и 1144 годами, а потому в распоряжении Вильгельма Тирского не было ни одного источника, заслуживающего безграничного доверия, с которым он мог бы сопоставить свое описание, основанное на устных преданиях

и народных легендах. Но тут следует задать справедливый вопрос: насколько относительна их достоверность?

Таким образом, книга средневекового автора стала своего рода первоисточником, к которому обращались все последующие сочинители историй о представителях ордена Храма. Что ж, за неимением лучшего «*Historia regum transmarinorum*» так и останется единственным документом, вбирающим в себя все необходимые аспекты для понимания всего того, что происходило на Востоке в XII веке. Однако здесь следует сделать одну оговорку: несмотря на то что книга является самым древнейшим литературным памятником, дошедшим до настоящего времени, не все содержащиеся в ней материалы следует воспринимать буквально. Хотя не секрет, что для многих историков она является единственным достоверным источником, а все описанное в ней — чистойшей правдой, сомнения же воспринимаются как личное оскорбление.

Итак, если верить Вильгельму Тирскому, орден Бедных рыцарей Христа и храма Соломонова был основан в 1118 году Гуго де Пейном (рыцарем и вассалом графа Шампанского), который не преследовал корыстных целей. Произошло это следующим образом: однажды перед королем Иерусалима Бодуэном I (его брат Годфруа Бульонский овладел Святым городом девятнадцатью годами ранее) предстали девять товарищей, возглавляемых Гуго де Пейном, которые предложили коронованной особе использовать их как стражников на дорогах, ведущих к святым местам, а также как охрану Гроба Господня.

Дело в том, что в те времена паломники, направлявшиеся в Святую землю, были в большой опасности. Мусульмане частенько подстерегали их на дорогах и отнимали последнее (нередко и саму жизнь), а если учесть, что среди первых было немало принцев крови, то становится понятным, каким опасностям подвергались

желающие поклониться христианским святыням. Король принял предложение Гуго и его товарищей и в течение последующих девяти лет девять рыцарей контролировали подъездные дороги к Иерусалиму, образовав нечто вроде замкнутого общества, не принимая в него ни одного нового члена. При этом братья жили в такой бедности, что даже на печати они были изображены сидящими по двое на одной лошади, что полностью соответствовало их девизу, звучащему как «Бедность и милосердие!». Кстати, по поводу печати необходимо сделать одно замечание: при всем при том, что ее считают наиболее типичной для первых дней существования ордена, на самом деле она датирована следующим веком, когда братья-тамплиеры уже не были бедными, если они вообще когда-нибудь являлись таковыми...

Если все же верить в то, что сказано в «Истории заморских событий», то планы бедных и великодушных рыцарей были самыми благородными, и даже король, стоявший во главе нового государства и являвшийся представителем папы, отдал в их распоряжение целое крыло своего дворца, выстроенного на фундаменте древнего храма Соломона. Именно это обстоятельство повлияло на наименование, которое рыцари, занимающие верхние ступени иерархической лестницы, дали религиозной организации, членами которой они являлись. Таким образом они в одночасье превратились в рыцарей Храма, а орден, соответственно, стал называться орденом Храма.

Печать ордена тамплиеров.
Два рыцаря на одном коне

Обустроив свою главную резиденцию в королевском дворце Иерусалима, братья всецело отдались «святому делу» — борьбе против «неверных», являвшихся врагами Господа. Нужно заметить, что по соседству с рыцарями жил не только король, но и королевский капеллан (он же официальный историк) Фуше Шартрский, который изо дня в день занимался тем, что описывал царствование своего венценосного патрона.

Интересно, что в своем повествовании хронист не упоминает ни о Гуго де Пейне, ни о его товарищах, ни о каком-либо другом рыцаре Храма.

Время основания ордена и его первые шаги окружены загадочным «официальным» молчанием. Причем пелена таинственности не была снята и впоследствии: никто из «чужаков», не являвшихся членами этого общества, так и не узнал о том, каковы были цели основания этого ордена, защищал ли он паломников и чем вообще занимались тамплиеры на первых порах. Складывается впечатление, что история о девяти отважных рыцарях, охранявших дороги, ведущие в Иерусалим, — это всего лишь сказка, намеренно сочиненная для отвода глаз, целью которой было отвлечь внимание людей от истинных намерений братьев.

Если рассуждать логически, то первое, что приходит на ум, так это вопрос: каким образом девять человек могли надеяться выполнить такую важную миссию, как защищать все дороги Святой земли? Только девять рыцарей на сотни и тысячи паломников, которых подстерегали большие опасности? Как вы помните, согласно официальной версии, добровольцы в течение целых девяти лет не принимали в свои ряды ни одного нового члена. Само собой возникает новый вопрос: «Почему?» И таких «почему» превеликое множество!

Если защита от «неверных» и в самом деле была основной целью тамплиеров, то, по логике, они должны были использовать для этого все возможные сред-

ства. Однако этого тем не менее не было. Вильгельм Тирский непреклонен в своем высказывании, говоря, что в течение девяти лет, прошедших со дня основания ордена, новых приемов в него не было. Тогда как шум славы тамплиеров мог достигнуть пределов Европы? А там, как известно, высшие церковные авторитеты восхваляли их самих и их храбрость. Очередной парадокс.

Между тем в 1128 году (или немного позднее) одно из посланий, подписанное Бернаром Клервоским, к голосу которого прислушивался весь христианский мир, выражает одобрение по поводу деятельности рыцарского общества, утверждая, что тамплиеры являют собой пример для всех остальных религиозных организаций, существовавших в то время.

Далее в «Истории» Вильгельма Тирского говорится, что по истечении девяти лет, в 1127 году, Гуго де Пейн и некоторые его товарищи отправились на Запад, где их встретили с большими почестями.

В 1128 году папа собрал совет в Труа, где располагался двор графов Шампанских (сюзеренов Гуго), находящийся под духовным руководством самого святого Бернара. Данное собрание закрепило за орденом право на существование, и тамплиеры получили официальное признание.

Помимо этого, Гуго де Пейну было присвоено звание Великого магистра общества воинов-монахов, которые подчинялись строгой монастырской дисциплине и обладали военным пылом, более похожим на фанатизм. На совете был также утвержден устав и правила ордена Храма, отличающиеся простотой и строгостью.

Согласно уставу, рыцари Храма должны были придерживаться следующих правил: быть бедными, целомудренными и послушными; они обязаны были стричь волосы, но не брить бороду, которая по тем временам была их отличительной особенностью (простые смертные во времена создания ордена ходили без бороды).

В отношении пищи, одежды и других деталей повседневной жизни тамплиеры также имели ограничения.

Так, воинство Христово должно было носить белую рясу или накидку (впоследствии эта накидка превратится в знаменитый белый плащ с красным крестом, который станет основной деталью одежды, неразрывно связанной с принадлежностью к ордену). Считалось, что слугитель Бога уходит из мирской мрачной жизни с одной-единственной целью — посвятить всего себя создателю, при этом он всегда должен быть в белом (символ чистоты и непорочности), так как никто не знает, когда ему придется отдать свою жизнь Богу.

Вообще, нужно заметить, что устав тамплиеров предусматривал подробную административную иерархию и строго определенный свод законов: от обмундирования и использования ценностей до поведения на поле брани. Так, будучи плененным, тамплиер не должен просить пощады или обещать выкуп за сохранность своей жизни. Он должен биться насмерть, впрочем, ему разрешалось отступать, но только в том случае, когда численность неприятеля в три раза превышала численность братьев.

В 1139 году тамплиерам были дарованы новые привилегии, полученные благодаря булле Папы Иннокентия II (ему покровительствовал св. Бернар, который, как уже отмечалось выше, очень тепло принял создание ордена). Согласно этим привилегиям орден Храма, находящийся под непосредственной опекой Папы Римского, мог быть распущен только самим папой, а значит, получал полную независимость от любой другой власти, будь то светская или церковная. Таким образом, орден тамплиеров в будущем мог стать самостоятельным государством, независимым и могущественным. Впоследствии так и произошло, но не будем ускорять события.

После упомянутой буллы орден в течение двух десятилетий находился в полном подчинении папы, ко-

торый диктовал ему свои условия. Так, например, тамплиеры обязаны были принимать в свои ряды младших сыновей всех знатных семей Европы, которые не получали наследства. Непросто было и с материальным обеспечением: все свое имущество, а также дары, поступающие в виде денег, земли и других ценностей, рыцари Христа (вслед за Гуго де Пейном) были обязаны отдать ордену, оставаясь, по сути, нищими.

Таким образом, в очень короткие сроки данная организация стала собственницей земель во Франции, Англии, Фландрии, Испании и Португалии; чуть позже к ним были присоединены земли в Италии, Австрии, Германии, Венгрии, а также в Святой земле и на Востоке. И это при том, что ни один из братьев больше не владел личным имуществом, ибо ему предписывалось блюсти обет бедности, принимая дары для ордена, богатство которого росло не по дням, а по часам.

К 1130 году владения тамплиеров находились практически во всех странах Европы.

В 1146 году (во время правления Папы Евгения III) на белом плаще рыцарей появляется красный крест с раздвоенными «лапчатыми» концами. Под этим знаком тамплиеры шли за королем Франции Людовиком VII, возглавившим Второй крестовый поход. Со временем крест из алой материи, помещавшийся над сердцем, папа утвердил в качестве герба.

Красный крест был выбран неслучайно, он должен был стать «щитом», препятствующим бегству с поля брани. Впрочем, как такового «щита» не понадобилось, истории не известны случаи бегства рыцарей, наоборот, тамплиеры зарекомендовали себя как гордые, храбрые и удивительно дисциплинированные воины, не имевшие себе равных. Даже король Франции в одном из писем сделал акцент на то, что поход против турок не кончился полным крахом только потому, что в нем принимали участие тамплиеры.

Прошло только одно столетие со дня основания, а орден Храма уже превратился в мощнейшую организацию международного масштаба, участвующую во всех дипломатических акциях, а также наладившую отношения со всеми правителями Европы и их приближенными. Помимо этого, под его владычеством находилась Святая земля и Англия.

Великий магистр ордена неоднократно предпринимал попытки помирить Генриха II Плантагенета с архиепископом Томасом Беккетом; заседания английского парламента также не обходились без главы тамплиеров, который вместе с королем Иоанном Безземельным присутствовал при подписании Великой хартии. Таким образом, орден Храма постепенно добился того, чего не смогла сделать ни одна существующая в те времена организация — к нему не только прислушивался весь христианский мир, его боялись. Сам же орден в лице Великого магистра не боялся никого и ничего.

Здесь стоит вспомнить события 1252 года, когда в ответ на вызов Генриха III Английского, который угрожал рыцарям изъятием имущества, Великий магистр произнес следующие слова: «Что говоришь ты, о король! Неуместные слова твои больно слышать. Пока ты будешь справедлив, ты будешь царствовать; но если ты нарушишь справедливость, ты перестанешь быть королем!» Эти слова дают отличное представление о том, какой неограниченной властью обладал орден, которого боялись и которому завидовали.

Влияние тамплиеров не ограничивалось одним лишь христианским миром, и в этом кроется еще один парадокс: несмотря на открытое противостояние в вопросах религии, тамплиеры тем не менее имели тесные контакты с мусульманами, наладив тайные связи с сектой хашишинов, таких же религиозных фанатиков, как и они сами. Бытовало мнение, что последние даже состояли на службе ордена и выплачивали ему дань.

Со временем к политическим, дипломатическим и военным авантюрам тамплиеров прибавляются еще и экономические. Речь идет о становлении и развитии банковского дела, которое, нужно заметить, было очень прибыльным и пользовалось известной популярностью. Имея в своем распоряжении мощную сеть командорств (в XIII столетии их количество равнялось пяти тысячам, включая зависимые замки и монастыри), охватывающую большую часть Европы и весь Ближний Восток, тамплиеры способны были обеспечивать под небольшие ссудные проценты не только охрану вверенных им ценностей, но и их перевозку (от заимодавца к заемщику, от погибшего паломника к его наследникам и т. п.). Таким образом, тамплиеры стали выполнять рискованные операции, на которые раньше отваживались только итальянцы.

Если говорить более упрощенно, то, поместив деньги (или какие-либо ценности) в одну крепость, владелец мог получить их назад в другой. Для этого достаточно было только предъявить квитанцию с печатью ордена, скреплявшую договор в момент вклада. Так тамплиеры смогли еще больше подчинить своей власти всех знатных людей Европы, ведь их клиентами были не только торговцы и частные лица, но и ювелиры, знать и даже члены королевских фамилий. Дошло даже до того, что один из тамплиеров, казначей из Парижской крепости, которая была важнейшим европейским финансовым центром, управлял королевскими финансами, а в отсутствие монарха имел право принимать деньги, поступающие в его казну.

Что касается интеллектуальной сферы, то и здесь рыцари ордена не имели себе равных. Обладая неограниченными возможностями, общаясь с разными народами, тамплиеры первыми знакомились со всеми достижениями науки и, разумеется, первыми монополизировали все передовые технологии в оружейном

и кожевенном производствах, типографском деле, военной инженерии, строительстве и мореплавании (орденский флот одним из первых начал использовать магнитный компас).

Медицине также уделялось первостепенное значение. Постоянно принимая участие в различных военных операциях, тамплиеры, само собой разумеется, получали самые различные раны и болезни, для лечения которых они использовали наркотические вещества и самые современные в то время лекарственные средства. Кроме того, в орденских госпиталях работали профессиональные врачи и хирурги, также относящиеся к рыцарской братии.

Постоянный успех тамплиеров в конце концов привел к тому, что рыцари превратились в грубых, самонадеянных, корыстных и развращенных людей, про которых стали слагаться соответствующие поговорки и выражения. Так, например, выражения «пить, как тамплиер» или «ругаться, как тамплиер» были самыми что ни на есть распространенными. Но сквернословие и пьянство были не так страшны, все чаще за пределы ордена стали просачиваться сведения, будто бы среди храмовников немало отлученных от церкви. Постепенно о пороках, процветающих в стенах рыцарских крепостей, стало известно в Европе, где быстро сложился новый образ рыцарей Христа.

Тем временем положение в Святой земле резко ухудшилось. В 1185 году скончался правитель королевства тамплиеров Бодуэн IV Иерусалимский. Его смерть привела к волнениям внутри государства, во время которых неверная политика Великого магистра ордена Жерара де Ридфора едва не привела к гражданской войне. Помимо этого, тамплиеры уменьшили свою бдительность по отношению к сарацинам, что способствовало прекращению давнего перемирия и спровоцировало обострение и так нестабильных отношений.

В июле 1187 года войско тамплиеров вместе с армией крестоносцев отправилось под Хаттин, чтобы вновь сразиться с сарацинами. Возглавил армию христиан сам Великий магистр. Однако на этот раз победа осталась за сарацинами, и Иерусалим вновь оказался в руках «неверных». Но потеря Иерусалима не была единственной бедой, в 1291 году королевство тамплиеров, как и вся Святая земля, было захвачено мусульманами. В руках рыцарей осталась только крепость Сен-Жан-д'Акр, которую они были вынуждены покинуть в мае того же года, несмотря на героизм, проявленный тамплиерами во время ее обороны.

Известно, что, будучи серьезно раненным, Великий магистр ордена Вильгельм де Боже сражался вместе со своими подчиненными вплоть до самой смерти. В то время, пока женщины и дети эвакуировались на орденских галерах, тамплиеры продолжали оборонять крепость, зная, что это бесполезно.

Изгнанные из Палестины храмовники сначала попытались обосноваться на Кипре, но потеря Святой земли не давала им покоя. Оставив свое государство, которое было для них смыслом существования, рыцари направились в Европу.

Нужно сказать, что за сто лет до захвата Святой земли тамплиеры руководили созданием другого ордена (также полувоенного и полурелигиозного) — Тевтонского. Они обосновались на Ближнем Востоке (у северо-восточных границ христианского мира), где в середине XIII века создали собственное автономное государство — Ordenstaat, простиравшееся от Пруссии до Финского залива и включавшее территории, ныне принадлежащие России. Одно время Ordenstaat очень сильно притягивал к себе внимание тамплиеров. Они даже хотели образовать там новое государство, которое было бы полностью независимым как в религиозных вопросах, так и во всех остальных.

Однако осуществлению этого намерения помешала избалованность орденских братьев. Привыкнув жить ни в чем не нуждаясь, храмовники сочли климат Восточной Европы слишком жестким, непригодным для жизни столь изнеженных людей, каковыми они себя считали. В результате их внимание переключилось на Лангедок, климат которого, с их точки зрения, был более подходящим.

Нужно заметить, что с первых дней своего пребывания в Лангедоке тамплиеры наладили тесные контакты с местными катарами. Возможно, благодаря этой дружбе многие крупные землевладельцы из числа катаров или сочувствующих передали ордену большие земельные владения. И если слух о том, что один из основателей ордена был катаром, всего лишь слух, то доподлинно известно, что четвертый Великий магистр ордена, Бертран де Бланшфор (как и его семья), действительно был катаром. Спустя сорок лет после его кончины его потомки сражались на стороне других сеньоров-катаров против войск Симона де Монфора.

Несмотря на то что орден тамплиеров был христианским, рыцари предпочитали сражаться только с сарацинами, подчеркивая свою нейтральность в отношении альбигойцев, которые не только пользовались их сочувствием, но и частенько прятались в их крепостях. Судя по рассказам современников, храмовникам не раз приходилось брать в руки оружие, чтобы защитить скрывающихся у них еретиков.

В рукописях, датированных началом Альбигойской войны, содержатся сведения о том, что очень многие катары пополняли ряды тамплиеров, чем неприятно удивили Симона де Монфора и его крестоносцев. Именно катаров фигурировали и в списках высших должностных лиц.

Нужно заметить, что катары из лангедокской знати, вступившие в орден Рыцарей Христа, в большинстве

случаев предпочитали оставаться в своих владениях, не жели перебираться в крепости братьев. Только в своих владениях они являли собой мощную, прочную основу ордена.

Попав в Лангедок, храмовники столкнулись с совершенно иной системой мышления и влияния, далекой от той, которая была присуща римско-католической ортодоксии. Однако это не имело большого значения для тех, кто испытал на себе ярость сарацин и узнал все тяготы плена. Долгие скитания имели свои последствия: большинство тамплиеров прекрасно владели арабским и имели общие культурные и финансовые интересы с местными еврейскими общинами, благодаря которым приобщились к ценностям иудейской цивилизации, продолжая все больше и больше склоняться к тайнам и дуалистической доктрине еретиков-катаров.

Все это было не по душе христианскому миру, и в 1306 году король Франции Филипп Красивый решил покончить с орденом, армия которого состояла из спесивых, недисциплинированных, но преобладающих по численности храмовников. Пользуясь услугами орденских банкиров и задолжав им приличную сумму денег, Филипп отдавал себе отчет в том, что рано или поздно его заставят платить по счетам.

Зависимость, унижения, а также зависть к богатству и боязнь возможного образования нового независимого государства в Лангедоке в конце концов подтолкнули Филиппа открыто выступить против ненавистного ордена, выдвинув в качестве оправдания стремление расправиться с ересью, в которой увязли рыцари-храмовники. При этом французский монарх имел все основания рассчитывать на помощь Римской курии. Дело в том, что в 1305 году, после смертей двух пап (Бонифация VIII и Бенедикта XI), произошедших при весьма загадочных обстоятельствах, Филипп Красивый с помощью всевозможных интриг смог добиться того, чтобы папский пре-

стол занял Климент V. Таким образом, король приобрел сильнейшего союзника, который не мог ни в чем ему отказать.

Продумав все до мелочей, французский монарх разработал отличный план, в составлении которого ему помогли шпионы, внедренные в ряды тамплиеров, а также один командор-ренегат, предоставивший ему целый ряд разоблачительных обвинений, дающих полное право уничтожить ненавистного противника.

Кроме того, король Франции, дабы избежать бегства высших чинов ордена, направил во все концы своего государства секретные пакеты, в которых содержались приказы об аресте с условием, что все они будут вскрыты на рассвете 13 октября 1307 года. Нужно заметить, что ставка на внезапность имела полный успех: в одно мгновение большая часть французских тамплиеров была арестована и заключена под стражу; имущество братии было конфисковано, а на командорства наложен королевский секвестр.

Однако не все, что намечал французский монарх, осуществилось в полном соответствии с его замыслами. Надеясь завладеть богатствами своего злейшего врага, Филипп был сильно разочарован: поиски сокровищ, допросы и пытки тамплиеров ничего не дали. Такова основная версия происходящего.

Но на самом ли деле разгром ордена был столь внезапным, и все ли орденские братья были арестованы и казнены?

Эти вопросы вполне правомерны, так как доподлинно известно, что незадолго до своего ареста Великий магистр Жак де Молэ предал огню большую часть рукописей, в которых содержались важные сведения, касающиеся ордена, а парижский казначей, словно предчувствуя грядущую катастрофу, открыто приветствовал выход из ордена всех рыцарей, которые возымели такое желание. И еще один важный момент: за несколько дней

до арестов все командорства Франции получили указание не давать никакой информации об обычаях и ритуалах братьев.

Следует предположить, что каким-то образом тамплиеры либо были предупреждены о надвигающейся беде, либо сами обо всем догадывались. Но тогда непонятно, почему они не предприняли мер предосторожности. Их действия не поддаются никакому логическому объяснению: если храмовники были предупреждены, то почему одни дали себя арестовать, не оказав при этом должного сопротивления (как будто они получили на этот счет инструкции), а другие, скорее всего занимавшие высокие посты и контактировавшие с орденским казначеем, способствовали исчезновению главного архива этой мощной организации.

Что касается сокровищ тамплиеров, то о них ничего не известно. Правда, после разгрома ордена ходили слухи, будто бы они были вынесены из парижского командорства в ночь накануне арестов, а потом на телегах тайно перевезены на берег моря, скорее всего, в крепость Ла-Рошель, где располагалась морская база храмовников. После этого золото и реликвии якобы были погружены на восемнадцать галер, растаявших в океане, словно их никогда и не было.

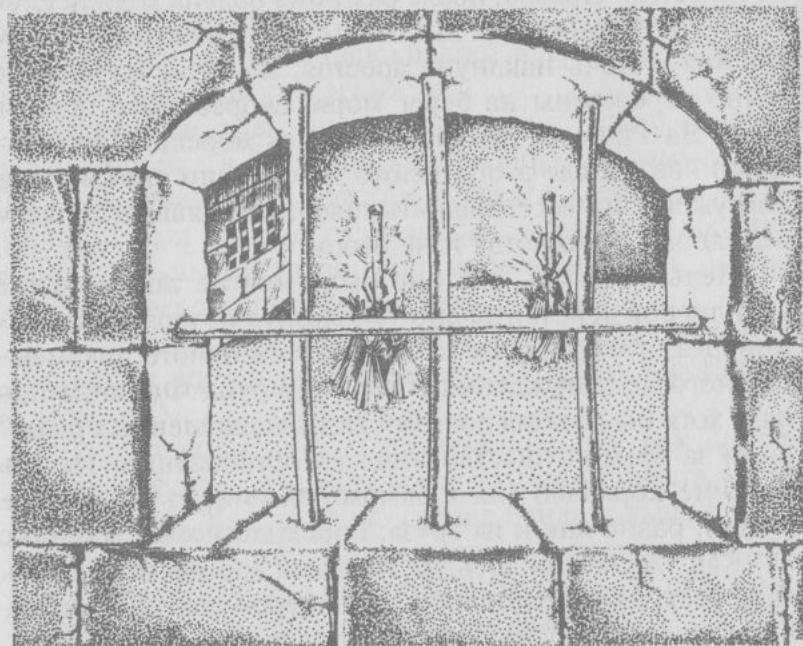
Нельзя сказать, так оно было или не так, но флот тамплиеров действительно ускользнул от французского монарха, поскольку не существует ни одного документального подтверждения того, что в руки Филиппа попала хотя бы десятая доля богатств, накопленных рыцарями за время существования их организации. Исчезновение кораблей (их в самом деле никто больше не видел), равно как и их груза, породило новые легенды.

Как уже говорилось, за арестами еретиков последовали бесконечные допросы тамплиеров, пытки и казни, в ходе которых обвиняемые сознавались не только в том, что действительно имело место быть, но и в том, чего

не было. В связи с этим ходили самые невероятные слухи. Свидетели, которых никто никогда не видел и которых, скорее всего, просто не существовало, утверждали, будто бы рыцари поклонялись богу по имени Бафомет, а во время богослужений падали на колени перед перед бородатой человеческой головой, облекшей их магической властью.

Помимо обвинений в ереси, рыцарям Храма вменялись такие грехи, как детоубийство, гомосексуализм, непристойные действия во время церемонии посвящения. Но самым тяжким преступлением, которое якобы также было на совести тамплиеров, считалось отрицание истинного бога и плевки на крест.

Ненависть Филиппа Красивого не знала границ. Несмотря на то что враг был полностью уничтожен (мно-

Казнь тамплиеров

гие рыцари долгое время находились в тюрьмах и умирали от пыток, в то время как большая часть Христовой войска была казнена), французский монарх требовал от папы принятия окончательного решения по поводу оставшихся в живых. При этом сначала папа оказывал некоторое сопротивление, в ответ на которое Филипп напоминал ему о том, чем он ему обязан. В конце концов папа сдался и приказал закрыть орден Храма, что и произошло в 1312 году.

Орден был упразднен, но на этом зверства над его членами не закончились. Процессы над братьями продолжались больше двух лет, завершившись только в мае 1314 года, когда на костре были сожжены Великий магистр ордена Жак де Молэ и сборщик налогов в Нормандии Жоффруа де Шарнэ.

Считается, что с кончиной последних французских тамплиеров орден Храма навеки исчез, что, впрочем, не соответствует действительности. Это понимал и сам Филипп, который в последующие годы предпринял все возможные меры для того, чтобы на земле не осталось ни одного тамплиера. Здесь сразу же возникает вопрос: в чем причина слепой ненависти к поверженному врагу? Если желание французского короля избавить свою страну от храмовников вполне понятно и объяснимо, то какое дело было Филиппу до рыцарей других стран?

Если предположить, что Филипп стремился к искоренению ереси, полагая, что с исчезновением тамплиеров будет положен конец всем страшным порокам, то как быть с тем, что он сам не отличался добродетелью? С чего это участник заговоров, подготовивших смерть двух пап, оскорбился нарушениями религиозных законов, которые даже не были толком доказаны (как уже упоминалось, суды активно привлекали лжесвидетелей). Возникает предположение, что вершитель судеб французских тамплиеров испугался мести рыцарей ордена, находящихся в других странах.

Впоследствии ему все же удалось осуществить задуманное, но произошло это не так быстро, как он рассчитывал. Так, например, сразу же после того, как Филипп объявил войну ордену, его зять, Эдуард II Английский, выступил против истребления храмовников. Но потом, испытав на себе давление Папы Римского и тестя, он, хотя и без особого желания, подчинился их требованиям. Таким образом, в Англии также была арестована большая часть братии. Членов ордена, однако, подвергли не слишком тяжелому тюремному заключению. Что же касается их имущества, то оно было конфисковано в пользу рыцарей-госпитальеров св. Иоанна.

Другой страной, где находились владения ордена, была Шотландия. Там мало кого интересовали события, происходящие во Франции, кроме того, в то время для Шотландии первостепенное значение имела война с Англией, а не преследование тамплиеров. Таким образом, папская булла, положившая конец ордену тамплиеров, никогда не была там утверждена, что позволило некоторым английским и французским братьям найти убежище в этой стране.

Спустя семь лет после первых арестов во Франции спасшиеся храмовники приняли участие в битве при Баннокберне, где сражались под командованием Роберта Брюса. Впоследствии за четыре века они создали в Шотландии некое подобие ордена Храма, однако новая организация не имела и сотой доли того, что имели некогда рыцари Христова воинства. Так, когда в 1689 году Джон Клэверхауз, виконт Данди, был убит во время сражения при Килликранки, его подчиненные, подбежавшие к патрону сразу же после того, как он получил смертельное ранение, обнаружили на его груди большой крест ордена тамплиеров, каким он был до 1307 года.

В Лотарингии, входящей в то время в состав Германии, тамплиерам покровительствовал герцог-губернатор, который делал все возможное, чтобы не допус-

тить преследования своих подопечных. Несмотря на то что некоторые братья были арестованы, герцог добился для них полного оправдания. Он же посоветовал избежавшим суда снять орденские одежды, сбрить бороды и слиться с простыми смертными. Позже, когда орден официально был запрещен, многие бывшие храмовники пополнили ряды госпитальеров св. Иоанна и тевтонских рыцарей.

Так же дело обстояло и в Испании, а в Португалии тамплиеры сменили свое наименование, превратились в рыцарей Христа и приняли активное участие в открытии и освоении новых земель (рыцарем Христа был Васко да Гама, а Генрих Мореплаватель был Великим магистром ордена в этой стране).

Пережив в 1307 году массовое истребление, в 1522 году тамплиеры, а точнее будет сказать, их прусские потомки — тевтонские рыцари — окончательно отказались от всяческих связей с Римом и уже открыто встали на путь ереси, выдвинув тем самым свой протест против церкви, предавшей их орден. На сей раз предводителем братии стал Мартин Лютер.

Вот как выглядит общепринятая история ордена тамплиеров, содержащая множество противоречивых сведений и парадоксов, которые неизменно наводят на мысль, что за всем этим скрывается еще одна, более темная и таинственная версия, имеющая свое толкование деяний рыцарей Храма. Первое, что вызывает неподдельный интерес, — это множество противоречий, содержащихся в воспоминаниях современников и описаниях хронистов. Как только не называли людей в белых одеждах с крестом в области сердца — колдунами, магами, алхимиками, членами тайной секты...

Так, истории известно, что в 1208 году (в самом начале альбигойского Крестового похода) Папа Иннокентий III весьма недвусмысленно обвинил братьев в склонности к некромантии.

Однако не все крайне отрицательно были настроены против тамплиеров, имелись у них и восторженные поклонники. Взять хотя бы писателя Вольфрама фон Эшенбаха, который в конце XII столетия специально отправился за море только для того, чтобы увидеть тамплиеров в действии.

Результатом плавания стал эпический роман «Парцифаль», где рыцарская братия, являвшаяся якобы хранительницей Святого Грааля, замка и семьи, наделена самыми пылкими добродетелями. Надо заметить, что не один Вольфрам фон Эшенбах восхищался Христовым воинством. Многие французские авторы также обращались к жизни ордена и его членам; большой популярностью пользовался последний Великий магистр Жак де Молэ, чья смерть вызвала большое сочувствие у многих французов.

Во время казни (произошедшей на Еврейском острове) Молэ проклял и короля Филиппа, и Папу Климента V, призвав обоих предстать перед судом Всевышнего. И, что самое удивительное, его проклятиям суждено было сбыться: папа прожил со дня казни всего лишь один месяц, внезапно скончавшись от мнимого приступа дизентерии; что касается французского монарха, то он дожил до конца года, распрощавшись с жизнью при весьма загадочных обстоятельствах.

И, хотя многие придерживаются мнения, что так свершился суд Божий, покаравший тех, кто сам предал суду невиновных, тем не менее не стоит усматривать в этом проявление сверхъестественного. Ни для кого не секрет, что орденские братья были прекрасно знакомы с ядами и при случае умело ими пользовались. Кроме того, не все братья были арестованы, единицам все же удалось избежать казни. А среди них, надо полагать, имелось немало добровольцев, которые были способны на все, лишь бы отомстить за свои идеалы и своих наставников. Также не следует сбрасывать со счетов бег-

лых рыцарей, симпатизирующих и сочувствующих тамплиерам, а также родственников преследуемых братьев.

Однако, как и следовало ожидать, слов проклятий Великого магистра оказалось достаточно для того, чтобы появилась легенда, согласно которой орден обладал магической властью, позволившей через Жака де Молэ наслать проклятия на будущих потомков французского монарха, имевшие силу на протяжении очень длительного периода времени.

Много позже, а именно в XVIII столетии, тамплиеров стали почитать различные тайные общества, образованные по тому же типу и усматривавшие в рыцарях Христа магов и алхимиков. Придерживаясь аналогичных убеждений, многие франкмасоны объявили себя наследниками и хранителями тех же самых тайн. В те времена общество было еще слишком темным, чтобы отличать правду от вымысла, а потому верило всему, чем его потчевали аферисты.

Так, некоторые масонские ритуалы рассматривались как пришедшие из ордена Храма. В одних случаях подобная преемственность была спорной, а в других — вполне допустимой, особенно если принять во внимание, что орден Храма сохранился в Шотландии, где продолжал существовать все это время.

Наибольших размеров ореол таинственности, окружающий орден тамплиеров, достиг в 1789 году, во время Французской революции, когда нестабильная обстановка в стране в конце концов нашла отражение в целой веренице исторических романов и нравоучительных описаний, посвященных орденской братии. Авторы того времени представляли рыцарей и алхимиками, и оккультистами, и даже ясновидящими, хранителями высшей мудрости, причем все это было сдобрено якобы неопровержимыми доказательствами.

Получалось, что Христово войско состояло вовсе не из простых смертных, а из сверхлюдей, обладавших без-

границной властью и всеми знаниями Вселенной, которых подвергли жесточайшим мучениям за их преданность вере и насаждению антиклерикального духа, характерного для той революционной эпохи.

Нужно заметить, что все эти представления сыграли далеко не последнюю роль при составлении заговора против последнего монарха Франции Людовика XVI, в котором пожелали участвовать многие франкмасоны, надеявшиеся таким образом помочь в осуществлении проклятия, наложенного на французских монархов Жаком де Молэ.

Действительно, говорят, что когда голова поверженного Людовика упала на эшафот, к ней подбежал некто неизвестный, погрузил свои руки в еще теплую кровь короля, потом простер их к ликующей толпе и крикнул: «Ну вот ты и отмщен, Жак де Молэ!» О том, кто был этим неизвестным, история умалчивает. По всей видимости, подобными настроениями дышал весь народ революционной Франции.

После Великой французской революции последователи тамплиеров не утратили своих позиций. Их имя в то время носили сразу три организации, которые якобы вели свое существование с 1314 года. Некоторые масонские ложи ввели степень «тамплиер», а также способствовали воссозданию некоторых ритуалов и терминологии, которые будто бы использовали рыцари ордена Храма в Средневековье. Кроме того, в последние десятилетия XIX века в Германии и Австрии появилась организация, получившая название орден Новых Тамплиеров и наводившая ужас своими деяниями. В качестве основной эмблемы новые тамплиеры выбрали свастику.

Одно время у американских подростков было модным вступать в «Общество де Молэ». Однако при этом мало кто понимал, откуда взялось это название, кто такой Молэ и что он из себя представлял. Многие вообще думали, что это какой-то прославившийся современник.

А непонятные «Ротари-клубы», распространившиеся на Западе, присвоившие себе имя тамплиеров и собиравшие под свои знамена личностей с весьма сомнительной репутацией? Нужно заметить, что приведенный список последователей тамплиеров можно продолжать еще очень и очень долго.

Здесь следует добавить, что, как ни странно, самой богатой почвой для появления и культивирования идей тамплиеров, зачастую и близко не принадлежавших средневековым рыцарям, стала земля Франции, где уже в начале XX века была создана целая индустрия. Книжные лотки и прилавки магазинов пестрят яркими обложками всевозможных трактатов, посвященных ордену. Многие из них абсурдны, некоторые более приемлемы. Однако среди них нет ни одной правдоподобной, так как все они были основаны на домыслах и источниках, не пользующихся доверием.

В данных работах по поводу рыцарской братии были выдвинуты самые невероятные гипотезы, в которых орденские братья будто бы осуществляли строительство готических соборов и были вдохновителями средневековой архитектуры.

Кроме того, исследователи утверждают, что ими были найдены документы, по которым тамплиеры с 1269 года поддерживали торговлю с Американским континентом и их богатство происходит из серебряных шахт Мексики. Парадоксальна и точка зрения, в соответствии с которой рыцари Храма обладали некой тайной, касающейся возникновения христианства, и при этом были гностиками, еретиками и предателями, принявшими ислам.

Также утверждалось, что тамплиеры пытались установить созидательное единство всех кровей, рас и религий, под которым подразумевалось слияние идей ислама, христианства и иудаизма.

Несмотря на то что все упомянутые выше гипотезы вызывают улыбку, тем не менее никто не будет отри-

цать того, что по прошествии нескольких веков тайны тамплиеров, как и они сами, продолжают интересовать людей. Никто не может раз и навсегда снять пелену таинственности и раскрыть хотя бы малую часть тайн, которые вполне можно именовать эзотерическими, ибо некоторые предметы (в том числе символические статуэтки), обнаруженные впоследствии в командорствах ордена, невольно наводят на мысль о том, что некоторые из высших должностных лиц изучали астрологию, алхимию, геометрию, нумерологию и, само собой разумеется, астрономию. Последняя дисциплина в XII и XIII столетиях почти слилась с астрологией и рассматривалась как наука, доступная только для посвященных.

Однако поражает даже не столько эзотерический аспект, сколько набор противоречий и парадоксов, возникающих при изучении материалов, связанных с орденом. Чтобы разобраться в этом, не будем соблюдать точную хронологию и начнем с момента катастрофы, разразившейся над орденом, и обвинений, предъявленных рыцарям Храма.

Так, например, доподлинно известно, что многие рыцари, попавшие в руки инквизиции, довольно часто упоминали некоего Бафомета (Baphomet). При этом нужно отметить, что допрашиваемые находились в разных местах, довольно далеко друг от друга, и, следовательно, у них не было возможности сговориться. Также маловероятным представляется тот факт, что кто-то один мог все это выдумать или же что Бафомет был всего лишь названием неизвестного орденского командорства.

Так или иначе, исследователи до сих пор не могут понять, о ком или о чем идет речь, кем являлся Бафомет (если это вообще был человек), что он собой представлял и каковы были его роль и значение. Однако во всех документальных источниках имя этого неизвестного окружено таким почетом, будто бы речь идет о каком-то божестве.

Некоторые историки придерживаются мнения, что с Бафометом связаны демонические статуэтки и скульптуры (напоминающие водосточные трубы), обнаруженные во многих командорствах. Среди предметов культа орденских братьев также можно встретить подобие человеческой головы с бородой, которая считается изображением Бафомета.

Необходимо упомянуть и о том, что ряд историков подразумевает под Бафометом Мухаммеда (то есть имя первого — не что иное, как имя мусульманского пророка). Однако их доказательства несостоятельны; скорее всего, Бафомет — это искаженное арабское слово «абу-фиhamет» (abufihamet) или, как произносили это слово испанские мавры, «буфиhamат» (bufihimat), что в переводе означает «отец понимания» или «отец мудрости». Как известно, у арабов слово «отец» означает «источник».

Если эти предположения верны и слово «Бафомет» как-то связано с религией, то тогда становится понятным, почему большинство исследователей настаивает на том, что оно имеет отношение к некоему божественному или даже сверхъестественному началу. Но здесь вновь возникает вопрос: если под Бафометом подразумевался уже существующий в сознании больших групп людей Бог (речь идет об Аллахе), то какие цели преследовали тамплиеры, давшие ему иное имя? А если это вовсе не Аллах, то тогда кто он?

При этом многие найденные средневековые рукописи (из тех, что по каким-то причинам не были уничтожены) гласят, что в церемониях тамплиеров присутствует какая-то голова, о которой, как было сказано выше, нередко упоминалось в записях допросов инквизиции. Однако значение этой головы до сих пор невыяснено. Возможно, она некоторым образом была связана с алхимией. По крайней мере, эта версия поддается объяснению: одна из фаз алхимического процесса, предшествующая превращению философского камня, носит

название *caput mortuum* (то есть «мертвая голова») или *nigredo* (что значит «почернение»).

Что касается других версий, то, по одной из них, речь идет о голове самого Гуго де Пейна, плащ которого был украшен изображением трех черных голов на золотом поле.

Но и это еще не все: некоторые связывают эту голову со знаменитой туринской плащаницей, которая могла в 1204–1307 годах принадлежать рыцарям Христа. В связи с этим следует сказать, что в командорстве Тэмпликомб (в Сомерсете) была найдена голова, очень похожая на лик с плащаницы.

Нередко высказывалось предположение, что она принадлежала Иоанну Крестителю, а некоторые намекали, что тамплиеры поддались иоаннитской или мандеистской ереси и в связи с этим настаивали на том, что Христос — лжепророк, а Иоанн Креститель — мессия. При этом доподлинно известно, что во время своей деятельности на Ближнем Востоке тамплиеры тесно контактировали с упомянутой сектой и даже переняли от иоаннитов некоторые их традиции. Хотя нельзя с большой точностью утверждать, было ли это с их стороны истинным убеждением или они только прикрывались им, преследуя свои, никому не известные цели.

Как уже говорилось, в материалах допросов, следовавших после массовых арестов тамплиеров, также фигурирует некая голова. Судя по документам инквизиции, среди всего остального конфискованного имущества в Тампле (Париж) был обнаружен реликварий, имеющий форму женской головы. Верхняя часть необычной находки открывалась, а внутри содержалась еще более удивительная вещица, по всей видимости, некогда считавшаяся реликвией.

Вот ее описание, взятое из средневековых рукописей: «Большая голова из позолоченного серебра, очень красивого, с женским лицом; внутри — две черепные

кости, завернутые и зашитые в полотно из белого льна, покрытого другим полотном красного цвета; на него нашит ярлычок с надписью: «*Caput LVIII^m*». Отметим, что эти кости принадлежали женщине довольно маленького роста».

По поводу данной реликвии также высказывались многочисленные предположения, однако ее истинное значение остается загадкой ордена. Правда, здесь нужно сделать небольшое отступление: монахи, вершившие правосудие над одним из тамплиеров, утверждают, что во время допроса рыцарь заявил об отсутствии сходства описанной выше находки с бородатой головой, используемой в ритуалах ордена. Но так как рыцаря подвергали пыткам, неизвестно, можно ли доверять его словам, поскольку он, испытывая сильные мучения, мог сказать первое, что пришло ему на ум.

Что касается современных точек зрения на этот вопрос, то их просто не существует, и «*Caput LVIII^m*» (Голова 58м) так и остается загадкой, хотя некоторые исследователи неоднократно пытались разгадать ее, делая упор на надпись. Однако все их попытки ничего не дали, если не считать предположения, что буква «m» — это знак, взятый для обозначения астрологического символа Девы (стилизиция имеет некоторое сходство с этой буквой). Характерно, что эта голова, ставшая знаменитой, упоминается еще в одной интересной истории, которую связывают с рыцарями Храма. Вот один из многочисленных ее вариантов.

Некий тамплиер по имени де Сидон полюбил девушку из знатной и влиятельной семьи де Мараклеа, однако влюбленным так и не удалось соединить свои судьбы. Возлюбленная рыцаря умерла, будучи еще совсем юной. Трудно представить, что пережил де Сидон, получив известие о ее смерти, но в ночь после похорон обезумевший от любви и горя тамплиер проник в могилу, открыл ее и удовлетворил свое желание с безжиз-

ненным телом. Когда это произошло, до рыцаря из могилы донесся голос, приказывающий ему прийти сюда ровно через девять месяцев, чтобы забрать плод его деяния. Тамплиер повиновался и исполнил все в точности, как ему было велено. Спустя девять месяцев он вновь открыл могилу и меж больших берцовых костей скелета своей возлюбленной нашел голову.

Рыцарь снова услышал тот же голос, который повелел забрать ему голову и никогда не расставаться с ней, так как она должна была исполнить все, чего бы он ни пожелал. Забрав голову, рыцарь с тех пор повсюду носил ее с собой, и зловещая реликвия действительно стала его талисманом, исполняющим все желания. С кончиной тамплиера она перешла в собственность ордена и стала его реликвией, даровавшей всем рыцарям тайную власть над всеми смертными.

Характерно, что при всем многообразии вариантов этого предания, заимствованного многими средневековыми авторами, неизменно говорится, что осквернителем могилы был не кто иной, как тамплиер. При этом следует отметить, что если сначала предание связывали только с абстрактным рыцарем, то впоследствии его зловещая тень легла на орден. Этому во многом способствовала церковь, ополчившаяся против ордена после известных событий 1307 года.

Мало того, инквизиция использовала эту историю в своих целях во время судебных процессов над орденскими братьями. И в конце концов ей даже удалось добиться двух признаний в том, что данные события имели место в действительности.

Правда, здесь опять же стоит сослаться на обстановку, в которой были получены эти признания. Пытки средневековых мучителей могли заставить любого признаться в том, чего не было на самом деле, но было на руку монахам, которые усмотрели в описанной выше истории карикатуру на божественное материнство.

Один из хронистов того времени даже указывает имя женщины — Иза (производное от Изис). Здесь сразу же невольно возникают ассоциации, связанные с именем известной богини Таммуз-Адониса, голова которой была сброшена в волны, или Орфеем, чья голова покатила по Млечному Пути, а также с головой Брана Блаженного из кельтской мифологии. Что касается последней гипотезы, то магический котел, которому завидовали боги, будет впоследствии отождествлен с языческим эквивалентом Святого Грааля.

Как бы там ни было, но культ головы, по всей видимости, имел у тамплиеров первостепенное значение, поскольку даже инквизиция всерьез заинтересовалась им. В качестве доказательства можно привести список обвинений, выдвинутый против орденских братьев 13 августа 1308 года и упомянутый во многих трудах, посвященных деятельности ордена: «Item, что в каждой провинции у них имелись идола, в особенности головы... Item, что они говорили, будто голова могла их спасти... Item, что они поклонялись этим идолам... Item, что она могла заставить цвести деревья... Item, что она заставляла землю давать урожай. Item, что (она могла) сделать их богатыми... Item, что они обвязывали эти головы или притрагивались к каждой голове этих идолов маленькими шнурочками, которые они носили сами на шее между рубашкой и телом».

Многие современники поговаривали о том, что этот культ напрямую связан с катарами, которые будто бы тоже носили священные шнурки. А способности головы, перечисленные в обвинительном приговоре (способность приносить богатство, заставлять деревья цвести, оплодотворять землю), как известно, приписывались Святому Граалю.

Что же касается истинных верований тамплиеров, то за отсутствием достоверных источников ученые строят их в основном на материале церковников, а именно на

их обвинениях (в богохульстве и ереси). При этом особенное негодование у инквизиторов вызывали отрицание тамплиерами креста и глумление над этой святыней христианской религии.

Как стало известно из допросов, отречение от распятия было одним из условий вступления в орден. Так, во время церемонии посвящения вступающему говорили: «Ты ошибаешься, Христос — лжепророк, верь не в него, а только в Бога, который на небесах». Таково было признание одного из несчастных, не выдержавшего страшных пыток. Другой говорил примерно следующее: «Не верь, — сказали мне, — что человек Иисус, распятый за морем евреями, есть Бог и что он может тебя спасти».

Наконец, третий заключенный также сознался, что ему велели отречься от лжепророка Христа и верить только в «высшего Бога», потом ему якобы подали распятие, сопроводив показ словами: «Не придавай ему большого значения, ибо он еще слишком молод».

Но самое интересное в деле тамплиеров заключается в том, что они сами никогда не считали свои убеждения до конца правильными и действовали в соответствии с ними только потому, что были частью большой организации, которая жила по своим собственным законам и не позволяла сомневаться в непреложной истине установившихся традиций.

Некоторые исследователи придерживаются мнения, что большая часть признаний была сфальсифицирована церковью. Может быть, это и соответствовало действительности, но нельзя утверждать, что все документы были намеренно сфабрикованы, чтобы раз и навсегда покончить с орденом. Скорее всего, церковь лишь приукрасила уже имеющиеся сведения; ей не нравилось, что орден, первоначально подчинявшийся Риму, впоследствии сошел с верного пути и впал в ересь. Здесь стоит отметить, что отрицание креста впервые прояви-

лось за 50 лет до 1307 года, и хотя не явно, но все же поддерживалось во время Шестого крестового похода, имевшего место в 1249 году.

Распад ордена столь же загадочен, как и его образование (выше об этом говорилось более подробно). Согласно официальной истории, все началось с появления в Святой земле девяти рыцарей. Но откуда они взялись, почему король тут же отдал им часть своего дворца и почему они в течение девяти лет никого не принимали в свое общество, претендуя на право защищать все дороги Палестины?

При этом стоит еще раз отметить, что позже об этих первых тамплиерах как будто позабыли. Иначе и не скажешь, так как нигде невозможно найти о них ни одного упоминания. Даже официальный летописец короля Иерусалимского (уж кто-кто, а он-то должен был встречаться с ними и знать их, ведь они жили в храме Соломона!) не пишет о первых тамплиерах ни слова.

Как могли защитники палестинских дорог остаться без внимания и ускользнуть из поля зрения Фуше Шартрского? Невероятно, но королевский хронист ни слова не говорит о Гуго де Пейне и других «бедных рыцарях». Другие летописцы также обходят эту тему молчанием и только уже неоднократно упоминавшийся и цитировавшийся Вильгельм Тирский приводит в своем труде те сведения об ордене, которые ему удалось раскопать после того, как рыцарское братство уже начало набирать свою силу и распространять свое влияние.

Нужно заметить, что подобное положение дел не только изумляет, но и настораживает, наводя на размышления. А что, если на самом деле первые девять рыцарей не состояли на почетной общественной службе, а занимались тайными махинациями, неизвестными официальному летописцу двора? А ведь такое вполне могло быть: само прошение на получение права охранять паломников и подъездные дороги к Иерусалиму

невольно наводит на мысль, что при этом просители преследовали какие-то свои цели, ведь если рассуждать логически, то на это требовалось не девять, а гораздо большее число рыцарей.

Вторая гипотеза сводится к тому, что летописец знал о происходящем, но по каким-то неизвестным нам причинам был вынужден умолчать о нем.

Нужно сказать, что это больше похоже на правду, ведь, как известно, к маленькой группе присоединились два известных сеньора, о присутствии которых хронист просто не мог не знать.

Здесь мы опять сталкиваемся с противоречием: согласно запискам Вильгельма Тирского, орден Храма был основан в 1118 году девятью рыцарями, которые в течение девяти лет оставались единовластными хозяевами дорог, ведущих к Святому городу. А между тем другие источники, в достоверности которых не приходится сомневаться, утверждают, что будто бы в 1120 году членом ордена тамплиеров стал сам граф Анжуйский (отец Жоффруа Плантагенета), а в 1124 году его примеру последовал один из самых богатых сеньоров Европы — граф Шампанский.

В чем же ошибка? В том, что на протяжении девяти лет состав ордена оставался тем же, или же в том, что дата основания намеренно была передвинута вперед летописцем? Если Фульк Анжуйский вошел в ряды рыцарей Храма в 1120 году и если до его вступления в орден никто в течение девяти лет не был в него принят, то получается, что организация была создана не в 1118 году (как об этом сказано у Вильгельма Тирского), а либо в 1111, либо в 1112 году.

В 1114 году в Святую землю отправился граф Шампанский, который незадолго до этого получил письмо от епископа Шартрского (св. Бернара), где ясно сказано, что адресату известно о намерении графа вступить в ряды Христова воинства.

То, что речь здесь идет именно об ордене тамплиеров, а ни о каком другом ордене, нет никакого сомнения. И если некоторые исследователи высказывают сомнения по поводу этого шага графа, утверждая, что тот всего-навсего намеревался примкнуть к участникам Крестового похода, то как же быть с обетом целомудрия, на который ссылается в своем послании епископ? Ведь воины-крестоносцы вовсе не обязаны были блюсти его.

Из всего сказанного выше явствует, что тамплиеры, пусть даже в проекте, существовали уже в 1114 году, то есть за четыре года до даты, указанной Вильгельмом Тирским. Если же предположить, что св. Бернар, умерший в 1115 году, ошибся, намекая на еще не существующий орден, то как такое вообще возможно? Скорее всего, ошибку допустил Вильгельм Тирский, а потом — через его посредство — и все остальные историки.

Далее мы сталкиваемся с еще более невероятными фактами. Так, например, известно, что трое из девяти рыцарей, основателей ордена, были родом из прилегающих друг к другу поместий, находились в близком родстве друг с другом и подчинялись графу Шампанскому, вассалами которого являлись. Последний же, получив депешу от епископа Шартрского, стал тамплиером только в 1124 году, поклявшись в верности своему же собственному вассалу Гуго де Пейну — первому Великому магистру ордена. Но и это еще не все. Самое интересное, что в 1115 году граф подарил ордену большую часть своих земель, на которых св. Бернар, покровительствующий рыцарям Храма, выстроил знаменитое аббатство Клерво.

Среди других, не менее удивительных совпадений можно назвать тот факт, что в списке имен девяти основателей фигурирует имя Андре де Монбара, дяди св. Бернара. Кроме того, внимание к себе привлекает Труа, в котором находился двор графов Шампанских.

Известно, что с 1070 года этот город считался важнейшим центром кабастики и эзотеризма, а впоследствии, в 1128 году, именно в нем орден получил право на существование и на протяжении двух столетий считал его своим важнейшим стратегическим центром. Все это отнюдь не так просто. Ряд совпадений также наводит на мысль о том, что рыцари ордена занимались какой-то неизвестной тайной деятельностью. Как иначе можно объяснить то, что им была пожалована часть древнейшего храма?

Как известно, в 70 году н. э. храм Соломона, о котором идет речь, был разграблен римлянами, забравшими из него все сокровища. Однако некоторые современные исследователи настаивают на том, что большую часть драгоценностей священникам удалось сохранить, спрятав под храмом. В качестве доказательства они приводят один из манускриптов Мертвого моря, обнаруженный в Кумране. В этом документе, расшифрованном в 1955–1956 годах в Манчестере, говорится о большом количестве золота и разных драгоценных предметов, сокрытых в подземельях храма.

Кроме того, в середине XII столетия паломник Иоганн фон Вюрцбург, посетивший Святую землю, рассказывал о том, что под храмом Соломона находятся конюшни, вмещающие до двух тысяч лошадей. Сюда же впоследствии ставили своих коней и девять рыцарей, которые сразу же после того, как обосновались в древнем храме, начали вести там раскопки. Возможно, это и было тайной миссией основателей ордена тамплиеров, специально посланных в Святую землю и прикрывавшихся благородными целями.

Если это действительно было именно так, то кто же их послал в Палестину?

Здесь нужно вернуться на некоторое время назад, а именно в 1104 год, когда граф Шампанский собрал конклав знатных сеньоров, одним из которых был уже

упоминавшийся Андре де Монбара. Некоторое время спустя граф сам отправился в Святую землю и, пробыв там около четырех лет, в 1108 году вернулся во Францию. В 1114 году он вновь направился в Иерусалим, желая примкнуть к тамплиерам, но по каким-то причинам отказался от своего намерения и через год вернулся на родину, где подписал бумаги, по которым часть его земель перешла ордену цистерцианцев. Примерно в то же время на этих землях под руководством св. Бернара было построено аббатство Клерво.

Интересно, что в 1112 году орден цистерцианцев находился на грани разорения, а тут дела резко пошли вверх, и к 1153 году ордену принадлежало уже около 300 аббатств. Внезапный взлет ордена цистерцианцев совпал с внезапным подъемом ордена Храма, между которыми существовала очень прочная, хотя и скрытая от посторонних, взаимосвязь. Дело в том, что духовным пастырем первого ордена был сам св. Бернар, а одним из основателей второго — Андре де Монбар, являвшийся дядей св. Бернара.

Но окунемся поглубже в события того времени и постараемся не упустить ни одной важной детали. Начнем с того, что после тайного совещания 1104 года с несколькими знатными сеньорами граф Шампанский в первый раз посетил Иерусалим. В 1112 году племянник Монбара вступил в орден цистерцианцев; в 1114 году граф вторично посетил Палестину, намереваясь вступить в орден тамплиеров, основателями которого являлись его же собственные вассалы — Гуго де Пейн и Андре де Монбар.

Если присовокупить к этому послание епископа Шартрского, то орден к тому времени либо уже существовал, либо должен был вот-вот появиться.

Год спустя граф вернулся во Францию и преподнес св. Бернару землю, на которой вскоре появилось аббатство Клерво. Вслед за этим оба ордена (цистерцианцев

и тамплиеров), основанные близкими родственниками, пережили удивительный взлет.

Сопоставив все эти совпадения, которые не могут быть простой случайностью, ибо слишком уж их много, ряд исследователей взял на себя ответственность составить свой сценарий событий того времени, который бы учитывал все изложенные выше факты.

Историки предположили, что в Палестине было сделано какое-то важное открытие, которое тут же заинтересовало некоторых европейских рыцарей — выходцев из знатных семей. Прямо или опосредованно, но открытие вызвало резкий приток богатств, однако при этом его тайна была известна только избранным. Вероятно, упоминание о ней прозвучало на конклаве 1104 года, так как сразу после этого Гуго Шампанский самолично отправился в Палестину. Целью его визита в Святую землю могло быть стремление принять участие в создании ордена Храма или же желание проверить полученную информацию.

Вскоре произошло основание нового ордена, в котором граф принял самое активное участие, выступив в качестве богатого покровителя. Вслед за этим, с 1115 года, из Палестины в Европу поступило такое количество денежных средств, что на них было построено около 300 аббатств. Внезапно разбогатевшие цистерцианцы оказали активную поддержку только что возникшему ордену тамплиеров, одновременно создав ему надежную репутацию.

Спустя весьма короткий промежуток времени цистерцианцы достигли известного духовного влияния в странах Европы, а тамплиеры, прочно утвердившиеся в Палестине, наладили с ней тесные контакты. Не возникает никаких сомнений в том, что за всеми этими деяниями стоят три неоднократно упоминаемые нами личности. Св. Бернар, Андре де Монбар и Гуго Шампанский, подобно кукольникам, дергали за невидимые нити и вершили историю так, как им было выгодно.

Однако реальная действительность не может быть замкнута на троих людях. Наверняка с ними сотрудничали другие великие умы того времени, относящиеся к третьей организации, действующей за спинами двух первых. По всей видимости, существовал еще один орден.

Однако вернемся на время к открытию, сделанному в Палестине и тщательно охраняемому графом Шампанским, св. Бернаром и его дядей. Что это было — до сих пор неизвестно и вряд ли когда-нибудь выяснится, так как тайна тамплиеров ушла в могилу вместе с последним представителем этого ордена. Документов по этому поводу никаких не существует, и все гипотезы основаны только на богатой фантазии историков.

Все эти рассуждения невольно наводят на мысль, что сокровище, о котором идет речь, не было материальным, так как ничто материальное не способно было повлиять на негативное отношение тамплиеров к Христу и тем более заставить их молчать даже под страшными пытками.

Также стоит отметить, что 13 октября 1307 года не все французские тамплиеры были арестованы в своих командорствах. Некоторым все же удалось благополучно ускользнуть из искусно сплетенных сетей Филиппа Красивого. Удалось избежать погрома и командорству Безю близ Рени-ле-Шато. В чем причина такой милости судьбы? Постараемся в этом разобраться.

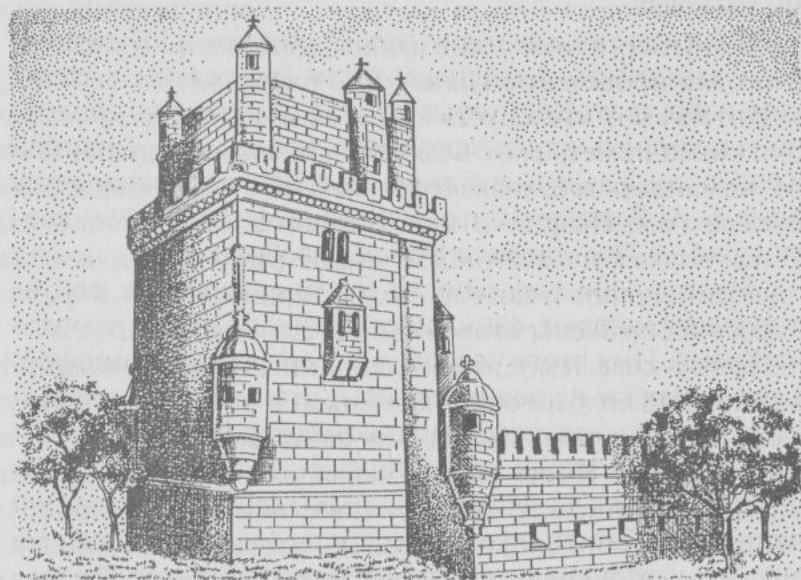
Итак, в 1153 году один из местных сеньоров, сочувствующий катарам, занял пост Великого магистра ордена Храма. Имя этого человека — Бертран де Бланшфор, а проживал он на вершине горы, что находилась неподалеку от упомянутого выше командорства. Нужно отметить, что Бертран де Бланшфор, вершивший судьбу ордена вплоть до 1170 года, был весьма незаурядной личностью. Его политика способствовала тому, что пока еще не утвердившаяся организация довольно быстро превратилась в один из мощных институтов.

Четкая иерархия и строгая дисциплина сделали орден Храма настолько влиятельным и сильным, что его стали бояться.

Вмешательство тамплиеров в международные дипломатические и политические акции на высшем уровне как нельзя лучше подтверждают их могущество. Интересно, что советником де Бланшфора был сам Андре де Монбар, которого он сменил на посту Великого магистра ордена.

Перед тем как войти в ряды рыцарей Храма, Бертран де Бланшфор передал в дар ордену свои земли в окрестностях Рени-ле-Шато и Безю. Став же Великим магистром, он в 1156 году вызвал в командорство команду шахтеров, целиком состоящую из немцев, которых сразу же подчинили строгой дисциплине, запретив любое общение с местными жителями. При этом специально для них была создана судейская коллегия (или Немец-

Замок тамплиеров

кий суд), призванная рассматривать различные технические вопросы, якобы возникавшие в ходе работ.

Однако разработка золотых шахт, расположенных на склонах горы Бланшфор, была лишь прикрытием. Известно, что все они были истощены задолго до того, как там появился де Бланшфор. Впоследствии это было подтверждено специальной инженерной комиссией, которая произвела разведку минеральных ресурсов региона и составила подробные отчеты.

В XVII веке Сезар д'Аркон перерыл руины, оставленные наемными орденовыми шахтерами, и сделал окончательное заключение, из которого следовало, что после набега римлян никаких разработок в этой области не велось.

Зачем же понадобилось де Бланшфору вызывать в командорство немецких шахтеров, и что они в действительности делали на горе? Выяснить цель их пребывания так и не удалось. Возможно, они рыли подземный ход, который должен был соединять данное командорство с другим, или же занимались сооружением подземелий для проведения каких-либо ритуалов.

Интересно, что спустя сто лет, в 1285 году, в нескольких километрах от Безю появилось еще одно важное командорство, известное как Кампань-сюр-Од. Вслед за этим Пьер де Вуазен (сеньор Безю и Рени-ле-Шато) вызвал из арагонских провинций Руссильона отряд тамплиеров и поселил их на вершине горы Безю, где были сооружены сторожевой пост и часовня.

Призванные тамплиеры должны были обеспечивать безопасность паломников, посещавших эти места, а также следить за дорогой, пересекающей равнину и идущей до Сантьяго-де-Компостела. Такова была основная версия. Однако зачем де Вуазену понадобилось вызывать дополнительный отряд рыцарей Храма, если по соседству уже жили тамплиеры, а его войско было способно самостоятельно, без чьей-либо помощи обеспечивать за-

шиту окрестностей? Наверняка сеньор Безю и Рени-ле-Шато преследовал свои, известные только ему цели.

Что касается местных преданий, то они гласят, что прибывшие из Руссильона тамплиеры должны были либо откопать, либо закопать какое-то сокровище, либо сторожить его. Но это опять же всего лишь предположения. Однако если относительно истинных целей сеньора Безю никто никогда так ничего и не узнал, то об особых привилегиях, которыми стали пользоваться прибывшие, знали многие, в том числе и не принадлежавшие к орденской братии. Стоит вновь напомнить о том, что после массовых арестов, произведенных 13 октября 1307 года, только руссильонские тамплиеры избежали печальной участи своих братьев. Возможно, это произошло благодаря тому, что в тот день все они перешли под командование сеньора де Гота.

Что касается последнего, то прежде чем занять папский престол под именем Климента V, епископ из Бордо был марионеткой в руках Филиппа Красивого и именовался Бертраном де Готом. Имя Бертран носил Великий магистр командорства Безю близ Рени-ле-Шато. Если обратиться к биографии этого человека, то все сразу же встает на свои места. Матерью Бертрана де Гота была Иза де Бланшфор, происходившая из семьи Бертрана де Бланшфора!

Тот факт, что тамплиеры командорства Безю были отданы именно де Готу, а не кому-нибудь еще, понятен. Но был ли он связан с чудесной тайной, долгое время хранившейся в его семье? Если он действительно был в нее посвящен, а иначе просто и быть не могло, то стоит ли удивляться тому, что глава Римско-католической церкви предоставил особые привилегии члену своей семьи, имеющему под своим командованием тамплиеров из Безю. По воле обстоятельств простая история местной общины тамплиеров оказалась также окутана пеленой таинственности, как и судьба самого ордена.

Латинский устав

Известно, что в течение долгого времени со дня основания ордена рыцари Храма следовали уставу Св. Августина, хотя их собственный устав был ближе к цистерцианским порядкам. В задачи покровителя ордена, св. Бернара, входил пересмотр некоторых положений, что было делом весьма деликатным. С одной стороны, каноническое право запрещало монахам проливать кровь, так как рассматривало акт умерщвления, пусть даже во время битвы, как убийство. Но с другой стороны, орден тамплиеров был рыцарским, и монахи подчинялись трем обетам.

В связи с этим св. Бернару пришлось установить различие между понятиями войны феодальной и войны святой (*homiciddia* — «человекоубийство» и *malicidia* — «убиение зла»).

В то время как мирские рыцари уничтожали своего противника, то есть собственной рукой убивали тело и душу одновременно, Христово воинство (как и крестоносцы) несло в своих руках праведный меч Бога.

Строя свои речи исходя из этих соображений, св. Бернар с пылом и самой едкой иронией бичевал мирское рыцарство: «Вы рядите своих лошадей в шелка и окутываете свои кольчуги каким-то тряпьем.

Вы разрисовываете свои копья, щиты и седла, инкрустируете свои удила и стремяна золотом, серебром и драгоценными камнями. Вы пышно наряжаетесь для смерти и мчитесь к своей гибели бесстыдно и с дерзкой заносчивостью. Эти лохмотья — доспехи ли это рыцаря или женские наряды?»

Однако не только одежду и прически осмеивал в своих речах епископ Шартрский, он обвинял мирских рыцарей еще и в том, что они сражаются «за самые пустые вещи», под которыми он подразумевал безрассудный

гнев, жажду славы и мирских благ. Что касается тамплиеров, то они являли собой полную противоположность тем, кто облачался в женские наряды. Во-первых, они всегда выступали по знаку своего командира; во-вторых, носили строгое одеяние и, в-третьих, очень просто питались, избегая излишеств. Жили орденские братья под одним кровом (без женщин и детей), объединенные в почитании Бога своим уставом.

Разумеется, что среди рыцарей не было ленивых и праздных. В свободное от службы время, которое случалось крайне редко, воздавая благодарение Небесам, они занимались починкой одежды или оружия, а также выполняли поручения магистра, который указывал на нужды их Дома.

Несмотря на то что среди рыцарей были выходцы из разных по материальному достатку и знатности семей, тем не менее между ними не было вышестоящих (за исключением Великого магистра) или нижестоящих. Почет воздавался не самому знатному, а наилучшему.

Между собой все орденские братья должны были вести себя учтиво и следовать заповедям Христа, во всем помогая друг другу. Если когда-либо и были замечены такие «проступки», как дерзкие речи, неумеренный смех, жалобы или ропот, то они никогда не оставались безнаказанными.

Рыцари не признавали также игры в шахматы и кости, которыми развлекали себя миряне. Охота тоже вызывала у них отвращение. «Что за удовольствие гоняться за птицами?» — рассуждали они.

Фокусники и мимы, жонглеры и клоуны были ненавистны рыцарям, придерживающимся строгих взглядов, они считали этих людей легкомысленными и глупыми, не достойными внимания.

Относительно внешнего вида у св. Бернара также были свои понятия. Придерживаясь мнения, что мужчинам не пристало ухаживать за волосами, он считал,

что его паства должна коротко стричь волосы на голове, так как причесывание — это женское занятие. Кроме того, тамплиер должен был появляться в обществе неумытым и непричесанным, с всклокоченной бородой и в одеждах, пропахших пылью, и т. п.

Очень возможно, что образ грубоватого и нечистоплотного рыцаря, созданный воображением св. Бернара, так никогда и не был претворен в действительность.

Ни для кого не секрет, что на самом деле тамплиеры не были аскетами, и выражение «Memento Finis», начертанное на форзаце их устава, можно истолковывать двояко: как «Думай о своем конце» и как «Думай о своей цели».

Интересно, что во время собора в Труа орденским братьям был дарован первоначальный устав, впоследствии вынесенный на одобрение Папы Луция II (патриарха Иерусалимского и магистра ордена). На том же соборе они получили право носить белые плащи, владеть и управлять землями и вассалами (хотя тамплиеры приняли обет бедности) и получать церковную десятину (не платя при этом никаких налогов).

Латинская редакция устава содержала 72 статьи с прологом и включала протокол собора. В восьми первых статьях были представлены религиозные обязанности братьев, которые должны слушать божественную службу с великим благочестием. При условии, что дела Дома мешают присутствовать на богослужении, рыцари повторяли молитву «Отче наш» по тринадцать раз вместо заутрени, по девять раз вместо вечерни и по семь раз в другие часы.

По смерти одного из рыцарей другие служили заупокойную мессу, после чего каждый из собратьев прочитывал для него сто раз «Отче наш». Но и это еще не все: в течение сорока дней на месте усопшего кормили какого-нибудь одного бедняка. При этом при гибели наемного мирского рыцаря за упокой его души «Отче

наш» произносили только тридцать раз, а бедняк получал пищу в течение семи дней. Что касается священников и клириков, временно обслуживающих Дом (монастырских служителей-капелланов тогда еще не было), они получали только одежду и пищу. Ничего из пожертвований ордену им не перепало. Слушать мессу орденским братьям разрешалось сидя.

Одиннадцать статей включали в себя повседневные правила: братья обязаны были молча вкушать трапезу, слушая при этом чтение Священного Писания. Мясо подавалось только два раза в неделю, при этом двойной порции по воскресеньям удостаивались только рыцари. Что касается остальных обитателей Дома, оруженосцев и сержантов, которые прислуживали рыцарям, то они должны были довольствоваться обычным рационом. В будни меню состояло из двух-трех овощных или печеных блюд, в пятницу готовились блюда из рыбы.

Рыцари Храма соблюдали пост, который длился от дня Всех Святых до Пасхи (за исключением великих праздников). Согласно уставу, десятую часть своего хлеба орденские братья отдавали бедным. Каждый вечер они получали легкое угощение, сообразное степени воздержания магистра.

После вечерни все обитатели Дома должны были хранить молчание (это правило переставало действовать в военной обстановке). Те, кто был изможден усталостью, могли пропустить заутреню, произнеся взамен тринадцать раз «Отче наш». Таковы были пункты, оговаривающие особенности жизни в ордене.

Что касается внешнего облика, то он также был прописан в уставе во всех подробностях. Так, например, платье тамплиера должно быть либо совершенно белым, либо черным, из грубой шерстяной ткани. Отделка мехом строго воспрещалась. Исключение составляла овчина. Впоследствии рыцарям стали выдавать одежды, имевшие большое сходство с одеянием мирского конюшего.

Братья не стригли бород и усов, сбривая волосы только на голове. Их башмаки не должны были иметь острых носов и шнурков.

У каждого брата была своя собственная кровать с соломенным тюфяком, простыней, подушкой в виде валика и покрывалом из овечьей шерсти. Спать нужно было ложиться одетыми в рубаху и штаны, подпоясавшись веревкой, так как это считалось символом целомудрия. На протяжении всех ночей в общей спальне, называемой дортуаром, должен был гореть огонь.

Вслед за этим в уставе следовал перечень требований к снаряжению и вооружению. Согласно им, каждый рыцарь мог иметь трех лошадей, обслуживанием которых занимался один конюший (оруженосец). Стремена и удила должны быть без позолоты или серебрения. Если кто-нибудь в качестве дара преподносил ордену золоченые доспехи, то их новый владелец обязан был закрасить блеск золота или серебра.

Когда мирской рыцарь на время присоединялся к Дому, при этом обязательно фиксировалась цена его коня, потому что с уходом из ордена ему возвращали только половину этой суммы. Кроме того, наемные оруженосцы и сержанты, состоящие на службе ордена временно, обязаны были вносить задаток, который был некоей гарантией того, что они будут соблюдать свои обязанности со всей ответственностью.

Вслед за статьями о снаряжении и вооружении шли статьи, где были прописаны все пункты, касающиеся отношений братьев с магистром.

Братья должны были полностью подчиняться последнему, а в случае надобности — исповедоваться, с тем чтобы он наложил на них покаяние в соответствии с серьезностью их проступка.

Последние статьи устава более разнообразны и не привязаны к какой-то определенной теме. Так, братья не могли иметь какую-либо сумку или сундук с зам-

ком — все было общим. Письма, адресованные отдельному лицу, всегда читались в присутствии магистра (мало кто из рыцарей знал грамоту). Никто не должен был похвастаться своим безрассудством, совершенным в миру.

Любые подарки, которые получали рыцари, в том числе и от своих родных, они отдавали либо магистру, либо сенешалю. Охотиться тамплиерам было строго запрещено. Исключение составляла охота на львов. Уход за больными осуществляли сиделки, старики также имели право на уход.

Стать членами Дома могли и те, кто имел семью (жену и детей), однако женатые не имели права на белые одежды. При этом новый член Дома становился рыцарем только тогда, когда ему были пожалованы белые одеяния (в отличие от сержантов, оруженосцев и других военных слуг). В том случае, если муж умирал раньше жены, то одна половина общего имущества переходила в собственность ордена, а другая — вдове. Сестры (монахини) в орден не принимались, так как данная организация была исключительно мужской.

Самыми важными считались следующие статьи: братьям запрещалось общаться с отлученными от причастия (при этом принимать милостыню от них не было запрещено); кто изъявлял желание стать рыцарем ордена Храма, должен был просить об этом (в присутствии магистра и капитула) только после того, как прослушал статьи устава. Продолжительность испытательного срока определялась магистром; «путешествуя, братья должны стремиться подавать добрый пример, особенно посещая собрания и жилища неотлученных рыцарей: если среди них окажется желающий стать тамплиером, он обратится с просьбой об этом в присутствии местного епископа, который и направит его к магистру ордена».

Латинский устав предполагал, что перед вступлением в орден каждый должен был пройти срок послушничества (во французском уставе этой статьи не было).

Была в латинском уставе и статья, которая являлась позднейшим добавлением к решениям собора, при этом из ее текста явствует, что данный устав был утвержден не в Труа, но «по общему совету большинства капитула», то есть некоторое время спустя генеральным капитулом ордена. В качестве доказательства можно сослаться на то, что если во всем предыдущем тексте тамплиеры говорят от своего имени и пишут «мы», то в последней статье вместо «мы» везде встречается «вы», употребленное в их адрес преподобными отцами. Ознакомимся с ее положениями.

Всем сержантам и оруженосцам предписывалось не носить белых одежд, так как это якобы наносило Дому большой урон. До преподобных отцов дошли сведения, что «в землях по ту сторону гор появились лжебратья, женатые и прочие, которые называли себя братьями ордена Храма, но были мирянами». Сочтя большим позором для ордена то, что даже «тамошние» оруженосцы преисполнились гордыни, они распорядились, чтобы военным слугам выдали черные платья, а если такие не найдутся, то тогда самые дешевые (то есть из грубой шерстяной ткани).

Французский устав

Когда был сделан французский перевод устава ордена тамплиеров, неизвестно, однако установлено, что он имеет явную связь с буллой *Omne Datum Optimum*, данной Иннокентием II Роберу де Краону 29 марта 1139 года. Эта булла являлась Великой Хартией ордена Храма, основой всех его привилегий.

При этом можно точно сказать, что французский устав не может быть датирован более ранним периодом, так как признает существование братьев-капелланов, появившихся в ордене после буллы. Кроме того,

предположения о дате его появления ограничиваются еще и тем, что в нем не упоминается герб с красным крестом, дарованный рыцарям Евгением III (1145–1153). Произошло это, скорее всего, во время присутствия папы в Париже на Генеральном капитуле 1147 года.

В связи с вышеперечисленными обстоятельствами можно предположить, что французский перевод был сделан в период с 1139 по 1141 год или немногим позже, так как при последующих изменениях и дополнениях к французскому уставу вопрос о символике поднимался достаточно часто и касался одежд, плащей и саванов. Наводит на размышление и изучение сборника булл, где говорится, что все привилегии, предоставленные орденским братьям папской буллой, всегда находили применение.

В статьях, о которых сказано, что «эти статуты могут быть изменены только магистром с согласия его капитула», уже подразумевается, что члены капитула именно так и поступят.

Всем известно, что рыцари-тамплиеры получили от папы привилегию, согласно которой они освобождались от вмешательства какого бы то ни было духовного или светского лица. Это было очень важно, потому что братья не желали выносить какие бы то ни было изменения на утверждение патриарха Иерусалимского, который по распоряжению собора должен был осуществлять опеку над орденом Храма.

Здесь стоит отметить, что изменения, встречающиеся во французском переводе, преследуют ту же цель, что и булла *Omne Datum*, — освобождение братьев от всякой власти, кроме власти папы.

Если латинский устав можно пересказать, то французский перевод нужно видеть и воспринимать целиком из-за свежести и наивности еще несовершенного языка, которым он написан. Исключение составляют несколько важных поправок, где французская версия

наиболее приближена к латинской, несмотря на то что переводчик допустил несколько ошибок.

Еще одно существенное различие между этими двумя версиями заключается в том, что в оригинале статьи располагаются строго по порядку, в то время как в переводе они идут без разбора.

Начавшись с вдохновенного обращения к братьям, французская версия далее содержит текст, в котором рассказывается о правилах принятия в Дом ордена Храма. В нем говорится, что рыцари не должны тотчас принимать в свои ряды всех, кто пожелает к ним присоединиться, избрав общинную жизнь в надежде таким образом укрыться от жизненных невзгод.

Прежде чем решить, принять или не принять новичка, кто-нибудь из братьев должен был прочитать ему устав. После этого, если магистру и другим членам Дома было угодно принять его, то они собирали братьев в капитул, на котором вновь прибывший при всех высказывал свою волю, свое желание и свою просьбу быть принятым в орден.

В этом (первом) пункте обнаруживается первое различие между оригиналом и переводом, так как переводчик умалчивает о сроке послушничества, которому отводилось особенное значение в латинском уставе. Однако здесь также не все просто. Парадоксально, но тем не менее нигде, кроме латинского устава, об испытательном сроке не упоминают, разве что для братьев-капелланов, появившихся в Доме в более позднее время и сразу же снискавших недоверие рыцарей.

Во второй статье, посвященной отлученным братьям, также наблюдаются изменения, поскольку переводчик заменяет латинскую фразу «*Ubi autem milites pop excommunicates congregare audierint*» на ее противоположность — «Туда, где, как стало бы вам известно, собрались отлученные рыцари, мы и приказываем вам отправиться». В конце статьи говорится, что если кто-

то из мирян соизволит вступить в орден в заморской стране, то рыцари Христова воинства должны прежде всего позаботиться о его душе, а потом уже думать о мирской пользе.

Братьям предписывалось принять вновь пришедшего, но только при условии, что он посетит епископа этой провинции и поговорит о своем желании с ним. Епископ в свою очередь должен был принять страждущего, внимательно его выслушать, отпустить грехи и направить обратно — к магистру и братьям ордена.

Если оказывалось, что жизнь пришедшего была честной и достойной, если он смог показать себя магистру и братьям с самой лучшей стороны, то его принимали «милосердно». Если же случалось, что за время этих хлопот мирянин умирал, то ввиду тревог и труда, которые ему пришлось претерпеть, ему даровалось благословение во братстве как одному из посвященных.

Таким образом, со временем обязанность представляться епископу прежде, чем принести обет ордену, стала вменяться только отлученным рыцарям, которые как бы испрашивали у епископа прощение. В связи с этим одна из статей латинского устава, известная под названием «*Ut fratres Templi cum excommunicatos non participantur*», получила во французском переводе следующее звучание — «никаким иным образом братья ордена Храма не должны общаться с людьми, которых провозгласили отлученными». Характерно, что оба изменения были введены в текст перевода так умело, что нисколько не исказили текст оригинала.

В этом явно прослеживаются нити двух других сил, просуществовавших так же долго, как и сам орден. Как уже не раз говорилось, тамплиеры всегда стремились снять с себя бремя епископской власти, а потому их покровительство отлученным от церкви можно рассматривать как один из путей добиться желаемого. Призывая в свой орден отлученных и покрывая их грехи сия-

нием белого плаща, тамплиеры не боялись навлечь на себя гнев папы, наоборот, они этого и добивались.

Позже тамплиеры даже добились права хоронить на своих кладбищах тела проклятых. Известно, что когда в 1143 году умер граф Эссекс Жоффруа де Мандевиль, а умер он отлученным, то английские тамплиеры приняли его тело и предали земле на своем кладбище.

Нужно сказать, что кощунство пап, поддерживающих тамплиеров в их противостоянии с епископами, в конечном итоге стало чрезмерным. Но черта, за которую папы никогда не переступали, — остановка выбора на отлученных. Булла Целестина II от 1144 года точно отметила границу папских уступок. «Те, кто творит милостыню ордену Храма, будут ежегодно получать отпущение седьмой части своих прегрешений; если же им придется умереть без церковных обрядов и если они не будут отлучены, им не может быть отказано в церковном погребении», — говорилось в ней.

А теперь рассмотрим некоторые из статей французской версии, затрагивающие самые различные аспекты жизненного уклада рыцарей-монахов.

Так, например, в этом документе говорится, что платья всех братьев в любую погоду должны быть одного цвета: белого или черного; иные цвета не допускались. При этом и зимой и летом тамплиеры носили белые плащи. Кроме них, права на ношение белого плаща не имел никто, так как он символизировал их связь с Богом. Необходимо отметить, что белизна также подчеркивала полное целомудрие, под которым подразумевалась уверенность в телесной храбрости и здоровье.

Однако при всем при том платья орденских братьев должны были быть очень скромными, без каких-либо излишеств. Как и в латинском уставе, во французской версии говорилось, что ни один рыцарь не имел права украшать свою одежду какими-либо драгоценностями или мехом (как уже говорилось, исключение составлял

мех или шкура овцы). Простота покроя рыцарского одеяния была нужна для того, чтобы его хозяин мог быстро и легко раздеваться и одеваться. За всем этим следил смотритель одежд (Drapier) или тот, кто временно исполнял его обязанности.

В обязанности смотрителя входил уход за платьями орденских братьев, чтобы никто не мог обнаружить в выданных платьях ничего, что способно было бы вызвать порицание. Кроме того, платья не должны были быть ни слишком длинными, ни слишком короткими, точно соответствуя росту того, кто их носил.

Здесь стоит отметить, что из-за жаркого климата стран Востока (от Пасхи до дня Всех Святых) каждому рыцарю, по его желанию, выдавалось легкое платье из льняного полотна.

Смотритель одежд должен заботиться о том, чтобы братья были разумно причесаны, так, чтобы могли без помехи смотреть вперед и назад; также им строго приказывалось носить бороду и усы, дабы никакое порочное излишество не могло быть замечено на их лице.

Относительно передвижений братьев были установлены строгие правила, основывавшиеся на полном отречении от своих желаний. Так, рыцарям Храма не дозволялось отправляться ни в город, ни в какое другое поселение без разрешения магистра или того, кто временно заменял его (исключение составляла одна ночь у Гроба Господня, а также места моления, находящиеся в Иерусалиме).

Во время привала никто из рыцарей и военных слуг ордена не имел права, воспользовавшись свободным временем, посетить чью-то палатку без разрешения магистра, а также сражаться и отдыхать без соответствующего распоряжения. Однако рыцари были людьми и время от времени совершали какие-нибудь действия, за которые им приходилось отвечать. Поэтому устав содержал и статьи, касающиеся проступков.

Если кто-то из орденских братьев в беседе или иным образом допускал небольшую провинность, то он сам по собственной воле должен был рассказать обо всем магистру, не боясь получить за это порицание и взыскание. В том случае, если раньше за провинившимся ничего подобного замечено не было, то на него накладывалось легкое наказание. Однако если проступок оказывался слишком серьезным, то провинившемуся надлежало покинуть общество братьев, не пить и не есть с ними за одним столом и все время находиться в одиночестве, дожидаясь суда магистра и всей братии, которые таким образом якобы спасали его в Судный день.

Далее во французской версии устава говорится об охоте: «Мы сообщаем высказываемся против того, чтобы какой-либо брат охотился на птицу с другой птицей. Монахам подобает не предаваться своим наслаждениям, а внимать охотно приказам Бога и часто пребывать в молитвах».

Вообще езда с птицей была под строгим запретом, так как считалось, что раз тамплиеры не только рыцари, но и монахи, то им подобает ездить просто и смиренно, не предаваясь пустым разговорам и смеху (громко кричать также возбранялось).

«Приказываем всем братьям, чтобы они не отправлялись в лес ни с луками, ни с арбалетами охотиться на животных, ни с тем, кто это будет делать, — если только не из желания защитить его от неверных язычников. Вы не должны ни скакать за собаками, ни кричать, ни болтать, ни пришпоривать коня в жажде захватить дикое животное».

Что касается статей о приношении даров и милостынь, то из них явствует, что все преподносящееся капелланам и клирикам (а также всем, кто временно собирает милостыню) подлежит передаче Дому ордена, так как является его собственностью. Братья же при этом должны получать только пищу и одежду. Большого им

не позволено было иметь, разве только то, что в качестве милостыни даровал им магистр.

Следует отметить, что устав ордена появился не сразу. На протяжении целого столетия (с XII по XIII век) его дополняли и уточняли, внося новые поправки и вычеркивая отжившие. В конце концов устав превратился в свод законов, которые в полном объеме знали только высшие иерархи. При этом полный текст имел всего лишь несколько копий, доступных только магистрам и их приближенным.

Что касается основной массы рыцарей, то до них доходила лишь отрывочная информация об истории и задачах ордена Храма. При этом считалось, что предписания по сохранению орденской тайны и процедуры приема в тамплиеры призваны были поддерживать строжайшую дисциплину и формировать элитарное самосознание.

Итак, появившись в 1128 году на латыни, устав первоначально состоял из 72 статей. Впоследствии, когда его перевели на французский, он увеличился до 76 статей, но это не было пределом. Французский устав так никогда и не был завершен; в последнем его варианте насчитывалось около 690 статей.

Структура ордена Храма

Как ни странно, в иерархической лестнице ордена была путаница: ранги и должности не были упорядочены, а потому в различных провинциях имели разное наименование. Взять хотя бы главу тамплиеров в Англии, где он в разное время именовался Великим приором, Великим прецептором и магистром. Ниже его по рангу были приоры крупных маноров, которые делились на прецептории, в свою очередь возглавляемые прецепторами. Последние управляли рыцарями и слугами.

В Ирландии глава ордена именовался не иначе как магистром. Большую часть времени он проводил в разъездах, объезжая свои провинции и участвуя в важнейших делах ордена, каковым считалось и принятие новичков. Характерно, что пост магистра не был пожизненным. Это можно видеть из списков магистров Ирландии, где некоторые имена сначала появляются как магистры, а затем как прецепторы.

Как известно, общая численность орденской братии достигала 15–20 тыс. человек, однако далеко не все из них являлись рыцарями. Некоторые ученые считают, что соотношение между рыцарями и прочими членами ордена было 1 к 10.

Таким образом, в прецептории одновременно могло проживать около 10 рыцарей и 200 остальных братьев. Истории известен и такой случай, когда во Франции, в одном из Домов храма, проживал один рыцарь и около 80 других братьев.

На первых порах существования ордена его иерархическая система была предельно проста, так как он состоял всего лишь из 9 человек. Даже в латинском варианте устава упоминается только 4 ранга. Что касается последнего варианта французского устава, то в нем рангов значительно больше:

1. Великий магистр.
2. Сенешаль (далее — маршал).
3. Командор королевства Иерусалимского, или командор Иерусалима.
4. Командоры провинций Триполи и Антиохия.
5. Командоры Домов.
6. Командоры рыцарей.
7. Братья-рыцари.
8. Сержанты-командоры Домов.
9. Сержанты конвента, или туркопольеры.
10. Унтер-маршал (сержант).
11. Знаменосец (сержант).

С увеличением владений и численности Христова войска орден стал делиться на 10 провинций, каждая из которых возглавлялась магистром (над всеми магистрами стоял только Великий магистр и его сенешаль — заместитель). Должность визитатора, созданная для магистра европейских провинций и считавшаяся второй после Великого магистра, появилась в ордене в XIII столетии. Впрочем, даже визитатор не имел права созвать собрание ордена.

Как уже неоднократно упоминалось, основанный в Иерусалиме орден по ступеням твердо установленной иерархии постепенно приобрел власть над всей Святой землей. Поначалу главным должностным лицом в нем был Великий магистр, действия которого всецело зависели от решения папы и капитула, а сам он имел только один голос. Но генеральный капитул созывался очень редко и исключительно по желанию магистра.

Следующую ступень иерархической лестницы занимал сенешаль, ведавший снабжением и бытом Дома. За ним следовали маршал, ответственный за военную подготовку и дисциплину в монастыре и нередко во время войны его возглавлявший, и смотритель одежд, в обязанности которого входил уход за экипировкой братьев.

Командоры трех восточных провинций — Иерусалим, Триполи и Антиохия — подчинялись магистру и генеральному капитулу. Каждый из них имел под своим началом собственного маршала и смотрителя одежд.

За командорами провинций следовали шателены (или управляющие замками) и командоры Домов. Что касается командоров рыцарей, то они находились в подчинении у маршала своего Дома.

Сельские владения ордена находились в ведении смотрителей Домов, которые чаще всего были только сержантами.

Легковооруженные отряды наемников из местных жителей (туркополов) подчинялись туркополье (turko-

polier). Оруженосцы не только находились в подчинении у рыцарей, но и исполняли приказы знаменосца.

Более гибкая структура была свойственна западным провинциям, которых было 10 или 12 (число их не было постоянным). К ним относились Франция, Англия с Шотландией и Ирландией, Фландрия, Овернь, Пуату, Аквитания, Прованс, Каталония, Арагон, Португалия, Апулия, Сицилия и Венгрия, находившиеся под властью магистров или командоров. При этом последние, как явствует из документов того времени, часто управляли несколькими провинциями одновременно (например, Провансом и Каталонией, или «Провансом и различными частями Испании»). Известно, что командоры западных провинций и визитеры (называемые также смотрителями и контролерами) инспектировали Дома одной или нескольких провинций.

Несмотря на то что тамплиеры воевали практически непрерывно, не все Дома должны были поставлять людей на войну. Многие провинции существовали лишь для того, чтобы оказывать поддержку Иерусалимскому и Испанскому монастырям (последний представлял собой аналог заморскому Дому ордена). Исключение составили лишь некоторые прибрежные города (например, Тулон), где командорство включалось в местную оборонную систему.

Выше неоднократно упоминался капитул, то есть собрание братьев, призванное заниматься орденскими делами и принимать решения по многим вопросам. Нужно отметить, что у тамплиеров два вида капитулов. Обычный представлял собой нечто вроде суда чести и собирался раз в неделю «повсюду, где бы ни находились вместе четверо или более братьев». Целью этого собрания было установление ошибок и решение вопросов каждодневного управления имуществом командорства.

Кроме обычного, был генеральный капитул, в который входила вся братия монастыря, великие бальи (выс-

шие судебные чины) и командоры всех рангов. Вопросы, которые поднимались во время собраний, касались администрации ордена и назначения должностных лиц. При этом генеральный капитул должен был соглашаться со всеми решениями, принятыми советом магистра. Последний представлял собой некое тайное заседание великих балли и избранных рыцарей, имевших право принимать решения относительно внешней политики Дома. Генеральные капитулы провинций проводились не менее одного раза в год, а то и более.

Исследователи считают, что «Свод» — иными словами, иерархически выстроенные статуты — появился в тот период, когда пост магистра занимал Бертран де Бланшфор и когда Иерусалим еще находился в руках тамплиеров. Как известно, он был потерян в 1187 году, а в «Своде» еще упоминаются обязанности командора города, паломничества к священному Иордану, а также порядок распределения захваченных за этой рекой ценностей и привилегий на выделение охраны Животворящего Креста Господня — главной реликвии ордена Храма, утраченной тамплиерами в трагической битве при Хаттине, произошедшей в июле 1187 года.

Подтверждением тому, что «Свод» был составлен при Бланшфоре, можно считать то обстоятельство, что во времена его магистерства было достаточно спокойно. По логике вещей, столь важный документ не мог быть написан в смутное время, наступившее после смерти Амальрика I (1174 год). Однако нельзя забывать, что эта датировка — всего лишь предположение.

Написанный на французском языке «Свод» содержит множество интересных и познавательных подробностей, касающихся нравов и обычаев воинствующего рыцарства того времени. Ниже будут приведены сведения, наиболее интересные и важные с точки зрения исследователей, обращавшихся к теме Христова войска и организации ордена Храма.

Итак, магистр имел право на четырех верховых животных (лошадей или мулов) и на одного туркомана или декстария — хорошего боевого коня. Сопровождение главы ордена состояло из конного слуги-оруженосца, несущего щит и копье магистра, брата-капеллана и одного писца. Последний вел за собой две оседланные лошади и одного мула, нагруженного походным алтарем и личными вещами своего патрона.

Оруженосцем магистра всегда был выходец из благородной семьи. Чтобы заслужить честь стать рыцарем Христа, юноша должен был какое-то время находиться в услужении у своего покровителя и только потом, если тот считал его достойным для вступления в орден, становился одним из братьев-рыцарей.

Среди личных слуг магистра всегда были кузнец, писец, превосходно владеющий арабским языком, повар, два мальчика, исполнявших мелкие поручения, один сержант с двумя верховыми лошадьми и один туркопол (то есть всадник из местных жителей), исполнявший обязанности гонца.

В «Своде» также сказано, что магистр был обязан иметь двух компаньонов из наиболее достойных братьев-рыцарей, которые не могли быть исключены из совета, состоявшего из 5 или 6 братьев. Интересно, что члены этого небольшого совета были не только сторонниками и близкими советниками главы тамплиеров, но и контролерами его публичных и частных действий.

Привилегией компаньонов магистра было получение корма для лошадей в том же объеме, что выделялся для самого патрона. Во время военных действий довольствие должно было быть равным для всех, увеличиваясь или уменьшаясь только по решению капитула.

Характерной особенностью начальной части рассматриваемого документа является постоянная ссылка на равный дележ, причем для магистра исключений не делалось. Кроме того, автор (или авторы) «Свода» явно

выступал против всякого расточительства, не скупясь, однако, ни на питание для орденских братьев, ни на корм для выючного скота.

Далее автор «Свода» делает упор на то, как правильно управлять имуществом командорства, и на то, как упорядочить расходы, не отказываясь от роскошной жизни и щедрости, свойственной всем рыцарям.

Относительно последнего качества в «Своде» приведены интересные размышления, касающиеся в первую очередь личности магистра. Так, например, глава ордена имел право одалживать богатства Дома до одной тысячи золотых монет, лишь получив согласие части достойных орденских мужей. Если же магистр желал одолжить больше, то для этого он должен был получить согласие большей части достойнейших братьев. Вообще магистр имел право подарить 100 золотых монет или коня тому из братьев Дома, кого он считал более достойным, а также другу Дома.

Помимо денег, он мог принести в дар кубок из драгоценного металла, разноцветное одеяние и другие вещи, стоимость которых равнялась 100 и более монетам, а также оружие, за исключением меча, боевого кинжала и железного наконечника копья.

Внешняя политика ордена вершилась его главными чинами, при этом личная власть магистра тамплиеров была ограничена, впрочем, как и личная власть великих бальи (высших администраторов организации).

Таким образом, магистр не имел права ни уступать землю, ни отчуждать ее, ни брать на себя содержание какого-либо замка, если его действия не получили одобрения капитула. Кроме того, он не мог «ни начинать войну, ни заключать перемирие ни на земле, ни в замке служащим резиденцией орденской сеньории без согласия братии».

В случае, если перемирие оказалось бы нарушено, магистр мог продлить его по совету рыцарской братии

этой страны. Глава тамплиеров не властен был ставить командоров во главе королевств, если это было неугодно капитулу. Что же касается командоров прочих земель, а также других бальи, то из-за нехватки земель вопрос об их назначении мог решаться магистром.

В случае, когда магистру нужно было посетить владения ордена за пределами Святой земли, вместо себя он должен был оставить командора Иерусалимского королевства или кого-нибудь еще по своему усмотрению. Однако заместитель при этом не получал реальной власти; единственное, на что он имел право, так это созвать совет в случае какого-либо серьезного происшествия, а также собрать капитул и раздать доспехи.

Характерно, что в рассматриваемом документе даны неопровержимые доказательства того, что между Святой землей и странами Европы существовала прочная связь, причем именно Европа была для рыцарей Христа заморской землей.

Известно, что Дома Запада переправляли в Иерусалимское государство всевозможные ценности: драгоценные металлы, изделия из них, доспехи, сбрую для лошадей, ткани и т. п. Что касается Востока, то он направлял в Европу своих рыцарей для инспектирования орденских провинций; туда же возвращались больные и престарелые братья.

Как только в Святую землю прибывали новые богатства из Европы, они тут же по приказу командора Иерусалимского королевства доставлялись в орденскую казну. В случае, если во время генерального капитула магистр высказывал намерение отправить в Европу братьев на лечение или по делам ордена, то прежде он должен был позвать маршала, смотрителя одежд, командора Акры, а также трех или четырех наиболее уважаемых братьев Дома и попросить их «посмотреть на братьев, которых полезно будет послать в различные страны за морем».

Обычно после этих слов все перечисленные выше чины отправлялись выполнять данное приказание, записывая имена тех, кого можно было бы послать в Европу. Ознакомившись со списком, магистр либо полностью с ним соглашался, либо оспаривал его. Однако окончательное решение принималось только по обоюдному согласию.

В том случае, если избранный по каким-то причинам отказывался от поездки за море и оставался, он должен был отрешиться от должности и отослать магистру и Дому буллу и кошель (булла — печать ордена и одновременно знак его власти; кошель — фонды, которыми он распоряжался). И то и другое являлось при знаком орденой должности.

Истории известно около двадцати образцов печати ордена тамплиеров. На самой древней, поставленной на грамоте Эвра де Бара, изображен храм. Другая печать, датированная 1200 годом, содержит изображение двух рыцарей, сидящих на одном коне и скачущих справа налево с копьями наперевес. У магистров Англии существовали печати с крестом и агнцем, причем все они были почти одинаковыми, различаясь лишь в мелких деталях. До наших дней дошли и отдельные экземпляры печатей командоров ордена Храма.

В «Своде» прописан и статут по приему *ad succi grendum*. Так, глава ордена не имел права принимать новых братьев, если на то не было разрешения капитула. Однако, если магистр отправлялся куда-то, где возможности собрать капитул не было, или если кто-то просил его «бога ради сделать его братом» в связи с тяжелой болезнью, тогда магистр выполнял просьбу, снова посоветовавшись с братьями, которые в тот момент при нем находились. Однако случалось и такое, что после принятия в орден больной выздоравливал. В этом случае он должен был «исполнять свою должность перед братьями и познавать свои обязанности».

В заключение разговора об обязанностях и полномочиях магистра хотелось бы привести некоторые детали более частного характера.

Так, например, магистр мог принимать пищу в своей комнате при следующих обстоятельствах: непосредственно после верховой езды, после кровопотери или ранения, а также тогда, когда к нему приходили приглашенные из числа рыцарей или мирян. В случае обычной болезни глава тамплиеров также мог находиться в своей комнате, в то время как остальные братья обязаны были вкушать пищу в специально отведенных для этого палатах.

Когда же магистр шел на поправку, то он обычно трапезничал за одним из столов лазарета, при этом все братья, находящиеся на тот момент в лазарете, «из любви к нему должны были есть лучше». Когда магистр принимал пищу за общим монастырским столом, то он, в отличие от всех остальных, мог жаловать пищу из своей посуды каждому желающему.

Любой предмет туалета (платье или нижнее белье), оставшееся от магистра, всегда отдавалось «во имя Бога» либо прокаженному, либо кому-нибудь еще, кто в нем остро нуждался.

Любой поступок, который магистр должен был совершить по совету монастыря, обязательно требовал согласия и одобрения всей братии Дома.

Один из наиболее важных статут «Свода» гласил: «Все братья ордена Храма должны быть в повиновении у магистра, и магистр также должен повиноваться монастырю».

Все приведенные выше положения «Свода» как нельзя лучше раскрывают взаимоотношения магистра и капитула. При этом совершенно ясно, что хотя первый и обладал властью, она не была абсолютной, так как всегда ограничивалась обсуждением капитула, уставом и обычаями, подробно прописанными в «Своде».

А положения этого документа, как известно, тамплиеры соблюдали всегда очень четко, не допуская никаких «если», «хотя», «но».

Что же касается капитула, то и здесь было не все просто: главенство в нем не было стабильным и переходило то к большинству (или *pars magna*), то к мудрейшей части (или *pars saniora*) рыцарской братии. При этом наиболее правдоподобной версией принято считать ту, по которой указания исходили от совета магистра, то есть небольшой группы высших орденских сановников и наиболее уважаемых рыцарей (в число которых входили два компаньона патрона), представлявшей ближайшее окружение магистра и ставившей подписи под решениями генерального капитула.

Далее в «Своде», вслед за полномочиями и обязанностями главы ордена, идет перечисление того, что мог и чего не мог делать сенешаль (то есть заместитель магистра). Однако здесь нужно отметить, что фигура этого должностного лица была менее заметной и как бы находилась в тени, что удивительно, так как следующий по рангу маршал был более значительным лицом.

По старшинству сенешаль являлся вторым главным сановником ордена тамплиеров и очень часто избирался на высшую должность нового магистра.

Как и магистр, сенешаль имел право на четырех лошадей, но ему полагался также парадный конь. В услужении у сенешаля постоянно находились два оруженосца, два писца (один должен был читать Часослов, другой — владеть языком сарацин), два подростка для исполнения мелких поручений, один сержант и один пехотинец-туркопол (из местного населения).

Кроме того, при его особе находился компаньон из рыцарской братии, который не покидал его ни при каких обстоятельствах. В разъездах сенешаль всегда имел при себе буллу, которая была документом, подтверждающим его личность. В лагере сенешаль жил в круглом

шатре. В его обязанности входило водружение знаменитого черно-белого орденского стяга *gonfanon baussant*. Интересно, что впоследствии из флага тамплиеров также попытались сделать тайну, называя его *beauseant*. При этом следует отметить, что сами рыцари его называли только *baussant*, то есть «окрашенный в два цвета».

Один из друзей ордена, некто Жак де Витри, собирал сведения о тамплиерах из первоисточника, то есть у них самих. В своих записках он сообщал, что тамплиеры носят «бело-черное знамя, которое называют «le Beauseant», показывая, что открыты и доброжелательны по отношению к своим друзьям, черны и грозны для врагов... Львы на войне, агнцы во время мира».

Что касается даров, то сенешаль мог подарить любому парадного коня или мула, боевое седло, серебряный кубок или же одежду (либо из разноцветной, либо из ярко-красной ткани). При этом дары ему следовало приносить только для пользы Дома и лишь с согласия находящихся при нем братьев.

В этом статуте четко прослеживается должностная иерархия дарственных подношений. Как уже говорилось выше, магистр имел право подарить 100 монет золотом или же золотой кубок, в то время как сенешаль мог преподнести в дар только серебряный кубок.

Рыцарь на боевом коне

Следующая должность монастыря по убывающей — должность маршала. В его обязанности входило осуществление надзора за дисциплиной (как в мирное, так и в военное время), проведение переключки братьев, явившихся на слушание мессы, распределение обязанностей на день (даже при условии, что магистр находится в монастыре), заботы о содержании монастырских животных (как вьючных, так и «под седло»), а также о вооружении, доспехах и сбруе.

Помимо этого, непосредственной обязанностью маршала считалось командование Домом в военное время, разумеется, под верховным началом магистра. А как известно, в те далекие времена все расходы лежали на коммандире.

На войне маршал исполнял и обязанности знаменосца, то есть знамя находилось в его руках и он нес его как знак единения в битве.

Среди привилегий маршала было право на четырех коней, включая одного боевого, и двух оруженосцев, помимо которых в число сопровождающих входили хорошо обученные сержант и туркопол. Но если сенешаль проживал в лагере в круглом шатре, то маршала всегда можно было найти в шатре *aiguillier*, подле которого размещалась небольшая палатка (*grebeleur*) для его оруженосцев.

Когда же маршал отправлялся по выгонам с монастырем, для перевоза багажа ему выделялись вьючные животные командора земли. В его ведомости находилось все оружие и все доспехи Дома (и те, которые покупались, и те, которые монастырь получал в виде подарков, милостыни и добычи).

Кроме того, маршал, в какой бы земле он ни находился, мог покупать лошадей и мулов, предварительно уведомив о своем намерении магистра, если он там был. В случае надобности магистр должен был приказывать выдать ему золотые монеты.

Как один из высших орденских чинов, маршал мог дать добродетельному мирянину, являвшемуся другом Дома, седло, а также прочее мелкое снаряжение. Однако заниматься подобной благотворительностью ему разрешалось не слишком часто.

В некоторых случаях маршал мог замещать магистра и сенешаля. Это происходило тогда, когда оба высших чина отсутствовали в королевстве Иерусалимском и когда великий командор не был назначен. В этом случае собирать капитул также было прерогативой маршала. Кроме того, по совету достойных мужей он мог назначить знаменосца и подмаршала из числа братьев-сержантов.

В военное время, используя боевой клич, команды Дома собирали своих животных (как верховых, так и вьючных), после чего присоединялись к отряду маршала, который давал приказ выступать. До приказа никто не имел права двигаться с места. Вообще в военное время слово маршала было для орденских братьев равнозначно слову магистра.

Человеку, занимавшему должность маршала, не разрешалось избираться командором какой-либо провинции, по крайней мере, до тех пор, пока он находился на своей должности. Однако нередко были случаи, когда на должность маршала назначали палестинского командора.

Командор Иерусалимского королевства являлся казначеем монастыря, а следовательно, распорядителем всего имущества Дома, которое всегда помещалось в казну. При этом пользоваться привезенным добром казначею было нельзя до тех пор, пока его не осмотрел магистр. Когда же все имущество было описано и перенесено в специальное хранилище, командор королевства мог использовать его для нужд Дома, давая отчет каждому достойному мужу по поводу того, как он распорядился вверенными ему ценностями.

В обязанности командора Иерусалимской земли входило снабжение всем необходимым сукнодельни. Сам он также мог брать оттуда все, что пожелает, предварительно испросив разрешения у хранителя одежд. Впрочем, это было лишь формальностью, так как последний находился в подчинении у командора.

Что касается подарков, то командор Иерусалима имел полное право преподнести в дар друзьям Дома парадного коня или мула, серебряный кубок, цветные одеяния, а также нераскроенные ткани, привезенные в монастырь в качестве даров или милостыни и находящиеся на хранении в казне.

В казну передавались и все деньги, вырученные на продажах, сэкономленные на покупках или же завещанные монастырю в качестве милостыни, количеством от ста золотых монет и выше. Предметы (сюда же относились и денежные средства) меньшей стоимости отходили в пользу командоров.

В военное время вся добыча, включая выючный скот, а также невольники, захваченные орденой братией, попадали в распоряжение командора Святой земли. Исключение составляли животные «под седло», оружие и доспехи, так как эта добыча отходила маршалу.

Орденский флот, стоящий в гавани Акры, находился под командованием иерусалимского командора, впрочем, командор этого порта и все братья Акры также подчинялись ему. Следовательно, все, что прибывало в Акру, в обязательном порядке передавалось в казну ордена в Иерусалиме. Однако было и небольшое исключение: если какая-либо вещь была послана лично магистру или одному из братьев, то ее отдавали тому, кому она предназначалась.

Ниже приводятся некоторые весьма любопытные детали, которые также имеют немаловажное значение для понимания жизни орденой братии, преимущественно высших сановников.

Так, если у командора возникала потребность в новом седле или кто-то из братьев или друзей Дома просил его для себя, то он имел право взять его из маршальского склада, но делать это он должен был не очень часто. Что касается больших подарков, то командорам запрещалось их делать, если подношение имело частный характер и если там же находился магистр. В отсутствие последнего командор мог позволить себе это.

Поиском зимних квартир для тамплиеров занимался командор Иерусалимского королевства, который знал королевство и его ресурсы лучше, чем кто-либо еще. Когда же подходило время братьям монастыря разъезжаться по домам, то командор мог посоветовать маршалу, какого брата в какой дом распределить, при этом последний должен был поступить согласно его желаниям.

Относительно раздела «Свода», касающегося командоров Триполи и Антиохии, то он содержит те же статуты, что и общий раздел о командорах Святой земли. Расхождения встречаются лишь в функциях казначея, а потому мы не будем останавливаться на них отдельно.

Далее в «Своде» следовали положения, имеющие непосредственное отношение к личности хранителя одежд. Из привилегий, которыми должен был довольствоваться человек, состоящий в этой должности, следует отметить то, что он мог обзавестись четырьмя животными, двумя оруженосцами и грузчиком.

В лагере для жительства ему отводился специальный шатер, таких же размеров, что и у маршала, а также небольшая палатка для его мальчиков-слуг. При этом все вещи в портняжную и швейную мастерские переносились не личными животными хранителя одежд, а выючным скотом Иерусалимского командора.

Известно, что одежду и постельное белье (за исключением шерстяного пледа, который тамплиеры получали только в подарок от родственников) рыцарям выдавал хранитель одежд. Он же забирал старое белье у вновь

пришедших, когда те меняли мирскую одежду на белую орденскую. Данное правило не распространялось на цветную и алую одежду, которая оставалась у хозяина.

Если при вступлении в орден новый брат жертвовал Дому свои деньги, то определенная часть золотых монет обязательно передавалась на склад сукна, остальное же предназначалось командору.

Что касается поста командора Иерусалима, который был объединен с должностью смотрителя орденского госпиталя монастыря, то в «Своде» также о нем упомянуто. Это лишний раз свидетельствует о том, что данный документ был составлен до 1187 года, так как впоследствии этот пост, как и само командорство, исчез по причине потери Иерусалима.

Согласно «Своду», командор города имел право на содержание четырех лошадей, одна из которых была лошадию местной породы туркоман, то есть рабочей лошадию, выполнявшей те же функции, что и мул. Слугами командора были двое конюших, один брат-сержант, писец, владеющий языком сарацин, и пехотинец из местного населения. Кроме того, в его подчинении находился командор рыцарей, командующий отрядом из десяти братьев, которые охраняли дороги Святой земли и защищали паломников от грабежа мусульман.

Человек, занимающий пост командора Иерусалима, всегда должен был иметь в своем распоряжении достаточное количество рыцарей, дабы сопровождать богатых, знатных паломников к реке Иордан. При этом во время своего пребывания на этой должности он всегда и всюду возил с собой атрибуты власти: шатер и знамя (или штандарт). Если командору случалось разбить лагерь, а при этом находился достойный муж, нуждающийся в его покровительстве, то командор мог удостоить его ночлегом в собственном шатре и пожертвовать что-нибудь от своих щедрот. А чтобы иметь такую возможность, командор должен был возить с собой, поми-

мо всего вышеперечисленного, еще и достаточное количество продовольствия, которое перевозилось на выючных животных.

Следует отметить, что паломничество к Иордану было весьма рискованным предприятием даже в те времена, когда Иерусалим принадлежал тамплиерам. Дело в том, что река являлась природной границей между двумя регионами — франкским и сарацинским — и паломники в любой момент могли ожидать набега с другой стороны Иосифа брода. Однако после потери Иерусалима произошло трагическое деление истории Латинской империи на две части: до потери города и после оной. Таким образом, вопрос об омовении в водах священной реки исчез сам собой. Паломники с того времени ограничивали свое путешествие посещением Акры и Тортозы, а также отдельных городов Галилеи.

С самого начала существования ордена Храма командор Иерусалима и его рыцари получили привилегию охраны Святого и Животворящего Креста Господня. Таким образом, во время переходов командор и подчиненные ему рыцари несли охрану реликвии, вставая на ночлег или дневную стоянку как можно ближе к нему. Если же оказывалось, что привал по каким-то причинам был продлен, то охранники должны были жить с монастырем.

Впоследствии, накануне Хаттинского сражения, когда Святая земля перешла в руки «неверных», один тамплиер из охраны Животворящего Креста зарыл реликвию в песок, дабы таким образом предотвратить захват ее мусульманами. Через весьма продолжительное время после тех кровавых событий тот же рыцарь, которому посчастливилось спастись, предстал перед иерусалимским королем Генрихом Шампанским и поведал ему, что знает о местонахождении священной реликвии, пообещав показать дорогу к тому месту, где он когда-то зарыл ее собственными руками.

Короля заинтересовало сообщение тамплиера, и он выделил ему одного проводника-сержанта из числа местных жителей, который отправился вместе с рыцарем на поиски Животворящего Креста. Однако данное предприятие завершилось ничем. Потратив на поиски реликвии три ночи (днем это делать было слишком опасно из-за возможной встречи с мусульманами), рыцарь и сержант вынуждены были вернуться восвояси с пустыми руками. И хотя впоследствии турки не раз похвалялись, что им удалось откопать священную реликвию, однако это были только слова. Животворящий Крест оказался навеки погребен в песках.

Но вернемся к фигуре иерусалимского командора и посмотрим, какими привилегиями он обладал. Так, например, доподлинно известно, что человек, занимающий этот пост, имел право преподносить в дар братьям лошадей и мулов, а мирянам — турецкие седла. При дележе добычи, захваченной рыцарями Храма на войне, командор имел законное право на получение половины. Однако, если добыча была захвачена у «неверных» по другую сторону Иордана, командор не получал ничего.

Ниже командора Иерусалима стояли командоры провинций, за которыми следовали шателены, то есть управляющие замками, и командоры Домов, власть которых имела силу только в пределах их командорств. Интересно, что шателены не имели права на возведение новых построек, а могли только ремонтировать и перестраивать старые.

Еще ниже стояли командоры рыцарей — лейтенанты (иначе — заместители маршала), каждый из которых возглавлял отряд рыцарей численностью в десять человек. Командоры рыцарей обладали правом созвать капитул, а также могли давать разрешение братьям ночевать вне стен монастыря. При этом их снаряжение ничем не отличалось от снаряжения обычных рыцарей.

Что касается статуты о братьях-рыцарях и братьях-сержантах, то они были достаточно подробными, хотя и несколько запутанными. Приведем наиболее интересные из них.

Согласно «Своду», каждый рыцарь ордена имел право на трех животных (лошадей и мулов) и одного оруженосца, четвертую лошадь и второго оруженосца он мог приобрести не иначе как по разрешению магистра.

Доспехи рыцаря состояли из кольчуги и кольчужных чулок, которые изготавливались либо из переплетенных, либо из нанизанных на плетеные кожаные ремешки металлических колец; голову предохранял большой шлем или же железная шапка (то есть легкий шлем без бармицы). К тому времени подъемное забрало у рыцарского шлема еще не существовало. Лицо было надежно защищено железной пластиной, имеющей специальные прорезы для глаз и небольшие отверстия для свободного доступа воздуха.

Первоначально использовался только тяжелый рыцарский шлем, вытесненный со временем более удобной железной шапкой. Цилиндрическая по форме, она имела плоский верх, оставляя лицо открытым. В качестве дополнительной защиты к железной шапке рыцари использовали кольчужный капюшон, под который надевалась специальная кожаная набивная шапочка.

Кольчуга надевалась поверх стеганой куртки, известной как *les espalieres*, что означает «оплечье». В более поздние времена данное слово стало означать «наплечники». Однако в «Истории...» Тирского о тамплиере говорится как о воине в плаще и в оплечье,

Кольчуга

Рыцарские доспехи

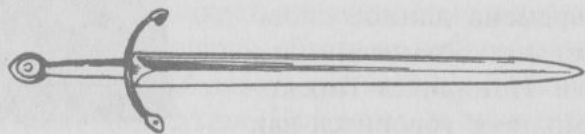
то есть под оплечьем подразумевался вид одежды. Кроме того, в подробном описании снаряжения рыцаря Храма также упоминается о поддоспешном одеянии.

Поверх доспехов рыцари надевали гербовую котту (Jupon d'armes), украшенную с двух сторон (спереди и сзади) красным крестом. При этом рыцари были облачены в котту белого цвета, а сержанти — черного.

Пояс, помимо своей основной функции, предназначался для ношения меча, находящегося в ножнах, подвешенных к поясу на двух широких, идущих крест-накрест ремнях-перевязях таким образом, что они располагались строго вертикально, то есть острием в землю.

Однако не только мечом пользовались тамплиеры во время сражений. Помимо него, они имели на вооружении копье с металлическим наконечником и турецкую палицу, на ручке которой был укреплен свинцовый шар со множеством острых шипов.

Для защиты рыцари использовали деревянный щит, обтянутый кожей и подвешиваемый на шею. Характерно, что в XII столетии и щит, и меч рыцарей Христа претерпели значительные изменения: если во времена Первого крестового похода щит представлял собой гро-

Двуручный меч

моздкое и неудобное средство защиты величиной в человеческий рост, то в период существования Латинской империи он был облегчен.

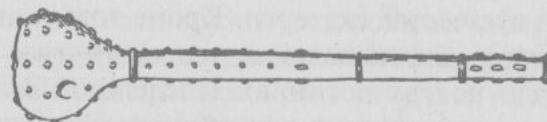
Такая же участь постигла меч и кольчугу, последняя в новом варианте едва достигала уровня колен, в то время как раньше доходила до лодыжек.

Кроме всего прочего, каждый тамплиер был вооружен тремя ножами, каждый из которых имел собственное предназначение: для боя, для резания хлеба и для прочих нужд (последний нож был маленьких размеров и имел очень узкое лезвие; назывался английским или антиохийским).

В качестве нательного белья братья использовали рубаху, подпоясываемую веревкой, штаны. Нательное белье было одновременно спальным, в нем рыцари отходили ко сну. Верхняя одежда (или убор) состояла из долгополой туники, сшитой из длинных лоскутов и известной как платье из клиньев (jupel), а также застегивающегося одеяния, подбитого мехом овцы.

Поверх всей одежды надевался большой плащ, похожий больше на накидку без рукавов; esclavine — таково было его название. В весеннее время братья облачались в широкий суконный плащ, подбитый шкурой ягненка; летний плащ подкладки не имел.

Носильные вещи рядового рыцаря, за исключением котты, или туники с короткими рукавами, включали мантию, стягивающуюся на груди при помощи пряжки или шнура (в помещении не снималась). И мантия, и котта обязательно были белого цвета; единственным их украшением являлся красный крест на груди и на

Булава — разновидность палицы

плече. Помимо этого одеяния, существовал еще и гарнаш (garnaches) — нечто вроде плаща, только без рукавов. Однако некоторые исследователи придерживаются мнения, что упоминаемый в древних источниках гарнаш не что иное, как платье из клиньев, названное другим словом.

Что касается постели рыцаря, то она состояла всего лишь из тюфяка, преимущественно набитого соломой, простыни и одеяла. Некоторые братья имели шерстяные пледы, полученные в подарок от родственников. В «Своде» об этом говорится следующим образом: «...брат может иметь покрывало из шерсти, если кто-нибудь пожелает его ему дать, но покрывало должно быть белым, черным или полосатым». Характерно, что, помимо своей основной функции, шерстяное покрывало выполняло ряд других. Так, например, его нередко использовали в качестве попоны для коня, а также как часть одеяния всадника (в холодное время года рыцари заворачивались в него на скаку) и как средство защиты от жгучего солнца.

В тех случаях, когда Дом (или монастырь) перемещался, братья укладывали основную часть своего гардероба в два довольно вместительных мешка, один из которых предназначался для постели и сменного белья, другой — для кольчуги и оплечья, надеваемого под доспехи.

Сами же доспехи транспортировались в сетке, сплетенной из прочных кожаных ремешков, так как только они выдерживали трение о металл и не рвались.

Во время перемещений рыцарям выдавались два куска материи: один служил полотенцем, другой использовался в качестве скатерти. Кроме того, они получали две попоны для лошадей и чепрак (мягкая подстилка под седло поверх потника). Последний был особенно важен, так как служил для защиты доспехов скакунов от раскаленных солнечных лучей.

Список кухонных принадлежностей рыцаря включал котел, миску для отмеривания ячменя, сито для просеивания ячменя, два кубка для питья (чаши), две фляги, ложку и ковш из рога. Ко всему этому прилагались топор, терка, веревка, два хлыста (один из которых имел на конце петлю), три седельных сумы (две из них предназначались для оруженосца), небольшая палатка и молоточки для вбивания кольшквов. Перевоз снаряжения осуществлялся на вьючных животных.

Все, что было описано выше, имел в своем распоряжении каждый рыцарь. Что же касается братьев Дома, состоящих в чине сержанта, то относительно их снаряжения в «Своде» говорится следующее: «то же, что и у братьев-рыцарей, за исключением палатки и котла». При этом сержант имел право только на одного коня и должен был спать под открытым небом. Здесь также необходимо отметить, что, в отличие от братьев-рыцарей, сержанты не носили кольчугу. Ее им заменяла полукольчуга, облегченный вариант кольчуги с короткими рукавами. Головные уборы также различались: если рыцари носили железные шапки, то сержанты обходились шляпами.

Далее в «Своде» идет перечисление общих деталей, о которых мы также не можем не сказать, так как они дают более подробное и точное представление об интересующем нас вопросе. Так, братья Дома имели полное право давать друг другу гарнаш, с тем лишь условием, что прежний хозяин проносил его не менее года. Помимо гарнаша, они могли на тех же условиях передавать друг другу старую тунуку, старую котту, рубашку, штаны, ремень из замши или кожи козы, а также фонарь.

В том случае, если оруженосец покидал своего сеньора, верой и правдой отслужив у него свой срок в Доме, последний не имел права забирать ничего из одежды, за исключением гарнаша. При этом сеньор мог отдать ему старую одежду.

В «Своде» ясно говорится, что ни один из обитателей монастыря не мог мыться, пускать себе кровь, лечиться, посещать город и даже скакать на коне галопом, не испросив прежде разрешения. Но и это еще не все: ни один брат не должен был отправлять коня в то место, куда ему самому было нельзя идти.

Относительно спальных мест также имелись статуи, запрещающие братьям, находящимся в спальнях, переходить спать на другие места.

Если же Дом стоял где-нибудь лагерем, то палатки рыцарей также не должны были перемещаться с одного места на другое без соответствующего распоряжения. Никто из братьев не имел права самовольно отлучаться из лагеря и приближаться к стоянкам мирян или священников, если только их палатки не стояли вплотную друг к другу.

Далее в «Своде» говорится о туркополье, подмаршале и знаменосце. Так, первый осуществлял командование над наемными всадниками, набранными из местных жителей; сам же он находился под верховным командованием маршала. Братья-сержанты также находятся у него в подчинении, но это условие имело силу лишь во время ведения военных действий.

Туркополье всегда стоял во главе отряда разведчиков, получая при этом еще и эскорт рыцарей. Непосредственно перед сражением он должен был построить своих подчиненных, распределить их по отрядам, а уже потом отдать приказ атаковать, прежде дождавшись распоряжения главнокомандующего, в качестве которого выступал либо маршал, либо сам магистр.

Подмаршал, знаменосец, повар и командор порта Акры были сержантами и могли иметь двух коней и одного оруженосца. Обязанностью этих людей была забота о состоянии мелкой утвари (старых седел, бурдюков, кувшинов, ведер, копий, мечей, шлемов, старых турецких доспехов, арбалетов, старых чепраков под седла и т. п.).

Под командованием подмаршала находился весь персонал маршальского склада, все братья-ремесленники. Именно подмаршал распределял между ними обязанности и решал, отпускать или не отпускать их на прогулки в праздничные дни из одного командорства в другое. Помимо этого, он нес ответственность за сменных лошадей. Во время отсутствия маршала подмаршалу был обязан подчиняться знаменосец. Что касается знаменосца, то в его подчинении находились все оруженосцы Дома. Он же вел их в атаку.

Знаменосец имел право собирать и проводить капитул, во время которого поощрял своих подчиненных за примерное поведение или же, наоборот, осуждал их ошибки. Он же мог приказывать их высечь в случае неповиновения.

В обязанности знаменосца входило и распределение между своими подчиненными соломы, башмаков и ячменя, а также выдача платы, которая полагалась оруженосцам по случаю окончания срока их службы.

Во время ведения военных действий, когда рыцари стремительно атаковали врагов, оруженосцы следовали по пятам за своими сеньорами, ведя за собой сменных лошадей и принимая тех, что подлежали смене. При этом все оруженосцы находились подле знаменосца, который выстраивал и вел «после тех, кто в первых рядах, насколько возможно красивее, раньше и лучше, шагом, или иноходью, или как ему заблагорассудится».

Сведения о туркополах дошли до нашего времени не только благодаря «Своду», упоминания о них встречаются и в других исторических документах. Так, например, достоверно известно, что тамплиеры нанимали туркополов за три золотые монеты в год.

В осенне-зимний период туркополье выдавал своим подчиненным гарнаш, котту, штаны и старый плащ. Последний использовался для покрытия коня. В летнее время туркополье мог подавать им милостыню.

В том случае, если туркополов нанимали за одно жалованье, то они приходили в монастырь лишь со своей сбруей, если же, помимо жалованья, им полагалась страховка жизни животного (или *restou*), то и со своим конем. Вообще, *restou* представляло собой страхование жизни животного, при этом денежное возмещение в случае гибели коня не должно быть меньше стоимости коня.

Характерно, что, прежде чем устанавливать лагерь, тамплиеры первым делом определяли место под часовню. Затем устанавливались круглый шатер магистра, палатки маршала и командора провинции, шатер обоза. И только после того, как давалась команда «Располагайтесь, сеньоры братия, во имя Божие», рыцари имели право ставить свои палатки. Вот что говорится по этому поводу в «Своде»: «Отправляясь каждый к своему отряду (и те, кто снаружи), должны натянуть свои палатки и сложить внутрь свое снаряжение, и каждый брат должен занять место на все свое компанство».

В конечном итоге получалось, что лагерь разбивался по кругу, в центре которого находилась часовня. После того как все было готово, маршал призывал братьев за фуражом и поленьями. В ответ на этот призыв каждый рыцарь присылал ему своего оруженосца с одной лошадью. При этом выполнялись следующие условия: рыцари должны были в обязательном порядке покрыть свои седла (либо попоной, либо покрывалами), дабы предохранить их от порчи; если же на лошадях предстояло перевозить камни, то на это требовалось разрешение сеньора. При этом боевое седло также нельзя было трогать без соответствующего разрешения.

После заготовки леса и фуража давалась команда «К раздаче», услышав которую все братья направлялись получать то, что им давалось «во имя Бога». До того как собрать вместе монастырскую братию для вкушения пищи, командор, отвечающий за приготовление мяса, давал попробовать его сержанту магистра.

И в монастыре, и в лагере рыцари Храма имели право «приглашать всякого достойного мужа, которого должно почитать» и который приходил к месту их стоянки или же просто проходил мимо. При этом «командор по мясу обязан выдать братьям продуктов столь щедро, чтобы все в Доме могли бы получить его в значительном количестве, из любви к достойному мужу».

Важно отметить, что практически все — одежду, обувь, пропитание и т. п. — рыцари получали из рук братьев, ответственных за раздачу, и им строго воспрещалось самостоятельно добывать себе пропитание. Исключение составляли лишь луговые травы, рыба, птица и дикие животные, которые были пойманы каким-нибудь хитрым способом, но не на охоте, так как охота была запрещена.

Дело в том, что рыцари нередко устраивали облавы «на львов и вредоносных животных», которые иногда нападали на лошадей каравана и, отведав человеческого мяса, становились очень опасны для всех остальных людей.

При снятии лагеря рыцари Храма могли седлать коней и покидать место стоянки, только дождавшись распоряжения маршала. Как только приказ был получен, они начинали готовиться к отбытию, привязывая веревкой к седлу вьючной лошади или мула колышки от своего шатра, пустые фляги, топор и ведро. Если же кто-то из братьев имел желание поговорить с маршалом, то он отправлялся к нему пешком и после разговора всегда возвращался на свое место.

Как только братья получали приказ маршала, повелевающего им покинуть место стоянки, каждый из них внимательно осматривал окрестности, чтобы убедиться, что все вещи собраны и ничего не осталось, и только потом «сесть верхом и отправиться красиво отрядом, шагом или иноходью, с оруженосцами за собой, и, находясь в пустынном месте, держаться отрядом ради себя

и своего снаряжения, нагоняя отряд, каждый брат должен пропустить своего оруженосца и свои вещи перед собой». Все это говорит о том, что рыцари Храма бережно относились к своему снаряжению, которое, надо сказать, не так часто им выдавалось, и в случае утери рыцарь вынужден был обходиться без него.

Во всех романах, посвященных рыцарству, оруженосец чаще всего следует за своим сеньором, однако иначе дело обстояло у тамплиеров, которые пропускали их впереди, чтобы не терять из виду.

В том случае, если отряд рыцарей передвигался в ночное время, все хранили молчание до тех пор, пока не произносили тринадцать раз «Отче наш». Днем же дело обстояло следующим образом: если кто-либо из рыцарей желал поговорить, то он должен был подъехать к тому, с кем имел намерение это сделать, а потом возвращался на свое место в строю.

Если же кто-либо из братьев сопровождал отряд по своему делу, то он должен был подъезжать к нему (и ехать) с подветренной стороны. Это делалось для того, «чтобы отряду не досаждала пыль».

В мирное время при переправе через реку братья могли поить своих животных, не спрашивая разрешения вышестоящего, не загораживая при этом брода. Что касается военного времени, то рыцари останавливались только по сигналу знаменосца, если тот считал, что отряду не угрожает опасности нападения.

В том случае, если во время движения отряда братья-рыцари вдруг слышали боевой клич, то они долж-

Оруженосец

ны были пересесть на своих боевых коней, вооружиться копьями, взять в руки щиты и, не поднимая паники, спокойно дожидаться указаний маршала.

Многочисленные статуты «Свода» ясно дают понять, что орденские братья поделили все дороги Святой земли на отрезки длиной в дневной переход, что значительно облегчило продвижение, так как каждый переход обязательно завершался в каком-нибудь командорстве или же, в крайнем случае, на площадке для привала с колодцем, где отряд мог утолить жажду и восстановить свои силы.

Благодаря такому положению дел патрули ордена, как, впрочем, и вся монастырская братия, практически без остановок проезжали расстояние, отделяющее пески Газы от гор Армении.

В военное время рыцари Храма совершали переход боевым порядком, обязательно в доспехах. За ними след в след ехали оруженосцы с копьями наперевес, ведя за собой сменных лошадей. При этом никто и ни при каких обстоятельствах не должен был покидать строй, ни выдвигаясь вперед, ни поворачивая назад, если на то не было специального указания маршала.

При этом нарушение боевого порядка перед лицом врага было разрешено только в том случае, если требовалось оказать помощь «любому христианину, ехавшему безрассудно, если на него нападет турок, чтобы убить». Если кто-то из рыцарей осмеливался покинуть строй по какому бы то ни было другому поводу, то в качестве наказания он всегда отправлялся в лагерь пешком, а по прибытии на место представлял перед монастырским судом.

До нападения подмаршал со знаменем в руках должен был находиться подле маршала. Последний, перед тем как дать сигнал к атаке, брал знамя из рук своего подчиненного и «во имя Божие» первым шел на врага. При этом подле него всегда находился небольшой от-

ряд рыцарей из пяти-десяти человек, который являлся прикрытием. Держа древко знамени в правой руке, а поводья в левой, маршал не мог отражать удары врагов. При этом один брат, входящий в сопровождение маршала, назначался командором над остальными. У него находилось второе знамя, обернутое вокруг копья.

В том случае, если первое знамя было отбито неприятелем или разорвано на куски, командор рыцарей сопровождения должен был развернуть второе.

В случае тяжелого ранения маршала, когда он не мог предводительствовать, он назначал на свое место командора, который должен был заменить его в строю и, находясь под прикрытием эскорта, нести свернутое знамя впереди всего отряда.

Характерно, что знамя было для тамплиеров чем-то вроде священной реликвии. Тому, в чьих руках оно находилось, строго воспрещалось пользоваться им как копьем или даже просто опускать его вниз.

Наказание за нарушение этого правила было весьма суровым. Провинившегося могли даже заковать в кандалы. Кроме того, он навсегда лишался права носить знамя и быть командором рыцарей. Объяснялось это тем, что опущенное знамя было легче захватить, к тому же рыцарям, находившимся на приличном расстоянии, были неизвестны причины, почему оно было опущено. Из-за этого воины могли впасть в растерянность, увеличив тем самым шансы врагов на победу.

В «Своде» также рассматриваются положения, по которым любой брат ордена Храма, будь то рыцарь или сержант, мог просить разрешение об отступлении, но только в том случае, если он был серьезно ранен или «ежели окажется без железных доспехов». Если же случалось, что враг атаковал внезапно и рыцари не успевали облачиться в железные доспехи, то они должны были сгруппироваться и «вместе принять то, что Богу угодно будет им послать».

В том случае, если во время сражения какой-то рыцарь оказывался вдали от своего отряда, он должен был присоединиться к первому же знамени, которое увидит. Если же отряд терпел поражение, то рыцарь все равно не должен был покидать поле боя до тех пор, пока на нем развивалось хотя бы одно христианское знамя. Как только «склонялось в поражении» последнее знамя, рыцарь получал право покинуть место сражения и укрыться «там, где ему посоветует Бог».

Как уже упоминалось выше, «Свод» был составлен до потери Священного города, хотя нельзя упускать из внимания, что с тех пор прошло слишком много времени и дошедший до нас документ вполне мог претерпеть изменения. Возможно, в руках исследователей находится его вторая (или даже третья) редакция. Эти предположения основаны на том, что, помимо рассматриваемого нами «Свода», существует еще одно собрание статут-ов. Однако он имеет совершенно иной характер и больше напоминает беседу о жизни в монастыре, поведенную неким тамплиером, который не называет ни своего имени, ни занимаемого положения, но между тем считает себя вправе обращаться к братьям в назидательном тоне.

При этом составитель начинает свое повествование с рассмотрения повседневных дел монастырской братии с утра и до позднего вечера, когда братья готовятся отходить ко сну. Вслед за этим идет перечисление церковных служб и описание жизни рыцарей в военное время. Далее следует рассказ о процедуре проведения орденских капитулов, а в завершение подробно говорится о взысканиях за различные нарушения.

Нужно отметить, что трактат довольно бессвязен, несмотря на то что, по всей видимости, был составлен одним и тем же человеком, который строго придерживался некой последовательности в изложении деталей жизни монастырской братии. Интересно, что данное сочинение сопровождается своеобразными «Установле-

ниями», в которых детально рассматриваются уголовные преступления, а также приводятся примеры из приговоров, вынесенных на капитулах Дома примерно в 1220–1257 годах.

Получается, что эта последняя компиляция по времени должна была появиться после татарского нашествия 1257 года, о котором говорится в тексте, но до потери Гастена (1267), о чем в данных «Установлениях» почему-то не говорится ни слова, хотя достаточно подробно повествуется в каталонском уставе, датированном 1267–1272 годами.

На вопрос о времени создания и авторстве монастырских статуты и сборника «Установлений» исследователи отвечают, что «Установления» были созданы в более позднее время, так как не верится в то, чтобы два изложения пенитенциалия ордена были написаны в одно время (или следовали друг за другом), причем один с примерами, а другой без оных.

Наиболее популярна точка зрения, согласно которой сборник статуты был составлен приблизительно в период десяти мирных лет после похода Фридриха II. Насколько известно, именно в то время орденские переписчики и миниатюристы украсили художники свой прекрасный бревиарий (служебник, часослов), заверченный в 1233 году.

Следует отметить, что французская версия институций генеральных капитулов ордена цистерцианцев была составлена около 1230 года, в то время как сверка этих Институций была сделана в 1256 году. Дело в том, что и у ордена тамплиеров, и у ордена цистерцианцев, находящихся под покровительством св. Бернара, было много общего, особенно в стиле. Однако составитель «Установлений» более авторитетен. Он чаще высказывал свое личное мнение. Наилучшим доказательством этого являются его же собственные слова: «Но наше разумение, таким образом, таково. Но коль скоро сие

зablуждение никогда не было хорошо освещено, каждый и говорит об этом по своему разумению. И я высказываю о нем наше, а не пользуюсь другим мнением, ибо никогда не слышал, чтобы его ясно изложили; но точно слышал, как излагали то, что я сказал выше».

При этом составитель нередко вспоминает об именитых рыцарях монастыря и повествует об «Установлениях», разработанных на капитулах, в которых он принимал личное участие, переходя на «я» в тех местах, где редактор статуты говорит «мы». Лучше всего продемонстрировать это на текстах первоисточника, но прежде обратимся к монастырским статутам.

Так, «когда звонит колокол заутреню, каждый брат должен тотчас же встать, обуться, надеть свой плащ и отправляться в монастырь слушать службу» (если, конечно, он не болен, не слишком устал накануне и не получил разрешения у магистра или командора отлучиться из монастыря по своим делам). При этом его одевание состояло из рубахи, подпоясанной узким поясом, штанов, шоссов (чулков), башмаков и плаща. В течение всего остального времени монастырская братия одевалась и обувалась по сезону.

Характерно, что на заутрене (во время которой читались часы Богоматери) каждый тринадцать раз повторял молитву «Отче наш», процедура повторялась и в часы дневной службы. И хотя рыцари могли бы обойтись и без произнесения молитв (они произносились священниками), тем не менее никто не пренебрегал этим, так как считалось, что «лучше, чтобы он (речь идет о рыцаре) их произносил, нежели обходился без этого».

После заутрени братья посещали конюшни, каждый спешил посмотреть на своих лошадей и проверить сбрую. Если же при этом обнаруживалось, что что-то не в порядке, владелец должен был либо сам все починить, либо заставить это сделать слуг Дома. Если же у кого из братьев возникала потребность поговорить со своим коню-

шим (оруженосцем), то он говорил с ним достойно. После этого рыцари могли возвратиться в спальни, но, прежде чем снова лечь в постель, каждый должен был прочитать «Отче наш», чтобы молитвой искупить совершенные ошибки (или нарушение молчания).

Следует отметить, что спать рыцари отправлялись только в том случае, если у них не было никаких дел по службе. При этом каждый брат должен был проявлять старание, дабы враг (или Сатана) не застал его праздным, так как в этом случае враг мог «смелее и скорее осадить дурными желаниями и суетными помыслами человека праздного, чем того, кто занят каким-либо добрым трудом».

Уже первые фразы настраивают на определенный тон статута: религиозная практика, сочетаемая с военными привычками, строгий распорядок, твердая дисциплина и забота, с которой в Доме все делается мило-стивно и достойно. Характерно, что слова «достойно и мирно» встречаются в документе едва ли не по каждому поводу.

Братья-рыцари должны были достойно разговари-вать со своими оруженосцами, а также с братьями-ре-месленниками; они как бы получали уроки морального изящества, чтобы при случае, когда устав оставляет вы-бор поведения за ними, показать себя с самой лучшей стороны.

Во время завтрака сначала ели рыцари и сержанты, а после них уже оруженосцы и прислуга (в командор-ствах Святой земли был еще и стол для туркополов). Происходило это следующим образом: дождавшись звона большого колокола, брат-капеллан, рыцари и бедняки, которых кормили из милосердия, занимали свои места за монастырским столом и молча вкушали трапезу.

Что касается братьев-сержантов, то они дожидались звона малого колокола и только потом усаживались на свое место.

Во время появления устава рыцари Храма уже не ели из одной миски, как при основании ордена, теперь у каждого из них была своя собственная миска и кубок, ложка и нож для резания хлеба.

Согласно установленному правилу, магистр имел за столом две привилегии: во-первых, он всегда садился на одно и то же почетное место, а во-вторых, использо-вал в качестве посуды хрустальную чашу, которая не только считалась роскошью, но также и средством пре-дохранения против отравления (рыцари полагали, что хрусталь тускнеет под действием яда).

Что касается меню, то в монастыре всегда был вы-бор блюд. Когда к столу подавали говядину или бара-нину, командор Дома должен был учитывать всех, кто не ел этих блюд (исключение составляли магистр и брат-капеллан). Вообще всем братьям достаточно часто по-давали два сорта мяса, чтобы они могли выбрать, что им больше по вкусу. Когда же в Домах было изобилие всякой пищи или когда того желали командоры, к сто-лу подавалось и три вида мяса.

В том случае, если какому-нибудь брату приносили сырое мясо (с пятнами или с запахом), он мог попро-сить, чтобы ему заменили его порцию. Рыцари имели полное право попросить мяса для своей прислуги (слу-гам Дома также полагалась порция), если таково было желание последних. Если прислуга мяса не ела, то она просила заменить мясное блюдо на какое-нибудь дру-гое. Однако замена должна быть менее изысканна, не-жели основное блюдо.

Так как орден тамплиеров был монашеским, то ры-цари были обязаны соблюдать посты. Однако постились они только в Сочельник и во время Великого поста, тог-да как Рождество и Пасха, а также два заговенья, в вос-кресенье перед днем зимнего Св. Мартина (11 ноября) и в последний день Масленицы (Mardi gras), они разгов-лялись, устраивая великие празднества с различными

кушаньями. На Рождество рыцарям подавалось два или три блюда на выбор. В воскресенье, вторник или четверг братьям всегда подавали свежую (или соленую) рыбу или что-нибудь другое. В остальные дни недели меню было менее богатым.

В том случае, если командор закупал рыбу на свои средства, что обычно случалось по понедельникам и средам, то он получал право отменить какое-нибудь блюдо, которое предполагалось к столу в этот день.

В пятницу подавали вареное блюдо, салат, или «травы» (как его до сих пор называют на юге Франции). При этом любой рыцарь мог попросить то, что предназначалось на обед оруженосцам или прислуге, взяв оттуда, что ему нравилось.

Присматривать за столовой и оруженосцами, подающими блюда, обязан был командор палат. Он же следил за распределением порций, которые должны были быть по возможности равными. При этом братья могли предлагать соседям пищу из своей посуды, но только сидящим рядом или на расстоянии не более протянутой руки, и «тот, у которого было самое лучшее, должен был предложить тому, у кого самое худшее».

Что касается магистра, то он обладал привилегией посылать блюда любому, кому пожелает, причем его желание могло распространяться даже на наказанных братьев, вкушающих пищу на земле. Вследствие этого перед ним ставилось такое количество еды, которым можно было накормить троих или четверых человек.

Остатки пищи братья должны были сохранять по возможности в приличном виде, так как они предназначались бедным. Как уже упоминалось, во время трапез рыцарям полагалось хранить молчание и слушать писца, который громким голосом зачитывал отрывок из какой-либо поучительной книги. Если кто-нибудь из братьев оканчивал трапезничать раньше, нежели все остальные, то он должен был оставаться за столом. Во-

обще нужно отметить, что вставать из-за стола можно было лишь в том случае, если шла носом кровь. Если такое происходило, нужно было тихо встать, выйти, никого не спрашивая, и вернуться к трапезе после того, как кровь остановится.

Однако если снаружи раздавались крики «К оружию!» или «Пожар!» и если на конюшне происходила драка жеребцов, то рыцари имели право покинуть трапезную, не спрашивая разрешения магистра.

После полудня тамплиеры должны были еще раз произнести молитвы. При этом отсутствовать на чтении молитв могли только брат-пекарь (если у него руки в тесте), брат-кузнец (если у него на огне раскаленное железо или если он подковывает коня), а также брат, который только что вымыл голову. Однако по завершении всех работ выше названные должны были в обязательном порядке явиться в часовню и прочесть пропущенные молитвы.

Ужинать братья шли после вечерни, причем за столом они вкушали те же блюда, что и за завтраком. Во время же поста ужина как такового не существовало, и рыцари вкушали только обед, который следовал после молитвы девятого часа (около трех часов пополудни). Во время Великого поста и во все постные дни братья ели только после вечерни (в пять или шесть часов вечера).

Под звуки колокола, звонившего к повечерию, орденские братья собирались либо в часовне, либо во дворце, где им подавалось легкое кушанье — «вода или разбавленное вино, если угодно магистру, или то, к чему привыкли в этом Доме». После этого маршал (или командор) объявлял распоряжения на следующий день, а затем все читали молитвы.

После повечерия каждый рыцарь должен был пойти в конюшню, дабы убедиться в том, что с его лошадьми и сбруей все в порядке. Если же ему нужно было дать

какие-нибудь указания своему конюшему (оруженосцу), то он должен был сделать это как можно более мягко и учтиво. После этого рыцарь имел полное право отправляться спать.

Уже будучи в своей постели, каждый тамплиер должен был прочитать молитву «Отче наш», что делалось для того, чтобы Бог простил ему все прегрешения, которые были допущены после повечерия.

Что касается самого повечерия, то во время службы каждый брат обязан был хранить молчание с начала повечерия до конца молитвы первого часа, если не было необходимости в разговоре. При этом данная молитва читалась по четырнадцать раз в каждый час службы: семь — утром в честь Богоматери, семь — днем и во-семнадцать — на вечерне.

Помимо этого, каждый брат обязан был читать «Отче наш» самостоятельно не менее шестидесяти раз в день: «первые тридцать — за умерших, дабы Бог освободил их от мук чистилища и поместил в рай, а другие тридцать — за живых, дабы Бог охранил их от греха и простил им проступки, совершенные ими, и привел их к добро-му концу».

Интересно, что при всем почтении и благоговении перед Девой Марией, рыцари Храма не читали регулярно Ave («Богородице Дево, радуйся»). Однако утренние часы Богоматери всегда читались первыми.

Исключение составляли молитвы к Богоматери из часов конца дня, которые заведено было читать последними, так как считалось, что именно Богоматерь положила начало ордену. «В Ней и Ее чести, если Богу угодно, пребудет конец наших жизней, и конец нашего ордена, когда Богу будет угодно, чтобы таковой конец настал», — сказано в «Своде».

После последовательного описания всех действий тамплиеров, которые выполнялись изо дня в день, редактор статута переходил к отдельным деталям.

Так, например, немаловажным моментом он считает присутствие всех братьев на окончании молитв. Дело в том, что именно тогда происходила переключка и командор (маршал или магистр) отдавал приказы. При этом не исключались ситуации, когда кто-то из братьев по каким-то уважительным причинам не мог присутствовать при этом. Тогда любой другой брат мог взять разрешение на отсутствие для него. Однако если замечал, что какой-нибудь рыцарь слишком часто пропускал конец молитв, то он должен был «наставить его и попросить, чтобы он держал себя так, как ему велит это устав». После каждого приказа тамплиеры были обязаны отвечать: «Во имя Бога, дорогой сир».

Характерно, что есть в «Своде» и такие статуты, которые возлагают ответственность за лошадей, вооружение и все имущество Дома на самих тамплиеров, а не на командоров, маршалов и прочие высшие чины. И хотя ни один рыцарь не имел права на личную собственность, тем не менее он должен был отвечать за то, чем он пользовался.

Если рыцари Дома изъявляли желание устроить соревнования по стрельбе из лука или арбалета, то биться об заклад они могли только на те предметы, которые не стоили денег и которые каждый мог изготовить самостоятельно (например, колышки для палатки или «закрытый фонарь»).

Кроме того, каждый брат ордена Храма имел право состязаться на десять кусков свечи (не более!) без разрешения свыше, но в случае проигрыша он оставался без света. Против свеч рыцарь мог выставить запасную тетиву от своего арбалета, но при условии, что он не останется на ночь без тетивы (особенно в военное время).

Среди других развлечений орденой братии можно назвать игру в колышки, классы и форбот без заключения пари. Что касается шахмат, шашек и табличек (то есть триктрака), то эти игры были запрещенными. Ин-

интересно, что в эпоху Средневековья такое невинное развлечение, как шахматы, считалось опасной игрой, из-за которой происходило якобы слишком много ссор. Во время игры рыцари нередко выходили из себя, и дело заканчивалось дракой. В качестве доказательства последнего утверждения можно привести героический эпос Средневековья, в котором описывается молодой паж, распростертый на земле, с головой, проломленной ударом шахматной доски. И паж этот не кто иной, как сын Ожье Датчанина, убитый наследником Карла Великого.

Выше уже говорилось о том, что тамплиерам было запрещено покидать Дом и уходить в город, деревню, замок, сад и т. д. Здесь хотелось бы заметить, что расстояние, на которое им разрешалось удаляться от монастыря или от места стоянки, равнялось одному лье. Но это касалось только рыцарей и слуг, на братьев-ремесленников правило не распространялось, и они могли посещать все места, где требовалась их работа.

Характерно, что распитие вина с епископом, архиепископом или даже с рыцарями Св. Иоанна (при условии, что на тот момент отношения между двумя рыцарскими орденами были весьма теплыми и сердечными) было разрешено.

Хранить у себя «Свод» без разрешения магистра рыцарям было запрещено, так как в нем оговаривались права и обязанности всех членов Дома, что не подлежало разглашению.

Но все тайное рано или поздно становится явным, и «Свод» вполне мог попасть в руки оруженосцев, которые волей или неволей могли передать его мирянам или же поделиться с ними его содержанием.

Однако, как оказалось впоследствии, не болтливость оруженосцев сослужила ордену дурную службу, а сам запрет, создавший вокруг этой организации множество всевозможных домыслов. Характерно, что со временем и на капитулы был наложен запрет о разглашении. В кон-

це концов эти дисциплинарные советы были приравнены к грязным и постыдным оргиям.

Интересны статуты «Свода», касающиеся финансов ордена. Так, например, ничего в них не говорится о том, что данная организация обладала несметными богатствами; положения о расходовании денег, которые могли бы пройти через руки братьев, исключительно суровые.

Во-первых, никто из братьев не имел права носить или держать при себе деньги без соответствующего разрешения. Во-вторых, если кто-либо из рыцарей просил деньги у бальи, чтобы сделать покупки, то он обязан был сразу же исполнить задуманное и купить то, что ему было поручено или то, что он сам намеревался купить. Другую вещь без разрешения приобретать на данные средства было нельзя.

Вообще, в «Своде» ясно прописано, что все тамплиеры, включая самого магистра, должны были тщательно остерегаться носить при себе личные деньги, золото или серебро, так как монаху не пристало иметь какую бы то ни было собственность. Согласно распространенному в те времена мнению, монах, имеющий су, не стоил и су.

Но тут возникает вопрос: кто же тогда распоряжался имуществом ордена? Статуты и на это дают свой ответ. Оказывается, все средства находились на хранении у командоров и бальи.

Если же случалось, что по смерти одного из братьев в его одежде или постельных принадлежностях находили деньги, или становилось известно, что он поместил их на хранение вне стен Дома, то «сей дурной брат не должен быть ни погребен вместе с другими, ни положен в освященную землю, и братья не обязаны ни проносить за него «Отче наш», ни отправлять службу, которую они должны отслужить за умершего брата, но должны похоронить его как раба, от чего сохрани Господь всех братьев Храма... И знайте, что, если сам ма-

гистр отдал такого рода приказ за пределами Дома и умер, не признавшись в этом, с ним должно поступить так же и хуже, ибо знайте, что чем больше у человека есть, тем большим он обязан в нашем Доме, если ему случится совершить нарушение умышленно».

Таковы были правила, касающиеся денег. За ними следовали статуты, перечислявшие мелкие детали, имеющие тем не менее важное практическое значение. Здесь можно отметить, что старикам нельзя было хранить свое снаряжение, если они им не пользовались.

Как только состарившийся брат чувствовал, что больше не в силах надевать на себя доспехи, то он обращался к маршалу с просьбой передать их другому брату, который найдет в них надобность и с их помощью принесет пользу Дому.

Интересно, что при этом существовали специальные речевые клише, которыми пользовались в тех или иных случаях. Так, например, в только что упомянутых обстоятельствах ветеран должен был обратиться к маршалу со следующими словами: «Дорогой сир, я прошу вас Бога ради взять наши доспехи и отдать тому брату, который бы служил в них Дому, ибо сам я больше не могу находить в них надобность себе и Дому».

Маршал же, выслушав подобную просьбу, должен был предоставить ему какую-нибудь не слишком резвую лошадь для прогулок, если обратившийся к нему брат нуждался в ней. При этом следует отметить, что вместе со своим вооружением и доспехами старый рыцарь передавал маршалу и своих животных. Если же ветеран уже не мог нести службу и тем не менее не желал передавать доспехи другим, то это считалось недостойным, ибо тем самым он приносил ущерб Дому.

Кроме того, старые люди своим поведением должны были показывать добрый пример другим. Недопустимо было, если они (или за счет них) обделили едой, питьем, платьем или чем-нибудь другим молодых ры-

царей. Последние же, глядя на старших, должны были учиться таким образом достойному поведению.

Необходимо отметить, что статуты «Свода» очень далеки от аскетизма цистерцианцев и не имеют ничего общего с жизненным укладом первых «бедных рыцарей Храма», отличавшихся грубостью и неотесанностью, «никогда не умывающихся, редко расчесывающихся, воняющих потом и выпачканных кровью». В более позднее время жизнь тамплиеров мало чем отличалась от той жизни, которую вели мирские рыцари в период военных походов. Так же как и они, рыцари Храма были галантны, благопристойны, вежливы и элегантны. Никакой грубости, никакого сквернословия!

Согласно предписаниям, ни один брат никогда и ни при каких обстоятельствах не должен был терять над собой контроль, ругаться или сквернословить. Однако, несмотря на внешнюю благопристойность, многие тамплиеры не всегда придерживались этих правил, о чем свидетельствует выражение «ругаться, как тамплиер», которое очень прочно вошло в разговорный язык, хотя существует предположение, что он появилось еще во времена становления ордена.

Что касается религиозной стороны, то орденские братья пользовались правилами латинской иерусалимской церкви, близкой к кармелитской практике. Известно, что их бревиарий предположительно датируется 1233 годом, так как оригинальная редакция санкторала прерывается на имени св. Антония Лузитанского, канонизация которого имела место в 1232 году, в то время, как имя св. Доминика, канонизированного двумя годами позже, присоединено впоследствии вместе с группой святых XIII века.

Кроме того, в санкторале говорится о некоторых прославленных деятелях ордена, живших в те времена, когда Святая земля была в руках тамплиеров; среди них епископы и мученики Симеон и Кириак, патриархи

Авраам, Исаак и Иаков. Доказательством можно считать и то, что некоторые службы санкторала, к каковым относятся службы св. Фоме Кентерберийскому, св. Григорию Великому, св. Марии Магдалине, св. Бернару Клервоскому, св. Дионисию и св. Екатерине, являются специфически тамплиерскими.

Что касается церковных служб, то об этом как нельзя лучше сказал Жак де Моле: «Ни в каких церквях не были службы богаче, чем в наших».

Поведение в храме также было строго регламентировано. Так, например, молодые братья, только что принятые в орден, а также те, кому возраст (или ранения) не позволяли совершать обычные коленопреклонения, размещались в глубине часовни. При этом следует отметить, что мессы тамплиеров были открыты для мирян и пользовались у последних большой популярностью, о чем говорила высокая посещаемость. Ко святому причастию братия ходила только три раза в год, что по времени совпадало с такими христианскими праздниками, как Рождество, Пасха и Троица.

Вслед за этими сведениями составитель вновь делает ссылку на житейские детали жизни храмовников. Так, например, для церемоний Великого четверга, когда каждый брат омывал ноги тринадцати беднякам, он советует капеллану заранее позаботиться о кувшине с горячей водой: «И знайте, что капеллан должен позаботиться, чтобы сии бедные люди не имели бы страшных болезней ступней или ног, ибо случайно можно было бы принести душевную боль какому-либо брату». А в Страстную пятницу, когда все обитатели Дома собирались за столом без скатерти, автор статута замечает, что перед тем как положить на него хлеб, им следует тщательно вымыть доски.

Не оставлены без внимания и болезни, приведенные в своде лекаря. В этом разделе говорится, что больные, страдающие дизентерией, рвотой, горячкой, а так-

же имеющие гнойные раны, должны быть помещены в отдельные комнаты, дабы не причинять неудобства остальным.

Отдельно сказано о кухне лекарни. Так, брат-лекарь имел право брать то, что ему нужно, из винного погреба, большой кухни, печи, свинарника, курятника и сада. При этом строго соблюдалось правило, по которому больным не давали «ни чечевицу, ни нелущенные бобы, ни капусту, если они не свежие; ни говядины, ни свинины, ни мяса козы, ни козла; ни баранины, ни угрей, ни сыра».

Кроме того, лекарь имел полное право затребовать для больных те блюда, которые не были им противопоказаны по состоянию здоровья, а также отдать распоряжение готовить их до тех пор, пока больные братья не смогут питаться за общим столом.

Известно, что в ордене было немало братьев, которые обладали хорошими медицинскими познаниями. Так, в возвратной лихорадке (малярии) и дизентерии, двух наиболее распространенных болезней Востока, они видели заразные болезни, а эпилепсию, в отличие от многих современников, рассматривали как болезнь, а не как демоническую одержимость. Подобное отношение к эпилепсии является лучшим доказательством того, что рыцари правильно подходили к лечению недугов психического характера...

Вообще, нужно заметить, что подробностей о медицинском уходе той эпохи очень мало. Известно, что поиск лекарей и необходимых лекарственных средств лежал на плечах командора провинции.

В дошедших до настоящего времени источниках говорится, что больным давали какой-то сироп. Существует предположение, что под ним подразумевался тростниковый сахар, производившийся в Палестине.

Дошли сведения еще об одном средстве, которым пользовались тамплиеры. Однако оно было менее при-

ятным, нежели предыдущее, так как изготавливалось из гадюк, сваренных живьем с фигами и солью.

Тем, у кого болезнь не внушала серьезных опасений, было позволено «есть три обеда в своей постели»; при недомогании и переутомлении отправляться в лечебницу было необязательным.

Следует отметить, что храмовники умели мастерски изготавливать лекарства, основу которых составляли преимущественно травы, а также другие традиционные средства народной медицины. Интересно, что врачи тамплиеров, в первую очередь хирурги, применяли в своей работе самые современные методы санитарии и гигиены. Известно даже об использовании ими антибиотиков, получаемых из некоторых видов грибов.

Среди положений статуты о медицине самые тягостные подробности связаны с заботами о прокаженных. Но здесь, что удивительно, нет той жестокости, которую проявляли по отношению к этим несчастным миряне. Если же случалось, что проказой заболел один из братьев, то наиболее достойные мужи Дома наставляли его и просили добровольно покинуть монастырь и отправиться в орден Св. Лазаря. Даже если заболевшим оказывался человек высокого происхождения, он все равно должен был покинуть Дом. С его стороны считалось благородством, если он сам настаивал на удалении, а не дожидался, когда его попросят об этом другие.

Однако удаление из монастыря вовсе не означало потерю всех привилегий; магистр и братья обязаны были непрестанно заботиться о том, чтобы больной, отправившийся в орден Св. Лазаря, не нуждался бы в необходимых вещах до самой своей смерти. Согласно каталонскому уставу, ему отдавали «все его платье для ношения и для сна и раба — прислуживать ему, и осла для езды, и пятьдесят золотых монет, и одежду, как для брата».

Из того же устава следует, что если случай проказы не был выявлен, но у какого-нибудь брата подозревают

наличие данного заболевания, то тамплиер все равно должен был отправиться в госпиталь Св. Лазаря для выявления болезни. При этом подозреваемого больного до места назначения обязательно сопровождали два или три рыцаря того же монастыря. Все это делалось для того, чтобы страшной болезни не подверглись другие братья Дома. Что же касается братьев ордена Св. Лазаря, то они были более осведомлены о признаках этой болезни и способах ее лечения.

Однако стоит также отметить, что в странах Запада не было отделений ордена Св. Лазаря, и больных оставляли в Доме, где они содержались в особой комнате и до самой смерти носили одеяние с красным крестом.

А теперь о дисциплине. Можно много говорить об этом вопросе и о том, какое значение дисциплина играла в жизни рыцарей Храма.

Известно, что дисциплине уделялось едва ли не первостепенное значение. Дело в том, что братья были более воинами, нежели монахами, а потому дисциплинированность должна была быть у них в крови. Так как ее отсутствие могло привести к весьма трагическим последствиям (и рыцари прекрасно понимали это), то повинование, усиленное чувством внезапной опасности, было свойственно тамплиерам в такой степени, в какой было неведомо рыцарям-мирянам.

Как уже неоднократно упоминалось, тамплиеры собирались в капитулы двух видов. На генеральных обсуждались вопросы внутренней или внешней политики, а также велись апелляционные процессы по наиболее серьезным дисциплинарным нарушениям. Что же касается еженедельных капитулов, проводимых не только в каждом командорстве, но и в любом другом месте, где собиралось не менее четырех братьев, то они также уделяли первостепенное значение дисциплине, рассматривая преимущественно вопросы, связанные с повседневными событиями в жизни орденской братии.

Характерно, что правосудие Дома было равно для всех, то есть различий между рыцарями и сержантами не существовало. Свидетельством этого могут быть приговоры, обнаруженные среди «Установлений», вынесенные против братьев-ремесленников, которые подчинялись той же дисциплине, что и рыцари.

В большинстве случаев, если не было каких-то серьезных обстоятельств, еженедельные капитулы собирались после воскресной мессы, в большом зале или в часовне. При этом в статутах говорится, что ни один человек, если, конечно, он не являлся братом ордена Храма, не имел права не только присутствовать на этих собраниях, но и слышать то, что на них говорилось.

Происходило это следующим образом: одетые в свои белые плащи, шапки из белого войлока и чепцы (последние представляли собой ленты из куска белой материи, подвязанные под подбородком), участники капитула собирались в назначенном месте. Как только все были в сборе, то, прежде чем сесть, каждый должен был снять шапку, а также свой чепец (если только рыцарь не был лысым), а потом прочесть «Отче наш».

Затем следовала краткая речь командора или магистра (если, конечно, он присутствовал на этом собрании), открывающая заседание.

Первое, с чего обычно начиналась речь командора, было наставление собравшихся именем Господа. При этом он должен был сделать имя Всевышнего прекрасным настолько, насколько это возможно, а братьев заставить повиниться.

Обычно в конце проповеди брата, которые чувствовали за собой какую-либо вину, поднимались со своих мест и по очереди подходили к тому, кто вел капитул, предварительно сняв с голов шапки и повязки. Подойдя к ведущему, они несколько раз преклоняли колени и в полном смирении произносили следующее: «Дорогой сир, я взываю к милости Бога и Божией

Матери, и к вашей, и братьев за то, что я допустил ошибку в том-то», после чего следовал правдивый рассказ о заблуждении.

В том, что исповедание было искренним и правдивым, сомнений не возникает, так как каждый понимал, что ложь — это не исповедь, а следовательно, зачем было собираться, если нет искренности. Как ни странно, братья не боялись публично признаваться в своих прегрешениях (скорее всего, они были не такими уж серьезными). Вслед за признанием следовало обсуждение совершенного, но сам виновный не присутствовал при этом, командор удалял его из капитула и отправлял «в такое место, где не слышно, что говорят братья».

Наказание определялось мнением большинства. При этом следует отметить, что правом первоочередности высказывания пользовались те, кто был наиболее осведомлен в этих делах.

Как только приговор был обсужден и принят всеми, командор приглашал «виновного в совершении проступка» и объявлял ему принятое решение, предварительно указав ему на его заблуждение. При этом ведущий капитул не должен был говорить, что «такой-то брат вынес такое решение или согласился с этим», так как в этом случае капитул перестал бы быть тайным собранием.

Здесь следует отметить, что тамплиеры были очень предусмотрительны, когда приняли решение проводить капитул «за закрытыми дверями».

Нетрудно представить, как возненавидели бы друг друга братья, если бы осужденный узнал о том, что думает по поводу его проступка каждый отдельный брат и какое наказание он предлагает.

Жизнь в тесном кругу всегда накладывает свой отпечаток на тех, кому приходится тесно общаться друг с другом на протяжении длительного времени. А если принять во внимание, что тамплиеры были не только монахами, но и рыцарями, имеющими в своих руках

щиты и мечи. Так что статуты, предписывающие по этому поводу атмосферу полной таинственности, вполне закономерны.

Далее при перечислении решений капитулов по отдельным случаям составитель «Установлений» называет по именам только умерших братьев. Что касается всех остальных, то их он называет либо «брат», либо «старый человек Дома».

Относительно неразглашения решений еженедельного капитула в каталонском уставе приводится весьма примечательный случай, очень наглядно демонстрирующий то, с какой ответственностью к этому вопросу подходили его участники. Так, однажды испанские тамплиеры, опасаясь наказания, отказались поведать магистру о том, что произошло на монзонском капитуле. Дело в том, что раскрытие своего капитула являлось одним из самых серьезных проступков, за который могли даже выгнать из ордена.

В случае, если кто-нибудь из рыцарей был свидетелем того, что его брат совершил или сказал нечто такое, чего ему не следовало говорить и делать, он мог отозвать его в сторону и в присутствии двух или трех других братьев сказать следующее: «Дорогой брат, вспомните об этом и повинитесь на первом капитуле, где вы будете». В большинстве случаев этого было достаточно, однако не исключены были и доносы. Нужно признать, что в Средневековье рыцари не считали донос постыдным и частенько изобличали виновных.

Вообще можно сказать, что изобличение виновного являлось долгом во всех монастырских уставах и поэтому поощрялось. Однако из рассматриваемых нами «Установлений» следует, что, прежде чем донести на кого-либо брата, свидетели предпочитали сделать ему одно или два предупреждения и только потом, если это не действовало (то есть виновный не приносил своего покаяния), изобличить публично.

Сама процедура обличения происходила таким образом: перед тем как вынести свое обвинение, тамплиер должен был спросить у командора разрешение поговорить с тем, кого он собирался обвинить. После того как разрешение было получено, обвинитель мог встать и назвать обвиняемого по имени. Последний же должен был снять шапку и подойти к ведущему капитула, чтобы выслушать то, в чем его обвиняют. Если же упрек был справедлив, виновный признавался в своем проступке и каялся, но если же дело обстояло иначе, то несправедливо обвиненный мог обратиться к ведущему со следующими словами: «Нет, мессир, Богу было угодно, чтобы я не совершал никогда этого», или «Сир, дело обстоит иначе», или «Знайте, что дело было не так».

Если виновный не признавал своей вины и не желал признаваться в содеянном, то он, впрочем, как и его обвинитель, призывал на капитул свидетелей. Могло быть и так: один брат обвинял другого в том, что тот якобы совершил какой-то проступок в одном месте, а доказать этого не мог. Обвиняемый же в это время был совершенно в другом месте и мог предоставить доказательства этому. В этом случае обвиняемый оправдывался, а обвинитель, уличенный во лжи, занимал его место, то есть сам становился обвиняемым.

Если же случалось, что обличение или донос не могли быть принят за недостатком доказательств, то его инициатор должен был публично отречься от своих слов или же сам подвергнуться правосудию Дома.

Предъявить обвинение на капитуле тамплиеру мог только другой тамплиер. Если же случалось, что магистр узнавал о том, что какой-либо брат позорит Дом извне ордена (через друзей, достойных доверия), то в этом случае он был вправе сам со всей суровостью наказать провинившегося, даже не собирая капитула.

Следует отметить, что, прежде чем вынести приговор, братия в обязательном порядке рассматривала по-

ведение брата и его жизнь и по этому судила о его проступке. Если провинившийся был человеком «доброго поведения и его проступок легкий, братья должны обойтись с ним более мягко, а если человек дурного поведения и его проступок велик и гнусен, братья должны наложить на него суровое и тяжкое наказание».

Что касается судебного кодекса храмовников, то он содержит семь видов наказаний, включая отстранение от должности и изгнание из ордена.

Разумеется, самым страшным наказанием для рыцарей было изгнание из ордена. При этом провинившийся не мог больше возвратиться. Он должен был «идти спасать свою душу в более строгий орден», под которым подразумевался орден цистерцианцев, если там его захотят принять.

Второе наказание, по строгости и суровости следующее за потерей Дома, — лишение одеяния. Однако здесь стоит сделать одно замечание — такое наказание могло налагаться на срок, не превышающий года и одного дня. Изъятие плаща происходило на капитуле, после чего виновный должен был вновь облачиться в одежду, но уже без красного креста. Во время наказания жить ему полагалось в доме духовного лица, вкушать пищу на земле и трудиться вместе с рабами до тех пор, пока он не искупит своей вины и снова не войдет в милость магистра.

Третьим наказанием было «оставление одеяния во имя Бога». Тому, кого наказывали именно таким способом, предписывалось поститься три раза в неделю, «пока Бог и братья не проявят милосердия». Вкушать пищу провинившемуся также полагалось на земле, на полах своего плаща. Помимо этого, ему полагалось «вести осла или выполнять какую-нибудь другую службу из наиболее грязных служб Дома, то есть мыть миски на кухне, чистить чеснок и лук или разводить огонь, и носить свой плащ очень туго завязанным, и ходить,

сколько возможно, смиренно». В том случае, если наказуемый был рыцарем или сержантом Дома, то на время срока своего наказания он передавал своих лошадей (а также доспехи) на хранение одному из братьев.

Четвертое наказание подразумевало пост в течение двух дней в неделю. Так было первоначально, но впоследствии «из-за многочисленности некоторых дурных братьев» был прибавлен третий день поста в течение первой недели — «в день, когда он совершил проступок». Во время всего срока, пока брат считался виновным, он должен был есть на земле и числиться в принуждаемых к одной из самых неприятных и унижительных домашних работ. Впрочем, было одно исключение: если у рыцаря была добрая репутация, то ему позволялось ухаживать за своими лошадьми и снаряжением и даже продолжать выполнять свои обязанности, если он был ремесленником.

Что касается пятого наказания, то оно представляло собой два дня поста в неделю. Шестое — один день неприятной работы.

И последнее, седьмое наказание обычно налагалось за самую незначительную провинность и заключалось в однодневном посте в ближайшую пятницу. Однако иногда, когда проступок рассматривался как грех, а не как несоблюдение устава, обвиняемого могли отдалить из монастыря или же направить к брату-капеллану. В первом случае провинившийся брат направлялся к орденским властям, то есть отдавался на суд генерального капитула, магистра или командора провинции. Если обвиняемого оправдывали, то он «отпускался с миром».

Характерно, что ни один капитул не мог самостоятельно вынести решения по вышеперечисленным приговорам. И вообще, командор, у которого не было хватки, решительности и который не мог привлечь в орден новых братьев, никогда не стал бы судить рыцаря Храма за проступок, если бы это могло повлечь за собой

изгнание или потерю одеяния. Кроме того, обвиняемый имел право воззвать к магистру. Подобные случаи также отражены в каталонском уставе, где приведены сведения о тамплиерах, преданных суду в Испании, но затем отосланных в Акру, для того чтобы предстать перед судом Великого магистра и генерального капитула Святой земли.

Согласно установленным правилам, каждое покаяние неизменно сопровождалось бичеванием, если, конечно, покаявшийся не был болен или ранен. При этом процедура бичевания налагалась по решению капитула и воспринималась как добровольное искупление. Интересно, что отдать (поручить) бичевание на языке статуттов означало получить его, а взять бичевание, наоборот, — нанести удары.

Как и большинство других действий, исполнение приговора, вернее, той его части, которая касалась бичевания, также сопровождалось произнесением строго регламентированных речей. Так, тот, под чьим началом пребывал виновный, должен был обратиться к присутствующим со следующей речью: «Дорогие сеньоры братья, вы видите здесь своего брата, который подвергнут покаянию, просите Господа, чтобы Он простил ему его ошибки».

Далее между обвиняемым и тем, под чьим началом он находился, происходил диалог, который повторялся всеми, кто хоть однажды участвовал в капитуле в роли обвиняемого и его наставника. Ниже приводится описание этого диалога. «Дорогой брат, расскаиваетесь ли вы в том, что вы совершили таким образом? — Сир, да, очень. — Воздержитесь ли вы от этого впредь? — Да, сир, если Богу угодно».

В то время, пока обвиняемый и его наставник общались между собой таким образом, все остальные должны были читать «Отче наш». После ведущий капитула публично должен был наказать виновного плетью из

тонких ремней; если же таковой у него не было, то он мог использовать для наказания свой ремень.

Если наказание какого-нибудь брата длилось весьма продолжительное время, то на капитуле его поднимали с земли. Происходило же это только при определенных обстоятельствах. Если наказуемый переносил наказание так, как полагалось настоящему рыцарю и представлялся разумным тому, кому надлежало поднимать его за примерное поведение или по просьбе какого-нибудь достойного мужа, то командор должен был обратиться к братьям со следующей речью: «Дорогие сеньоры, такой-то брат отбыл часть наказания, и мне сдается добрым, чтобы он, если вам угодно, был поднят».

Если же отбывшего наказание поднимали с земли по просьбе какого-либо достойного мужа Дома, то командор в обязательном порядке должен был сообщить об этом братьям, не скрывая при этом имени просителя, обратившегося к нему с подобной просьбой. Сопровождалось это следующими словами: «Однако правосудие Дома в Боге и в вас, и насколько вы поддержите Его, настолько вас поддержат».

В случае, если большая часть братии была согласна с прощением, приводили упомянутого тамплиера, и командор сообщал ему о принятом решении. Тот же, кому была оказана данная милость, должен был в ответ поблагодарить капитул, получить вооружение и занять свое положение в Доме.

Нередко случалось, что поднятого с земли отправляли из монастыря поблагодарить просителя, которым мог выступать рыцарь, епископ или же любой другой достойный муж (чаще всего друг Дома). Однако это не было обязательным: если поднятый изъявлял желание лично выразить благодарность своему покровителю, он мог выполнить это, но мог и воздержаться. Кстати, сам составитель придерживается мнения, что лучше для всех было, если поднятый воздерживался.

Заканчивалось заседание капитула монастыря всегда одними и теми же словами: «Дорогие сеньоры братья, мы можем закрыть наш капитул, ибо по милости Бога на нем не случилось ничего, кроме доброго. Благодарение Богу и Божией Матери, что он прошел таким образом, и пускай добро постоянно возрастает».

Вслед за этим следовало извинение, которое также представляло собой четко распланированную речь. Вот ее текст. «Дорогие сеньоры братья, вы должны знать, каково прощение нашего капитула и кто принимал в нем участие, а кто нет. Ибо знайте, что те, кто живут не так, как должно, и избегают правосудия Дома, и не исповедуются, и не исправляются способом, установленным в нашем Доме, и те, кто удерживают милостыни Дома неправо и безрассудно, не причастны ни к прощению нашего капитула, ни к прочим благам, кои творятся в нашем Доме.

Но те, кто исповедуются хорошо в своих проступках и не воздерживаются от того, чтобы говорить и признавать свои недостатки из-за плотского стыда или из-за суда Дома, и кои хорошенько раскаялись в делах, которые они дурно совершили, вот эти получают добрую часть прощения нашего капитула и прочих благ, кои творятся в нашем Доме. И последним дарую я такое прощение, какое могу, от Бога и Богоматери, и монсеньора святого Петра, и монсеньора святого Павла, и от вас самих, кто дал мне эту власть. И я прошу Бога, дабы Его милосердием, и во имя любви к Его благой Матери, и заслугами Его и всех святых, Он простил бы ваши прегрешения так, как Он простил славной святой Марии Магдалине. А я, добрые сеньоры, взываю к милосердию вас всех и каждого к себе, если я совершил или сказал о вас что-то, что я не должен был делать, и прощению ради Бога и Его благой Матери; и простите друг друга ради Господа нашего, дабы гнев или ненависть не смогли поселиться меж вами».

Известно, что при одной из последних встреч Жака де Моле с Филиппом IV Красивым, которая произошла до массовых арестов тамплиеров и запрещения ордена, глава рыцарей Храма признался королю, что в конце капитулов магистры и командоры всегда отпускали грехи. Но это не было чем-то необыкновенным; известно, что капитулярная исповедь была свойственна практически всем монашеским орденам. И везде она заканчивалась прощением, которое тем не менее не было священническим.

Объясняется это следующим образом: по всей видимости, первоначально прощение, неизменно сопровождающее завершение капитула, носило религиозный характер, но со временем, по словам того же Моле, братьям надоело унижаться на капитуле, его формулировка была изменена и перестала носить явно выраженный религиозный характер.

Со временем речь магистра (или командора) приобрела такое звучание: «Я прощаю вам ошибки, в которых вы не сознались из плотского стыда или из страха пред судом Дома». «Однако, — говорят статуты, — правосудие Дома в Боге и в вас, и насколько вы поддержите его, настолько Бог поддержит вас».

Считается, что заключительная речь, измененная в последние 15 лет до закрытия ордена, свидетельствует о вырождении этой организации.

Нужно помнить о том, что орден тамплиеров был не чисто монашеским, а монашеско-рыцарским, поэтому неудивительно, что статуты устава отличаются от прочих правил монастырской жизни, в первую очередь делая упор на обращение к рыцарским чувствам. Но вернемся к наказаниям за проступки.

Известно, что в случае, когда строгий надзор за наказанными по разным причинам был невозможен (в военное время или же зимой, когда монастырь размещался небольшими группами на зимних квартирах), это дело

поручалось тамплиерам, проявлявшим себя как наиболее достойные и благородные рыцари.

При этом самым суровым последствием серьезного проступка считался запрет на повышение в звании и на ношение знамени во время сражения. Если же на кого-либо из братьев, обвиненного в чем-либо, накладывалось наказание, подразумевавшее потерю одеяния, то в этом случае ему прощалось всякое прочее наказание, которое было на него наложено. Считалось, что его и так подвергли «великой печали и великому стыду».

Интересно, что за сексуальные проступки в уставе подразумевается очень небольшое количество наказаний, причем в первую очередь речь идет об изнасиловании, которое полагалось судить более строго, чем содомию. Именно попустительство в отношении содомии впоследствии сыграло большую роль в запрещении ордена и обвинениях, предъявленных тамплиерам.

Что же касается составителя статута, то он предпочитает не акцентировать внимание на этих вопросах, уделяя больше внимания дракам и интригам, которые считает более серьезными проступками. Так как тамплиеры жили общиной, представлявшей обособленную группу со своими законами и устоями, неудивительно, что они старались всеми силами занять более высокое положение в своем кругу. Этим объясняется их страсть к внутренней политике своего монастыря, к феодальной политике ордена в качестве земельного магната в Сирии, а также к международной политике на европейской арене как к самой роковой стороне их деятельности.

Таким образом, вопросы религии волновали рыцарей гораздо меньше, нежели вопросы политики, а потому, возможно, ад и дьявол, неизменно встречающиеся практически во всех религиозных текстах того времени, отсутствуют в их сочинениях.

Живущие в полной изоляции тамплиеры вели постоянную борьбу против плотского искушения или де-

монов, которые довольно часто посещали орденскую братию. При этом поражение считалось гораздо страшнее, нежели сам грех.

Капелланы ордена обладали абсолютной и безоговорочной верой в апостольскую власть, поэтому отпускали братьям почти все грехи, разумеется, в пределах доступного. Однако духовные проблемы были все же знакомы братьям, хотя ожидание более или менее близкого конца во время сражения, уважение к своему уставу, которое имеет очень много общего с исламским почитанием Корана, значительно их упрощали.

А теперь немного о причинах, влекущих за собой упомянутые выше наказания.

Так, исключение из ордена налагалось в десяти определенных случаях, а именно:

1. За симонию, то есть покупку должностей, что, по сути, означало ту же взятку;
2. За раскрытие секретов капитула;
3. За убийство человека христианского вероисповедания;
4. За мелкую кражу (причем неважно, что было украдено и по какой причине);
5. За недозволенный выход из замка или монастыря;
6. За заговор;
7. За предательство;
8. За ересь;
9. За содомию (что очень интересно, так как, насколько известно, этот вид извращения был довольно распространен среди орденской братии);
10. За бегство с поля боя.

Если кто-либо из братьев осмеливался совершить что-либо из вышеперечисленного или был подозреваем в этом, ему надлежало явиться на капитул обнаженным (имея на теле только штаны), с ремнем на шее. На собрании ему выдавалась отпускная грамота и только после этого он мог покинуть командорство и отправляться

«спасать свою душу» в другой орден с более строгим уставом. Правда, в некоторых случаях эта суровая мера заменялась на более мягкую.

Здесь стоит упомянуть об одном весьма примечательном в этом отношении случае, произошедшем в период магистерства Армана Перигорского. Однажды, когда некоторые рыцари из числа «мужей достойных и доброй жизни» были подвергнуты добросовестному обсуждению, просочились сведения, что они купили свое вступление в орден. Но так как виновные уже много лет были тамплиерами и никто не знал об этом их проступке, то обвинений им не предъявили.

Однако «великая сердечная печаль» все же не давала им покоя, и в конце концов они исповедались магистру, который также был «в великой печали», узнав об их проступке. Но, приняв во внимание смягчающие обстоятельства (братья были примерными тамплиерами и других проступков за ними не числилось), магистр, вместо того чтобы передать дело на рассмотрение генерального капитула, держал совет «со старыми и наиболее мудрыми мужами Дома», полагаясь на их мудрость и поддержку в принятии решения относительно провинившихся.

Посоветовавшись и не придя к единому мнению, участники капитула решили спросить совета у папы, направив в Рим курьера с просьбой сообщить свое решение близкому другу Дома — архиепископу Цезарейскому. Папа одобрил провинившихся, и таким образом с его согласия архиепископ даровал прощение рыцарям-симонитам, а капитул, который состоял преимущественно из членов совета магистра, «сделал их братьями снова, как если бы они никогда не были братьями».

Согласно истории, впоследствии один из прощенных даже занимал пост магистра ордена. Однако здесь стоит отметить одну деталь: автор сочинений получил данную информацию опосредованно, то есть из третьих

рук. Как он сам говорит, «слыхал я, как рассказывали достойные мужи, жившие в это время, ибо я знаю это только от них».

Современные исследователи, занимавшиеся историей тамплиеров, пришли к выводу, что под словами «и потом один из них стал магистром ордена Храма» подразумевался Гийом де Соннак, занявший пост магистра уже в преклонном возрасте и пребывавший на нем с 1247 по 1249 год.

В других источниках говорится, что подобная щепетильность из-за взяток при вступлении в орден наблюдалась нечасто, тем более если речь шла о достойном и знатном человеке. Не секрет, что в некоторых случаях для вступления в орден требовался значительный денежный взнос, без которого члены Дома не хотели принять соискателя, хотя платы при вступлении никакой не полагалось.

Второй проступок, который мог привести к изгнанию из ордена, — это раскрытие капитула. Несмотря на то что магистр не имел права вне капитула требовать от какого-либо брата, входящего в капитул, рассказать о том, что на нем происходило, тем не менее он мог настоять на том, чтобы ранее обсуждаемые вопросы были подняты на следующем собрании.

За убийство христианина также полагалось изгнание из Дома. На этот счет в «Установлениях» приводится один соответствующий пример: будучи в Антиохии, брат Парис и два других тамплиера лишили жизни христианских купцов. В качестве наказания эти рыцари были сначала преданы открытому суду, на котором присутствовал весь монастырь, а затем подверглись бичеванию, причем их провели через Антиохию, Триполи и Тир, сопровождая наказание словами: «Смотрите, вот правосудие, которое чинит Дом этим дурным людям». В конечном итоге виновные оказались в темнице замка паломника, где должны были быть заточены пожизненно.

Потеря Дома грозила тамплиеру и в случае мелкой кражи, под которой подразумевались самые разнообразные ситуации, как то: выйти из замка или запертого дома не через дверь, а через окно или как-то иначе; украсть ключи или сделать второй ключ; утаить от своего командора имущество монастыря стоимостью в три денье и более; запустить руку в карман или котомку к другому и т. п.

В «Уставлениях» опять же приводится соответствующий пример, рассказывающий о том, как один тамплиер покинул французское командорство через стену. Решением капитула ему была предоставлена отсрочка суда. На то время магистром был Ги де Базенвиль. Решив действовать по справедливости, он отбыл из Франции и направился в Сирию, чтобы спросить французского магистра Реноде Вишье, заслуживает ли такой поступок изгнания из ордена, на что получил следующий ответ: «Брат, выходящий из запертого дома иначе, как прямо в дверь, потерял Дом». В конечном итоге провинившийся был наказан изгнанием.

Та же участь ожидала братьев из командорства Мас Деу в Руссильоне, которые без соответствующего разрешения продали меру зерна с гумна, и рыцарей из другого монастыря, укравших миску масла с овчарни.

Дезертирство каралось так же, как и мелкие кражи. При этом бежавший мог вновь вернуться в монастырь только в том случае, если он покинул Дом без вооружения, доспехов и других вещей, то есть ушел в одной своей одежде. Если же бежавший был рыцарем и носил на своих плечах плащ с красным крестом, то он обязан был возвратить его после первой ночи, прошедшей с момента побега. Но если организовывались поиски, то дезертира уже считали исключенным из ордена Храма, и больше он уже никогда не мог возвратиться в Дом.

Бежавшие считались «дурными братьями», если они забирали с собой одежду, носили ее в тавернах, борде-

лях и в других плохих местах, отдавали в залог и продавали недостойным людям, «отчего Дому был великий стыд, великое бесчестье и великий скандал».

Однако везде были лазейки. Существовали они и при условии, если дезертир намеревался вернуться в обитель. Для того чтобы это сделать, он должен был объявиться у главных ворот командорства в провинции, откуда он сбежал, и обратиться с просьбой к духовнику, чтобы тот походатайствовал ему.

Если духовник соглашался, то ему предстояло сказать о дезертире братьям, к которым он обращался с такой речью: «Дорогие сеньоры братья, такой-то человек (или такой-то сержант), который был нашим братом, находится у главных ворот и ожидает милосердия Дома».

После этого командор советовался с капитулом и принимал окончательное решение. Если ничто не свидетельствовало против возвратившегося, то его приглашали на капитул. Но прежде чем войти в помещение, где находились члены капитула, он должен был раздеться по пояс и только потом с веревкой на шее прийти на капитул, опуститься на колени пред тем, кто вел его, и, будучи коленопреклоненным, умолять о помиловании.

При этом капитул учитывал несколько обстоятельств. Так, например, если перед ним находился тот, от которого все желали избавиться, то командор обращался к провинившемуся со следующими словами: «Дорогой брат, вы знаете, что вам следует принести великое и долгое покаяние, и, если вы попросите разрешения обратиться к другому ордену, чтобы спасти свою душу, я полагаю, что вы обретете выгоду для себя».

Если же, несмотря ни на что, кающийся продолжал настаивать на своей просьбе, то ему не имели права отказывать. В этом случае его перепоручали духовнику, который надевал на него облачение без креста и брал его к себе на службу, то есть прислугой к себе в дом. Таким образом провинившийся отбывал свое наказа-

ние. В течение одного года и одного дня он работал наравне с рабами, ел на земле и постился три раза в неделю до тех пор, пока капитул не принимал решения помиловать его.

Интересно, что рыцари, совершившие тяжкие проступки, добивались своего возвращения, несмотря на все унижения, которые им приходилось переносить во время искупления своей вины.

В каталонской версии приводится один интересный рассказ, также свидетельствующий о том, что при желании дезертир мог вновь быть принятым в орден. Данная история произошла с братом Пон де Гюзаном при следующих обстоятельствах: покинув Дом в Провансе, он женился, но через некоторое время его жена умерла, и исключенный тамплиер вновь решил войти в орден. Подав прошение, он услышал в ответ, что сперва ему нужно покаяться, так как он уже был братом и поэтому не может вернуться без покаяния.

Тогда Пон де Гюзан поведал о том, при каких обстоятельствах он присоединился к ордену. Дело в том, что он никогда не приносил ни обета, ни обещания — просто по пути в Святую землю захворал на корабле и попросил принять его в орден. Находящиеся рядом тамплиеры снизошли к его просьбе и, думая, что он больше не жилец, набросили на него плащ, как если бы он был мертв. Однако, несмотря на тяжелую болезнь, Пон де Гюзан выжил, впоследствии жил в командорстве как брат и даже стал туркополом монастыря.

Но пришло время, и тамплиер решил, что его больше ничего не связывает с орденом Храма. Сняв свой плащ и оставив все, что он должен был оставить в монастыре по установленным обычаям, Пон де Гюзан покинул командорство и женился. Однако после смерти любимой жены он вновь почувствовал, что хочет вернуться в монастырь. На это братья ответили ему, что, несмотря на то, что он не приносил обетов церковному

праву, он все равно должен считаться братом, так как прожил в Доме достаточно долго.

После этого Пон де Гюзан был приведен к покаянию, длившемуся, как уже говорилось, ровно год и один день, а потом вернулся в монастырь на правах брата.

Таким образом, если бежавший в тот же день поднимался на борт судна, где раскаивался в своем поступке, и через какое-то время объявлялся в каком-нибудь командорстве ордена в тот же день, когда ступил с корабля на землю, то сколько бы времени он ни отсутствовал, его сводят к одному дню. Считалось, что тот, кто находится на борту, не волен в своих действиях и наказание его не должно быть слишком суровым.

Если же судно следовало в Акру, то бежавший мог попросить капитана и других достойных мужей, находящихся на борту, проводить его к магистру ордена, чтобы засвидетельствовать его поведение в пути и походатайствовать за него.

В каталонском уставе повествуется еще об одном деле, получившем в свое время громкую огласку. Так, был случай, когда некий тамплиер собственноручно изготовил фальшивые буллы кардинала-исповедника. Мало того, он показал творение своих рук некоторым из братьев Дома, потребовав от них молчания.

Несмотря на то что последние горячо осудили его поступок, тем не менее они выполнили свое обещание и сохранили все в секрете. После этого подделыватель предъявил свои буллы на генеральном капитуле, но подлог был тут же раскрыт и повлек за собой всеобщее возмущение.

Вслед за этим последовала настоящая смута: все, кто знал о подделке, были отстранены и должны были предстать перед судом Великого магистра. Что касается главного преступника, то ему удалось бежать, а потому перед судом тогдашнего магистра Тома Берара в Акре предстали только его соучастники. Несмотря на все заверения

последних в невиновности, их обвинили в заговоре. Причем капитул большинством голосов назначил им в наказание отсутствие одеяния и вдобавок ко всему поставил условие, по которому они больше никогда не могли исполнять свои первоначальные обязанности в Арагонской земле.

Другим примером наказания изменника в «Установлениях» является история брата Роже л'Альмана, попавшего в плен в сражении при Газе в 1244 году. Дело в том, что пленившие его сарацины настояли, чтобы он поднял палец и признал закон, то есть произнес формулу исламской веры. После этого Роже л'Альман очутился в темнице вместе с другими тамплиерами, однако он не признавал своей вины, поскольку понятия не имел о том, что его заставили говорить и делать. Позже ему дали отсрочку до освобождения и через некоторое время Роже л'Альман предстал перед судом генерального капитула, который в качестве наказания приговорил его к изгнанию из ордена.

Скандал должен был быть грандиозным, ведь Альманы принадлежали к высшей знати Святой земли, а один представитель этого родовитого семейства — Рено л'Альман — как раз в то самое время был компаньоном магистра Армана Перигорского.

Существует достаточно примеров, свидетельствующих о том, что капитулы нередко собирались в плену. Это лишний раз подчеркивает, что преданность тамплиеров своему уставу и принципам монастырской жизни не знала границ.

В каталонской версии «Установлений» также обговариваются правила поведения в плену. Так, плененные братья не должны были носить свою одежду с крестом (ее разрешалось надевать только во время трапез и вознесения молитв); отпущенные должны были ходатайствовать об освобождении остальных. Вернуть одежду освобожденным имел право только магистр.

Известен случай, когда трое рыцарей Храма воззвали к милосердию на капитуле, имевшем место в плену, в темницах Алеппо. Один из них повинился в том, что взял кольчугу только что умершего брата; второй — в том, что присвоил шлем рыцаря, уезжавшего на Запад, а свой вернул в хранилище; третий — что отнес удила своей лошади в шорную, чтобы там их починили, но так как в тот день он был дежурным, то посмел взять оттуда другие удила, которые ему не принадлежали, то есть совершил мелкое воровство.

Выслушав все три исповеди, члены капитула, также в тот момент претерпевавшие тяготы плена, сделали снисхождение провинившимся. И хотя за подобные проступки им полагалось изгнание из ордена, братья решили не давать этим делам хода, так как все в то время находились в темнице, а провинившиеся были достойными мужами Дома.

Что касается потери одеяния, то относительно этого наказания пенитенциалий ордена Храма предусматривал около тридцати проступков. Вообще следует отметить, что данное наказание предусматривалось за достаточно серьезные нарушения устава и «дурные поступки», которые можно подразделить на несколько категорий. Ниже приводятся самые распространенные проступки, за которые совет капитула мог наложить на провинившегося брата данное наказание:

1. Отказ повиноваться из-за гнева и ярости;
2. Случай ссоры между братьями;
3. Короткие отлучки из монастыря, сопровождавшиеся пристыженным возвращением на другой же день;
4. Порча имущества командорства по небрежности (последняя провинность более серьезная, нежели все предыдущие, и практически всегда наказывалась со всей строгостью).

Следует отметить, что были и такие случаи, когда по уставу у провинившегося должно было изыматься

одеяние, но тем не менее братья решали проявить снисходительность и не предпринимать по отношению к нему такого серьезного наказания.

Характерно, что, в отличие от обстоятельств, из-за которых виновному грозила отлучка из монастыря и которые исключали возможность просить о помиловании, в случаях, когда брат мог лишиться одеяния, капитул рассматривал его внешний вид, доблесть и дальнейшее поведение.

В «Установлениях» по этому поводу сказано: «Если он (тамплиер) доброй жизни и честной, братья должны проявить к нему больше доброты... лучше бы им оставить ему одежду, и могут они договориться ее оставить». Однако при этом следует отметить, что милосердие капитула не было безграничным.

Так, известен случай, когда некий рыцарь, вместо того чтобы смиренно ответить: «Во имя Бога» — на приказы своего командора, промолвил: «Может быть, я это сделаю». Разумеется, такое своеволие не могло быть оставлено без внимания, и все братья проголосовали за то, чтобы не оставлять этому гордецу его одеяния.

Интересно, что по особому оценивались деяния, совершенные в порыве гнева. Братьев часто предупреждали об исповеди на капитуле. Считалось, что разгневывать брата было большей провинностью, нежели разгневаться самому.

Однако нужно заметить, что тамплиеры не злоупотребляли этим, так как полагали, что менее жестоким будет оставить разгневанного в покое и дожидаться, пока он охладит свой гнев, а потом подойти к нему благородно и еще раз сказать: «Дорогой брат, выполните приказ Дома». Такой подход был более божеским.

Устав предусматривал строгое наказание и за неповиновение нижестоящего приказам вышестоящего. За это с тамплиера могли не только снять одеяние, но и заковать в кандалы.

Кроме того, если приказание после этого исполнялось, то никакого убытка ни монастырю, ни отдельным братьям не было. Таким же образом можно было простить брата, если он в сердцах грозился, что уедет к сарацинам. Однако если его угрозы не были беспочвенными и сам он не был доброго поведения, то одеяния ему оставлять было нельзя.

Уже неоднократно говорилось, что каждый брат в Доме отвечал за какое-нибудь имущество: одежду, вооружение, доспехи, пищу, вьючных животных, лошадей, корм для животных и т. д. Вообще нужно отметить, что все братья тщательно следили за тем имуществом, что было им вверено. Даже в том случае, если Дом был богат и всего было достаточно, тамплиеры не терпели расточительности и беспечности по отношению к его имуществу. На этот счет очень примечательны следующие истории, которые как нельзя лучше подтверждают все вышесказанное.

Однажды, когда Дом находился в укреплении Казаль Брахим, тамплиеры совершали прогулку по берегу реки. Увидев птицу, один из братьев бросил ей вослед свою палицу, которая в результате этого необдуманного поступка была безвозвратно утеряна. На капитуле он повинился в содеянном, и братья, приняв во внимание его примерное поведение и чистосердечное раскаяние, смиростивились над ним и не стали изымать у него одежду, оставив ее «Бога ради».

Другой случай имел место в Монпелье, где один из рыцарей, пробуя качество закалки металла меча, нечаянно разбил его. За данный проступок ему грозила потеря одеяния, и, чтобы избежать этого наказания, он отправился в Палестину взывать с просьбой о помиловании. Был собран капитул, на котором братья сначала решили наказать провинившегося со всей строгостью, но потом проявили милосердие и оставили ему его одеяние «Бога ради».

А вот брат из Дома Тира как-то нес в руке стаканчики для игры, сделанные из стекла или фарфора, что, впрочем, сейчас не так важно. По дороге он уронил один стаканчик, и тот разбился. Что же тогда сделал брат? Он взял все стаканчики и уже нарочно разбил их, а потом сказал, что так выразилось недовольство Бога и Матери Его. Данный поступок, разумеется, был расценен как порча имущества, и провинившемуся брату пришлось умолять о прощении, чтобы его не лишили одеяния. Вняв мольбам, братья оправдали его и простили.

Не секрет, что командоры часто были ответственны за самое разнообразное имущество Дома. Известен случай, когда один богатый киприот просил командора, чтобы за его больной лошадью поухаживали в конюшнях монастыря. Через некоторое время животное поправилось, и командор решил прокатиться на нем. Погнавшись во время прогулки за зайцем, он не рассчитал сил лошади. В результате она упала, сильно покалечилась и от ран издохла.

Данный поступок также был расценен как порча имущества, и капитул приговорил командора к потере одеяния. Однако последний рассчитывал на прощение, для чего посетил Акру. Но ничего не помогло, и командор все же был наказан со всей строгостью, причем многие братья на генеральном капитуле выступали за то, чтобы заковать его в кандалы, ибо он причинил большой ущерб Дому.

Все вышеописанные наказания имели место в мирное время, что касается военного, то тогда они наказывались более строго. Так, брат Жак де Раван, командор Дома Акры (одного из главных Домов ордена Храма в Сирии), осуществил набег на крепость Роберта Кефр Кенна, в котором принимали участие рыцари, сержанты и местные наемники.

Битва была очень жестокой, и ее итогом стало поражение тамплиеров. Орден Храма понес большие люд-

ские потери. Что касается командора, то ему посчастливилось остаться в живых, однако это счастье было омрачено кандалами. За несанкционированный набег, сопровождавшийся большими потерями, его наказали более чем сурово.

Нечто подобное произошло и с Бодуэном де Борражем, командором рыцарей в замке Паломника, который без разрешения совершил вылазку против турок, опустошавших побережье. Несмотря на то что разведчики предупреждали его о многочисленности вражеских сил, он все же не повернул назад и, вопреки их советам, дошел до Мирлы, где все вверенные ему отряды были окружены неприятелем и уничтожены. Как и Жаку де Равану, Бодуэну де Борражу удалось избежать смерти — вместе с двумя рыцарями он прорвал линию неприятеля и спасся бегством.

Узнав о случившемся, друзья настоятельно советовали ему покинуть страну. На этот раз он сразу внял их советам и избежал осуждения, навсегда покинув Дом в неизвестном направлении.

Автор «Установлений», поведавший об этом случае, дал провинившемуся весьма нелицеприятную оценку и заметил, что это недостойный способ избежать порицания и правосудия Дома.

Какие же выводы можно сделать из всего этого? Дело в том, что до магистерства Тома Берара в ордене Храма действовали «безупречные законы, поистине монастырские и даже много более суровые», да и наказывали провинившихся более часто и со всей строгостью. Вся орденская братия, вспоминая о героическом конце палестинского Дома при осаде Акры в 1291 году и о незапятнанной чести последнего магистра Святой земли Гийома де Боже, верили, что устав применялся во всей полноте только до конца существования Латинского королевства; позже в нем появились послабления, которые в конечном итоге привели к закрытию ордена.

Как известно, прием новых членов в любой орден сопровождался торжественным обрядом, разглашение которого грозило самыми суровыми карами, вплоть до изгнания и умерщвления. Об обряде знали только посвященные, открывавшие его новичкам в самый последний момент.

Так, например, первоначально в орден Храма можно было вступить, не имея рыцарского происхождения, но впоследствии это стало обязательным условием. Получается, что в орден начали принимать мирских рыцарей, не отличавшихся монашеской кротостью и добродетельностью. Французский король Филипп Красивый настаивал на том, что во время инициаций тамплиеров совершались многочисленные богохульства и злодеяния, что, впрочем, нельзя принимать на веру, так как обвинявший других в страшных пороках также не был им чужд.

Но есть и иные источники. Так, например, до наших дней дошло описание посвящения в орден Жерара де Ко от 1298—1299 годов. Если верить его словам, зафиксированному на бумаге во время судебного процесса над орденом, то во время обряда посвящения не совершалось абсолютно никаких богохульств или злодеяний, слухи о которых будоражили и до сих пор будоражат сознание многих несведущих людей.

В официальных источниках относительно обряда приводятся следующие сведения: во-первых, он проводился священником и прецептором Дома; во-вторых, его последовательность была всегда одинаковой — в присутствии других орденских братьев прецептор спрашивал иницируемых о том, ясно ли они понимают, чему посвящают себя. Кроме того, он предупреждал будущих братьев о тех трудностях, с которыми они неизменно встретятся, будучи настоящими рыцарями (как уже неоднократно говорилось, жизнь в монастыре была далеко не сказочной, а наоборот, строгой, суровой и полной трудностей). После этого прецептор спрашивал, смогут

ли они претерпеть все лишения во славу Господа, на что посвящаемые неизменно отвечали утвердительно.

Затем рыцари должны были ответить на целый ряд специфических вопросов:

1. Верят ли они в Христа, как тому учит католическая церковь?
2. Состоят ли они в каком-либо другом монашеском или военном ордене?
3. Связаны ли они узами брака?
4. Являются ли они потомками рыцаря и рождены ли в законном браке?
5. Подвергались ли они отлучению?
6. Не были ли они повинны во взяточничестве, чтобы быть принятыми в орден?
7. Не больны ли они какой-нибудь болезнью, которая помешала бы им владеть оружием и сражаться?
8. Не имеют ли они долгов, которые не могут выплатить сами и которые пришлось бы выплачивать ордену?

После того как иницируемые справлялись с вопросами, их отводили в часовню, где им предписывалось помолиться за силу воли и чести в их грядущей жизни в ордене. Как только и с этой частью обряда было покончено, рыцари возвращались к прецептору и священнику, которые требовали от них произнесения клятвы о послушании, целомудрии и терпении в служении ордену, после чего рыцари вставали на колени, а прецептор объявлял их принятыми в орден. С этого времени посвящаемые считались рыцарями, поднимались с колен и принимали лобызания прецептора, который целовал их в уста.

Чуть позже вновь посвященным разъясняли правила и распорядок дня, принятые в Доме. Затем новички могли идти отдыхать.

Глава 3. ОРДЕН ГОСПИТАЛЬЕРОВ

Военно-монашеские союзы европейских рыцарей, возникшие в период Крестовых походов, первоначально основывались при христианских святынях в Палестине. В отличие от простых монахов, которые в уставе Святого Бенедикта звались воинством Христовым (лат. *militia Christi*), рыцари соединяли чистоту духовных помыслов со стремлением к материальному благополучию. Последний принцип сыграл заметную роль в нравственном перерождении рыцарства.

Кроме традиционного обета безбрачия, члены духовно-рыцарских орденов давали клятву с оружием в руках защищать соотечественников, исповедующих христианскую веру. Братство госпитальеров было одним из самых крупных таких объединений. Возникнув в Святой земле, идея монашеских союзов быстро распространилась по всей Западной Европе. Обширные владения ордена, изначально призванные служить крестоносцам в качестве христианских цитаделей в Палестине, в дальнейшем стали источником дохода. Члены духовного ордена приносили обет верности только Папе Римскому, не призна-

вая власти епископов и светских монархов. Земли воинственных монахов объединялись в провинции и округа (комтурии), во главе каждого из них стояли комтуры и капитулы. Руководил братьями Великий магистр; резиденция госпитальеров, так же как тамплиеров и тевтонов, первоначально находилась в Иерусалиме.

Верховный орган управления — священный капитул — собирался периодически и не имел большого значения. Обширные владения и многочисленные привилегии, данные рыцарям папой, позволили им создать независимые орденские государства. Особое влияние на светскую власть имел монашеский орден княжества Антиохии: Великий магистр этого ордена заключал мирные договоры без участия правителя.

Основание ордена госпитальеров

История ордена госпитальеров (иоаннитов) началась в XI веке. Тогда для упрочения положения крестоносцев на территории Палестины стали создаваться рыцарские объединения. Духовно-рыцарский орден госпитальеров вначале получил наименование по имени патриарха Иоанна Александрийского (отсюда название — иоанниты), впоследствии он стал именоваться в честь Иоанна Крестителя.

Основанное знатым рыцарем Герардом в 1070 году при странноприимном доме (госпитале) в Иерусалиме, священное братство предоставляло кров паломникам. Приюты строились в местах наибольшего скопления путников: недалеко от гаваней, на перекрестках дорог, на центральных городских площадях.

По идее Герарда, оказывая путникам необходимую помощь в «...слабости, болезнях и невежестве», монахи избавляли Палестину от нищенствующей беспомощной массы людей.

Первым на территории Палестины заведением подобного типа был дом, основанный Папой Григорием Великим. Затем по инициативе французского короля Карла Великого возник второй госпиталь. Он получил название в честь св. Марии Латинской, его цель — «поддерживать всех христиан, говорящих по-романски». Вскоре аналогичный госпиталь организовали в Константинополе (дом имени Святого Симеона), несколько приютов появились в Сирии, затем — в европейских городах Марселе, Отранто, Бари, Мессине. В домах иоаннитов паломники получали возможность начать долгий путь под защитой рыцарского братства.

Приюты утратили свой национальный характер в 1070—1080 годах, когда итальянский негодант Панталеоне Мауро организовал в Антиохии и Иерусалиме прибежища для своих соотечественников. После завоевания города крестоносцами один из его домов присоединился к госпиталю Герарда, расположенному рядом.

Инициатором первого монашеского союза был провансальский дворянин Жерар Том. Именно он предложил рыцарям именоваться госпитальерами (лат. *gospitalis* — «гость»). На первых порах деятельность ордена ограничивалась уходом за больными и ранеными путешественниками, приходившими из западных стран в надежде обрести спасение в молитвах у Святого Гроба. В 1107 году король Болдуин I, официально утвердив монашеское братство, выделил им участок земли в центре Иерусалима. Через 6 лет Папа Пасхалий II ознакомился с уставом ордена госпитальеров и внес некоторые дополнения, в частности предоставил право избирать главу. Акт Болдуина I и булла Папы Пасхалия II в наше время хранятся в национальной библиотеке Мальты в Валлетте.

В эпоху Крестовых походов иоанниты имели мощную военную и финансовую организацию. Европейские короли предоставляли им земли, папы жаловали рели-

гиозные привилегии. Монахам нередко приходилось вмешиваться во внутренние конфликты крестоносцев. Хотя иерусалимский госпиталь оставался основным предметом деятельности рыцарей, боевой настрой госпитальеров доминировал над чувством милосердия. Сопровождая караваны паломников, они сражались лучше, чем ухаживали за ранеными.

В конце XII века иерусалимский госпиталь обслуживал одновременно более 1500 пациентов; в нем имелось родильное отделение и приют для новорожденных. Местные филиалы поставляли в центральный дом одежды, бумажные ткани, плащи, продукты питания. Постепенно обязанности по уходу за паломниками и немощными перешли к «служащим братьям» (сержантам) и орденским священникам.

Окончательное становление ордена как организации произошло в середине XII века, когда пост магистра (руководителя) занял Раймунд де Пюи (1120—1160). В то время союз богател благодаря многочисленным пожертвованиям и новым привилегиям. Именно тогда деятельность ордена получила воинственную направленность. Такой поворот, вероятно, был обусловлен влиянием тамплиеров. В отличие от них, госпитальеры не имели разногласий с королем и патриархом Иерусалима, не позволявших другим рыцарским организациям принимать важные решения без согласия местной власти. До XIII века высшую власть ордена, занятого исключительно военным делом, представляли потомки знатных фамилий. Магистр Раймунд де Пюи, предоставив заботу о странниках «служилой братии» (так он называл монахов), состоявших при госпиталях, направил деятельность ордена на объединение рыцарей. Странниками Великого магистра госпитальеры получили ряд привилегий, главной из которых было освобождение ордена от церковной и светской власти Иерусалимского королевства.

В 1113 году Папа Римский Пасхалий II утвердил устав рыцарского союза; с этого времени госпитальеры находились под юрисдикцией Римской курии.

В 1136 году госпитальеры расположились в палестинском замке Беттемлин. Эта крепость имела огромное значение для крестоносцев, контролировавших стратегический порт Ашкелон. На собственные средства монахи укрепили замок. Убедившись в их храбрости и военном мастерстве, граф Раймон Триполийский передал рыцарям ордена оборону нескольких замков в Палестине.

К тому времени Раймунд де Пюи получил согласие понтифика на реорганизацию братства в военно-монашеский орден. По примеру тамплиеров руководитель иоаннитов (ранее ректор или администратор) получил титул Великого магистра.

Тамплиеры, госпитальеры и появившиеся позже тевтоны были авангардом армии крестоносцев в борьбе за освобождение Палестины. К этому времени орден оборонял около 50 замков в Леванте.

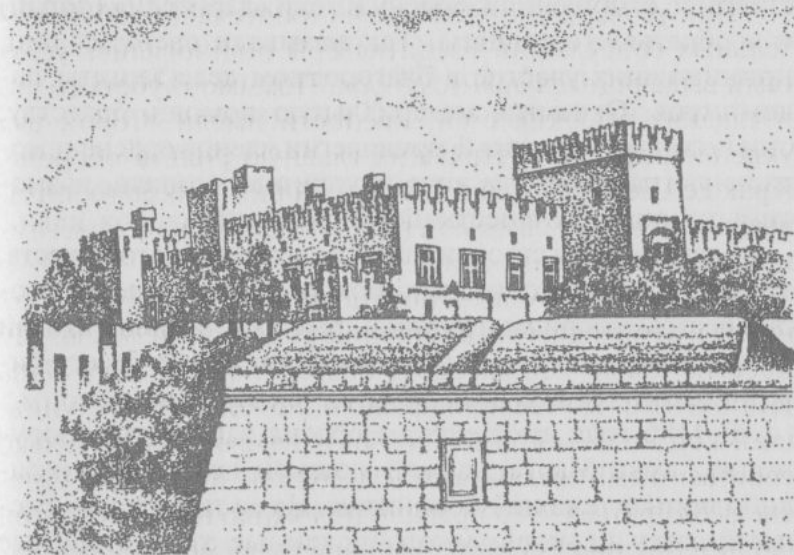
При усовершенствовании и строительстве оборонительных сооружений госпитальеры пользовались услугами выдающихся архитекторов. Помимо глубокого рва и гладких высоких стен, крепости имели второй ряд укреплений, часто игравших главную роль в обороне. Крак де Шевалье, один из крупнейших замков госпитальеров, считался самым неприступным рыцарским замком эпохи Средневековья.

Подчиняясь только понтифику, Раймунд де Пюи провел необходимую внутреннюю реорганизацию. По просьбе главы монашеского братства в 1137 году Папа Иннокентий II утвердил правило, по которому вступивший в орден не мог выйти из него, руководствуясь только собственными желаниями: он должен получить согласие всех братьев. Это правило положило начало строгой дисциплинарной системе, до нашего времени существующей в сообществе госпитальеров.

В конце XII века духовный орден представлял собой суверенное государство с главой, имеющим полномочия, сравнимые с властью светского монарха.

Начиная с 1267 года магистр именовался Великим; он избирался общим собранием ордена, но пользовался неограниченной властью.

Орден иоаннитов занимал особое положение в политической структуре Палестины. Получив полную самостоятельность, рыцари имели право голоса на соборе, принимали значительную материальную помощь императоров, участвовали в боевых операциях светского правительства. Неоценимые заслуги ордена перед Иннокентием II и Александром III во время их борьбы с антипапами были достойно вознаграждены. Братство получило в собственность большое количество ранее охраняемых ими замков, расположенных на границе Палестины, в том числе могучие крепости Крак де Шевалье и Маргат.

Один из замков Мальтийского ордена

В эпоху Средневековья орден непрерывно развивался. Распоряжаясь значительными военными силами, братья пользовались всеми привилегиями католической церкви: не привлекались к светскому суду, их имущество не облагалось налогом, члены общества исповедовались только своим священникам, их хоронили на собственных кладбищах.

Такие обстоятельства, как быстрое развитие филиалов палестинского братства на Пиренейском полуострове, доброжелательное отношение испанского монарха и местной церкви, позволяют предположить испанские истоки союза госпитальеров. После смерти короля Альфонса I, правившего Кастилией и Арагоном, орден получил по завещанию третью часть его владений. Именно в Испании начали возникать военно-религиозные союзы с жесткой дисциплиной. В те годы на ее территории уже существовало подобное объединение, именуемое арабским орденом раббитов.

Наряду с официальной организацией, непосредственное отношение к ордену имели «дарители» (*donati*) и «собратья» (*confratres*). Так называли светских лиц, принимавших участие в благородном деле защиты паломников. Оказывая материальную помощь братству, они получали некоторые привилегии членов ордена и моральную поддержку в виде неустанных молитв, возносимых монахами в честь щедрого *donati*.

Госпитальеры строили замки на землях всех государств, захваченных крестоносцами. Вскоре укрепленные крепости и странноприимные дома «рыцарей церкви» стояли в черте городских стен Антиохии, Триполи, на берегу Тивериадского озера и даже на египетской границе.

В 1186 году архитекторы ордена закончили сооружение замка Маргат, самой мощной крепости, когда-либо принадлежащей иоаннитам. На ее территории располагались церковь, многочисленные хозяйственные постройки, мастерские ремесленников. Под крепостны-

ми стенами разместилась даже деревня с садами, огородами и пашнями. Обширные внутренние помещения замка Маргат постоянно занимали более тысячи рыцарей.

Земельные участки и крупные имения в Западной Европе были материальным приобретением Великих магистров, руководивших орденом в XII веке. Иоанниты владели двумя самостоятельными провинциями в Германии: Хайтерсхаймом и Зонненбургом. В собственности ордена находились 19 тысяч рыцарских вотчин, на доходы каждой из которых мог безбедно жить один рыцарь.

В 1187 году, не имея достаточной военной силы после многолетнего конфликта с тамплиерами, иерусалимские братья не смогли предотвратить падение Иерусалима. Однако воинские успехи рыцарей ордена Святого Иоанна значительно отсрочили окончательный разгром крестоносцев. В 1244 году, после очередного захвата Иерусалима арабами, крестоносцы были разбиты в Газе (город на восточном побережье Средиземного моря, в Средние века входил в Арабский халифат). В египетский плен попали великие магистры и рядовые госпитальеры. Тем не менее в 1249 году братья вновь приняли участие в египетском Крестовом походе, который возглавил французский король Людовик Святой. Тогда крестоносцы проиграли битву при Мансуре; в плен попали король Франции и 25 иоаннитов, включая Великого магистра.

После захвата мусульманами Священного города рыцари ушли в Акку. Однако египетский правитель Салах-ад-Дин привел войско и в этот город. Окончание многолетней войны потребовало особого мужества от членов ордена. Они обороняли замки в то время, когда крестоносцы уже были изгнаны из Палестины. Крепость Шевалье они удерживали до 1271 года, Маргат — до 1285 года, Акка принадлежала им до 1291 года. Турецкий султан отправил в Акку огромное войско, состояв-

шее из 160 тысяч воинов-пехотинцев и 60 тысяч всадников. Жители города успели спастись на кораблях; защищать крепость остались только 12 тысяч рыцарей-госпитальеров и других монашеских орденов. Осада была тяжелой и длительной. Рыцари отчаянно сопротивлялись, но город все же перешел во власть султана.

Отряд госпитальеров во главе с раненым Великим магистром прикрывал отход горожан и вступил на борт корабля в числе последних. В память о героизме, проявленном госпитальерами при защите Акки, крепость назвали именем св. Иоанна — Сент Жан д'Акр. Остатки войска крестоносцев нашли прибежище на Кипре, где трон занимал король Генрих, представитель династии дружественных иерусалимских монархов.

Родосские рыцари

Вынужденно оставив Палестину, рыцари больше не возвращались к «восточной мечте», как они называли миссию защиты Гроба Иисуса Христа. Активная деятельность членов ордена в Лимассоле, столице Кипра, уже через 20 лет позволила им создать сильное государство. Кроме того, к этому времени госпитальеры имели лучший в Европе морской флот. Жители Кипра вначале относились к иоаннитам настороженно, опасаясь господства чужеземцев. Они считали монашеский орден агрессивной военной организацией, пользовавшейся поддержкой Папы Римского и европейских монархов. Со временем жители Кипра оценили выгоду присутствия на острове суровых трудолюбивых братьев.

«Рыцари церкви» — так называли местные жители членов ордена — не только не покушались на права островитян, но и внесли немалый вклад в развитие экономики острова. Однако, не намереваясь долго делить Кипр с его обитателями, госпитальеры все же предпри-

няли попытку обрести самостоятельность. Внимание Великого магистра Фалькона де Вилларета привлек остров Родос, имевший выгодное расположение в Эгейском море.

В 1307 году, получив поддержку генуэзцев, рыцари захватили желанные земли. Два года они воевали с островитянами, которые не хотели подчиняться захватчикам, но силы врагов были неравны: в том же году Родос перешел в собственность ордена.

На Родосе, одном из красивейших островов Эгейского моря, рыцари ордена обитали 214 лет. Перебравшись на Мальту, иоанниты с тоской вспоминали о мягком климате и плодородных почвах этих мест. Расположение острова идеально отвечало запросам рыцарей, которым предстояло начать борьбу с мусульманами. Пролив между берегом Родоса и турецкими землями с давних времен был основным торговым путем, связывающим юг Европы и Левант (от франц. *levant* или итал. *levante* — «восток»). Здесь проходили корабли со специями, шелками и сахаром из Азии, с зерном и лесом из Анатолии. Потерпев неудачу в прямом столкновении с врагами христианства, госпитальеры избрали метод затяжной войны. Переняв многолетний опыт местных моряков, они в совершенстве овладели наукой мореплавания, за что их прозвали «пиратами во Христе».

Еще древние греки называли небольшой (45 миль в длину) Родос «островом роз». Плодородные земли располагались по обе стороны горного хребта, проходившего по центру острова. С вершины горы Анаваро можно было увидеть не только все окрестности, но и часть побережья Малой Азии. Здесь имелись две удобные гавани: в северной части — Порто дель Мандраччио, в южной — Порто Меркантильо. На горных склонах уступами раскинулся город, о котором греческий историк Страбон сказал: «Я не знаю ничего превосходящего или равного ему».

Ордену потребовалось два года для того, чтобы утвердиться на Родосе; в 1309 году Папа Климент V провозгласил переход острова в собственность госпитальеров. Немного позже орден официально перенес свою резиденцию с Кипра на Родос. Великий магистр Фулк де Вилларе стал главой суверенного государства, считавшегося восточным форпостом христианского мира.

Получив в полное распоряжение немалую территорию, госпитальеры впервые с момента ухода из Иерусалима почувствовали себя в безопасности. В последующие годы члены ордена продолжили деятельность, начатую в Палестине: уход за больными и ранеными стал основным их занятием. Рыцари церкви получали огромные доходы от своих европейских владений, что давало возможность не ограничивать средства при строительстве крепостных укреплений на Родосе и прилегающих к нему островах, таким образом создавая линию береговой обороны.

Прекрасно вооруженные шхуны госпитальеров контролировали важнейшие торговые пути Эгейского моря. В морских сражениях маневренные суда ордена обычно побеждали турецкие парусники.

Основу флота составляли галеры, особенно эффективные при отсутствии ветра. Гребные суда не зависели от погоды и были способны быстро менять скорость хода и направление движения.

Гребцами на средневековых галерах были рабы. Многие рыцари в свою очередь испытали горькую участь галерного раба на турецких судах. Сохранилась рукопись одного из гребцов, где он описывает условия содержания невольников на галерах: «...рабы прикованы по шесть к лавке; ширина последней — около 4 футов, они покрыты шерстью, на которую положены выделанные бараньи шкуры, опускающиеся до палубы. Офицер, отвечающий за галерных рабов, стоял рядом с капитаном, от которого получал приказы».

Капитану помогали два надсмотрщика, «...один из них стоял в центре корабля, а второй — на носу. В руках у обоих — кнуты, которыми они хлестали обнаженных рабов. Когда капитан отдавал приказ, офицер подавал сигнал серебряным свистком, висящим на его шее. Когда сигнал повторялся надсмотрщиками, 50 весел одновременно опускались в воду. Одну ногу раб держал на подставке, другой упирался в стоящую впереди скамью. Взявшись руками за тяжелое весло, гребцы одновременно отклонялись назад, увлекая за собой весло».

Галерные рабы работали по 20 часов в сутки без отдыха и перерыва. Если офицер видел гребцов, находящихся в обморочном состоянии, он вкладывал им в рот куски хлеба, смоченные в вине. Часто при ускорении хода несколько рабов в изнеможении падали на лавку. Их секли плетью до смерти и бесцеремонно выбрасывали в море».

Однако внешне галера выглядела замечательно. Обтекаемые формы, заостренный нос и возвышающаяся над палубой корма, украшенная резной деревянной фигурой святого, придавали судну вид экзотического морского животного. Командовал галерой один из рыцарей ордена; ему помогал лоцман, управлявший матросами, которые набирались из местного населения.

На борту судна постоянно находились рыцарь, назначенный старшим помощником капитана, и несколько новициатов, в течение года проходивших службу до зачисления в ряды братства. На крупных галерах было около 200 гребцов, до 200 солдат и 50 матросов. В спокойных водах Средиземного моря капитаны обычно обходились без карт, в памяти отмечая расположение проливов, архипелагов, бухт и якорных стоянок.

Во время продолжительных морских походов флотилия состояла из четырех и более галер. Но обычно они курсировали по Эгейскому морю караваном в два судна. Тактика боя, использовавшаяся на флоте ордена,

походила на атаку легкой кавалерии. Галеры строились в ряд и стремительно плыли вперед. Один корабль подходил к корме неприятельского парусника, подгоняя его к месту засады. Если паруснику удавалось оторваться от галеры врага, его команда расслаблялась, думая, что погоня закончена. В тот момент из-за мыса, лежащего прямо по курсу, появлялась вторая галера с восьмиконечным крестом ордена.

Постоянное присутствие рыцарских галер на морских дорогах неизменно приводило к столкновениям с турками. Желая закрепить господство в Средиземном море, в 1345 году иоанниты изгнали турецкого султана из Смирны (современный Измир). Захватив южную часть Малой Азии, они значительно расширили свои владения. Через 20 лет присоединившиеся к ордену христианские войска помогли рыцарям захватить Александрию. Ворвавшись в город, «благочестивые монахи» поджигали дома и безжалостно убивали местных жителей. В начале XVI века монашеский орден госпитальеров считался оплотом католической церкви на восточных землях.

Захватив в 1453 году Константинополь, госпитальеры, не задерживаясь в разоренном городе, вернулись на Родос. Однако в 1480 году они испытали месть турецкого султана. В трудные времена осады острова Великий магистр д'Обюссон показал себя выдающимся руководителем. 28 мая 1480 года среди рыцарей появился вражеский перебежчик: главный эксперт по артиллерии турков, инженер из Германии, прозванный «мастер Георг». Д'Обюссон, дружелюбно приняв перебежчика, приставил к нему охрану из шести матросов. Предусмотрительность Великого магистра была весьма кстати. Немецкий мастер оказался лазутчиком, составлявшим для турецкого султана карту обороны города. Его казнили по приговору рыцарского суда.

В середине лета мощь артиллерии и численное превосходство турецкой армии обусловили перелом сраже-

ния не в пользу родосских рыцарей. Южная часть городских укреплений, к которой примыкал еврейский квартал, была полностью разрушена уже в начале осады. 27 июля, когда башибузуки (передовой отряд турецкого войска) начали очередную атаку, исход битвы был предрешен. Немногочисленные рыцари отчаянно бились в проемах разрушенных стен. Д'Обюссон лично возглавил отряд; в жестокой схватке он продолжал сражаться, будучи тяжело раненым. Вскоре он упал, пронзенный копьем янычара.

Отсутствие правителя не помешало рыцарям начать решительное наступление. Башибузуки в панике бежали, не обращая внимания на подходившее подкрепление. В сутолоке турки потеряли более 5 тысяч воинов. Опасаясь полного поражения, Мисак-паша, командовавший турецкими войсками, отдал сигнал к отступлению. На следующий день турки отплыли на родину. Мисак-паша избежал наказания султана; в дороге он скончался от дизентерии. А Великий магистр д'Обюссон не погиб. Искусные хирурги ордена залечили сквозное ранение в грудь, немного задевшее правое легкое. Весной 1481 года султан Мехмет II лично возглавил новый поход на Родос. Однако и этого завоевателя на пути ожидала смерть.

Выдержав морские атаки врага, рыцари отстояли остров: немалую роль в победе сыграли береговые укрепления, старательно сооруженные много лет назад. После того сражения орден приобрел репутацию «непобедимого братства». Известие о славной победе рыцарей получили все королевские дома Западной Европы; на Родос стали поступать огромные средства. По приказу Пьера д'Обюссона на острове развернулись работы по восстановлению зданий и крепостных укреплений. Примерно в то время Великий магистр ушел из жизни.

Когда рыцари выбирали нового Великого магистра, тот находился на борту корабля, возвращавшегося из

Франции на Родос. Во время бури молния ударила в корабль, убив нескольких матросов. В числе немногих оставшихся в живых были два моряка и будущий правитель (по слухам, меч, висевший у него на поясе, расплавился). Полагаясь на суеверия, рыцари уверяли, что от гибели иерарха ордена спасло провидение. Этот случай произошел у берегов Мальты. Новый руководитель ордена понимал неизбежность решающей схватки с турками. Опасаясь полного уничтожения рыцарского войска, Великий магистр Филипп Вилье де Лиль Адан вступил в мирные переговоры с султаном. Турки предложили заключить мир на особых условиях.

Спустя 41 год турецкий султан Сулейман Великолепный, обеспокоенный возрастающей мощью «непобедимых братьев», торжественно провозгласил начало военного похода. Целью предприятия он объявил изгнание госпитальеров с Родоса, который в мусульманском мире называли «сатанинским убежищем гяуров». Война началась в 1522 году, когда к берегам Родоса причалила турецкая армада. Семьсот кораблей доставили на остров около 200 тысяч янычар, готовых с яростью защищать свою веру.

Три месяца рыцари защищали свою землю, но Сулейман Великолепный сдержал слово: Великий магистр Филипп Вилье де Лиль Адан признал себя побежденным и покорно сдал свое оружие султану. Тот обошелся с врагами не строго: рыцари получили свободу. Турецкий правитель вручил Великому магистру охранную грамоту, янычары даже помогли иоаннитам покинуть остров. Прожив на Родосе более 200 лет, члены ордена Святого Иоанна Иерусалимского вновь отправились на поиски «земли обетованной». Предполагается, что победа турецкого войска была во многом обусловлена предательством отдельных членов ордена.

1 января 1523 года братья иоанниты навсегда покинули остров Родос. Повозки, нагруженные многочис-

ленными архивами ордена, направились в гавань, где их ожидали суда. Вскоре после того, как де Лиль Адан (будучи уже Великим магистром) вступил на борт флагманского парусника «Святая Анна», на побережье выпал снег.

Госпитальеры вышли из гавани Родоса на 50 судах всех форм и размеров, включая 17 транспортных, заимствованных на Родосе. Путь до Европы был долог и труден. На кораблях находилось более 5 тысяч человек, среди них больные и раненые. Парусники продвигались очень медленно в зимнем беспокойном море. Впервые в истории ордена гребцами были сами рыцари, так как, по условиям договора с султаном, всех рабов-мусульман отпустили на волю. На острове Кандия (владения венецианской короны) иоаннитов радостно встретили местные жители, но рыцари вели себя сдержанно, не забывая об отказе венецианцев в помощи во время осады Родоса.

В марте 1523 года братья продолжили путь; через несколько месяцев они подплывали к Мессине. Однако на побережье Италии свирепствовала чума.

Еще полгода, спасаясь от эпидемии, госпитальеры странствовали по городам Италии, пока не обосновались в Ницце, находившейся в то время во владениях герцога Савойского. Европейские короли, отдавая должное мужеству членов ордена, говорили: «Ни одна битва не была проиграна так достойно, как битва за Родос». Однако реальную помощь рыцарям в Европе оказывать не спешили.

Нестабильная обстановка в обществе того времени еще более углубляла неприятности братства. Мартин Лютер своими проповедями покушался на устои церковной власти. В состоянии затянувшегося конфликта находились Франция и Испания. Молодой французский король Франциск I, уже побывавший в испанском плену, искал пути примирения с Великолепной Портой (ста-

ринное название Османской империи). В этой напряженной обстановке угасавшие идеи Крестовых походов выглядели анахронизмом.

Судьбу рыцарей ордена решил дипломатический ход Великого магистра де Лиль Адана. В переговорах с вице-королем Сицилии он принял покровительство монарха, согласившись отправиться в Триполи, с недавнего времени ставшего владением испанцев в Северной Африке. Король напомнил де Лиль Адану о событиях 1510 года, когда этот стратегически важный порт был захвачен испанскими войсками под командованием Педро Наварро. Тогда госпитальеры торжественно праздновали победу христианства над мусульманами. Правитель Сицилии объяснил, что захват Триполи в Мадриде расценивали как первый шаг на пути завоевания Египта.

Рыцари с огорчением узнали о походе в Северную Африку. Суровый климат Триполи не мог сравниться с природой Родоса. Однако в октябре 1523 года это предложение повторил Карл V (император «Священной Римской империи», король Испании под именем Карлос I), пригласивший на официальную встречу двух послов ордена — Диего де Толедо и Габриэле де Мартиненго. Кроме того, император предложил рыцарям расположиться на островах Мальтийского архипелага. Летом 1524 года восемь представителей национальных отделений ордена посетили Мальту и Триполи, с тем чтобы на месте сделать нелегкий выбор. Каменистый остров не привлек рыцарей, но в Триполи им не понравилось еще больше. По возвращении они доложили Великому магистру, что Триполи не пригоден для проживания ввиду малочисленности его крепостных сооружений. Капитул без промедления отверг предложение испанского короля.

Великому магистру предстояло объяснение с императором. 23 марта 1530 года посол ордена Святого Иоанна Антонио Босио принял от Карла V копию акта, со-

гласно которому в собственность госпитальеров переходили острова Мальта, Гозо и Комино. Этот документ до настоящего времени хранится в национальной библиотеке Валлетты. Карл V поставил два не слишком строгих условия: использование гаваней Мальты запрещалось всем отделениям ордена, находившимся в конфликте с Сицилией, посол ордена должен был приносить клятву верности каждому новому королю Испании. В знак благодарности госпитальеры обещали ежегодно присылать королю лучшего охотничьего сокола.

25 апреля 1530 года акт передачи Мальты подписали Великий магистр и члены капитула. Осенью того же года небольшой отряд рыцарей высадился на побережье Мальты.

Мальтийский период

Передавая братьям Мальту, Карл V стремился к созданию форпоста в Средиземном море. В надежде на помощь рыцарей в борьбе с африканскими пиратами король был готов отдать стратегически важный объект. В то время братья корсары Хайруддин и Аруджа Барбароссы совершали опустошительные набеги на города и поселения Южной Франции. Их можно было остановить только с помощью мощного морского флота.

Выгодно расположенная Мальта, находившаяся всего в нескольких милях от Сицилии, в 220 милях от Триполи, предоставляла для этой цели большие возможности. Ни один из кораблей, проходящих через своеобразный канал, не смог бы миновать галеры ордена. Тогда император не предполагал, что обитание рыцарей на суровом каменистом острове станет важным условием обеспечения торговых связей Запада и Востока. Хотя он помнил о том, что Левант все еще находился под властью османского султана.

Получив во владение весь Мальтийский архипелаг (острова Мальта, Гоцо и Комино), госпитальеры решили немедленно продолжить войну с Сулейманом Великолепным. Спустя некоторое время, присоединившись к французскому императорскому флоту, рыцари захватили турецкий форпост в Средиземном море — крепость Галет.

На Мальте некогда «бездомный» орден достиг своего расцвета; теперь он именовался по названию архипелага — Мальтийским. Под руководством Великого магистра Жана де Ла-Валлетта (1557—1568) госпитальеры занимались устройством жизни на островах, продолжая воевать с давними врагами. Однажды они выдержали длительную осаду Мальты 40-тысячной армией мусульман. Иоанниты располагали только войском в 8 тысяч солдат и отрядом в 700 рыцарей. В течение четырех месяцев турки непрерывно штурмовали побережье, но победа осталась за рыцарями. В этом походе армия султана потеряла больше половины янычар. Госпитальеры похоронили 240 рыцарей и около 5 тысяч воинов.

Долгожданная победа несколько ослабила воинственный настрой мальтийских рыцарей. По окончании войны в рядах прежде жесткой организации ослабилась воинская дисциплина, часто возникали конфликты между рыцарями разных национальностей.

Демократичные методы правления Великого магистра не имели успеха во внутренней политике: законные решения спорных вопросов он заменял наказанием менее знатных членов ордена, чем ослаблял свой авторитет. В результате несправедливости Великого магистра благосостояние рыцарей низшего сословия резко уменьшилось. В то же время братья проявляли недовольство присутствием на Мальте инквизиторов, активно вмешивающихся во внутренние дела ордена.

В годы правления Великого магистра де Ла-Кассиера (1572—1581) патент на получение рыцарского звания выдавали инквизиторы, служившие на Мальте по указу

римской курии. В начале XVII века затянувшийся конфликт среди госпитальеров получил неожиданную развязку. Высокомерный и жадный председатель инквизиторской комиссии едва не поплатился жизнью после того, как группа монахов, недовольных вмешательством судей в рыцарские дела, заочно приговорила его к смертной казни. Одновременно с решением внутренних проблем Великий магистр ордена регулярно организовывал «освободительные» походы, реально имевшие единственно грабительский характер.

В середине XVII века мальтийцы захватили Коринф, Лепанто и Патрос. Но в Европе дела ордена обстояли не лучшим образом. По Вестфальскому мирному договору 1648 года орден утратил все земли и поместья, находящиеся на территории Германского королевства. Вслед за этими событиями, после многочисленных потерь и завоеваний, в истории прославленного Мальтийского братства начался российский период.

Российский период

Сотрудничество России с Мальтийским орденом началось во времена правления Великого магистра Раймунда де Рокафуля (1697—1720). В те годы участвовавшие конфликты с мусульманами требовали создания союза государств, способного противостоять турецкой армии. К сожалению, сохранилось очень мало документов, подтверждающих взаимоотношения рыцарей с российским императором. Рассказы, передававшиеся устно, крайне противоречивы; тогда даже знаменитое монашеское братство называлось в России орденом Святой Мальты или просто Ивановским.

В конце XVII века Петр I отправил на Мальту посольство во главе с боярином Шереметевым. Он стал первым русским, получившим знаки отличия ордена.

В царствование дочери Петра, демократичной правительницы Елизаветы, в Санкт-Петербург прибыл посланник Великого магистра — маркиз Сакрамоза. В хрониках бегло упоминается лишь сам факт встречи, закончившейся несколько странно: «...ее императорское величество изволила выслушать доклад канцлера графа Воронцова о выдаче маркизу Сакрамозе фунта лучшего ревеня, дабы он мог отвезти сие в подарок своему гранд-метру». Причина приезда мальтийского посла, протокол встречи и ее результаты остались тайной. Доподлинно известно только то, что рыцарь Сакрамоза все же получил фунт ревеня для компота.

Стараниями великой самодержицы Екатерины II отношения России с Мальтийским орденом получили новое направление. Правители заключили военный союз, условившись совместно вести борьбу против Турции. Русские дворяне неоднократно проходили обучение на боевых кораблях ордена; в свою очередь рыцари участвовали в военных действиях на стороне русской армии. Среди них особенно прославился граф де Литта, впоследствии (при Павле I) получивший звание адмирала русского флота. Императрица Екатерина доброжелательно относилась к рыцарям Мальтийского ордена. С Великим магистром, немолодым принцем Емануилом де-Роганом у нее завязалась оживленная переписка.

Шесть русских офицеров, прибывших на Мальту по приказу Екатерины II для изучения навигационного и морского дела, на первый взгляд не имели отношения к политике. Однако рыцари не оставили без внимания странности в поступках посланника императрицы — офицера российского флота Антония Псаро, грека по национальности. Подозревая его в шпионаже, мальтийцы оказались правы. В то время по Европе распространились слухи об агрессивных намерениях российской правительницы. Утверждалось даже, что Мальтийский орден скоро может лишиться близлежащих к Мальте

островов Гоцо и Комино, которые собиралась захватить Россия ввиду их стратегически выгодного местоположения в Средиземном море.

Несмотря на некоторое обострение отношений, Великий магистр не порвал связи с Россией. Личная переписка Емануила де-Рогана с Екатериной и, как следствие, сближение Мальтийского ордена с Россией сильно тревожили европейских монархов.

Граф Шуазель, занимавший пост министра иностранных дел Франции, с одобрения Людовика XV обратился к Великому магистру с требованием немедленно прекратить «российский флирт». В случае невыполнения распоряжений короля братство могло потерять все владения во Франции. Опасаясь гнева Людовика, высший иерарх мальтийцев разорвал союз с Россией, но расположение Екатерины сохранил. До конца жизни де-Роган вел переписку с императрицей, отправив ей все карты восточной кампании, а также секретные инструкции, составленные для руководителя экспедиции.

После решения конфликтных вопросов между Шуазелем и Роганом на Мальту прибыл посол Екатерины II маркиз Кабалькабо. В очередной раз мальтийцы остались недовольны присутствием русского «шпиона». В письме государыне Великий магистр дипломатично выразил свое нежелание видеть российского дворянина на Мальте. Он писал, что орден в данное время испытывает материальные трудности и не может ей ответить, прислав ко двору Екатерины достойного представителя. Императрица поняла намек, и после смерти Кабалькабо русские дипломаты больше не тревожили рыцарей Мальтийского ордена.

19 сентября 1792 года по решению революционного правительства госпитальеры все же лишились своих владений во Франции; члены ордена в числе других дворян были изгнаны из страны. Узнав о новых страданиях братства, помощь им оказал православный российский

император Павел I. Указом от 4 января 1797 года он основал на территории своего государства иоаннитское приорство, предоставив мальтийцам «все те отличия, преимущества и почести, коими знаменитый орден пользуется в других местах». Одновременно император принял на себя обязанности по управлению созданным учреждением, дав слово следить за исполнением законов и уставов братства рыцарей церкви. Особым знаком расположения императора стало распоряжение, по которому великому приору разрешалось присутствовать на собраниях Государственной думы.

Филиал ордена (англо-баварский), принимая в члены русских дворян, увеличил бюджет до 300 тысяч польских злотых в год.

Российское приорство было учреждено на базе бывшего польского приорства. Вся организация включала в себя 3 командорства. Занимать посты великого приора и командора имели право только русские аристократы. В 1798 году вышел манифест «Об установлении в пользу русского дворянства ордена Святого Иоанна Иерусалимского».

В этом документе официально подтверждалось наличие в стране двух приорств: римско-католического и российско-православного; каждое из них разделялось на 98 командорств.

Кроме того, манифест содержал разработанные Павлом I правила приема в ряды новых российских «рыцарей католической и православной

Павел I

церкви». Например, требования приема в орден предусматривали принадлежность новiciата (кандидата в члены ордена) к дворянскому роду, причем исторический возраст семейства должен был составлять более 150 лет.

Вступая в ряды рыцарства, кандидат вносил в казну 2400 польских злотых. Для малолетних (достигших 15 лет) новiciатов сумма была не так велика — 1200 злотых. Лица, намеревающиеся сделать карьеру, принимали участие в четырех плаваниях, длившихся по шесть месяцев. Служба проходила в российском флоте или на кораблях ордена.

Намереваясь укрепить позиции католиков в православной России, Павел I объявил начало морского похода, не раскрыв подданным цели этого предприятия. Приготовления к долгому плаванию проходили в Тулонском порту. Командовал экспедицией молодой французский генерал Бонапарт.

В начале июня 1798 года флотилия, состоявшая из 15 линейных кораблей и 10 фрегатов, отплыла из Тулона на восток. На кораблях размещалось более 30 тысяч человек. Несмотря на все предосторожности, секретного плавания не получилось: узнав о выходе французского флота, Британия отправила навстречу врагу 14 линейных кораблей, 8 фрегатов, 4 тендера (морское судно небольшого размера) и 2 бригантины. Английским флотом командовал адмирал Горацио Нельсон, однако ему не удалось встретиться с французами в море: недалеко от Тулона англичане поняли, что эскадра неприятеля уже приближается к берегам Мальты.

Первым немцем, занимавшим пост Великого магистра ордена госпитальеров, стал барон Фердинанд Гомпеш, родившийся в Дюссельдорфе. Прежде Гомпеш был послом «Священной Римской империи» на Мальте. Вероятно, он обладал большими дипломатическими способностями: его стараниями Мальта без боя перешла к французам. Армия Бонапарта лишилась всего трех че-

людей, захватив фрегат ордена, 4 галеры, 1200 пушек и огромное количество оружия.

Французы забрали из храма Ла-Валлетты три христианские святыни: фрагмент креста, на котором распяли Иисуса Христа, мощи Иоанна Крестителя и чудотворную икону Богородицы Палермо. Не желая огласки, Фердинанд Гомпеш спешно покинул ограбленный остров; прибыв в Триест, он оповестил великих приоров о случившемся несчастье. Ответ европейских рыцарей последовал незамедлительно: барона объявили изменником и лишили священного сана.

Магистр немецкого братства, князь Хайтерсхайм, посчитал поражение мальтийцев оскорблением. Желая наказать своего соотечественника, он потребовал применить к нему закон рыцарской чести. Правитель Неаполя в короткий срок изгнал мальтийского посла из своего города и приказал убрать герб ордена с фасада гостиницы, где располагалась резиденция госпитальеров. В Тосканском герцогстве, Сардинском королевстве и других итальянских государствах была конфискована вся собственность Мальтийского ордена.

Сдержанный венский монарх разрешил послу Великого магистра на время остаться в Австрии, но госпитальеры с этого момента потеряли право владения землями и поместьями. Папа Пий VI также осудил трусливый поступок Гомпеша, публично заявив о разрыве дружеских отношений с этим представителем Мальтийского ордена. В числе сторонников Великого магистра остались только его родственники в Баварии, служившие при дворе курфюрста.

10 сентября 1798 года в России была опубликована декларация протеста против действий бывшего Великого магистра Фердинанда Гомпеша и рыцарей, нарушивших военную клятву. Декларация заканчивалась такими словами: «Мы приглашаем все языки и великие приорства священного ордена Святого Иоанна Иерусалимского,

а также каждого члена братства присоединиться к нашему решению с целью сохранения этого достойного похвалы братства и восстановления его прежнего величия». Документ был составлен в Гатчине, датирован 10 сентября 1798 года; в конце стояла подпись Павла I и князя Безбородко.

Накануне опубликования декларации в Санкт-Петербурге прошло собрание госпитальеров, на котором граф Юлий Литта, занимавший пост великого приора, потребовал назначения российского императора на должность Великого магистра. По его словам, Павел заслужил это право, проявляя сочувствие к судьбам иоаннитов и оказывая немалую материальную поддержку. Граф предложил направить к монарху депутацию с просьбой возложить на себя звание высшего иерарха Мальтийского ордена. Предложение Литты получило единодушное одобрение всех собравшихся в зале рыцарей.

Подготовленный к такому обороту событий, Павел I незамедлительно подписал акт «О поступлении острова Мальты под защиту России».

Первым действием нового Великого магистра стал приказ об изменении географического календаря Академии наук, где остров Мальта обозначался «губернией Российской империи». Через некоторое время император поручил российскому послу в Риме просить членов Римской курии решить вопрос о назначении его главой католического военно-монашеского ордена. Это назначение затруднялось тем, что Павел I исповедовал православие, кроме того, он был дважды женат: первая супруга Павла умерла при родах.

Папа Римский Пий VI, называя императора другом человечества, защитником обездоленных и обещая молиться за его долгую жизнь, неожиданно ответил согласием. Папа не закрепил свое позволение на бумаге, опасаясь непонимания со стороны католиков, которые могли неверно истолковать его связи со схизматиками.

Принимая атрибуты Мальтийского ордена, российский самодержец не скрывал волнения — придворные заметили слезы в глазах бесстрастного монарха. Павел I с радостью выполнил ритуальные действия, предусмотренные правилами проведения торжественной церемонии принятия поста Великого магистра. Освободив меч от ножен, Павел осенил себя крестом — это означало согласие соблюдать правила и традиции ордена.

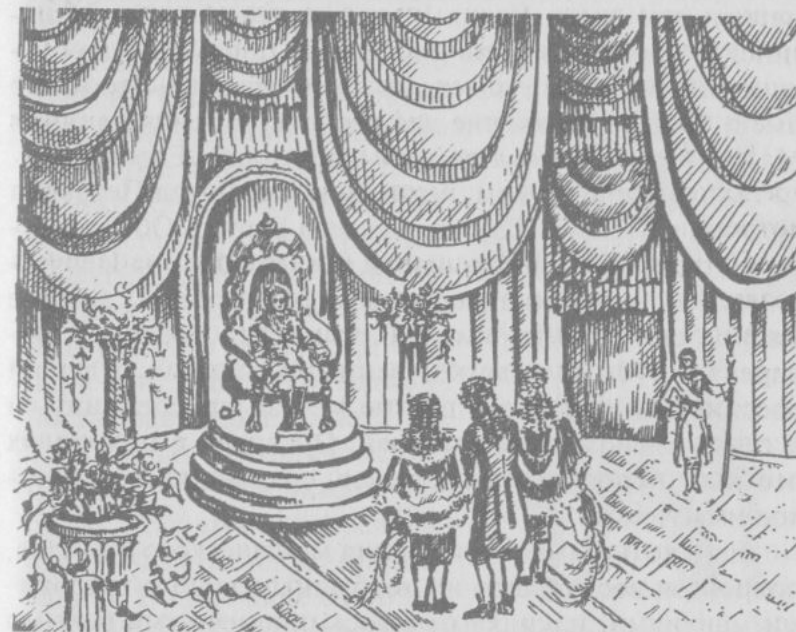
Заканчивая ритуал, рыцари подняли мечи, таким образом символично угрожая врагам христианской веры и ордена. После того как граф Литта огласил акт, российский император официально стал Великим магистром духовного ордена. Мальтийский крест получил равенство с двуглавым орлом Российской империи, а императорский титул Павла дополнился званием Великий магистр ордена Святого Иоанна Иерусалимского.

В документе, подписанном Павлом I в день проведения церемонии, можно прочесть такие слова: «Мы, приняв на Себя титул Великого магистра, издревле столь знаменитого, и почтения достойного ордена Святого Иоанна Иерусалимского, высочайше повелеваем сенату Нашему включить оный в императорский титул Наш, предоставляя Синоду поместить оный по его благоусмотрению».

Проведение официальной процедуры назначения позволило русскому императору посчитать себя полноправным владельцем Мальты, несмотря на то что французы еще не покинули остров. Присутствие оккупантов не помешало императору пожелать отправки туда коменданта. Однако и сам комендант и 3000 солдат мальтийского гарнизона так и остались управлять островом на бумаге. Вскоре Павел учредил личную гвардию Великого магистра. 189 рослых гвардейцев, одетых в яркие красные мальтийские мундиры, расположились в Зимнем дворце, где для них были выделены специальные помещения. Во время проведения торжеств, на балах,

в театре один из гвардейцев постоянно находился за спиной императора. Наряду с внешними атрибутами, Павел I придавал большое значение нравственной стороне управления духовным братством. В одном из манифестов он выразил свое мнение по поводу собственного вклада в развитие ордена: «Орден Святого Иоанна Иерусалимского от самого своего начала благоразумными учреждениями способствовал общей всего христианства пользе. Мы всегда отдавали справедливость заслугам сего знаменитого ордена, доказав особое Наше к нему благоволение по восшествии Нашем на Наш императорский престол, установив великое приорство российское».

Далее в манифесте следовало перечисление мер, предлагаемых Великим магистром для улучшения внутреннего состояния ордена: «...обращая внимание на все те средства для восстановления блистательного состояния сего

Прием послов Мальтийского ордена Павлом I

ордена и возвращение собственности его, неправильно отторгнутой, и обеспечить могут, желая явить пред целым светом новый довод Нашего уважения и привязанность к столь древнему и почтительному учреждению. Наши верноподданные, благородное дворянство российское, коих предков и самих их верность престолу монаршему, храбрость и заслуги доказывают целостность державы, расширение пределов империи и низложение многих и сильных супостатов отечества. Те участвовали в почестях, преимуществах и отличиях, сему ордену принадлежащих, и тем был бы открыт для них новый способ к поощрению честолюбия на распространение подвигов, их отечеству полезных... благо установить императорскою Нашей властью новое заведение ордена Святого Иоанна Иерусалимского в пользу благородного дворянства империи Всероссийской».

Знаменитые историки Ф. Брокгауз и И. Евфрон отметили, что слова Павла I, касающиеся борьбы Мальтийского ордена против мусульман, призывали к объединению самых могущественных государств. Это могло иметь большое значение для распространения влияния Мальтийского ордена по всей территории Европы.

Будучи подростком, великий князь Павел Петрович получил в подарок книгу академика Верто д'Обефа «История гостеприимных рыцарей святого Иоанна Иерусалимского, называвшихся потом родосскими, а ныне мальтийскими рыцарями». Разглядывая портреты рыцарей с грубыми и мужественными лицами, будущий российский император втайне мечтал присоединиться к союзу мальтийских рыцарей. Он видел в них самых честных и справедливых воинов, сражавшихся за светлое имя Христа.

Еще не понимая сути учения монашеского братства, подросток восхищался их необычным видом: широкими мантиями, накидками с восьмиконечными белыми крестами на груди, рыцарскими доспехами. Короны,

шлемы, кардинальские уборы с вышитыми херувимами, знамена, украшенные лавром и пальмовыми ветвями, произвели на чувствительного ребенка огромное впечатление. Благоразумный наследник престола, никогда не знавший ни материнской любви, ни отцовской привязанности, видел в таинственных образах близких людей.

В 1800 году в Санкт-Петербурге было опубликовано сочинение Великого магистра, брата Емануила де-Рогана под названием «Уложение священного воинского ордена Святого Иоанна Иерусалимского». Написанная еще в давние времена книга была переведена с итальянского, латинского и французского языков. Папские буллы и грамоты, жалованные госпитальерам Римской курии, указы Великих магистров, а также различные постановления и множество других документов, изданных орденом капитулом, составляли основное содержание этого труда.

Некоторые части лично сочинил Павел I. Его статьи отмечены безграничной преданностью папе и служителям Римско-католической церкви. Переводчики иностранной коллегии, зная, что одним из авторов являлся российский император, в некоторой степени приглушили восторженность православного монарха. Так, слово «католический», переведенное как «кафолический», подразумевало религиозную византийскую организацию. В конечном счете неуклюжая уловка отчетливо подчеркнула странность и не-

Готические неполные доспехи

лепость отношений двух чуждых религий. Предисловие содержало обращение переводчиков к императору: «...буди обладателем царств, более чем Иоанн Креститель, защитник сего ордена, Крестом Предтечи побеждай, сокрушай, низлагай, поражай всех супостатов, убивай плоти их, коли дух спасется и будет им страшен больше всех царей земных!»

Современные историки не смогли раскрыть смысл этих воинственных фраз. П. Карнович, один из авторов этого произведения, относил все перечисленные победы, поражения, потери и низложения исключительно к торжеству и процветанию католической веры. Конечной целью всех рыцарских стремлений он показал готовность иоаннитов отдать жизнь за друзей-католиков, последователей именно римской, а не другой христианской церкви.

Появление «Уложения...» вызвало опасения среди представителей русского духовенства, тем более что инициатором публикации произведения был сам император. По словам шведского дипломата Армфельда, Павел I «с нетерпимостью и жестокостью армейского деспота соединял известную справедливость и рыцарство во время шаткости, переворотов и интриг». Вероятно, именно агрессивная политика ордена привела Россию к войне с Францией и Англией. После смерти Павла I ведущая роль национального братства в российской дипломатии начала ослабевать. Император Александр I, не желая продолжать бессмысленную игру отца, отказался от звания Великого магистра.

В первые дни пребывания на престоле новый император публично заявил, что «в знак доброжелательности и особого благоволения» он сохраняет покровительство над иоаннитами, но отказывается от титула Великого магистра Мальтийского ордена. В этом указе Александр I взял на себя обязательство в дальнейшем оказывать содействие в выборах Великого магистра и, получив со-

гласие европейских государей, регулярно собирал генеральный капитул. Вскоре российский император приказал убрать изображение мальтийского креста на гербе России. Позже он утвердил правила, отменяющие наследование званий командоров ордена. Одновременно вышел указ об отмене отличительных знаков рыцарского братства с объявлением о прекращении существования Мальтийского ордена на территории Российской империи.

Бездеятельность Александра, не прилагавшего усилий для возвращения госпитальерам острова Мальта, привела к тому, что братья вновь оказались без собственной земли. Несмотря на существующее соглашение (Амьенский мирный договор), англичане, захватив остров еще в 1800 году, не желали возвращаться на родину. В течение нескольких лет рыцари скитались по Европе, ненадолго останавливаясь в столичных городах. Пост Великого магистра после смерти Павла I перешел к непримечательному командору Жану Батисту Томази. Напоминанием о присутствии рыцарей Мальтийского ордена в России стали хранящиеся в Санкт-Петербурге регалии Великого магистра.

До конца XIX века в католической церкви при Пажеском корпусе, в бывшей капелле замка, находился трон, предназначавшийся для Павла как для высшего иерарха ордена. Оружейная палата в Москве приобрела главные святыни мальтийских рыцарей — золотую корону и кинжал, символизирующие веру в справедливость, ранее хранившиеся в Бриллиантовой комнате Зимнего дворца. В Романовской галерее Эрмитажа висел парадный портрет императора Павла I, одетого в платье высшего иерарха Мальтийского ордена. Работа художника Боровиковского была одной из немногих, польстивших самолюбию монарха.

Отношение рыцарей к российскому периоду истории ордена лучше всего выражает статья, опубликован-

ная несколько лет назад в официальном «Ежегоднике» Мальтийского братства. Там есть такие слова: «Провозглашение женатого некаатолика Павла I главой религиозного католического ордена было полностью незаконным, неправомерным и никогда не признавалось Святым престолом.

Пий VI ограничился лишь устным согласием в отношении императора Всероссийского. Несмотря на то что Павла признали многие рыцари и ряд правительств, его необходимо рассматривать как Великого магистра де-факто, но ни в коем случае не де-юре.

С уходом мальтийцев из России связи ордена с ней не оборвались. В 1818 году граф Каподистрия уведомил Великого магистра о благожелательности Александра I. В 1827 году подобное заверение орден получил от графа Нессельроде, теперь послание касалось Николая I. Несмотря на отказ от официального сотрудничества, все императоры после Павла I, исключая Александра II, имели звание балы ордена Креста.

Николай I (1825–1855) на собственные средства восстановил две часовни в старом замке, где некогда располагалась резиденция Мальтийского ордена. Александр III получил звание балы 29 декабря 1875 года, будучи еще цесаревичем. Неожиданно приобретя звание, цесаревич написал Великому магистру: «Господин барон! Я получил письмо, которое Вы любезно адресовали мне, передав мне знаки большого креста Мальтийского ордена, а также буллу о моем назначении в звании балы этого ордена. Я принял их с удовольствием. Пожалуйста, заверьте в этом совет ордена и примите изъявление моей благодарности за те чувства, которые Вы выразили от себя лично и от имени ордена».

В феврале 1881 года Великий магистр присудил звание балы великим князьям Сергею и Павлу, через 10 лет — будущему императору Николаю II, а 7 апреля 1896 года — его супруге, императрице Александре Федоровне.

Александр III приказал не убирать портрет Павла из своего кабинета; изображение отца в облачении гроссмейстера (Великого магистра) ордена, увенчанного мальтийской короной, находилось на почетном месте до конца его правления.

Николай II в день коронации получил поздравление от 74-го иерарха фра Джованни Батиста Чечи а Сайта Кроче, на которое немедленно выслал ответ: «Я был весьма тронут поздравлениями, полученными от ордена Мальты, с которыми ваше превосходительство обратилось ко мне по поводу коронации. Я вспоминаю с большим удовольствием о тех узах, которые существуют между моим домом и высокочтимым орденом, с которым императрица и я сам связаны искренней дружбой, и я доволен тем, что имею возможность возобновить выражения величайшего уважения к вашему превосходительству. Ильинское, 30 мая 1896 года».

В 1908 году российский император выслал фра Галеаццо фон Туну и фон Гогенштейну (Великому магистру) портрет Павла I в императорской короне и регалиях мальтийского рыцаря. Это произведение в наши дни хранится в большом зале приемов римской резиденции на виа Кондотти. Николай II, верный памяти своего прапрадеда, пожаловал офицерам последних классов Пажеского корпуса право ношения мальтийского креста. Рыцарский символ выдавался сначала как награда, затем — как почетный знак по случаю юбилея этой военной школы. Размером был немного меньше, чем звезда ордена Святого Иоанна Иерусалимского.

Мальтийский орден в XX веке

В 1910 году члены французского национального братства организовали полевой госпиталь для раненых, который работал во время итало-ливийской (триполи-

танской) войны 1912 года. Тогда же принадлежащий ордену корабль-госпиталь «Реджина Маргарита» вывез с мест боевых действий более 12 тысяч раненых. Во время Первой мировой войны для помощи армии были впервые использованы передвижные госпитали, получившие признание не меньшее, чем известные отряды Красного Креста. Огромное количество стационарных и полевых госпиталей находилось на полях сражений в Германии, Австрии, Франции.

Неутешительные итоги Первой мировой войны (поражение Германии и Австрии, отторжение Тироля Италией) обусловили ухудшение отношений ордена с некоторыми европейскими странами, участниками конфликта. В 1929 году, после длительных переговоров, итальянское правительство признало город Ватикан государством. Великий магистр фон Гогенштейн, правящий в то время, объявил о своей болезни и удалился на покой. Власть перешла к лейтенанту Великого магистра Франчи де'Кавальери, итальянцу по происхождению. Он дипломатично решил сложные вопросы с итальянским правительством. В результате переговоров, проведенных в начале 30-х годов, в Италии было организовано несколько мальтийских госпиталей и лепрозорий в Абиссинии; эти учреждения действуют и сейчас.

Последующие правители ордена из политических соображений избирались из итальянских национальных отделений. Отношения с Италией окончательно закрепились дипломатическими документами в 1960 году.

Вторая мировая война обусловила необходимость внутренней реорганизации ордена. В годы оккупации многие аристократические семьи пересмотрели свои убеждения, ранее основанные на вековых представлениях о рыцарской чести. Война заставила дворян руководствоваться соображениями патриотизма. Одну из групп сопротивления нацистам организовал кавалер Большого Креста, кардинал фон Гален, епископ Мюнстера.

Неудачно окончившийся заговор против Гитлера возглавил Шенк фон Штауфенберг, глава семьи, в течение 500 лет тесно связанной с орденом. Покушение не удалось, и в подвалах гестапо погибло 12 рыцарей бальжа Бранденбурга.

Известны случаи личной отваги, отличавшей братьев, воевавших против фашистов. Мальтийские рыцари погибали на полях сражений и в концентрационных лагерях. Много имен внесено в список чести Мальтийского ордена. Во время Второй мировой войны, как и в 1914 году, на фронтах действовали полевые госпитали и санитарные поезда Мальтийского ордена. В последующих локальных войнах XX века участие рыцарей ограничивалось медицинской и гуманитарной помощью.

В современной структуре ордена почти неизменными остались старые традиции, кроме постепенно утраченной системы языков. Современное Мальтийское братство состоит из 6 великих приорств, расположенных в Риме, Венеции, Сицилии, Австрии, Богемии и Англии, и 54 национальных отделений орденских союзов, один из которых существует и в России. Сегодняшний орден насчитывает около 10 тысяч членов, являясь второй по численности католической ассоциацией после ордена иезуитов. По всему миру располагаются сотни мальтийских госпиталей. Подобно настоящему государству, орден имеет свою денежную единицу, почту и дипломатическую миссию.

Орденом, как прежде, правит Великий магистр. В настоящее время его полный титул — Божией милостью смиренный магистр странноприимного дома Святого Гроба Господня и охранитель убогих во Христе Иисусе. Высший иерарх братства признается на международном уровне главой государства и пользуется многочисленными суверенными почестями. Указом папы Великий магистр имеет ранг кардинала, принца королевской крови, князя «Священной Римской им-

перии», высокопреосвященства, титул высочества и преимущественнейшего высочества.

В настоящее время правит его высочество фра Эндрю Берти, 78-й по счету Великий магистр, избранный в апреле 1988 года. Эндрю Берти является первым в истории англичанином, занимающим столь высокий пост в ордене. Второй ступенью в иерархии является суверенный совет, возглавляемый Великим магистром. Совет состоит из четырех должностных лиц Великого магистерства: великого командора, великого канцлера, госпитальера и держателя общего казначейства, которые выбираются великим капитулом. Кроме того, в совет входят 6 независимых членов.

Все должности занимают рыцари, давшие обеты. Однако в виде исключения иногда допускается вводить в совет рыцарей-послушников, например профессиональных членов ордена. Современные общественные нормы не повлияли на традиции братства: как и прежде, все рыцари принадлежат к аристократическим фамилиям Европы. Они постоянно живут во дворце Великих магистров и, подобно блаженному Герарду, проповедуют аскетизм: одежду XVIII века, пунктуальное исполнение всех ритуалов, ежедневное посещение мессы.

Должность представителя папы при военном Мальтийском ордене — кардинала святой римской церкви — называется кардинал-покровитель. Он пользуется помощью прелата ордена, который является церковным руководителем орденского духовенства и первым помощником Великого магистра. Прелат утверждается папой; главная его обязанность — забота о духовном благополучии ордена.

Деятельность ордена регулируется конституцией (апостолическим посланием), утвержденной Святым престолом 24 июня 1961 года. Кроме того, еще сохраняет силу кодекс законов де Рогана, изданный Великим магистром в XVIII веке. Все юридические проблемы,

которые представляют интерес для ордена, разбираются консультативным юридическим советом, назначаемым Великим магистром с согласия суверенного совета.

Цели этого органа изложены в конституции: «Орден считает своей задачей, в соответствии с многовековой традицией, приумножать честь Господа освящением членов ордена со службой во славу веры и Святого престола, на благо ближнего своего. Верный божественным заповедям и наставлениям Господа нашего Иисуса Христа, направляемый учением церкви орден поддерживает христианские добродетели братства и любви к ближнему, содействует им, творит милосердие... Члены ордена всегда готовы прийти на помощь жертвам чрезвычайных катастроф и пострадавшим в войнах. Медицинские подразделения ордена созданы и действуют в соответствии с международными конвенциями, в рамках законодательства».

Мальтийский орден имеет высшие суды, апелляционные суды с председателями, судьями и помощниками с правом совещательного голоса.

Апелляции по приговорам орденских судов могут подаваться в кассационный суд Ватикана, который в таких случаях, действуя от имени ордена по доверенности, имеет право исполнять функции верховного суда. Также жалобы разбирают коллегии аудиторов, назначаемые генеральным капитулом; дополнительно они контролируют доходы и расходы ордена.

Современный военный Мальтийский орден продолжает традиции братства госпитальеров. Только он признается религиозным католическим рыцарским орденом, включающим в себя принесших обеты рыцарей справедливости, прямых потомков его основателей. Общество наций также признает братство суверенным и независимым от любой светской власти. Орден осуществляет суверенные функции непрерывно с тех далеких дней, когда он владел островом Родос. Они включают

в себя способность заключать международные договоры, устанавливать и поддерживать дипломатические отношения, принимать участие в международных организациях, выпускать собственную валюту, иметь собственное почтовое ведомство, финансовую систему, юридические органы с правом законодательства.

Резиденция Мальтийского ордена располагается на территории Италии, в Риме. Здания, принадлежащие рыцарям, стоят на виа Кондотти и виа Авентин (Авентинском холме). Кроме того, в декабре 1998 года ордену передано право аренды на 99 лет форта Сант-Анджело на острове Мальта, где стоит древняя резиденция Великих магистров. Теперь Мальтой управляет губернатор. Там планируется открытие Международной дипломатической академии и центра по оказанию помощи в районах Средиземноморья.

Согласно нормам международного права, военный орден госпитальеров поддерживает дипломатические отношения с 81 государством. Суверенный Мальтийский орден имеет миссии в Бельгии, Германии, Монако, Франции и Швейцарии. Братство представляет делегации в ООН, в Нью-Йорке, где имеет статус постоянного наблюдателя. Орден не заключил дипломатических договоров с Великобританией, так как «...она не выполнила своих обязательств по мирному договору, заключенному в Амьене в 1802 году».

Россия восстановила официальную связь с Мальтийским орденом 7 августа 1992 года. В записке министра иностранных дел России указывалось: «Мальтийский орден в его современном виде пользуется заметным влиянием в мировом сообществе, он является субъектом международного права, поддерживает дипломатические либо официальные отношения с большим числом государств». 21 октября 1992 года был подписан протокол о восстановлении официальных отношений издавна дружеских государств.

Рыцари Мальтийского ордена никогда не отказывались от своей основной цели — проявления милосердия к ближнему. Братья и сейчас посвящают себя делу оказания медицинской, социальной и гуманитарной помощи. Широкая госпитальерская деятельность осуществляется через территориальные организации ордена — приораты и субприораты.

В 90 странах действуют лечебные учреждения ордена: больницы, поликлиники, амбулатории, дома для престарелых и инвалидов, международный банк крови на Мальте, лепрозории в странах Африки и Южной Америки, центры сбора и распределения медикаментов, центры лечения и реабилитации больных диабетом, детские дома, школы медсестер.

Значительную поддержку в виде денежных пожертвований, поставок продовольствия, медикаментов, гигиенических средств, одежды Мальтийский орден оказывает через службы помощи. В свое время братство поставляло сотни тонн гуманитарной помощи (медицинское оборудование, медикаменты, витамины, детское питание, продукты, одежда, игрушки) в Москву, Санкт-Петербург, Смоленск, Калининград, распространяя их с помощью добровольцев.

Принадлежащей ордену немецкой службой помощи организована специальная программа курсов доврачебной помощи. В 1998 году на Кубе состоялась передача гуманитарной помощи на 8 миллионов долларов, что составило сумму большую, чем выделил на эти цели Европейский союз. Огромную помощь орден оказывает голодающим жителям стран Африки, Южной Америки и Ближнего Востока.

В 1994 году была организована Чрезвычайная служба помощи Мальтийского ордена (сокращенно ЕСОМ) с целью «оказания быстрой, профессиональной и эффективной помощи в ситуациях бедствия». Эта организация работает на базе национальных служб спасения.

Если случается бедствие, оценочная группа ЕСОМ отправляется в соответствующий регион, прибывая на место в течение 24 часов. Мобильный отряд состоит из врача, техника, эксперта по материально-техническому снабжению и сотрудника, занимающегося связью. Спасатели сообщают в координационный штаб миссий о необходимых действиях и возможностях группы.

Решения принимаются в течение 36 часов, затем отправляется группа быстрого развертывания, оказывающая первую помощь и подготавливающая все необходимое для второй фазы спасения. Группы основной помощи вылетают в регион катастрофы в течение 48 часов. Они имеют возможность в короткие сроки развернуть лагерь помощи, рассчитанные на 1000 человек. Лагерь снабжается необходимым медицинским оборудованием, полевым госпиталем, кухнями, жилыми палатками, установками для очистки воды, центральной связью. Вторые группы имеют полное оснащение для автономного существования в течение месяца.

Фактически представляя собой суверенное государство, орден располагает собственной денежной единицей — скудо, приравненной к 480 итальянским лирам. Братство имеет право чеканить свою монету.

Почтовая служба ордена была официально зарегистрирована 20 мая 1966 года, а уже 15 ноября в Европе продавались первые почтовые марки. Их регулярный выпуск начался в 1967 году. Тематика почтовых марок довольно узка: в основном они повествуют о деятельности ордена в прошлом и современном обществе. Например, на марках 1970 года изображены больницы ордена с картой их расположения. Серия почтовых знаков 1973 года целиком посвящена лепрозориям.

Для филателистов особый интерес представляют исторические выпуски, на которых изображены Великие магистры, их гербы, флаги и штандарты, также печати, медали и монеты, корабли и морские сражения,

крепости и замки. 1 марта 1975 года орден заключил договор со светским правительством Мальты, по которому почтовые службы двух государств обязывались обеспечивать взаимную доставку и выдачу корреспонденции между отделениями связи в Риме и на Мальте.

С тех пор направляемые на Мальту письма запечатываются в красный конверт, корреспонденция оплачивается итальянскими марками через почту Италии, но поступает к генеральному почтмейстеру Мальты. Доставленный пакет отправляется далее только по его разрешению; послания, оплаченные орденовыми марками и погашенные его штемпелем, доставляются адресатам. Хотя Мальтийский орден не является членом Всемирного почтового союза, последний признал это соглашение, так как оно не противоречит существующим почтовым правилам. На сегодняшний день Мальтийский орден заключил такие соглашения с 50 государствами Европы, Африки и Америки, в которых марки ордена имеют хождение наряду с местными.

Кроме суверенного военного ордена госпитальеров Святого Иоанна Иерусалимского, Родоса и Мальты, официально признаны еще четыре ордена, носящие имя Святого Иоанна и имеющие прямое происхождение из ордена госпитальеров. Самый крупный из них — бальяз Бранденбурга (орден иоаннитов), созданный в 1648 году. В то время рыцари баварского языка приняли лютеранство, создав самостоятельное братство.

С 1852 года решением прусского короля Фридриха Вильгельма IV орден получил название «Королевский прусский орден Святого Иоанна Иерусалимского». Сейчас эта организация имеет собственные национальные союзы для протестантов-аристократов во Франции, Швейцарии, Венгрии и Финляндии. Центральный офис ордена иоаннитов расположен в Бонне. Глава ордена не имеет титула Великого магистра — этот пост обычно занимает немецкий аристократ.

Независимый орден госпитальеров Голландии, учрежденный в 1946 году, официально называется «Королевский голландский орден Святого Иоанна Иерусалимского». Штаб-квартира находится в Гааге; главой ордена в настоящее время является принц Бернгард Голландский.

Шведский орден иоаннитов учрежден королевским декретом в 1946 году. Резиденция рыцарского братства находится в центре Стокгольма. Руководит организацией протектор, которым по традиции назначают короля. В настоящее время протектором является Карл XVI Густав Шведский.

Великий приорат достопочтеннейшего ордена госпитальеров Святого Иоанна Иерусалимского иногда называется достопочтеннейшим орденом Святого Иоанна Иерусалимского или просто орденом Святого Иоанна. Эта организация начала деятельность в 1888 году, подчиняясь британской короне. Резиденция английского ордена располагается в Лондоне, возглавляет рыцарское братство королева Англии Елизавета II.

Эти некатолические ордена с 1961 года объединились в союз орденов иоаннитов, что предоставило им возможность законно употреблять в названии слова «орден Святого Иоанна Иерусалимского» в любой формулировке; также они получили право использовать рыцарскую эмблему — белый мальтийский крест. Только эти четыре братства могут сотрудничать с Мальтийским орденом в деле укрепления христианской веры.

Традиции Мальтийского ордена

К тому времени, когда иоанниты укрепились на Мальте, полностью завершилась реорганизация внутренней структуры ордена. Генеральный капитул имел неограниченную власть над членами организации: ему при-

надлежало право избрания Великого магистра. В качестве исполнительных органов выступали тот же Великий магистр и совет знатных рыцарей (*consiglio ordinato*). Казной ордена распоряжалась особая камера. Пост высшего иерарха был пожизненным: он утверждался понтификом, предоставившим руководителю ордена широкие полномочия.

После смерти Павла I процедура, связанная с назначением правителя ордена, изменилась: по желанию Папы Римского он имел теперь менее почетное звание лейтенанта. 28 марта 1871 года папским указом (буллой) титул лейтенанта Великого магистра получил барон фра Жан Батист Чесчи а Санта-Кроче. Постепенно в Мальтийском рыцарском ордено появились разряды: истинные рыцари (кавалеры), священники и простые воины (*servienti d'armi*).

По старинной традиции, возникшей сразу после утверждения ордена иоаннитов, для вступления в союз рыцарей требовались многочисленные доказательства принадлежности к знатному роду. В мальтийский период это правило стало более строгим. Поводом к ужесточению требований послужили участвовавшие браки знатных дворян с женщинами из купеческого сословия. По мнению священнослужителей, воссоединение дворян с людьми неблагородного происхождения негативно влияло на «чистоту крови» будущих детей.

В конце XVII века члены ордена собирали сведения о близких — об отце и матери, о родственниках по обеим линиям до второго колена.

От всех представителей клана требовалось наличие древнего дворянского титула. Согласно правилам, в Мальтийский орден не допускались дети банкиров, даже если те имели дворянский герб. Подтвердив свое благородное происхождение, кандидат просил рекомендации человека, имевшего рыцарское звание. Когда длительная процедура подтверждения оставалась позади, кандида-

ты, генеалогически подходившие для приема в ряды рыцарей ордена, получали рыцарское звание по праву рождения (*cavalieri di giustizzia*).

В редких случаях Великий магистр разрешал незнатному рыцарю присоединиться к мальтийцам; таких новобранцев называли *cavalieri di grazzia*. Но одно правило не имело исключений — даже отдаленный потомок еврея как по мужской, так и по женской линии в орден не принимался. От *servienti d'armi* не требовали никаких доказательств дворянского происхождения, однако их родители мужского пола не должны быть рабами, ремесленниками или свободными художниками.

В старые времена одежда рыцарей Мальтийского ордена состояла из черных суконных мантий, сотканых из грубой верблюжьей шерсти, которые прямо указывали на религиозный характер их деятельности. В такой одежде выходил к людям предок ордена — святой Иоанн Креститель. Рукава мантий были очень узкие, в них с трудом проходила рука. Такой фасон символизировал отсутствие свободы монаха. Реальный символ находился на левом плече одеяния: большой белый крест, восемь окончаний которого означали восемь блаженств, ожидавших праведника в раю.

Отличительный знак каждого мальтийского рыцаря — крест Святого Иоанна Иерусалимского — был выполнен из чистого золота, с эмалированными деталями. По ранней традиции он крепился к четкам, затем братья стали носить его на шее или закреплять в петлицах. С начала XVIII века представители высшей иерархии ордена носили кресты большей величины, чем у рядовых членов Мальтийского ордена.

В Италии, Австрии, Пруссии и Испании золотой мальтийский крест получил распространение в качестве особо почетной награды. Как знак отличия его применяли во многих католических странах Европы, затем — в России.

В эпоху Возрождения золотой крест жаловали только дворянам христианского вероисповедания; для получения награды те вносили в казну ордена определенную сумму. В России мальтийский крест был учрежден указом Павла I, однако Александр I его отменил. Женщины награждались особыми знаками. Небольшие медные кресты восьмиконечной формы (донаты ордена Святого Иоанна Иерусалимского) выдавались всем военным низших чинов в награду за 20-летнюю «беспорочную службу».

После того как монашеский орден госпитальеров окончательно преобразовался в военный союз рыцарей, приказом Великого магистра грубая черная мантия была заменена на ярко-красный супервест. На одеяние нашивался мальтийский крест; сверху знак закрывали железные латы. Эту одежду имели право надевать только истинные члены Мальтийского ордена. Однако монархи и самые знатные аристократы «при их набожности и других добродетелях» могли приобрести красный супервест со знаками отличия, заплатив Великому магистру 4 тысячи скудо золотыми монетами.

Женщины — истинные члены ордена — по протоколу обязывались надевать длинное платье черного цвета с двумя крестами: белым восьмиконечным на груди и крестом меньшего размера на левом плече. Дополняли своеобразную форму суконная мантия и черный остроконечный клобук с темным покрывалом.

Великий магистр Мальтийского ордена среди госпитальеров имел влияние, сходное с авторитетом Папы Римского. Руководителя ордена считали первым после бога; его избирали из рыцарей *cavalieri di giustizzia*. Одной из самых важных привилегий, которые имел высший иерарх ордена, было право единственным пить воду после вечернего колокольного звона. На протяжении всего богослужения братья читали молитвы; в одной из них были такие слова: «...помолимся, да Господь Бог

наш Иисус Христос просветит и наставит великого нашего магистра имярек к управлению странноприимным домом ордена нашего и братии нашей и да сохранит его в благоденствии на многие лета...»

Официальное название рыцарского союза — «Державный орден Святого Иоанна Иерусалимского» — возникло в период завоевания острова Родос.

Монахи, сумевшие создать практически самостоятельное государство, сами присвоили себе почетный титул. Однако позже его признали почти все европейские правители. Великий магистр имел право лично заключать соглашения любого содержания с другими государствами, от имени ордена объявлять походы против врагов христианской веры, отдавать приказы уничтожать пиратские суда в Средиземном море.

Звания страж Иерусалимского странноприимного двора и блюститель рати Христовой Великий магистр получал в Ватикане. Римская курия утвердила отличительные знаки титула: корону, обыкновенный средневековый меч и «кинжал веры», символизирующие земную власть. Кроме того, магистр хранил печать ордена, на которой вначале изображался больной, лежащий на постели с мальтийским крестом в изголовье и светильником в ногах. Позднее печать содержала только рельефное изображение лица правящего Великого магистра. Официальный титул *celsitudo eminentissima*, также данный Римской курией, в переводе с латинского языка означает «преимущественнейшее» или «преосвященнейшее высочество».

Иерархическая структура Мальтийского ордена отличалась предельной простотой. Каждое из восьми высших подразделений, иначе называемых языками (*linguae*), или нациями (*nationes*), составляло великое приорство определенного государства и содержалось на его средства. Каждый *linguae* выбирал своего окружного руководителя и отправлял кандидата на одну из выс-

ших должностей ордена. Так, Прованс представлял великий командор, совмещающий эту должность с управлением финансами, Овернь — великий маршал. От Северной Франции на Мальте служил заведующий благотворительными учреждениями, от Италии — адмирал. Великий консерватор, занимавшийся внутренним управлением, был из Арагона; из Англии — начальник конного отряда, или туркопильер. Германия отправила в резиденцию Великого магистра дворянина, назначенного начальником крепостей (великим бальи). Кастилию представлял великий канцлер, предопределявший внешнюю политику ордена. Великое приорство, соответственно, разделялось на более мелкие приорства, последние — на бальяжи (командорства), состоявшие «из недвижимого имущества (имений) разного рода». Владельцы родовых и принадлежавших ордену имений получали титул бальи (командоров).

Каждое национальное братство (язык) представляло двух человек в высший орган управления — священный капитул, который собирался для обсуждения важнейших вопросов. Как правило, заседания проходили сразу после дневной мессы. В зал торжественно вносили знамена ордена, затем члены капитула по очереди подходили к Великому магистру и, целуя ему руку, оставляли именные кошельки.

Пять серебряных монет (жанеты), преподносимых магистру, символизировали благородный отказ от собственности. Кроме того, деньги предназначались для тайного обсуждения деловых вопросов, так как члены капитула оставляли в кошельках записки с предложениями или мнениями по конкретным вопросам предстоящего заседания.

В рыцарском обществе сложилось понятие «конвент», означавшее место, где рыцари проводили все свое свободное время. Строгие правила не позволяли рыцарям без особого разрешения Великого магистра прово-

доть ночь за пределами Валлетты, столицы Мальты. Новоприбывшие рыцари проводили в конvente ровно пять лет (но допускалось разделение этого срока) и ни на день меньше.

Вопросы нравственного развития и поддержания крепкого здоровья членов братства были продуманы до мелочей; эти задачи решали монахи, занимающие должность квартирьеров. Например, каждому рыцарю ежедневно выдавали один фунт свежего мяса, полный графин красного вина и шесть хлебов определенного веса. Во время поста госпитальеры заменяли мясо рыбой и яйцами.

Устав Мальтийского ордена требовал неукоснительного выполнения религиозных обрядов. Ежедневные молитвы, проводившиеся в строго определенное время, способствовали формированию морального облика членов братства. Ожидая нападения со стороны Турции, воины *servienti d'armi* постоянно находились в боевой готовности. Новобранцы были обязаны проходить службу на галерах ордена в течение двух с половиной лет; эта старинная традиция получила название «караван». Только по окончании службы на галерах новициат становился полноправным членом духовного братства.

Посвящение в члены Мальтийского ордена проводилось в торжественной обстановке, с соблюдением всех старинных обычаев. В канун торжества кандидат принимал обет послушания, безбрачия и бедности, обещая без страха и промедления отдать жизнь за Иисуса Христа. Также рыцарь давал клятву защищать слабых и неимущих, быть верным данному слову и всюду проповедовать католическую веру.

Обет безбрачия не только предусматривал отказ от семьи, но и запрещал любое присутствие женщины в доме рыцаря Мальтийского ордена. Правилами разрешалось пользоваться услугами домработницы; в этом качестве могла выступать близкая родственница или ра-

быня старше 50 лет. Рыцарям категорически запрещались поцелуи лиц одного пола.

Церемония посвящения в члены ордена начиналась перед дневной мессой. Новициат приходил в храм, одев широкое платье без пояса, что символизировало свободу, которой молодой рыцарь наслаждался до настоящего момента. Обряд начинался словами Великого магистра. Держа в руках зажженную свечу, он строго расспрашивал новобранца, стоявшего на коленях, о его моральных принципах, основным из которых был вопрос о милосердии, ставшем причиной возникновения духовно-рыцарских орденов.

Положительный ответ рыцаря также определялся старинной традицией и был записан в уставе; не допускалось уклоняться от прямого ответа, а также произносить собственные слова. Получив ожидаемый ответ, Великий магистр, передавая рыцарю обнаженный меч, три раза ударял его по правому плечу. При этом рыцарь притворно возмущался поступком магистра, говоря, что эти удары наносят дворянину оскорбление и он терпит такое обращение единственный раз. Заканчивая церемонию, новициат трижды поднимал меч, символически угрожая противникам католической церкви и Мальтийского ордена.

По окончании обряда Великий магистр вручал новичку золотые шпоры, предназначенные для «возбуждения горячности в конях» и постоянного напоминания о данных обетах. Золотые шпоры, по рыцарской традиции, не должны быть чистыми, подобно нарядам придворных. Пыль и грязь на них означала презрение к богатству, отрицание корысти и прелюбодеяния.

Торжественный ритуал продолжался очередным вопросом духовного руководителя, в котором он еще раз спрашивал будущего члена ордена о твердости его намерений, интересовался его послушанием и наличием материальных долгов. Положив руку на раскрытую Биб-

лию, новициат произносил клятву верности, послушания, бескорыстия и целомудрия. Показывая свое беспрекословное подчинение, рыцарь относил Библию к престолу и приносил на прежнее место. Затем он 150 раз подряд читал «Отче наш» и канон Богородицы.

Повторяя без привычки такое обилие слов, будущий рыцарь Мальтийского ордена непременно запинаясь. К концу церемонии почти все участники не скрывали зевоту и втихомолку проклинали создателя такого несообразного ритуала. Однако на этом церемония не заканчивалась. Указывая на веревку (вервие), хлыст, копье, гвоздь, столб и деревянный крест, Великий магистр спрашивал рыцаря о значении этих предметов в страданиях Иисуса Христа. Не ожидая ответа, он набрасывал веревку на шею рыцаря, говоря такие слова: «Это ярмо неволи, которое ты должен носить с полной покорностью».

Под печальное пение церковного хора братья помогали новициату надеть новое орденское платье, заранее сшитое специально для него, затем каждый три раза целовал посвященного в губы, после чего церемония заканчивалась.

Веревка стала единственным предметом из вещей, сопровождавших ритуал, сохранившихся до наших дней. К началу XVIII века от прежней одежды госпитальеров остались только воспоминания. Модные бархатные и шелковые кафтаны французского фасона заменили тяжелые кованые латы Средневековья. Воинственные братья больше не носили стальных неуклюжих шлемов, грубых черных накидок. Мальтийские рыцари красовались в щегольских беретах с разноцветными страусиными перьями.

Несмотря на то что члены ордена вели замкнутый образ жизни и проповедовали принципы отречения от суеты, на Мальте часто встречались высокие напудренные парики с надушенными локонами и красивые тре-

уголки с плюмажем. Подобные вещи были обязательной принадлежностью придворного щеголя. На плечах духовных рыцарей сверкали изящные золотые галуны и аграфы (застежки), усыпанные бриллиантами. Грубые ремни, ранее предназначавшиеся для удержания железной брони, за ненадобностью уступили место поясам, сшитым из тонких кружев и батиста.

Традиционную одежду — красные супервесты и черные шерстяные мантии — иоанниты надевали только в самых торжественных случаях. Случалось, что на редких праздниках рыцари не узнавали друг друга в старинных платьях. Отступив от давних ритуалов, уже в XVIII веке рыцари Мальтийского духовного ордена сменили нравственную ориентацию. В прошлом открытое и демократичное братство испытало на себе сильное светское влияние. Рыцари изменили обету суровой жизни. Постепенно воинственные монахи превратились в светских людей, которые заботились только о личном благополучии, забыв свою первоначальную миссию.

В XIX веке, после смерти русского императора Павла I, Мальтийский орден постепенно утратил свои владения во многих государствах Европы: в Баварии, Пруссии, Вестфалии. С 1834 года резиденция Великого магистра располагалась в Риме, а через пять лет Папа Григорий XVI восстановил приорство Королевства обеих Сицилий. Затем по решению австрийского канцлера Клеменса Меттерниха было организовано ломбардо-венецианское приорство. В 1852 году прусский монарх Фридрих Вильгельм IV восстановил братство в Бранденбурге, оставив в собственности королевства поместья и земли монахов.

В середине XIX века совет Римской курии предложил меры по изменению существующих в ордене порядков; планировалось провести реорганизацию, поручить братьям различные полезные дела. Сенаторы предлагали госпитальерам провести акции против работорговли и ор-

ганизовать постоянную охрану Гроба Иисуса Христа в Иерусалиме, но члены Мальтийского ордена не отреагировали на призывы светских руководителей.

В конце XIX века Мальтийский орден представлял собой крупную «духовно-благотворительную корпорацию» (так охарактеризовал братство Ф. Брокгауз), распространившую свое влияние на многие европейские страны. В городах Западной Европы, в Бейруте, в Иерусалиме устраивались больницы и странноприимные дома для паломников. Наиболее активно рыцари церкви действовали в Германии, там они объявили собственные организации филиалами Красного Креста, разделив их на 15 обществ.

Бесплатными и дешевыми больницами (к началу XX века их было 42) пользовалось более 10 тысяч человек различного вероисповедания. Неоценимую помощь армии во время сербо-болгарской войны оказали члены богемского приорства: на полях сражений функционировало несколько санитарных отрядов и полевых лазаретов. На протяжении своей многовековой истории орден госпитальеров никогда не отказывался от благотворительности — паломники, нищие, обездоленные люди неизменно находили в братстве кров и поддержку. Эта деятельность обусловила длительное существование монашеского союза в европейском сообществе, где другие военно-монашеские объединения давно распались.

Валлетта

«Святая Анна» вошла в гавань Мальты 26 октября 1530 года. Братья высадились возле поселения Биргу, расположенного в южной части острова. Знакомство с Мальтой не произвело на госпитальеров радостного впечатления. Хотя остров располагался на перекрестке торговых путей Средиземного моря, каменистый, по-

чти лишенный растительности ландшафт не привлекал внимания. Местное население составляло не более 12 тысяч человек. Основные продукты — мясо, свежие овощи и зерно — привозили из Сицилии или Неаполя. Но дальновидный Великий магистр де Лиль Адам понимал, какие преимущества таит в себе этот суровый край.

Освоение нового места жительства рыцари начали со строительства госпиталя в Биргу. Затем они возвели постройки для собственного проживания — обержи. Местные жители встретили рыцарей без радости и враждебности, так как иоанниты были не первыми чужестранцами, появившимися на их земле.

В 1534 году умер Великий магистр де Лиль Адам, и среди рыцарей начался период междоусобиц. Вновь избранный правитель Хуан де Хоменес с трудом решил разногласия, и на острове установился относительный порядок. Глава пригласил из Италии знаменитого архитектора и военного инженера Антонио Ферромолино; тот занялся разработкой оборонительных укреплений Биргу. Особенно широко строительство развернулось в 1557 году, когда Великим магистром избрали Жана де Ла-Валлетта Паризо. Этот человек стал одним из самых выдающихся деятелей ордена Святого Иоанна. Он заслужил легендарную славу еще при жизни. Его воспевали в балладах, священники превозносили его имя в молитвах. Историк ордена — аббат де Брайтон — писал о нем: «...француз и гасконец до кончиков ногтей, он обладал привлекательной внешностью и свободно говорил на нескольких языках, включая итальянский, испанский, греческий, арабский и турецкий». Жан Паризо участвовал в обороне Родоса в возрасте 28 лет. Фанатично преданный братству, он ни разу не посетил свое родовое поместье в Тулузе. Храбрость и справедливость обеспечили ему непререкаемый авторитет.

Некоторое время Жан плавал на кораблях ордена в чине адмирала флота, вопреки обычаю, по которому

на этот пост избирались только лица итальянского происхождения. Во время одного морского сражения он попал в плен и около года был рабом на турецких галерах. Это время отважный моряк вспоминал с юмором: «Такова военная профессия, нам просто не повезло». Паризо стал Великим магистром в преклонном возрасте (63 года), однако его энергия служила примером для самых молодых рыцарей.

Магистр начал свою деятельность с планирования островных сооружений; для этого он пригласил на Мальту знаменитого военного инженера Бартоломео Ганга. К сожалению, тот умер еще до начала основного строительства. Работу продолжил итальянец Бальтазаре Ланчи, разработавший планы новой столицы острова Мальта. В 1563 году Ватикан открыл финансирование новых береговых укреплений, но к тому времени угроза турецкого нападения была настолько высока, что начинать работы уже не имело смысла.

Новую столицу решили строить на полуострове Шибerras, расположение которого позволяло контролировать главную гавань и находящуюся рядом гавань Мерсамшетт.

Крутые берега Шибerras представляли собой скалы из песчаника — на нем не было удобного места для устройства причала. Основное неудобство заключалось в отсутствии на полуострове источников пресной воды. Однако место будущего строительства определило его расположение в главной гавани.

Римский Папа Пий IV одобрил выбор Великого магистра и направил на Мальту известного инженера Франческо Лапарелли, состоявшего на службе при дворе герцога Козимо Медичи. Прибыв на остров в 1565 году, Лапарелли совместно с архитектором Джероламо Кассаром разработал подробный план укреплений будущей столицы. В знак уважения испанскому королю была направлена восковая модель будущей столицы Мальты.

Финансирование гигантского строительства осуществляли не только европейские монархи, но и сами рыцари и даже местные жители. Несмотря на резкое повышение налогов, строительные работы растянулись на много лет. Символический камень в основание будущей столицы заложил Жак Паризо 28 марта 1566 года. Тогда уже были видны основные контуры будущих строений, намечены траншеи и глинобитные стены. На строительной площадке одновременно работали около 8 тысяч сицилийцев и военнопленных. Великий магистр регулярно посещал место будущего города, однако ему удалось увидеть отстроенными только часовню и несколько крепостных бастионов. Паризо умер 28 августа 1568 года; он был погребен в небольшой часовне, затем его прах поместили в соборе Святого Иоанна.

Преемник Паризо — Великий магистр Пьетро дель Монте — с радостью продолжил дело великого предшественника, в память которого будущий город называли Валлеттой. Через пять лет после начала строительства были закончены 2 мили крепостных стен и 30 хорошо укрепленных бастионов, каждый из которых был высотой не ниже 170 футов.

Со стороны будущего предместья в город можно было пройти через ворота Сент-Джордж. Другие, морские, ворота выходили в гавань Мерсамшетт, где предполагалось расположить морской флот ордена. Новая столица полностью отвечала архитектурным требованиям XVI века. Город раскинулся на склонах высокого холма Шибerras. Прямые широкие улицы имели строго перпендикулярное расположение. Продольные проспекты были настолько просторны, что на них могли свободно развезти два экипажа. Поперечные — более узкие и короткие — предназначались для пешеходов и портшезов.

15 марта 1571 года высший иерарх ордена Пьетро дель Монте отметил окончание очередного этапа стро-

ительства, устроив торжественный въезд в новый город через главные ворота. После праздничной мессы Великий магистр посетил дом своего племянника Евстахио, а на следующий день он выбрал место для собственного дворца. В хрониках говорилось, что эту землю братьям передала одна мальтийская семья, взяв с них символическую плату, составившую пять зерен и стакан воды из колодца, расположенного во внутреннем дворе.

Резиденция Великих магистров (дворец) выходит фасадом на площадь Республики; архитектурный ансамбль всего квартала складывался по мере роста и укрепления столицы Мальты. Рядом с дворцом расположен кафедральный собор Святого Иоанна — ровесник Валлетты. Храм в честь покровителя ордена, Святого Иоанна, рыцари воздвигли спустя два года после переезда в новую столицу. Начиная с 1573 года строительство финансировал Великий магистр Жан де ла Кассьер. Собор был торжественно открыт 20 февраля 1573 года.

Орден поручил строительство храма местному жителю — мальтийскому архитектору Джероламо Кассару, который долго был помощником великого Лапарелли. Кассар принимал участие в возведении церкви Святого Марка в Рабате; он имел репутацию лучшего зодчего Мальты. Передняя часть собора Святого Иоанна внешним видом напоминает один из рисунков, сделанных Микеланджело для церкви Сан-Лоренцо во Флоренции.

Храм, направленный фасадом вдоль оси проспекта Республики, другой стороной выходит в короткий переулок. У бокового крыла собора стоит памятник рыцарям — героям великой осады. В окрестностях собора располагаются десятки магазинов, привлекающих сверкающими витринами многочисленных туристов. Площадь перед главным входом в собор занимают уличные торговцы. Однако ежедневно в один и тот же час торговцы уходят от стен храма, и площадь пустеет. В это время единственный раз звонит старинный колокол на башне.

Главный храм острова построен в строгом классическом стиле. Его единственным украшением стал балкон, опирающийся на две изящные коринфские колонны. Этот храм во все времена был предметом особой гордости и заботы монашеского братства. Отсюда Великие магистры обращались к народу в дни церковных праздников. Стоя на балконе, герольды славили имя нового магистра рыцарского ордена. Сверху фасад заканчивается небольшими башенками квадратной формы. В старину собор украшали острые восьмигранные шпили, придававшие ему сходство со средневековым ры-

Памятник рыцарям — крестоносцам

царским замком. Во Вторую мировую войну шпили сняли, опасаясь налетов немецкой авиации.

Великолепные внутренние помещения собора составляют резкий контраст с мрачной внешней отделкой. Каждый новый Великий магистр и каждый рыцарь после вступления в члены ордена вносил значительные суммы в фонд собора. Особой щедростью отличались братья Рафаэль и Никола Котонеры, поочередно бывшие Великими магистрами; их гербы и сейчас можно увидеть на стенах собора.

В 1685 году Великий магистр Карафа оплатил работу по отделке алтаря мрамором и бронзой; тогда его стоимость составляла более 4 тысяч золотых эскудо.

Раймонд де Переллос преподнес храму великолепные голландские гобелены, выполненные по эскизам Рубенса, Пуссена и Маттио Прети и повторяющие сюжеты их картин. В настоящее время они хранятся в музее собора, где за многие годы скопилось огромное количество художественных ценностей, некоторые из них рыцари привезли еще с Родоса. До 1798 года собор Святого Иоанна пользовался славой самого богатого католического храма в Европе. Во время Французской революции его разграбили солдаты Наполеона.

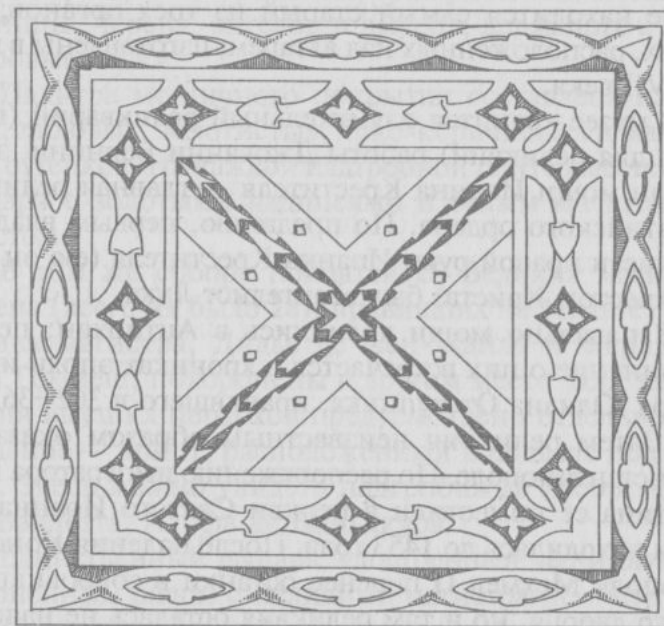
Сводчатый потолок главного нефа расписан художником Маттио Прети, Эль-Калабрезе, появившемся на Мальте в 1661 году. Тогда он имел славу одного из лучших живописцев Италии. До приглашения на Мальту Маттио Прети занимался росписью в соборах Модены, Неаполя и некоторых других итальянских городов.

15 сентября 1661 года Маттио Прети сделал членам совета ордена интересное предложение: за свой счет выполнить роспись свода в соборе Святого Иоанна. С радостью приняв помощь известного живописца, совет немедленно утвердил проект; впоследствии его члены наградили Прети титулом рыцаря. Почти 40 лет итальянец посвятил фрескам собора Святого Иоанна, выпол-

нив грандиозную работу. Шесть частей свода расписаны с использованием мифологических сюжетов из жизни Иоанна Крестителя. Настенная роспись изображает деятельность ордена, основные эпизоды его существования. Национальные часовни собора украшает изящная каменная резьба, выполненная по эскизам мастера.

Орден высоко оценил заслуги Маттио Прети Эль-Калабрезе: его похоронили в храме недалеко от главного входа. На Мальте имя живописца помнят и сейчас. В местном музее изящных искусств находится постоянная экспозиция большинства его картин. Особой выразительностью и колоритом отличается полотно «Мученичество святой Екатерины».

В главном храме Мальтийского ордена с июля 1607 года трудился и другой знаменитый художник позднего Воз-

Архитектурный элемент,
созданный на основе христианской символики

рождения — Микеланджело Мерити да Караваджо. В капелле собрано немало великих произведений мировой живописи, но наиболее знаменитые — картины Караваджо. Творческий почерк итальянского художника отличало виртуозное изображение света и тени, получившее широкое распространение в работах его учеников. Он написал два парадных портрета Алофа де Виньякура, хранящиеся в настоящее время в Лувре и галерее Питти. Две картины итальянского живописца — «Усекновение главы Иоанна Крестителя» и «Святой Иеремия» — остались в музее собора.

Полотна Караваджо также вывешены в капелле правого крыла, пристроенного в начале XVIII века. Это помещение храма служило местом рыцарских заседаний, здесь руководители отделений ежедневно собирались для обсуждения текущих событий. В правом крыле находится самый старый из трех органов; два других, расположенных над алтарем, изготовлены в конце XVII века.

В музее хранится изумительный реликварий (шкатулка для реликвий) работы Джованни Бернини; здесь лежали мощи Иоанна Крестителя — главная реликвия Мальтийского ордена. По преданию, первым владельцем части правой руки Иоанна Крестителя (ею он осеял крестом Христа) был евангелист Лука.

Изначально мощи хранились в Антиохии; первое упоминание о них встречается в хрониках эпохи императора Юлиана Отступника, правившего в 362—363 годах. Затем реликвия неизвестным образом оказалась в Константинополе. По распоряжению императора Константина ее поместили в церкви Святого Иоанна, где она и находилась до 1453 года. После падения Константинополя Мехмед II перенес останки в сокровищницу своего дворца, но и там реликвия осталась не надолго.

Желая показать рыцарям миролюбие турков, султан Баязет II отдал мальтийцам древнюю реликвию.

В 1484 году его представитель доставил на Родос кипарисовый ларец с мощами Иоанна Крестителя. Великий магистр Пьер д'Обюссон, возглавивший специальную комиссию, установил подлинность дара. На Мальте реликвия находилась с 1530 года. В течение 268 лет служители храма Святого Иоанна хранили ее в золотом реликварии, богато украшенном драгоценными камнями. После того как Мальту захватили французы, Великий магистр фон Гомпеш с разрешения совета отправил мощи в Триест.

Историческую и художественную ценность в храме представляют даже полы, выполненные из цветных мраморных плит, под которыми захоронены 356 рыцарей. Таким образом, полы служат в качестве надгробий. Цветная мозаика плит изображает старинные похоронные ритуалы, морские сражения, кипарисы над могилами, темницы, черепа, ангелов и амуров, держащих в руках лавровые венки.

Палитра мозаичного покрытия составлена из черных, лиловых, золотистых, ярко-коричневых и малиновых оттенков. На каждой надгробной плите имеется герб рыцаря с золотыми надписями и белым мальтийским крестом.

В том же соборе покоятся 26 Великих магистров ордена (всего их было 28), правивших на Мальте. Только два магистра, Дидье де Сен-Жайль и Фердинанд фон Гомпеш, похоронены в другом месте. Для захоронения высших иерархов предусмотрено отдельное помещение — крипта, расположенный в подвале под алтарем. Здесь можно увидеть надгробия де Лилля Адама, Ла-Валлетта, Алофа де Виньякура.

Единственный рыцарь, удостоенный чести быть похороненным рядом с Великими магистрами — сэр Оливер Старки, последний представитель английского языка на Мальте, скончавшийся в 1588 году. Совет ордена решил похоронить его с особыми почестями, по досто-

инству оценив заслуги рыцаря перед Ла-Валлеттой и помня его храбрость в дни великой осады. Сэр Оливер Старки пользовался огромным авторитетом среди братьев.

Небольшие часовни национальных отделений ордена предназначались для захоронения остальных магистров; там также возложены великолепные надгробные плиты. Часовни, расположенные в боковых нефах собора, посвящены святым — покровителям каждого языка. Указом Великого магистра Алофа де Виньякура, подписанного 19 февраля 1603 года, эти часовни перешли языкам в установленном порядке: Прованс, Овернь, Франция, Италия, Арагон, Англия, Германия, Кастилья, Леон и Португалия.

С правой стороны, рядом с алтарем, стоит часовня, названная именем мадонны Филермо. Со времени основания собора здесь хранилась самая ценная реликвия ордена — древняя византийская икона, привезенная братьями с Родоса. Впоследствии ее место занял образ мадонны святой Екатерины, некогда принадлежавшей итальянскому языку. Эту святую часто называют мадонной Карафа, по имени Великого магистра Карафы. После его смерти семья иерарха преподнесла образ слугителям храма.

В часовне Арагона можно увидеть замечательный памятник ритуального искусства — надгробие Великого магистра Каталонии и Наварры Никола Котонера, выполненное скульптором Доменико Гвиди (1628—1701). Созданная в Риме надгробная композиция включает в себя мраморный пьедестал и бюст Великого магистра, опирающийся на статуи полуобнаженных атлантов. Двухметровый памятник сделан из белого мрамора; фигуры согнулись под тяжестью пушек, оружия и воинских доспехов. За головой Великого магистра — пирамида из мрамора, на двух сторонах которой рельефно изображены летящие херувимы. Один из ангелов держит в руках мальтийский герб.

Атлант, расположенный слева, имеет особое значение. Это обнаженный по пояс мускулистый человек с гладко выбритой головой. Примечательная деталь: у него длинный запорожский чуб (оселедец). Существуют две версии изображения запорожца в католическом соборе. Вероятно, эта фигура олицетворяет связь Мальтийского ордена со свободной казачьей республикой, в середине XVII века сражавшейся против турок.

Некоторые искусствоведы видят в странной статуе польского князя Радзивилла, находившегося на турецкой галере в качестве гребца (он был пленником). Польского правителя освободили рыцари ордена и пригласили на остров, где он прожил несколько лет. Несмотря на множество версий, запорожец запечатлен на надгробии Великого магистра Никола Котонера как символ дружественных связей Польши и Украины с Мальтийским братством. Период истории ордена, начавшийся со снятия великой осады и продолжавшийся до конца XVII века, принято называть годами Корсо. В то время госпитальеры обладали грозной военной силой, по словам европейских монархов, угрожавшей странам Средиземноморья.

Глава 4. ТЕВТОНСКИЙ ОРДЕН

Тевтонский орден (полное латинское название *Ordo domus Sanctae Mariae Teutonicorum* — «Орден Святой Марии Тевтонской», а немецкое *Deutscher Orden* — «Немецкий орден») был образован во время Третьего крестового похода (1189–1192). Члены этого ордена считались одновременно и рыцарями, и монахами. При посвящении они давали три монашеских обета: целомудрия, бедности и послушания. Тевтонские рыцари полностью зависели от Папы Римского и подчинялись только его власти, не признавая даже тех правителей, на земле которых находились их владения.

Первоначальной целью монашеского ордена было «достижение действием Божией благодати духовной чистоты, беспорочности и полного предания себя воле Божьей через аскетический подвиг, совершаемый каждодневно в течение всей жизни» (из сочинений христианских богословов). Все члены Тевтонского ордена должны были заботиться о спасении души и заниматься благотворительностью. Эти задачи содержались в уставе ордена, принятом в середине XIII века, а также были обязательны и в 60–70-е годы XX века. Так, в преамбуле

правил было сказано: «Испытывая великую любовь, вы принимаете гостей, паломников и бедных людей. Вы также проявляете сердечную доброту и прислуживаете больным в госпитале. Священники тоже занимаются теми же достойными и полезными делами... совершают богослужение и раздают святыне дары».

Но даже во время образования ордена мало кто верил серьезно в то, что монах должен вести аскетический образ жизни, чтобы побеждать искушения плоти и дьявола и достичь благодати Духа Святого.

История возникновения Тевтонского ордена восходит к эпохе Великого переселения народов. Предками тевтонцев стали германские кочевые племена, завоевавшие в VIII веке большую часть Западной Европы. Еще до появления организованного духовного ордена, прославившегося своими кровопролитными завоевательными войнами, немцы совершали походы на славянские земли, находящиеся к востоку от рек Лабы, Одры и Вислы. Так появились предпосылки для начала самой кровавой эпопеи в истории человечества, так называемого Дранг нах Остен — «натиска на Восток».

Уже начиная с X века немецких феодалов (прежде всего саксонцев) привлекали плодородные и богатые земли, на которых обитали славянские племена. Агрессии со стороны немцев подвергались особенно заэльбские славяне, населявшие южное побережье Балтийского моря между Эльбой, ее притоком Салой и нижним течением Вислы.

Вот что писали немецкие разведчики-миссионеры о славянской земле: «Вся страна изобилует множеством дичи — оленей, диких быков и коней, медведей, вепрей, свиней и иных всяких зверей. Там множество масла от коров, молока от овец, жира от баранов и козлов, обилие меда, пшеницы, конопли, всякого рода овощей, фруктовых деревьев». Именно в то время и был начат Первый крестовый поход, положивший начало много-

вековым завоевательным войнам, в дальнейшем проводимым в «благих целях» — освобождения Гроба Господня из рук «неверных» и очищения Иерусалима от мусульман.

Рыцари Средневековья отличались особой жестокостью даже по сравнению со своими соседями — полудикими кочевыми племенами. Уже в первой половине X века король Генрих I Птицелов покорил славянские племена гаволян, ратарей, укрян, ободритов. Его завоевательная политика отличалась кровопролитностью. Так, в захваченном городе Гану по приказу короля его воины перебили все взрослое население, а детей забрали в рабство.

По словам историка Гизебрехта, на славянских землях «было пролито много крови, потому что и с вендами (полабскими славянами) Генрих не церемонился. Уже целое столетие господствует немецкая жизнь между Лабой и Одрой, но она привилась на почве, где каждый шаг полит кровью. То было железное время, когда немецкие обычаи, язык, а с ним христианство насаждаемы были в этих странах. Как железо, легла рука саксов на вендов и раздавила их».

Славяне подвергались нападению также и во времена правления Оттона I, ставшего в 962 году императором «Священной Римской империи германской нации», после успешных завоевательных походов в Италию. По приказу германского короля в 955 году для устрашения славян на побережье Балтийского моря была сложена гора из 700 трупов, на вершине которой темнели пустые глазницы черепа убитого немецкими феодалами славянского князя Тога.

Походы немцев на Восток стали одной из мрачных страниц мировой истории. Шаг за шагом сначала саксонские феодалы, а затем рыцари Тевтонского ордена завоевывали земли западных славян, пруссов, ливов, литовцев, латышей, эстов. Они пользовались внутренней

разобщенностью и отсутствием единой власти у славянских племен, действуя ложью, вероломством и коварством.

Славяне, надеясь оградить свои земли и имущество от разграбления и разорения, приняли христианство. Однако это не помогло. Немецкие князья творили злодеяния, никак не совместимые с моралью христианского человеколюбия и милосердия. Через несколько десятилетий положение славян еще более ухудшилось, так как в Прибалтику на помощь феодалам прибыли и рыцари Тевтонского ордена.

Тевтонский орден, утвержденный в 1198 году Папой Иннокентием III, стал одним из двенадцати духовно-рыцарских орденов, возникших в период между 1100 и 1300 годами, которые стали орудием борьбы в руках римского духовенства против мусульман и язычников. Первым магистром Тевтонского ордена Папа Римский назначил Генриха Вальпота. А в 1221 году рыцари по приказу Гонория III получили все привилегии, распространявшиеся ранее только на старые ордена иоаннитов и тамплиеров. Первые походы были совершены рыцарями Тевтонского ордена в Палестину для освобождения Гроба Господня из рук «неверных». Уже тогда тевтонцы прославились особой жестокостью и беспощадностью. Следующий завоевательный поход планировался в богатые славянские земли, расположенные на востоке Европы.

Первыми отправились на побережье Балтийского моря монахи-миссионеры с целью обращения язычников в христианство. В 1184 году по приказу архиепископа Бремена Гартвика II в Прибалтику был послан августинский монах Мейнард. Вместе с германскими негодьями он поселился около Икескола и через некоторое время, не встретив сопротивления со стороны местного населения, учредил новое ливонское епископство, став во главе его.

Однако язычники не желали прислушиваться к проповедям монахов — они подняли бунт и даже пытались принести в жертву своим богам ближайшего помощника Мейнарда — Теодориха. Испугавшись расправы, глава ливонского епископства попытался бежать в Германию, однако ливы задержали его, опасаясь, что «потом придет христианское войско».

Тем не менее Мейнард сумел отправить тайно посла в Рим, и Папа Целестин III объявил о Крестовом походе против непокорных ливов, обещая дать отпущение грехов «всем тем, кто, приняв крест, поедет для восстановления первой церкви в Ливонии».

Пока рыцари вели подготовку к предстоящему походу, Мейнард умер. Только зимой 1198 года крестоносцы, возглавляемые Бертольдом, прибыли на берега Двины, недалеко от Икесколы и Гольмэ. Несмотря на гибель предводителя в одном из военных столкновений со славянами, крестоносцы продолжали грабить и разорять ливонские земли, заставляя местное население принимать христианство.

Немецкий писатель Август Коцебу писал о тевтонских рыцарях: «Нельзя без содрогания читать описания всех зверств, которые крестоносцы совершали над несчастным народом... Еще в конце XIV столетия, когда Пруссия была полностью покорена и усмирена, Великий магистр ордена крестоносцев Валленрод, разгневавшись на кумерляндского епископа, приказал отрубить правые руки всем крестьянам его епископства».

Через некоторое время рыцари повернули обратно, оставив монахов-наместников на завоеванной территории. Им ливы должны были платить дань — меру зерна «с плуга», то есть с участка земли, вспаханной одним плугом. Однако после того, как тевтонцы покинули Прибалтику, вспыхнуло восстание, в результате которого монахи были изгнаны, а заэльбские славяне опять стали поклоняться своим языческим богам.

Новый ливонский епископ Альберт решил продолжить завоевательную политику своих предшественников. Он стремился полностью захватить берега Двины и основать здесь крупное церковное княжество. Заручившись поддержкой Папы Иннокентия III, германского короля Филиппа Швабского и датского короля Канута IV, многочисленное войско крестоносцев, возглавляемое самим Альбертом, на 23 кораблях в 1200 году прибыло к берегам Двины. Преодолев яростное сопротивление местного населения, рыцари основали свою крепость, впоследствии ставшую городом Ригой. Этот населенный пункт, расположенный в важном стратегическом месте, позволил рыцарям контролировать всю морскую торговлю ливов.

В последующие годы при поддержке Иннокентия III тевтонцы вместе с немецкими феодалами шаг за шагом завоевывали восточное побережье Балтийского моря, принудительно обращая в христианство языческие племена пруссов. После основания Риги путь в Прибалтику оказался открыт для рыцарей всех духовных орденов, которые тысячами прибывали под предлогом просвещения и наставления на путь истинный язычников. Нередко это «просвещение» сопровождалось кровопролитными стычками с местным населением.

Именно в этот период мазовецкий князь Конрад обратился за помощью к тевтонцам для покорения языческого племени пруссов. По мнению французского историка Эрнеста Лависса, Конрад тем самым «подготовил падение Польши». Тевтонцы согласились помочь Конраду на определенных условиях.

Великий магистр ордена, гроссмейстер Герман фон Зальца, прославившийся как тонкий дипломат и политик, в 1226 году подписал с Конрадом договор, одним из условий которого было получение тевтонцами польской Хелминьской земли. После заключения договора Тевтонский орден перенес свою деятельность в Во-

сточную Европу и начал покорять пруссов — группы племен, издавна обитавших на южном побережье Балтийского моря между течением рек Вислы и Немана.

Вслед за Конрадом Фридрих II Гогенштауфен в своей «золотой булле», изданной в том же году в Риме, отдал Тевтонскому ордену прусские территории.

Политику рыцарей ордена полностью поддерживало римское духовенство. Папа Григорий IX объявил Крестовый поход против прусских племен и дал благословение тевтонцам. После первых же военных успехов рыцарей Папа Римский отдал Пруссию в собственность ордена. Любой, кто осмелился бы посягнуть на права Тевтонского ордена, неминуемо подвергся бы «гневу всемогущего и его апостолов Петра и Павла».

Население Пруссии, заключив союз с другими племенами, пыталось сопротивляться натиску рыцарей, однако нередко предводители племен враждовали между собой, что было на руку тевтонцам.

Необходимо заметить, что в период нашествия крестоносцев Прусская земля была заселена племенами, относившимися к балтской группе народов, близкой литовцам и латышам, и делилась на 11 областей, этнически сходных: Помезания, Погезания, Вармия, Натангия, Бартия, Самбия, Надровия, Скаловия, Судовия, Галиндия и Сассовия. Граничила Пруссия с Литвой, Польшей и Русью. Государства как такового на Прусской земле еще не было — у пруссов только начался процесс его образования и становления, однако из-за нашествия рыцарей Тевтонского ордена он был приостановлен на неопределенное время.

Первое крупное выступление против крестоносцев (1242–1249) охватило все три завоеванные орденом западные земли Пруссии — Помезанию, Погезанию и Вармию. Однако восстание было жестоко подавлено рыцарями, опиравшимися на западноевропейских правителей и на местную знать.

За 50 лет рыцари сумели захватить все прусские земли. У Польши остались лишь Хелминьская земля и Восточное Поморье, а также Добжинская земля и Куявия. Кроме этого, под угрозой нашествия крестоносцев находились Литва, северо-западные русские земли и западная часть литовской Жемайтии (Жмуди).

Рыцари Тевтонского ордена, в котором царила жесткая дисциплина, были хорошо обучены и вооружены, а славянские племена, у которых только наблюдались зачатки государственного строя, были разобщены и неорганизованны. Помимо этого, тевтонцы, в отличие от других крестоносцев, прославились особой беспощадностью и жестокостью. Недаром про них говорили, что они продали душу дьяволу.

Однако в 1261 году тевтонские рыцари потерпели поражение в столкновении с литовцами, что послужило толчком к восстанию в Пруссии, которое затем охватило почти всю Прибалтику, и только в 1283 году ордену удалось окончательно покорить племена пруссов. Стремясь удержать свое господство в завоеванных и покоренных землях, рыцари жестоко наказывали недовольных.

Вот что написано в одной из ливонских хроник: «И разделилось войско по всем дорогам и деревням, и перебили они повсюду много народа, и преследовали врагов по соседним областям, и захватили из них женщин и детей в плен, и наконец сошлись вместе у замка. На следующий и на третий день, обходя все кругом, разоряли и сжигали, что находили, а коней и бесчисленное множество скота угнали с собой... Многие язычники, спасшиеся бегством в леса или на морской лед, погибли, замерзши от холода».

Первый раз рыцари-тевтонцы не смогли одержать победу в 1263 году, потерпев поражение от объединенных сил Ливонского ордена. Через год после этого Тевтонский и Ливонский ордена объединились для нового похода на Восток. Магистру тевтонцев (получившему

титул Великого магистра — гроссмейстера) подчинился магистр (который в дальнейшем стал называться ландмейстером) Ливонского ордена. В результате к отрядам тевтонцев примкнули воинственные шведские феодалы. Под угрозой очередного нашествия оказались теперь Псков и Новгород.

Военный союз Швеции и Тевтонского ордена был заключен благодаря папскому послу Вильгельму Моденскому с целью захвата пути по Неве. По условиям договора две трети отвоеванных земель отходили шведскому королю, треть — тевтонцам, десятина с населения — католической церкви.

Позиция папы в этом вопросе оставалась неясной. С одной стороны, он хотел начать переговоры о переходе русских князей в католичество, а с другой — призывал к Крестовому походу на Русь шведского ярла Биргера, зятя короля. В результате в июле 1240 года шведское войско высадилось на берегах Невы. Папа принял такое решение неслучайно — Русь была ослаблена татаромонгольским игом. К тому же татары готовились к новому нападению, сосредотачивая свои основные силы на реке Рось — притоке Днепра.

Начиная с 1236 года Новгородской землей управлял молодой князь Александр Ярославич. Узнав от разведчиков о неожиданном вторжении шведов, он во главе многочисленной дружины совершил стремительный переход к Неве, где 15 июля 1240 года и произошла знаменитая Невская битва, в которой русские воины одержали победу, окончательно разбив войско Биргера.

В этом же году Русь подверглась нашествию немецких рыцарей. Захватив Изборск, Копорье, Псков, они начали грабить и разорять новгородские земли. Весной 1241 года Александр Невский, собрав ополчение по всей Новгородчине и дождавшись вспомогательных отрядов из Владимирского княжества, начал успешные военные действия против Тевтонского ордена. В результате че-

рез год (весной 1242 года) были освобождены Псков и Копорье. На рассвете 5 апреля 1242 года произошла битва на Чудском озере. По словам летописца, «И бысть та сеча зла и велика, и треск от копий ломления и звук от мечного сечения и не бе видети льду, покрыто бо все есть кровию...» Немецкие рыцари потерпели полное поражение, несмотря на железную дисциплину и отличную тактику ведения боя (знаменитый «клин», или «свинья»). Во время Ледового побоища тевтонцы потеряли 500 человек убитыми, еще 50 было взято в плен. Таким образом, благодаря военному таланту Александра Невского и доблести русских воинов опасность порабощения Руси тевтонцами была устранена.

Рыцари отказались от дальнейших притязаний на русские земли, отправив в 1253 году послов к Александру Невскому с предложением заключения мира. Великий князь согласился, так как понимал, что вести дальнейшие военные действия Русь не сможет из-за того, что страна терпела постоянные разорения в ходе татаромонгольского нашествия.

Особо стоит остановиться на развитии отношений между Тевтонским орденом и Россией. Парадоксальна сама ситуация: вместо того чтобы отвоевывать у «неверных» Иерусалим, римское духовенство во главе с папой благословило «карательную экспедицию» на славянские земли. Объяснить подобное можно только тем, что с самого начала помыслы завоевателей лежали в сфере приобретения материальных благ, а религиозная сторона здесь была всего лишь прикрытием.

Однако существует и другая точка зрения. Так например, один из исследователей орденской истории К. Форштройтер в своей книге «Пруссия и Россия от основания Тевтонского ордена до Петра Великого» писал: «Тевтонский орден, основанный для борьбы против «неверных», должен был видеть в русских своих противников, так как в Средние века схизматики (право-

славные — Б. П.) приравнивались к «неверным». Немецкий орден мог заключать с «неверными» только перемирия и никогда не заключал постоянного мира».

Действительно, тевтонцы не надолго отказались от мысли завоевать Русь. Так, в XV веке, после подписания мирного договора (так называемого Торуньского мира) руководители Тевтонского ордена при поддержке европейских правителей и Ватикана, попытались еще более обострить и без того напряженные отношения между двумя крупными славянскими государствами: Польшей и Русью, добиваясь тем самым территориальных и политических преимуществ.

В это время происходило объединение разобщенных вследствие феодальной раздробленности русских княжеств под началом великого московского князя, что, естественно, не понравилось магистрам Тевтонского ордена. Магистр ордена в Ливонии фон Герзе летом 1471 года в письме гроссмейстеру тевтонцев фон Рихтенбергу писал, что если «князь московитов овладеет Новгородом, то немцам будет грозить большая опасность».

В 1493 году великий князь Иван III попытался заключить мир с Тевтонским орденом, однако его руководители (в частности, гроссмейстер Ханс фон Тифен) ответили отказом. Новую подготовку к походам на Русь рыцари начали во время Русско-шведской войны, в 1496 году. В Померанию фон Тифеном были направлены послы для получения продовольствия и денежных средств для ведения войны с Русским государством.

Сохранилось предсмертное письмо Ханса фон Тифена от 24 августа 1497 года. Ненависть гроссмейстера к России была так велика, что, умирая, он умолял польского короля Яна Альбрехта о том, чтобы тот, возвращаясь из похода против турок, пошел со своим войском через Пруссию и нанес удар русским.

В 1501 году тевтонцы выступили против России, заключив союз с Великим княжеством Литовским. Со-

глашение было достигнуто благодаря длительной переписке гроссмейстера герцога Фридриха и магистра Ливонии Плеттенберга. В письмах руководитель тевтонцев призывал ливонского магистра к активным боевым действиям против московитов.

Подготовка к войне с Россией продолжалась вплоть до 1505 года. Император Максимилиан даровал ордену привилегии на сбор специальной пошлыны со всех кораблей, заходивших в ливонские гавани. Эти средства целиком шли на подготовку к предстоящему походу в Россию. В это время в Польше и Литве на смену феодальной раздробленности (когда каждый крупный землевладелец считал себя полностью независимым на своей территории) приходит единая государственная система, однако связи между отдельными населенными пунктами — городами и областями — были еще ослаблены. Самым главным препятствием к полному объединению и Польши, и Литвы стал Тевтонский орден, представлявший реальную угрозу этим территориям.

Конец XIV — начало XV века было временем расцвета военного могущества Тевтонского ордена, получавшего помощь и поддержку не только от Папы Римского, но и от западноевропейских феодалов.

Так как незадолго до этого рыцари, прокладывая дорогу огнем и мечом, захватили Восточное Поморье и Жемайтию (область в западной части Литвы, населенная древним литовским племенем жемайтов, ассимилировавшихся затем с литовцами), население Жуди, доведенное до отчаяния нищетой и полным разорением их земель, обратилось в письме за помощью к европейским правителям, однако ответа не последовало.

Через некоторое время сложилась политическая ситуация, благоприятная для создания организованного отпора немецким рыцарям. В 1385 году в польской столице Кракове состоялось бракосочетание литовского князя Ягайло с польской королевой Ядвигой, так назы-

ваемый династический альянс, к которому нередко прибегали средневековые европейские правители для заключения важнейших государственных союзов. После этого князь был обращен в католичество и стал польским королем Владиславом II.

Гроссмейстер Тевтонского ордена на церемонии бракосочетания не присутствовал. По словам польского хрониста Яна Длугоша, глава германских рыцарей «пылал то завистью, то опасением, как бы объединение не оказалось губительным для него и его ордена». По приказу гроссмейстера в Литву направились два отряда рыцарей-крестоносцев, и это вторжение было своеобразным вызовом к войне.

В итоге в 1409 году между Тевтонским орденом и Литвой началась война, получившая название Великой. Решающая битва между рыцарями-крестоносцами и войсками союзников (поляки, русские, литовцы) состоялась 15 июля 1410 года под Грюнвальдом (литовцы называют его сражением под Жальгирисом, а немцы — под Танненбергом).

Тевтонское войско под командованием гроссмейстера фон Юнгингена состояло из объединений немецких и французских рыцарей и их кнехтов, а также отрядов наемников (швейцарцев, англичан и др.). В общей сложности армия насчитывала 27 тысяч воинов. Войска союзников, возглавляемые польским королем Ягайло и литовским князем Витовтом, состояли из 91 полка, или хоругви. Семь хоругвей представили белорусские, украинские и русские земли.

Кроме того, накануне битвы прибыли смоленские полки во главе с князем Юрием Андреевичем, сыном Андрея Можайского, внуком Дмитрия Донского, а также венгерские и чешские отряды под предводительством Яна Жижки, будущего вождя гуситов.

Битва, начавшаяся в 9 часов утра, закончилась к вечеру того же дня полным поражением тевтонских рыца-

рей — одни сдались в плен, другие бежали с поля боя. Поляки захватили знамя Святого Георгия и убили Ульриха фон Юнгингена. После этого они захватили лагерь тевтонцев. Бежавших рыцарей упорно преследовали до их крепости Мариенбург. В этом кровавом сражении погибло 18 тысяч рыцарей и их кнехтов, 14 тысяч было пленено.

Вот как описана эта битва в эпилоге романа польского писателя Генрика Сенкевича «Крестоносцы»: «Битва кончилась, началась резня и преследование. Кто не хотел сдаваться, погибал. Много бывало в те времена битв и поединков, но люди не помнили такого страшного побоища. К ногам короля пал не только орден крестоносцев, но и вся Германия, прославленное рыцарство которой поддерживало тевтонский «форпост», все глубже проникавший в земли славян... Не только вероломный орден крестоносцев лежал поверженный у ног короля: в этот день искупления о польскую грудь разбилось все немецкое могущество, доньше заливавшее, как волна, несчастные славянские земли. Честь и хвала тебе во веки веков, великое, священное прошлое, и тебе, жертвенная кровь!»

Первоначально Тевтонский орден являлся опорой новых, еще не окрепших государств. Так, в 1415 году в городе Констанце член Тевтонского ордена бургграф Нюрнбергский Фридрих IV, происходивший из рода Гогенцоллернов, был посвящен императором «Священной Римской империи» Сигизмундом I в должность курфюрста Бранденбургского.

Таким образом после посвящения Фридрих обрел почетный титул курфюрста «Священной Римской империи германской нации» и Бранденбурга (пока, правда, на правах лена). Ленем в средневековой Германии называлось наследственное земельное владение, пожалованное сеньором вассалу при условии несения службы или уплаты установленных обычаем взносов.

Так, благодаря Тевтонскому ордену, заложились основы Бранденбургско-Прусского государства, родоначальником которого стал Фридрих I Бранденбургский, принявший новое звание. Новый глава курфюршества начал укреплять и расширять свои владения.

По мере того как новые государства росли и укреплялись, орден терял свой авторитет. Некоторые немецкие феодалы обращались за помощью к рыцарям в завоевании новых земель, однако эти походы не поддерживались более римским духовенством. Помыслы папы обратились к новому укрепившемуся и разбогатевшему государству — Польше. Он не нуждался более в услугах Тевтонского ордена, стремясь к духовному и политическому господству на Польской земле.

Именно поэтому Тевтонский орден не получил благословения и поддержки Папы Римского в новой войне с Польшей, названной тринадцатилетней (1454–1466). В результате этой войны к Польскому королевству отошли западные владения ордена — Гданьское Поморье, земли Хелминьская и Михаловская, Мальборк, Эльблонг и епископство Вармия.

Орден, столицей которого после потери Мальборка (Мариенбурга) стал Кенигсберг, признал себя вассалом польского короля.

Ослаблению могущества ордена способствовали представители еще недавно поддерживаемой ими династии Гогенцоллернов. В 1511 году рыцари помогали Альбрехту фон Ансбаху из рода Гогенцоллернов занять должность Великого магистра. Став «рыцарем церкви», неожиданно для ордена он перешел на сторону Реформации, принял протестанство и забрал себе почти все земельные владения тевтонцев.

Кроме того, 8 апреля 1525 года в Кракове по инициативе Альбрехта с Польшей было подписано мирное соглашение (Краковский договор), по которому Гогенцоллерн признавал себя вассалом королевства, но уже в ка-

честве светского прусского герцога, а не гроссмейстера Тевтонского ордена. По условиям этого мирного соглашения тевтонцы лишались всех привилегий, тогда как все «права, индульгенции и иммунитеты» прусского дворянства оставались в силе.

Через два дня, 10 апреля, новый герцог Пруссии Альбрехт Гогенцоллерн принял присягу на верность королю польскому Сигизмунду Старому. Так была заложена вторая основа будущего Бранденбургско-Прусского королевства, путем урезания прав немецкого ордена, который фактически прекратил свое существование.

А в 1701 году на развалинах старого ордена было создано новое королевство, после присоединения курфюршества Бранденбург к герцогству Пруссия, правители которого унаследовали вероломство, агрессивность и жестокость тевтонцев.

По всей видимости, после создания нового государства Пруссия Тевтонский орден перестал существовать. Однако это было далеко не так. Возрождение его произошло в Австрии в 1834 году гроссмейстером Антоном Виктором, который стал называться хохмейстером. Но в полную силу тевтонцы развернули свою деятельность лишь после 1945 года, после падения фашизма, так как при нацистском режиме они, по утверждению орденских иерархов, подвергались преследованиям.

Так, 6 сентября 1938 года глава австрийских фашистов Зейсс-Инкварт издал декрет, согласно которому «бальж немецкого рыцарского ордена в Восточной марке (Австрии) упразднен, а его владения и имущество конфисковывались в пользу рейха». Это произошло через полгода после насильственного присоединения Австрии к нацистской Германии. А в феврале 1939 года такие же указы были изданы в Чехословакии и Северной Италии.

По свидетельству одного из хохмейстеров Тевтонского ордена Мариана Тумлера «эти действия нацистов

по времени «почему-то» совпали с беспрецедентным, почти мифическим восхвалением заслуг рыцарей на имперском уровне, особенно в Пруссии».

Это было время возрождения тевтонской литературы. Публиковались труды средневековых тевтонских трубадуров Фредегара, Бруно из Кверфурта и Петера из Дусбурга, которые некогда прославляли немецких рыцарей и феодалов, призывая их к новым Крестовым походам.

В немецких газетах также отмечались доблесть и мужество тевтонских рыцарей. Так, в главной нацистской газете «Фелькишер беобахтер» неизвестный автор сравнивал сущность рейха и Тевтонского ордена. Гитлеровцев прежде всего привлекали строгая иерархия и жесткая дисциплина этой организации.

Главный идеолог фашистской партии, потомок одного из известнейших прусских баронов А. Розенберг с детства преклонялся перед Тевтонским орденом. Выступая за воспитание «чисто германского духа» у «нации арийцев», он занимался пропагандой обычаев и традиций ордена среди фашистов и считал гроссмейстера тевтонцев Германа фон Зальца первым великим немцем, начавшим борьбу за «жизненное пространство». Кроме того, нацисты буквально поняли и активно воплощали в жизнь такой принцип германских крестоносцев, как подготовка руководящей элиты.

Еще в Средние века, сразу после зарождения Тевтонского ордена, его руководители разработали специальную систему воспитания новообращенных членов, включающую добровольную изоляцию молодых рыцарей-монахов в орденских крепостях (бургах), где им прививали необходимые качества, главным из которых было сознание собственной исключительности.

Все это и взяли на вооружение фашисты, воспитывая таким образом новых «властелинов мира», которые обязаны были также изучать историю, иностранные язы-

ки, экономику, философию и, что было самым главным, человеконенавистническое учение о расах.

В отличие от рыцарей-крестоносцев члены нацистской организации жили не в бедных кельях, а в дворцах, построенных в помпезно-мрачном стиле, в которых грандиозные залы сочетались с огромными холодными спальнями, а широкие аллеи были украшены внушительными скульптурами всадников в одеяниях тевтонских рыцарей и нацистскими орлами.

В начале февраля 1945 года один из таких дворцов был захвачен 9-ой пехотной дивизией американской армии. Американский корреспондент Гарольд Денни, находившийся в одном из отрядов этой дивизии, писал тогда: «Со ступеней дворцов и террас этой школы фюреров, основанной Адольфом Гитлером для подготовки будущих поколений «властителей мира», открывалась картина наподобие сцен из опер Вагнера. Школа эта так велика, что на ознакомление с десятками ее зданий пришлось бы затратить много дней... Наши бомбы разрушили или серьезно повредили не более одной трети ее многочисленных сооружений... Большая же часть этого удивительного памятника, олицетворяющего жестокость, сохранилась».

При осмотре орденсбурга журналистом было замечено, что нацисты много внимания уделяли физической подготовке молодого поколения. В число ежедневных занятий входили фехтование, бокс, стрельба, прыжки с парашютом и многое другое. Неслучайно один из руководителей фашистской армии Роберт Лий писал: «Мы хотим знать, есть ли у этих людей воля, необходимая для того, чтобы руководить и властвовать».

О существовании этой тайной организации, возглавляемой Розенбергом, стало известно только после окончания Второй мировой войны, когда американцами были захвачены орденсбурги вместе со всеми важными документами. Именно тогда выяснилось, что в 1943 году

(после Сталинградской битвы) в орденсбургах началась работа по подготовке кадров для будущего подпольного штаба, который в случае поражения в войне должен был возглавить движение немцев за «возрождение Германии».

Ведя разговор о Тевтонском ордене, необходимо остановиться также на такой секретной организации, как фема. На сегодняшний день это подпольное нацистское террористическое общество, основной задачей которого является борьба против немцев, выступающих против фашизма и реваншизма.

Судебные тайные общества возникли в Германской империи после изгнания Генриха Льва, в середине XIII века. Это было время анархии, когда власть императора потеряла свое влияние в стране, императорского суда уже не было, и немецкие феодалы сами карали виновных.

Такие тайные общества стали орудием общественного мнения, а власть, которой они пользовались, внушала страх и уважение народу.

Честь создания фемы принадлежит крестоносным братьям Тевтонского ордена. Еще в Средневековую эпоху одно упоминание фемы вызывало панику и у богатых, и у бедных. Фема, ставшая грозным орудием в руках тевтонцев, являлась своеобразной инквизицией, которая свирепствовала на территории «Священной Римской империи германской нации», сея страх и смерть среди ее подданных.

Фема преследовала определенную цель — с ее помощью рыцари держали в повиновении местное население, нередко проводя против него террор. Обычно члены фемы действовали по ночам, забирая виновного на суд, после которого его ожидала однозначно смерть. Таким образом, таинственная фема была призвана охранять привилегии феодальных властителей Германии, и именно поэтому была под защитой не только гроссмейстера ордена, но и высших иерархов империи.

Нацисты позаимствовали довольно много у Тевтонского ордена. Кроме философии и идеологии, они проповедовали примитивно-мистическую космологию, делая упор не столько на интеллект, сколько на психику и бессознательное, «потустороннее».

При этом использовались старинные приемы тевтонцев: церемонии, песнопения с ритмическими повторами, риторика, краски, свет. Знаменитые фашистские съезды в Нюрнберге были не только политическими собраниями, но и своеобразными театрализованными представлениями, в которых все было предусмотрено — цвета униформы и знамен, места участников и зрителей, ночное время, использование прожекторов и ход самого действия.

Если сравнить речи фюрера с декларациями гроссмейстеров Тевтонского ордена, то можно заметить, что риторика их по-детски примитивна, банальна. Однако они произносились энергично и со злостью.

И этот взятый у тевтонцев способ произнесения речей, действующий на население, находящееся в тесном пространстве, вызывал массовую истерию, по сути религиозный экстаз. Сам же Гитлер превращался в черного мессию.

Гитлер сам говорил, что «научился этому у иезуитов и тевтонцев. Иерархическая структура и воспитание символами и ритуалами, то есть вдалбливание без понимания, а путем оплодотворения фантазии магическим воздействием культовых символов — это опасное и великое, мной предпринимаемое... Наша партия должна походить на орден, исповедующий иерархический порядок светского священничества».

Гитлер действительно считал себя мессией новой религии, а эсэсовцы были его «священниками». Известно, что фюрер называл Генриха Гиммлера, рейхсфюрера СС, своим «Игнатием Лойолой», таким образом сравнивая СС и духовно-рыцарские ордена тевтонцев и иезуитов.

СС была задумана и создана по примеру «Общества Иисуса». Организация переняла у тамплиеров и тевтонцев структуру, тактику и методы, среди которых наиболее широко использовался метод психологического воздействия и воспитания. Сам Гиммлер рассматривал СС как орден, как современный образец рыцарей в белых плащах и с черными крестами.

Что касается привлечения в эту организацию новых членов, структуры и ритуалов, то здесь строго соблюдались все правила, свойственные Тевтонскому ордену. Процедура посвящения в эсэсовцы должна была напоминать торжественный акт приобщения к рыцарству. Такая атрибутика, как иерархические кольца и кинжалы, а также руны, должна была свидетельствовать о святости германской крови и о нордическом происхождении эсэсовцев. Серебряные рунические знаки украшали рукава и воротнички эсэсовского кителя.

И сама эмблема организации — двойное «S» в виде двух зигзагообразных молний — истолковывалась как руна «Sig» — знак власти, обозначавший в рунической магии древнегерманских племен молнию в руках бога грома (по некоторым источникам, Тора, или Донара, по другим — Вотана).

Гиммлер придерживался такого мнения, что тевтонцы были правы, утверждая, что зачатые на кладбищах дети наполняются духом и мужеством погребенных там воинов. Исходя из этого, эсэсовцам предписывалось по возможности совокупляться около могил старинных германских дворянских и рыцарских родов.

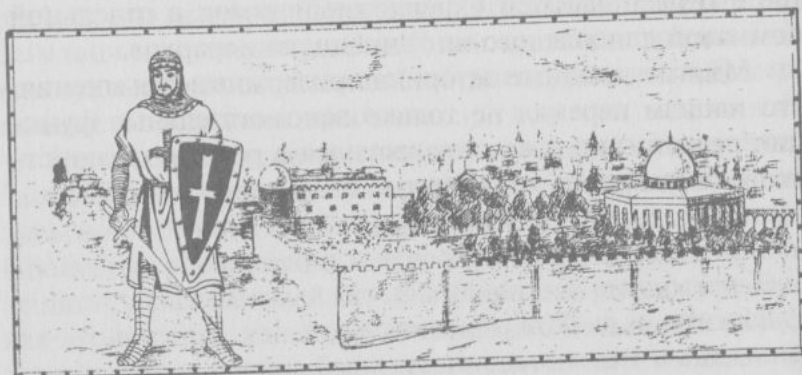
Составлялся даже перечень кладбищ, где покоились «нордические» предки, и эти списки публиковались в эсэсовских газетах.

Вокруг себя Гиммлер создал сонм высших «священников» — конклав из двенадцати обергруппенфюреров СС (соответствовало армейскому званию генерал-лейтенанта), которые за столом являли собой рыцарей

рейхсфюрера. Их резиденция находилась в городке Вевельсбург под Падерборном, который был официальной столицей СС и культовым центром эсэсовцев. В центре его располагался укрепленный замок с отдельной комнатой для каждого из тринадцати иерархов.

Многие западные историки придерживаются мнения, что нацизм перенял не только вспомогательные функции религии, но и сам превратился в религию фашистского государства, взяв многое от Тевтонского ордена.

Глава 5. ИСТОРИЯ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ

С самого начала христианской эры последователи Евангелия регулярно совершали паломничества в Иерусалим, чтобы поклониться Гробу Иисуса Христа. В окрестностях Священного города император Флавий-Валерий Константин I, позже прозванный Великим, воздвиг многочисленные храмы.

Великолепно украшенная церковь в Иерусалиме, святилища в Вифлееме и на горе Масличной были построены для почитания мест Рождества и Вознесения Христова.

В царствование Ираклия Палестину пытались завоевать персы. По велению шаха Хосроя II иноверцы развязали войну, длившуюся с переменным успехом более двадцати лет. Немногие правители начинали царствование при столь трагических обстоятельствах, как император Ираклий. Начав войну в 603 году, персидские войска разорили Сирию, Палестину и большую часть Малой Азии, разрушили храмы Святой земли, выстроенные Константином Великим.

В 614 году персы увезли из захваченного Иерусалима главную святыню государства — Животворящий

Крест Господень. В 616 году армия Хосроя вторглась в Египет и уже через два года завоевала Александрию.

Ираклий стал первым со времен Феодосия I императором-полководцем, героем персидской войны; память о нем сохранялась в легендах и сказаниях до конца Средневековья. Победоносные походы Ираклия в Иран длились семь лет, с 622 по 628 год, и носили характер священной борьбы за возвращение Креста. В 626 году в отсутствие императора иноверцы осадили Константинополь. Город удалось отстоять, а возвратившийся с победой спустя два года Ираклий вернул главное сокровище Иерусалима. Он прошел по улицам города, неся на плечах Животворящий Крест, до самой Голгофы.

В VI веке поклониться могиле Спасителя выехал святой Антоний. В своем дорожнике он подробно описал Палестину, народ которой, по его словам, жил в спокойствии и благополучии, в то время как страны Европы находились в состоянии непрерывных религиозных и политических войн. Эти места полностью оправдывали название «земля обетованная».

В те смутные времена на Востоке появился человек, оповестивший христиан о намерении сотворить новую веру. Пророк Мухаммед родился около 570 года в Мекке. Он был по происхождению корейшит, из рода знатного, но крайне бедного и далеко не могущественного. Отец его, Абдулла, внук Хашима, был мелким купцом и умер до рождения сына. Природа одарила нищего пастуха богатым воображением, сильным характером, острым умом и великолепной памятью, благодаря которой он получил глубокие знания в различных религиозных учениях. Мухаммед часто предавался религиозным размышлениям в священные месяцы, уединяясь в пещере на пустынной горе Хира, неподалеку от Мекки. Здесь он в одиночестве постился, молился и размышлял. И вот однажды юноше привиделся яркий небесный свет, завораживающий своей силой и величием.

Господь поведал Мухаммеду, что ему предстоит великая миссия — от его имени внушить заблудшим людям истинную веру и стать пророком на Земле. Мухаммед не сразу поверил, но второе видение окончательно рассеяло его сомнения. С того времени он почувствовал себя пророком ислама.

Первые заповеди мусульманского учения сын Абдуллы огласил в Мекке. Жители города встретили новоявленного пророка насмешками, уверяя, что Аллах избрал бы кого-нибудь лучше, чем он, и даже осыпали Мухаммеда градом камней. Через несколько лет, спасаясь от преследователей, он бежал в Медину, куда прибыл 16 июля 622 года. Этот день считается началом мусульманской эры. Коран, над которым Мухаммед трудился более двадцати лет, проповедовал идейную нравственность и обещал будущим последователям обладание всем миром.

Еще десять лет пророк силой насаждал ислам среди жителей Востока, возглавляя завоевательные походы в Аравийские страны. В марте 630 года он совершил торжественный путь в Мекку в сопровождении 14 тысяч мусульман, где громко заявил, что перед Богом сознает законченной свою пророческую миссию. Возвратясь в Медину, Мухаммед совершил ряд добрых дел и умер от лихорадки 7 июня 632 года.

Продолжили славные дела Мухаммеда его сподвижник Омар и близкий родственник Абу Бекр. Вместе они завоевали Персию, Сирию и Египет. После четырех месяцев осады мусульманам, во главе которых выступали наместники Омара Амру и Серджий, покорился Иерусалим. На том месте, где Омар принял ключи победленного города, была выстроена огромная мечеть, заменившая разрушенный храм Соломона.

Позор и унижения от иноверцев христиане терпели двести лет, до того как власть в Иерусалиме завоевал Гарун аль-Рашид, халиф из династии Аббасидов. Гарун

аль-Рашид был справедливым правителем и мудрым политиком. Прекратив преследования христиан, он наладил дипломатические отношения с королем франков Карлом Великим, который в это время активно распространял свое владычество на Западе. Несмотря на это, между ними время от времени возникали конфликты. Святой город часто посещали послы франков, неизменно привозившие халифу в дар от короля богатые подношения. В ответ халиф подарил Карлу ключи от Иерусалима и Святого Гроба. Приближенные палестинского владыки говорили, что тогда он предчувствовал будущее нашествие христиан.

Присутствие в Иерусалиме мусульман не остановило паломников. Богомольцы продолжали посещать святыне, о чем свидетельствуют источники того времени.

В те времена между различными мусульманскими династиями шла ожесточенная борьба за власть. На владение Палестиной претендовали потомки халифа Османа, а также группировка шиитов, которая впоследствии превратилась в религиозное течение.

Новыми властителями Святого города стали сарацинские халифы Фатимиды, прибывшие в Иудею из Египта. Сменивший их через некоторое время халиф Гекем был жестоким человеком, его яростный фанатизм стал причиной бедствий и страданий восточных христиан на многие годы.

Архиепископ Равенский (впоследствии Папа Сильвестр II) во время путешествия в Иерусалим в 986 году на себе испытал жестокие притеснения христиан. Он рассказывал, что все религиозные праздники были запрещены, церкви превращены в конюшни, «неверные» опустошили храм Святого Гроба Господня.

Рассказы прелата вызвали волну негодования среди жителей европейских государств, с грустью узнавших о гибели святыни. В этом же году население Пизы и Генуи снарядило корабли для военного похода в Сирию,

который закончился неудачно и только усилил бедственное положение жителей Иерусалима. В конце X века последователи Христа были вынуждены надолго покинуть Иерусалим.

После смерти халифа Гекема трон занял его преемник Захир, и для жителей Иерусалима наступили относительно спокойные времена. Новый правитель прекратил гонения христиан и позволил вновь выстроить храм Святого Гроба; средства на восстановление выделил император Византии.

В XI веке паломничество к святым местам стало привычным для западных народов.

В 1054 году в Иерусалим отправился отряд, названный войском Божьим. Он состоял из 3 тысяч паломников Пикардии и Фландрии, руководимых епископом Камбрейским. В Болгарии на богомольцев напали варвары. В бою была уничтожена большая часть войска, остальные погибли от голода на обратном пути. Епископ вернулся на родину с несколькими спутниками, сокрушаясь, что не смог поклониться святым местам.

Германцы прибыли на Святую землю только лишь в 1064 году. Тогда патриарх устроил торжества по поводу приезда многочисленного отряда союзников, в числе которых были Фридрих граф Вердунский, Роберт Фризон граф Фландрский и Беранжер граф Барселонский. Это была последняя мирная встреча представителей пока еще дружественных государств.

Первый крестовый поход

В середине XI века в результате вторжения огромной армии сарацин средиземноморские города обрели новых, еще более свирепых владык. Палестинские христиане в очередной раз подверглись гонениям. И опять монархи Европы с готовностью откликнулись на при-

зыв о помощи: Папа Григорий VII собрал войско численностью 50 тысяч человек для похода в Азию, но в период подготовки к кампании тяжело заболел и умер. Его сменил преемник. Новый римский первосвященник снарядил армию и обещал отпущение грехов всем гражданам Генуи, Пизы и других итальянских городов, выступившим в защиту палестинских христиан. Поход прошел успешно: высадившись у берегов Африки, недалеко от Карфагена, итальянские войска сожгли два турецких города и уничтожили несколько крупных сарацинских отрядов. Эта кампания послужила прелюдией эпохи Крестовых походов, начало которой было положено на Клермонском соборе 1095 года.

Клермонский собор

Началом длительной войны между Востоком и Западом принято считать годы правления Папы Урбана II, когда по странам Европы прошел с миротворческой миссией пикардийский отшельник, оставшийся в истории под именем Петр Амьенский, или Петр Пустынник. В 1090 году монах покинул свое убежище и отправился в Палестину, чтобы перед смертью поклониться святым местам. Добравшись до Иерусалима, он был потрясен зрелищем страданий, выпавших на долю последователей Иисуса Христа. Рассказ патриарха Симона, раскрывшего Петру всю глубину трагедии палестинского народа, усилил негодование в душе отшельника. С этого момента он решил посвятить жизнь борьбе за освобождение братьев по вере.

Собравшись в обратный путь, Петр Пустынник получил от патриарха письма для папы и европейских королей, в которых Симон умолял о помощи. Монах благополучно добрался до Рима, передал Урбану II послание патриарха и добился согласия папы снарядить войско на святое дело ради освобождения Иерусалима.

Затем отшельник отправился в долгий путь по дорогам Европы, для того чтобы своими проповедями вызвать в народе сочувствие к страданиям палестинских братьев. Миссия удалась ему в полной мере. Люди огромными толпами собирались на городских площадях послушать пламенные призывы Петра.

На церковном соборе Урбану II предстояло вынести решение о том, в какой мере будет оказана помощь Иерусалиму. На собор прибыли послы византийского императора Алексея. Несмотря на огромное количество собравшихся (200 епископов и архиепископов, 4 тысячи священников и 30 тысяч светских лиц), решение не было принято.

Но Урбан II мог быть доволен результатами. Клермонский собор подтвердил обязательность Божьего мира для всех христиан и позволил отлучить от церкви Филиппа I, оформившего развод с женой Бертой и женившегося второй раз без благословения Урбана II. Это событие послужило подтверждением безграничной власти папы над христианами независимо от их сословной принадлежности. Утверждение Божьего мира стало религиозным пактом об обязательном прекращении на длительный срок военных действий в большинстве областей и стран Западной Европы.

Будучи непосредственным организатором военных походов, Урбан II использовал свой статус для реализации сугубо стратегических и корыстных целей. Он пытался одновременно добиться укрепления своей власти в западных государствах Европы и подчинить православную церковь католической.

Богатство земель Востока также привлекало идеолога «священной миссии». Выдвигаемый лозунг освобождения Гроба Господня от «неверных» хорошо маскировал истинные планы Урбана II.

Во время собора в Риме папа публично утвердил важное стратегическое значение монашеских орденов,

являвшихся непосредственными духовными просветителями христиан и наместниками Божьего слова в рядах крестоносцев.

На призыв Урбана к войне против сарацин народ ответил единодушным согласием, тем более что освободительный поход сулил участникам немало благ.

В эпоху раннего Средневековья религиозная война не считалась греховным занятием. Благочестивые христиане правыми делами могли заслужить вечный покой в Царстве Небесном, корыстолюбивые надеялись на крупные трофеи в богатых городах Азии. Торжественная речь папы закончилась криком толпы: «Этого хочет Бог!». Эта фраза впоследствии станет девизом Крестовых походов.

Падение Никеи

Собор, на котором был окончательно решен иерусалимский вопрос, состоялся в ноябре 1095 года; тогда собравшиеся решили выступить в поход через несколько месяцев.

В течение зимы епархии тщательно готовились к предстоящей кампании: святые отцы освящали кресты, знамена и оружие. Для рыцарей шилась одежда, символизирующая святое дело во имя Иисуса Христа: просторные накидки из шелковой или шерстяной ткани, спереди украшенные большим красным крестом. Благодаря этим облачениям воинов, участвующих в походе в Иерусалим, называли крестоносцами.

Тем временем папа утвердил закон, по которому воины и их семьи получали различные привилегии. Указом церковного владыки на время проведения похода всем участникам отпускались грехи, они освобождались от податей и налогов, а их долги церковь брала на себя. В то время даже разбойники оставляли свои убежища и, вымолив у папы прощение, вступали в ряды многочисленной армии крестоносцев. Под священным зна-

менем Креста за короткое время собрались рыцари Англии, Германии, Италии, Испании, Франции.

Регулярная армия крестоносцев, возглавляемая дворянством, должна была выступить в поход отдельными отрядами в различное время, с тем чтобы, соединившись в Константинополе, начать военные действия против сарацин. Но народное ополчение выступило в поход самостоятельно, избрав своим предводителем Петра Пустынника. Бывший монах, разъезжавший по Европе на муле в рваной шерстяной мантии с капюшоном и в сандалиях на босую ногу, не имел опыта руководства такой огромной массой людей. Отсутствие дисциплины в рядах народного войска привело к раздорам и беспорядкам, намного усложнив и без того трудный путь.

Одновременно с ополчением Петра Пустынника на Иерусалим вышли еще несколько крестьянских отрядов. Один из них возглавлял Вальтер Голяк. Огромное войско, отправившееся из Германии с благой целью, в Венгрии причинило столько бедствий местным крестьянам, что они, не выдержав унижений, объединились и оказали сопротивление бесчинствующим германцам. В результате нескольких сражений большая часть ополчения Вальтера Голяка была уничтожена, остальные разошлись по домам.

Еще один отряд крестоносцев выступил в поход с берегов Рейна и Мозеля. Этот отряд трудно было назвать освободительным: сборище бродяг и разбойников во главе со священником Фолькмаром и графом Эмиком стремительно продвигалось на Восток, по пути устраивая погромы в еврейских домах. Даже в родной Германии эта толпа разграбила и сожгла несколько городов, обращая в бегство местных жителей.

Правитель Месбурга, наслышанный о бесчинствах ратников Эмикона, отказал им в продовольствии и не пропустил солдат через городские ворота. Конфликт перерос в крупное сражение, в результате которого была

уничтожена большая часть армии Эмикона, до Византии добрался лишь небольшой отряд германцев.

В то время под стенами Константинополя одновременно собрались многочисленные крестьянские войска из Франции, Италии, Германии. Император Алексей уже сожалел о своем гостеприимстве: томившиеся бездействием воины разграбили в столице множество домов и дворцов, сожгли несколько православных церквей. Потеряв терпение, Алексей выгнал опасных гостей из города.

Крестоносцы перешли Босфор и расположились лагерем недалеко от Никомедии. Вскоре в рядах многочисленного неуправляемого войска начались беспорядки и, как следствие, произошел раскол. Объединенные отряды итальянцев и германцев под предводительством Ренальда двинулись к Никее; ненадолго захватив турецкую крепость Эксерогорго, они погибли в результате ответной атаки турок, или сарацин.

Возмущенные гибелью соратников, французы приказали Готье вести войска на Никею, для того чтобы отомстить сарацинам. Предводитель был вынужден подчиниться требованиям солдат, и яростная толпа двинулась к Никее. Победа в коротком сражении была на стороне сарацин. Погибли почти все французские воины, в том числе и Готье, которого историки называют «доблестным воином и предводителем, достойным лучшего войска».

Первая восточная кампания имела плачевный исход: от голода, лишений и в стихийных сражениях погибло около 300 тысяч человек.

Поход феодалов начался в августе 1096 года. На Восток отправились дисциплинированные, правильно сформированные и воодушевленные святой идеей отряды крестоносцев во главе с Готфридом Бульонским, герцогом Лотарингским.

Снаряжали войска на средства прирейнского и французского рыцарства. Армия насчитывала 80 тысяч пехо-

тинцев и 10 тысяч всадников. Через девять месяцев после церковного собора, на котором папа благословил крестоносцев, регулярная армия отправилась в Иерусалим. В отличие от необузданных ополченцев армия Готфрида встретила понимание и поддержку в Венгрии и Болгарии — странах, оказавших упорное сопротивление воинам Петра Пустынника.

Между тем французский король не ограничился отправкой одной армии. Сразу после выхода Готфрида монарх начал снаряжение одновременно нескольких отрядов, которые планировалось отправить на Восток на кораблях из итальянского порта.

Наряду с рыцарями, в ополчение со своими вассалами вступили и епископы Аптский, Лодевский, Оранжский и архиепископ Толедский.

Общая численность армии Раймунда составила более 100 тысяч человек. Совершив переход через Альпы, земли Ломбардии, Фриуля и Далмации, крестоносцы двинулись в сторону Византии.

Не менее грозное войско для освобождения Палестины собрала Италия. Храбрый и честолюбивый Боэмунд, герцог Тарентский, без сожаления отдал свое небольшое владение для получения средств на содержание армии, состоящей из 10 тысяч всадников и 20 тысяч пехотинцев. К Боэмунду присоединились знатные рыцари Апулии, Калабрии и Сицилии. Среди них самым известным стал Танкред, отвагу и красоту которого впоследствии воспели поэты.

Духовным вождем священного похода был епископ Адемар, первым принявший Крест на Клермонском соборе. Пожалованный Папой Урбаном II титул апостольского легата не помешал епископу принимать непосредственное участие в сражениях, за что он заслужил доверие и уважение всей армии.

Хотя император Алексей сам просил помощи европейских монархов для защиты Константинополя, мно-

гочисленные войска освободителей нагоняли на него страх. Император Алексей Комнин потребовал, чтобы вожди крестоносного ополчения присягнули ему на верность. Готфрид, прибывший первым, отказался исполнить требование императора, заявив, что будет вести переговоры только как равный с равным. Император двинул против него войска и принудил его дать клятву верности, а затем и переправиться в Азию. После этого остальные князья также согласились признать себя вассалами императора и обязались отдать ему все города Малой Азии, которые отнимут у «неверных».

Воины Святого Креста вступили в Вифинию ранней весной 1097 года. Первый удар предполагалось обрушить на Никею. Численность армии христиан на тот момент составляла 600 тысяч человек, включая около 100 тысяч всадников. Головные отряды занимались расчисткой дорог: 4 тысячи наемных работников лопатами разравнивали землю, устанавливали железные и деревянные кресты, обозначая путь следования огромного войска.

Никея — столица Вифинии и резиденция румского султана — стояла на берегу Асканского озера, соединяющегося с Мраморным морем.

Двойные каменные стены города были настолько мощны, что по ним разъезжали колесницы. 370 сторожевых башен обеспечивали защиту городских стен в случае осады. Зная о предстоящем походе крестоносцев, султан Кылыч-Арслан (Львиное Сердце) собрал войско, к которому вскоре присоединились союзники. Несмотря на это, армия султана намного уступала по численности огромному войску Готфрида. Объединенные отряды сарацин, покинув Никею, расположились на близлежащей возвышенности.

Осада столицы проходила по четко разработанному плану: каждый воин знал свои действия на определенном участке местности. Первые попытки не увенчались

успехом. Через несколько дней 10 тысяч всадников султана спустились с гор в надежде разбить ряды противника внезапной атакой. Но Готфрид был предупрежден о нападении и заранее расставил войска в выжидательной позиции. В короткой схватке сарацинская конница потерпела поражение. На помощь погибающим воинам с гор спустились еще 50 тысяч всадников под предводительством Кылыч-Арслана.

Эта битва была жестокой. Рыцари Балдуин Бульонский, Роберт Фландрский, Роберт Нормандский, Боэмунд, Танкред и сам Готфрид, возглавлявшие отряды, показывали пример вассалам, находясь в местах наибольшей опасности. Бой продолжался весь день. Христиане одержали победу дорогой ценой: более 2 тысяч братьев осталось лежать на поле брани. Сарацины отступили в горы, оставив в долине 4 тысячи воинов.

Разбив армию султана, христиане возобновили осаду Никеи. Через несколько дней безуспешных боев под стенами города Готфрид заметил, что силы защитников города не иссякают. Вскоре стало ясно, откуда приходило подкрепление: каждую ночь по Асканскому озеру, примыкающему к городским стенам с западной и южной сторон, прибывали новые отряды сарацин. Предводитель крестоносцев незамедлительно выработал план, который позволил им одержать победу.

Крестоносцы за один день на телегах доставили лодки из Гемлика (близлежащая гавань Пропонтиды). Уже на следующее утро легкие суда покрыли все озеро. Пораженные этим зрелищем, защитники Никеи не стали оказывать дальнейшее сопротивление. Но близкую победу у христиан отнял византийский император.

В армии крестоносцев сражались два греческих корпуса под командованием приближенных Алексея, задачей которых было в нужный момент повернуть ход сражения в пользу Византии. Накануне решающего боя один из военачальников императора тайно пробрался

в осажденный город для проведения мирных переговоров с турецким султаном. Он предложил сарацинам без боя передать Никею византийскому императору, получив в обмен поддержку и помощь Константинополя. Понимая безнадежность своего положения, Кылыч-Арслан согласился на условия, предложенные Алексеем. Утром христиане увидели на городских башнях знамена императора: хитрый Алексей стал правителем Никеи.

Однако император не удовлетворился легкой победой; он потребовал клятву верности одного из самых смелых рыцарей, Танкреда, однажды проявившего неуважение к великому властелину. В сложившихся обстоятельствах отказ был невозможен, и Танкред дал клятву, взяв с монарха слово не препятствовать дальнейшим действиям крестоносцев. Эти события окончательно разрушили некогда дружественный союз между Византией и Европой, положив начало длительной кровопролитной войне.

Взятие Антиохии

На подходе к Антиохии взору крестоносцев предстала высохшая, неплодородная земля с девственными лесами и горными ущельями. Войско было разделено на две части.

Путь крестоносцев к палестинским территориям пролегал через мост, располагавшийся на стыке рек Галла и Сангария. Войска двинулись в разных направлениях. Воинов Боэмунда ожидало кровавое сражение с султаном Кылыч-Арсланом. Заняв выгодную позицию, султан велел начать атаку. Положение войск Боэмунда было наихудшим. Армия султана обладала серьезным численным перевесом. Однако военная тактика Боэмунда была достойна всяческих похвал. На берегу реки он приказал поставить палатки, где разместилась наиболее уязвимая часть войска, которой командовал Танкред.

Не успело войско Боэмунда разместиться, как неожиданно сарацины предприняли первую атаку. Они вторглись в самую гущу армии Боэмунда, предавая смерти каждого встречного. Воины герцога Нормандского приняли часть удара на себя.

Несмотря на упорство крестоносцев, их ряды быстро редели, уступая натиску коварных сарацин. Несколько часов продолжались кровопролитные сражения, исход которых, казалось, был уже определен. Но тут откуда ни возьмись появились воины Готфрида.

Перед началом военных действий к герцогу Лотарингскому был отправлен гонец со страшной вестью. В результате толпа подданных султана была взята в кольцо прибывшими на помощь войсками второго корпуса. Ход сражения резко изменился. Огромная армия слуг Аллаха превратилась в жалкую кучку капитулирующих и просящих о пощаде раненых людей.

Первая битва Крестового похода была названа в честь города Дорилей, расположенного в нескольких милях от места сражения. В процессе кровавой, безжалостной резни было уничтожено около 30 тысяч мусульманских воинов. Крестоносцы понесли потери в размере 4 тысяч человек.

Дальнейший путь крестоносцев был отмечен множественными пожарищами и разрушенными городами. Сарацины предпочитали уничтожать те пункты, которые в силу ослабления их позиций не могли взять под контроль. Вследствие применения такой пагубной стратегии были разорены земли Каппадокии, Фригии, Исаврии.

Предводители христианских войск присоединились к остальным. Встреча с Готфридом не была радужной и гостеприимной, так как старший брат осудил междоусобные конфликты с Танкредом.

Последней преградой на пути к Антиохии была крепость Артезия, или Халкида, как ее называли в древности. Турки стойко защищали ее стены, тщетно пытаясь

отбить мощные удары неприятеля. Через несколько дней Артезия пала к ногам предводителей великой армии. На ее территории воссоединились колонны войск Танкреда и Роберта Нормандского.

Следующей целью крестоносцев стали берега Оронта, где между двумя укрепленными башнями располагался Железный мост, известный в наши дни под названием Герс-ил-Гаддид. Левый фланг мусульманских укреплений сплошной стеной встал на пути христиан.

Жаркая битва разыгралась на мосту. Основные силы крестоносцев были брошены на взятие левой башни, где скрывались турецкие воины. Их первая атака была отбита, но следующий удар Роберта, получившего значительное подкрепление со стороны военного корпуса Танкреда, сокрушил защиту мусульман и поверг отчаявшихся сарацин в позорное бегство.

Предвидя надвигающуюся беду, эмир Башзиам созвал в Антиохию около 30 тысяч мусульманских воинов, из них 20 тысяч пехоты.

Войско крестоносцев раскинуло свой лагерь вдоль стен крепости, от восточных ворот Святого Павла до ворот моста, где Антиохия омывалась беспокойными водами Оронта.

Раймунд и его большой отряд заняли участок от ворот Дюка до Собачьих ворот. Недалеко от арки Святого Павла расположились воины Стефана графа Блуаского и Гуго графа де Вермандуа. Их армия состояла в основном из нормандских, фламандских и бретонских воинов. Войско графа Тулузского и епископа Пюизейского занимал северный участок территории. Вблизи ворот Дюка разместились крестоносцы Готфрида.

Таким образом, Антиохия оказалась в кольце христианских войск. Крестоносцы смогли подойти с востока, северо-востока и севера. Южные территории представляли собой неприступные скалистые участки. Именно эти земли были прекрасными стратегическими

объектами, так как через ворота Святого Георгия, расположенные на юге, сирийцы доставляли в осажденный город оружие и пополняли запасы продовольствия.

Возможность выйти из стен крепости обеспечивал небольшой мост вблизи Собачьих ворот, построенный на болотистой местности. Крестоносцы приложили массу усилий для разрушения «артерии жизни», питающей осаждаемых сарацин. Им удалось даже соорудить большую башню вблизи моста. Однако мусульмане не сдавались и самоотверженно сражались, надеясь спастись от голодной смерти.

Построенная башня вскоре рухнула под натиском турецких воинов. Крестоносцам пришлось забаррикадировать ворота большими камнями и стволами срубленных деревьев.

Первые дни осады были ознаменованы беспорядками в лагере крестоносцев. Плодородные берега Оронта и соседних рощ Дафны утолили голод воинов, уставших от длительных переходов.

Войско растянулось по обширным близлежащим территориям в поисках увеселений. Коварные турецкие воины воспользовались сложившимся положением: они убили и взяли в плен множество слоняющихся без дела крестоносцев. Предводители христиан пришли в ярость от подобного поведения и быстро привели в порядок разгулявшееся войско. В последующие недели произошло несколько мелких столкновений с турецкими разведчиками. В этих стычках особенно отличился Танкред. Патрулируя порученные ему окрестные земли, он в сопровождении нескольких десятков солдат столкнулся с сотней турецких лазутчиков. Под безжалостными ударами мечей его воинов тела врагов превратились в сплошную кровавую массу.

Осада Антиохии затягивалась из-за отсутствия у крестоносцев специального снаряжения. Их военный инвентарь не содержал ни лестниц, ни боевых машин.

Таким образом, возможность решительной военной атаки с каждым днем все уменьшалась.

Надвигавшаяся зима свела шансы захватчиков практически к нулю. Продовольственные запасы, рассчитанные на несколько месяцев, уничтожались за несколько десятков дней. Начался период дождей, от которых не могли защитить металлические доспехи. Многие крестоносцы тяжело заболели.

Голод заставил предводителей христиан совершить набеги на соседние земли. Спустя несколько дней после Рождества Христова десятки тысяч воинов направились к Хариму. Из юго-восточных земель им удалось привести караван верблюдов и коней, нагруженных продовольственной поклажей. Однако привезенных запасов едва хватило на месяц.

Последующие экспедиции были менее удачными. Голод и болезни косили христианских воинов.

Лучи весеннего солнца отогрели промокших и истощенных крестоносцев. По высохшим тропам стали двигаться повозки с продовольствием и прочей поклажей из армянских княжеств, с островов Кипр, Родос и Хиос. Тяжело раненый Готфрид в течение всей зимы не выходил из палатки. Но весеннее тепло и помощь братьев-христиан помогли ему подняться с ложа. Пристутствие великого военачальника окончательно растопило лед в душах воинов.

В порт Святого Симеона прибыли генуэзские и пизанские флотилии. Большая часть крестоносцев во главе с Готфридом и графом Тулузским присоединилась к ним. Недалеко от берега произошло несколько сражений с мусульманами, вышедшими из ворот Антиохии. В этих столкновениях погибло несколько тысяч христианских воинов.

Огромная толпа сарацин уже начала брать верх над крестоносцами, ограниченными в маневрах корабельными бортами. Но на помощь последним вовремя при-

шла армия Готфрида. Редеющее под грозными ударами христианских мечей турецкое войско обратилось в бегство в сторону Железного моста.

Часть крестоносцев из армии Готфрида была брошена к левому берегу Оронта, где они поджидали беглецов. Кроме того, несколько отрядов возвратились с Черных гор к Оронту. В результате воинские части сарацин были окружены со всех сторон.

Подвергаясь страшным ударам, мусульмане погибали на мосту и падали в волны Оронта. Башни Антиохии были прекрасным наблюдательным пунктом.

Слуги Акциана, правителя священного города, донесли ему о случившемся поражении его подданных. В результате к воротам Антиохии было послано подкрепление.

На большом холме, вблизи Железного моста, крестоносцами было воздвигнуто военное сооружение, препятствующее свободному выходу мусульман из главных ворот. Захват и контроль этого участка позволил христианам беспрепятственно переправляться на правый берег Оронта. Укрепление было отдано под командование графа Тулузского.

Окончательно сломить крепость можно было только посредством захвата западных ворот Святого Георгия, являвшихся последним продовольственным путепроводом. В то же время эти ворота были единственным уцелевшим выходом из Антиохии, позволявшим мусульманам передвигаться по левому берегу реки.

Планируемое мероприятие по захвату западного пути сулило огромное количество опасностей. Даже самые отважные предводители не решались вступить в бой. Первым вызвался Танкред. Будучи ограниченным в средствах, он попросил помощи у графа Тулузского.

Через некоторое время Танкред с большим отрядом крестоносцев отправился к монастырю, расположенному на холме вблизи ворот Святого Георгия. Укре-

пив его, воины превратили здание в маленькую крепость. В результате под контроль христиан перешла вся внешняя территория крепости.

В рядах крестоносцев был восстановлен порядок. Войско постепенно набирало силу, питаемое надеждами на разгром «осинового гнезда» сарацин. Все усилия были брошены на осадные мероприятия. К работе привлекали даже бродяг и нищих.

Дальнейшие события разворачивались по весьма интересному сценарию. В виду истощения запасов пищи в лагерях крестоносцев снова распространился голод. Акциан предложил вражеским предводителям заключить временное перемирие. В это время на территории христианских поселений шли ожесточенные распри по поводу дележа даров Эдесского графа Балдуина.

Перемирие длилось недолго, так как беспрепятственные походы коварных сарацин на территорию лагеря христиан закончились убийством рыцаря Валлона. Тонкая нить налаживающихся отношений была тотчас разорвана.

Во время своего похода на Восток Боэмунд получил большое тактическое преимущество перед ненавистным ему Балдуином. Путешествуя с разведывательной целью, он познакомился с одним армянином по имени Пирруз. Последний состоял на службе у Акциана, контролируя несколько сторожевых башен Антиохии. В прошлом он был христианином, но жизнь заставила его принять ислам.

Пирруз находился в фаворе у самого правителя Акциана и пользовался его величайшим доверием. Осознавая бесперспективность позиций сарацин, он легко поддавался уговорам Боэмунда предать Акциана и перейти на сторону христиан. Измена не пугала бывалого «отступника от веры».

Был созван всеобщий военный совет; на нем Боэмунд намекнул, что имеет представление о способах,

с помощью которых можно форсировать затянувшуюся семимесячную осаду. Ссылаясь на предстоящие трудности и усиливающийся голод среди крестоносцев, он призывал пренебречь благородными намерениями. Однако его речь нашла огромное количество оппонентов среди вождей, не желающих отдавать первенство в руки Боэмунда. С их стороны поступили заявления о религиозной и моральной несовместимости подобных методов с христианскими идеалами.

Боэмунд возобновил попытки переубедить предводителей войска. С его согласия среди воинов распространились слухи о скором прибытии большой мусульманской армии мосульского правителя Кербога, которые якобы начали свой путь с берегов Тигра и Евфрата.

Было созвано новое собрание вождей, где прежние доводы конкурентов Боэмунда были задавлены всеобщим страхом перед сарацинами. Талантливый оратор убедил всполошившуюся толпу рыцарей в неминуемой гибели большей части христианского войска в случае отказа от представленных Пиррузом условий. Эти требования закрепляли единоличную власть Боэмунда над Антиохией.

Взятие Антиохии было назначено на следующий день. В качестве отвлекающего маневра днем были предприняты походы нескольких отрядов навстречу мосульскому эмиру. Сарацины со стен крепости следили за передвижением этих отрядов, не обращая должного внимания на усиление концентрации остальных войск на западе.

Под покровом ночи лазутчик Боэмунда взобрался на стену крепости по лестнице, брошенной Пиррузом. Предатель известил предводителей о полном спокойствии турок на прилегающей к башням территории. При этом он поведал о том, что ему пришлось пожертвовать жизнью своего брата в целях сохранения в тайне предстоящего захвата.

Спустя некоторое время по узкой лестнице на территорию крепости проникло несколько батальонов крестоносцев. Кровавые реки потекли по улицам Антиохии. Более 10 тысяч жителей были убиты.

Правитель Акциан сумел бежать, однако в пути он был случайно задержан армянскими лесорубами, которые лишили его жизни. Акциану отрубили голову и доставили ее Боэмунду в знак солидарности с христианами.

Триумфальное завершение осады было отпраздновано многодневными пиршествами и гуляньями. Радости победителей не было предела. Крестоносцы изрядно устали и изголодались за восемь долгих месяцев. Однако это было только начало.

Мосульский эмир вместе со своим двухсоттысячным войском подошел к стенам Антиохии. Новая осада превратила недавних захватчиков в жалких затворников крепостных стен. Солдаты армии Кербога совершали кровавые набеги на территорию столицы, в ходе которых уничтожались сотни христиан.

Крестоносцы, доведенные голодом до состояния тупого безразличия, уже не были серьезными соперниками для полчищ прибывших сарацин.

Следующие несколько недель изнуряющей осады стали великим примером исцеляющей силы веры. История не знала подобных примеров.

Неожиданно безразличие крестоносцев сменилось небывалым приливом энергии и сил. По словам летописцев, священнику Бартелеми приснился образ апостола Андрея, указывавшего перстом на церковь Святого Петра в Антиохии. В этом месте обнаружили копье, наконечником которого был ранен Христос.

Бартелеми утверждал, что апостол приказал нести копье перед армией, ибо оно наделено великой животворящей силой, способной поднять воинский дух. В указанном месте действительно было найдено древко и наконечник копья.

Служители церкви вынесли его перед умирающими от голода христианами, и чудо свершилось. Толпа изможденных, страдающих людей превратилась вдруг в стройную армию. Неведомо откуда в истощенных телах вновь появилась прежняя сила. Сердца доблестных воинов наполнились ненавистью к мусульманам.

Было немедленно принято решение вступить в бой с армией Кербоба. Берега Оронта превратились в огромную братскую могилу мусульман. Внезапно напавшие крестоносцы рубили врагов, превращая их в кровавое месиво. Усыпанный палатками воинов эмира берег был оцеплен тысячами рыцарей Креста, растянувшихся цепочкой на много миль от Черных гор до ворот Моста. В этой битве погибло около 100 тысяч мусульманских воинов, не ожидавших столь стремительного нападения.

Создание Иерусалимского королевства

После взятия Антиохии победоносное христианское воинство приняло решение немедленно выступить в Иерусалим. Главной причиной, побудившей рыцарей пойти на этот шаг, стала страшная эпидемия неведомой болезни, унесшая жизни 50 тысяч воинов. Однако в тот момент, когда до Иерусалима оставалось не более 10 миль, крестоносцев охватил страх. Они опасались, что армии, серьезно пострадавшей в результате эпидемии, не удастся противостоять превосходящим силам противника. Однако, как только утренняя заря осветила нежным светом стены и башни Иерусалима, воины Креста забыли все свои страхи и босиком двинулись к великому городу.

Франки, прибывшие к Иерусалиму, разместили свои военные лагеря в нескольких местах. Люди Раймунда Тулузского выбрали неудобную позицию на холмах, носящих имя Святого Георгия. Между холмами и стенами города пролегла Рефраимская долина.

Раймунд приказал перевести часть воинов южнее, на Сионскую гору. Восточная сторона оказалась непригодна для размещения лагерей, так как ее долины изрезаны глубокими оврагами. На северо-западе поставил свои палатки отряд Танкреда. Из его лагеря были отчетливо видны створы Вифлеемских ворот.

Оставшиеся подходы к городу занимали войска Готфрида и двух Робертов — Фландрского и Нормандского. Их расположение было наиболее выгодным — на относительно ровном месте росли масличные деревья, а не вдалеке располагались Дамасские и Иродовы ворота.

Энтузиазм и вера в скорую победу сподвигли крестоносцев к великому бою. Под градом смертоносных стрел и дождем из камней франки вынуждены были отступить. После кровопролитных неудачных столкновений они бежали в свой лагерь, оставив под стенами Иерусалима сотни погибших товарищей.

Сарацины с удивлением наблюдали за отважными безумцами, безрассудно тратившими жизни в обреченном на провал штурме. Основной силой защитников города были солдаты египетского гарнизона. В его рядах насчитывалось 40 тысяч воинов. К ним присоединилось еще 20 тысяч горожан. Призывы взяться за оружие звучали во всех мечетях. По улицам ходили имамы и именем Аллаха заклинали горожан пойти в добровольцы. Иерусалим был наводнен беженцами с побережья Мертвого моря и Иордана. Спасения искали и жители окрестностей.

Услышав о приближении франкских отрядов, сарацины засыпали все колодцы. Зной палящего солнца и истощившиеся запасы пресной воды поубавили боевой пыл воинов Креста. От постоянной жажды многие из них забывали даже о голоде.

Однако с прибытием в Яффу кораблей генуэзцев франки вновь обрели надежду. Флотилия доставила крестоносцам продовольствие и воду.

Генуэзцы привезли столярные инструменты, столь необходимые для постройки осадных машин. Отряд инженеров и плотников под предводительством Раймунда Пеле насчитывал три сотни мастеров. Строительные работы воодушевили упавших духом людей. С новыми силами они принялись за подготовку к штурму.

Наиболее уязвимой была восточная часть Иерусалима. Узнав об этом, Готфрид перевел своих воинов к воротам Святого Стефана. Для того чтобы штурм прошел незамеченным, переброску воинов проводили ночью. Мешавшие быстрому передвижению войск осадные машины разобрали и после прибытия на новое место собрали снова. Передислокацию провели всего лишь за пять-шесть часов. Пришла пора активно действовать. Сигнал к всеобщей атаке прозвучал в рассветные часы 15 июня 1099 года. Тишину раннего утра нарушили воинственные крики людей и грохот движущихся военных машин.

С юга на город ринулись силы Раймунда Тулузского. На северо-западе наседали отряды Танкреда, а на востоке возвышались три атакующие Иерусалим башни. Сражение за Священный город началось. После двенадцатичасовой битвы и упорного сопротивления гарнизона крепости чаша победных весов не склонилась ни к одной из сторон. Опустившаяся на землю ночь вынудила прекратить сражение. С началом нового дня крестоносцы с трех сторон ринулись на штурм Иерусалима. В полдень на вершине Масличной горы воины увидели облаченного в латы рыцаря, указывавшего на город. Приняв его за знак провидения и помощи Всевышнего, крестоносцы усилили натиск. Воины одной из передвижных башен смогли придвинуть ее к стене и опустить мостик. По нему на территорию крепости стали быстро перебегать остальные осаждающие.

Пущенные за стены огненные стрелы вызвали пожар. Поднявшийся ветер перенес огонь на оборонитель-

ные машины сарацин. Столбы дыма, летящие стрелы и камни, отчаянные крики обреченных на смерть раненых солдат — все перемешалось и слилось воедино. Гарнизон крепости медленно отступал, обнажая защитные сооружения Иерусалима. Настал ключевой момент штурма. Вместе с Готфридом сражались два его брата — Балдуин Бурский и Евстафий. За ними неотступно следовали Аманжье и Берар де Сен-Валье и Гишер Альбертский. Роберт Нормандский и Роберт Фландрский вместе с Танкредом и графом Тулузским покинули свои оборонительные позиции и вступили на территорию города.

После взятия Иерусалима воины Креста еще неделю продолжали грабить и убивать. Боясь, что побежденные снова возьмутся за оружие, крестоносцы убили около 70 тысяч жителей.

После взятия Иерусалима каждый желал получить причитающуюся ему часть военной добычи. Тяготы и лишения похода были компенсированы за счет побежденных сарацин. Для того чтобы закрепиться на «земле обетованной», победителям необходимо было создать новое государство. Нужен был мудрый и опытный предводитель Иерусалимского королевства. Избирать его должны были военачальники и священники.

Столь ответственную миссию поручили десяти достойным участникам Крестового похода, князьям и служителям Бога. Новоиспеченный совет старался учесть мнение всех франков. Были опрошены графы, рыцари, простые солдаты и прислуга. После чего Готфрида единогласно провозгласили королем Иерусалима.

Однако Готфрид отказался от коронации, ссылаясь на то обстоятельство, что в Иерусалиме был распят Иисус Христос. Готфрид стал именоваться защитником Гроба Господня. После гибели епископа Адемара новое царство нуждалось в первосвященнике.

Между тем сыны Аллаха решили помешать укреплению новообразованного королевства. Восток, полу-

чивший известие о падении Иерусалима, начал собирать силы для похода-реванша. В палестинские земли была направлена египетская армия. По мере продвижения от Дамаска к берегам Тигра к ней присоединялись новые отряды. В тот момент, когда мусульмане находились в трех сутках пути от Иерусалима, о приближении врага узнал барон Лотарингский. Крестоносцы решили не дожидаться египтян и выступить им навстречу. Главный сбор воинов Креста проходил в Рамале. Быстро закончив необходимые приготовления, франки направились на юг. Пройдя города Азот, Гаф и Экрон, расположенные в Ибелиме, они захватили множество пленных. От них рыцарям стало известно место расположения неприятельского лагеря. Мусульмане остановились в городе Аскалон. С моря их должен был поддержать египетский флот.

14 августа 1099 года предводители крестоносцев объявили своим рыцарям о начале великой битвы. Торжественно, с Животворящим Крестом в руках, прошеествовал патриарх Арнульд. После традиционного обряда воины устремились на врага, укрепившегося на песчаных дюнах равнины. Сарацинское войско собрало под своими знаменами 300 тысяч бойцов, тогда как численность франков едва достигала 20 тысяч. Учитывая опыт предыдущего сражения с мусульманами, крестоносцы снова разделились. Отряды Танкреда, Раймунда Тулузского, двух Робертов и Готфрида выбрали наиболее удобные для нападения позиции. Это стало залогом скорой победы.

Атакующие, сломив сопротивление «неверных», разстроили их боевые порядки. Египтяне обратились в бегство. Отряд Готфрида, вклинившись между ними, пресек жалкую попытку отступающих корпусов объединиться. Сарацины, чудом спасшиеся от мечей крестоносцев, пытались вплавь добраться до стоящих на рейде египетских кораблей. Однако не всем удалось до-

плыть до цели. Еще одно сражение было проиграно. Но крепость Аскалон к Иерусалимскому королевству не присоединили из-за распрей, возникших между Раймундом и Готфридом. Через некоторое время на арсурский гарнизон напали войска Готфрида. Жители Арсура, пораженные коварством франков, стали обороняться. Король Иерусалима понял, что причиной яростного отпора арсурцев стали данные Тулузом обещания.

Лишения походов, многочисленные победы и поражения успели порядком надоесть рыцарям и баронам. Награбленного богатства хватало на то, чтобы спокойно вернуться домой и безбедно жить. За первыми крестоносцами, ушедшими в Европу, потянулись остальные. В Иерусалиме осталось всего лишь 300 рыцарей. Готфрид и Танкред остались править Иерусалимским королевством. Оба Роберта возвратились в Европу. Раймунд Тулузский стал правителем Лаодикейского княжества, которое подарил ему константинопольский император. Так завершился Первый крестовый поход.

Второй крестовый поход

Созданные крестоносцами на Востоке государства были слабы. Мусульмане враждебно относились к европейским завоевателям и вскоре отобрали у крестоносцев Эдессу. Турки-сельджуки тоже готовились к войне.

В этих условиях католическая церковь вновь выступила с призывом защитить «землю обетованную». Началась подготовка ко Второму крестовому походу. Немалую роль в этом сыграли рыцарские ордена, которые возникали в странах Европы при поддержке церкви и папы. Проповедуя христианские заповеди и призывая к борьбе с «неверными», рыцарские ордена способствовали идеологическому обоснованию нового Крестового похода.

В 1099 году был основан орден тамплиеров, или храмовников. Автором устава ордена стал святой Бернар Клервоский. Первоначально в это религиозное братство принимали лишь рыцарей и монахов дворянского происхождения, а затем и всех желающих. Члены этой организации должны были сопровождать паломников по дороге в Иерусалим и защищать их от «неверных». Папы покровительствовали тамплиерам и предоставляли им большие права. Тамплиеры убеждали людей в том, что добиться вечного блаженства можно двумя способами: отшельничеством или участием в Крестовом походе.

Орден госпитальеров, или Святого Иоанна, был образован французскими рыцарями в Иерусалиме после Первого крестового похода. Позднее во многих странах Европы появились госпитальеры. Орден назывался «Странноприимный дом иерусалимского госпиталя». В нем могли находить приют паломники, прибывшие в Иерусалим. Здесь же оказывалась помощь больным. Но в скором времени орден был преобразован в военную организацию, задачей которой стала борьба с «неверными». Все вступающие в орден должны были полностью вооружиться за свой счет или внести в казну ордена значительную сумму денег. Госпитальеры приобретали и обширные земельные владения.

Тевтонский орден создан немецкими рыцарями в 1197 году на иерусалимских землях. Члены ордена обязывались одновременно ухаживать за больными, принимать немецких паломников, а также воевать с «неверными». Центром ордена стал Монфорский замок, построенный императором Фридрихом II в 1229 году.

Все эти ордена призваны были укрепить влияние крестоносцев на Востоке, защитить их от местного населения, не желавшего подчиниться власти европейцев.

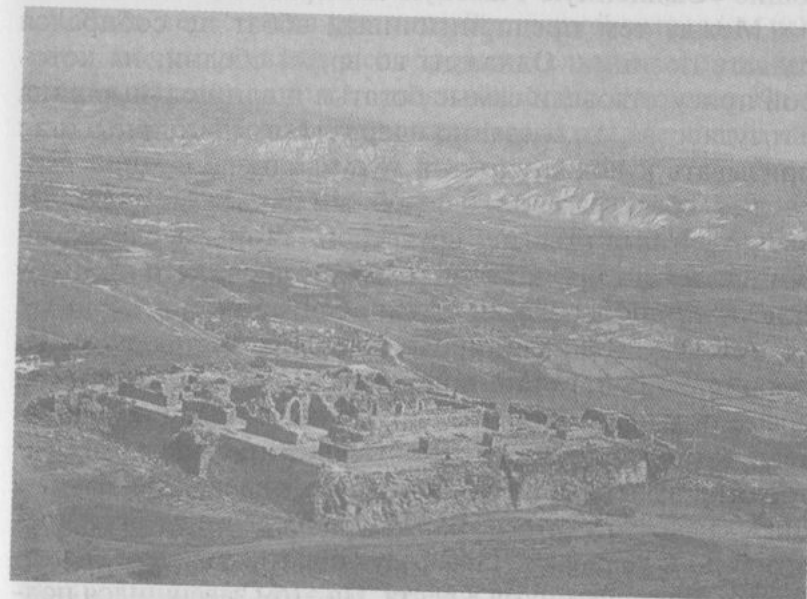
Уставы орденов составлялись таким образом, чтобы заставить людей отдать свое имущество на организацию новых походов на Восток.

Таким образом, рыцарские ордена всячески поддерживали идею Крестовых походов и обещали помощь и поддержку всем их участникам.

Вскоре после того как обществу стало известно о решении папы, касающемся Второго крестового похода, в Везеле был созван собор, в котором приняли участие представители различных социальных групп: от прелатов до простых ремесленников. Перед собравшимися выступили Людовик VII и святой Бернар Клервоский.

Через некоторое время по всей Франции распространились слухи о чудесах, якобы творимых Бернаром Клервоским.

Одни утверждали, что лично видели, как во время пламенной речи аббата ему на плечи опустились ангелы, другие клялись, что видели божественное сияние вокруг головы пророка. Количество людей, желающих принять участие в походе, резко увеличилось.

Один из замков крестоносцев

Авторитет святого Бернара Клервоского возрос. На собрании будущих участников похода, состоявшемся в Шартре, он был избран предводителем крестоносцев. Однако хитрый пророк прекрасно понимал, что на идеологическом поприще он сможет добиться гораздо большего, нежели на поле боя. Поэтому он с благодарностью отказался от лестного предложения и обратился к Евгению III с просьбой «не предавать его мечтаниям человеческим».

Заручившись поддержкой толпы, святой Бернар решил, что пришло время вербовать в союзники германского императора Конрада III. Он не пропускал ни одного королевского совещания, прилагая все силы для убеждения императора в своевременности похода против мусульман. Однако Конрад был непреклонен. Свое нежелание снарядить поход против «неверных» он мотивировал необходимостью прекратить смуты, раздирающие «Священную Римскую империю».

Между тем предприимчивый аббат не собирался сдавать позиции. Однажды во время обедни, на которой присутствовали самые богатые и влиятельные лица в государстве, он внезапно прервал богослужение и стал призывать к походу против мусульманского мира. Несколько обескураженный подобным натиском Конрад III вынужден был ответить согласием. Утопая в слезах, он принял из рук проповедника Крест, после чего примеру властителя последовали его приближенные.

Аббат Клервоский продолжал свою деятельность на поприще пропаганды похода на Восток. С течением времени у него появились многочисленные последователи, которые, будучи действительно прекрасными ораторами, зачитывали с церковных кафедр призывные письма своего учителя. Благодаря их деятельности крестоносцам удалось к 1147 году собрать под свои знамена немало защитников Креста. На этом завершился подготовительный этап Второго крестового похода.

Несчастливая звезда Людовика VII

В 1147 году армии французского короля Людовика VII и германского императора Конрада подошли к границам Византии. В это время на греческом престоле находился Мануил Комнин, внук Алексея I.

Еще со времен Первого крестового похода греки были серьезно обеспокоены усилением мусульманского мира. В связи с этим по отношению к латинянам проводилась достаточно гибкая политика. Однако после побед, одержанных Готфридом, турецкая угроза Константинополю значительно ослабла, и византийцы уже не особенно скрывали свою ненависть к латинянам.

Негативное отношение греческого правителя к крестоносцам усугублялось уверенностью большинства византийских политиков в том, что основной целью западных монархов является захват Константинополя.

Едва переступив границы Восточной империи, рыцари почувствовали недоброжелательное отношение греков. Происходили постоянные стычки воинов Конрада с местным населением, на провокации византийцев крестоносцы отвечали насилием.

Армия германского императора разбила лагерь в нескольких милях от Константинополя. Долго обсуждался церемониал встречи между двумя наследниками Римской империи. После продолжительных споров было решено, что императоры должны приблизиться друг к другу верхом на лошадях и обменяться братским поцелуем.

Но, несмотря на взаимные любезности, ненависть греков преследовала крестоносцев на протяжении всего перехода через территорию Византии. Хуже всего приходилось отставшим от основной армии рыцарям, которых попросту убивали. Мануил Комнин приказал ввести фальшивые монеты, которыми греки расплачива-

лись с крестоносцами, но не принимали обратно. В таких условиях немцы были вынуждены продвигаться в сторону Малой Азии.

В отличие от германской армии отряд Людовика VII был встречен в Константинополе радушно. Еще по пути в Византию французские рыцари вели себя гораздо гуманнее немцев, не участвуя в грабежах и разбоях. На венгерской территории местные жители восприняли французов как братьев, видя в них спасение от междоусобных феодальных войн.

Византийский император организовал Людовику VII пышный прием. Он приказал всем самым знатным лицам государства встретить французского короля у ворот Константинополя. В честь французского короля было произнесено много любезностей и заверений в преданности делу крестоносцев. Но в скором времени Людовик понял, насколько лицемерны политики константинопольского двора: до него дошли сведения о том, что Мануил Комнин находится в дружеских отношениях с султаном Иконийским, которому сообщает обо всех передвижениях крестоносцев.

Французы были поражены заявлением греческого императора о желании при помощи крестоносцев вернуть под опеку Константинополя древние эллинские города, ранее завоеванные мусульманами.

На совещании французских предводителей выступил епископ Лангрский: в своем обращении к рыцарям он напомнил о коварном поведении греков и о препятствиях, которые они чинили крестоносцам. В заключение епископ призвал баронов захватить Константинополь, тем самым сломав стену недоверия, препятствующую объединению западных и восточных христиан.

Однако французские военные лидеры не одобрили позицию священника, напомнив ему, что целью похода является освобождение Гроба Господнего, а не разгром Византии. Еще руководитель Первого крестового похода

да Готфрид отказался от предложения рыцарей завоевать Константинополь, объяснив им, что священная война направлена против «неверных», а не против восточных христиан.

Людовик VII переправился через Босфор и разбил лагерь около Никеи. В этот момент произошло солнечное затмение.

Крестоносцы обеспокоились, увидев в этом событии роковое предзнаменование. И действительно, вскоре пришли вести о разгроме германской армии. Когда немцы выступили из Никеи в Иконий, греки направили их по ложному пути. Армия Конрада оказалась в пустынной местности без запасов продовольствия и воды: в результате от жажды и голода погибло около 30 тысяч человек.

Германский император решил возвратиться в Никею, но на обратном пути на них напал большой турецкий отряд. Конрад получил серьезные ранения, а немецкая армия практически прекратила свое существование.

Через некоторое время Конраду с оставшимися рыцарями удалось добраться до ставки Людовика VII. Там германский монарх объяснил свою неудачу лживостью и коварством греков. После этого император отправился в Константинополь, где его радушно встретил Мануил.

Французский король с большей осторожностью отнесся к идее похода в Палестину, решив отправиться в путь вдоль побережья.

Дорога была трудной: рыцарям пришлось преодолеть много горных перевалов и бурных рек. В результате крестоносцы добрались до Эфессы, где остановились на отдых. В лагерь французов прибыли несколько посольств из Константинополя с целью отговорить короля от дальнейшего похода. Однако Людовик VII был настроен решительно.

Французский правитель решил продолжать поход в направлении Лаодикеи. Вскоре его войска дошли до

реки Меандр, на другом берегу которой их ждали мусульманские отряды. Главные силы сарацин встали у брода, преградив крестоносцам проход через реку.

Благодаря грамотной расстановке войск и самоотверженности рыцарей Людовику VII удалось смять турецкую армию, обратив ее в бегство. Французы долго преследовали мусульман, но большая часть сарацинского войска успела укрыться за крепостными стенами Антиохетты.

Жители Лаодикеи, узнав о поражении своей армии, покидали города и уходили вместе с отступающей армией. В результате французам пришлось проходить через безлюдные территории, оставленные мусульманами.

Преодолев немало трудностей, путники добрались до горной местности. Им предстояли тяжелые переходы через узкие опасные перевалы. Людовик отправил вперед своего брата графа Мориенского и Жоффруа Ранконского с отрядами; им было поручено определить путь, по которому пройдет основная армия.

Турки воспользовались разделением христианского войска и напали на отряд французского короля. Рыцари Людовика VII самоотверженно сражались, но исход битвы был предрешен.

После долгих переговоров греки предложили французскому монарху корабли для обратного пути, и ему пришлось согласиться. Но и на этот раз византийцы не сдержали слова: крестоносцам были предоставлены небольшие суда и в столь малом количестве, что на них нельзя было перевезти всю французскую армию.

Людовику пришлось оставить часть своего войска у стен Атталии, заплатив грекам за сопровождение судов до Тарса. Однако правитель города опять не сдержал обещания, в результате чего оставшиеся французы умерли от голода и болезней.

Тем временем корабли Людовика VII прибыли в гавань Святого Симеона, расположенную недалеко от

Антиохии. Правитель этого города Раймунд Путьерский организовал пышную встречу французскому королю. Он хотел с его помощью завоевать территории, занятые египетскими мусульманами.

Но Людовик VII отказался от предложения барона отправиться в новый поход. Французский король по-прежнему полагал, что основной целью Крестового похода является посещение святых мест, а устремления правителя Антиохии были далеки от религиозных побуждений.

Людовик VII решил отправиться в Палестину, где и произошла его встреча с товарищем по несчастью — германским императором Конрадом.

В то время во главе королевства Иерусалимского стоял молодой правитель Балдуин III. Он намеревался с помощью европейских монархов расширить свои владения.

В Птолемаиде было созвано собрание, на котором присутствовали Иерусалимский король, бароны, Людовик VII, германский император Конрад, а также много европейских рыцарей и духовных лиц. В результате переговоров было принято решение завоевать Дамаск. Захват этой крепости способствовал бы делу укрепления позиций Иерусалимского королевства.

В Тивериаде произошло объединение различных рыцарских отрядов. После перехода через Антиливанский хребет крестоносцы дошли до Дамасской равнины. Взору европейцев предстала живописная картина: город был окружен огромными садами, разделенными многочисленными земляными стенами с узкими проходами между ними, которые заняли мусульманские воины.

Был отдан приказ штурмовать укрепления «нехристей». Несмотря на ожесточенное сопротивление последних, рыцарям удалось вытеснить защитников, обратив их в бегство.

Вскоре на подмогу отступающим подошел многочисленный отряд мусульманской конницы, завязалась ожесточенная схватка. Благодаря самоотверженности и мужеству рыцарей французского короля и германского императора неприятель вынужден был отступить. В ходе боя крестоносцы заняли выгодные позиции по берегам реки Барради, тем самым поставив защитников Дамаска в уязвимое положение. Среди жителей города началась паника.

Однако из-за несогласованности действий между крестоносцами была упущена возможность захватить город. Вскоре на помощь обороняющимся подошло двадцатитысячное войско под командованием султанов Мосульского и Алепского. После нескольких неудачных попыток лидеры рыцарей решили отказаться от штурма крепости. Как и прежде, крестоносцам не удалось добиться положительного результата по причине чрезмерной амбициозности вождей похода. В тот момент, когда победа была уже не за горами, они не смогли договориться о том, кому будет впоследствии принадлежать город. Драгоценное время было упущено, и рыцарям пришлось отступить.

Вскоре после неудачного штурма Дамаска лидеры рыцарей собрались на совет, чтобы решить вопрос о возможном продолжении совместных действий. Однако большинство вождей отказались от идеи захвата Аскалона. Германский император решил возвратиться на родину, Людовик VII отбыл во Францию.

На данном этапе Крестовый поход не принес европейскому сообществу желаемого утверждения на Ближнем Востоке. Лидеры священной войны не проявили должного благоразумия и предусмотрительности. Император Конрад не обладал талантами стратега, но зато имел чрезмерные амбиции. Людовик VII проявил себя мужественным полководцем, но и ему не удалось избежать серьезных ошибок.

431 Триумф мусульманского мира

Как говорилось выше, результаты Крестового похода Конрада и Людовика VII были крайне отрицательными. Мусульманский мир, со всех сторон окружавший Святую землю, не смирился с ее захватом христианами. Франкские власти никак не могли оправиться после перенесенных неудач.

Воспоминания о священной войне держали в страхе европейские народы. Ряд предложений, поступивших со стороны короля Иерусалима и Антиохии, а также от духовного руководства орденов Святого Иоанна и храмовников, были дипломатично отвергнуты европейским духовенством.

В то же время созревали планы захвата знаменитого города Аскалона, являвшегося стратегически значимым барьерным пунктом, отделявшим Сирию от Египта. Балдуин III поклялся погубить славу великого Нуреддина. Для этого были созданы специальные отряды, во главе которых шла колонна из рыцарей и епископов. Впереди выступала свита патриарха Иерусалимского.

Перед огромной армией Балдуина III раскинулись необъятные морские просторы. Вдалеке на прибрежной полосе виднелись стены Аскалона. Со стороны моря были различимы флаги 15 кораблей военного флота Жерара Сидонского, сопровождавшего крестоносцев на протяжении всего пути. Позиции города постоянно укреплялись сирийскими и египетскими властями. Город представлял собой большую крепость, окруженную толстыми стенами и готовую к любой осаде. Верхний край каждой стены имел острые зубцы. Над городом возвышалось множество сторожевых башен, из окон которых постоянно наблюдали за прибрежной полосой.

Подобно лучам солнца, с каждого зубца на стене исходил яркий свет. Жители Аскалона повесили на сте-

ны множество мелких фонарей, позволявших вести активный надзор за окрестными территориями.

Два месяца осадных мероприятий не принесли положительных результатов. На помощь крестоносцам были отправлены европейские корабли с тысячами рыцарей на борту, пополнивших флот Жерара Сидонского. Гавани Яффы и Птолемаиды были до отказа заполнены судами христиан-союзников.

Осада длилась уже пять месяцев, и мусульмане изрядно истощили боевые ресурсы крепости. В свою очередь, с египетской стороны незамедлительно прибыло подкрепление, состоявшее из огромного флота, насчитывавшего 70 кораблей. Особо следует отметить наличие у христиан передвижной башни, с помощью которой воины могли осыпать горящей смолой всю территорию крепости.

Именно эта башня лишала мусульман шансов на спасение. Несколько раз они пытались уничтожить ее, но безрезультатно.

Последняя попытка повлияла на ход сражения. Мусульмане подкатили к башне сухие бревна, стволы которых были насквозь пропитаны горючими смесями. После этого непредусмотрительные сарацины, не приняв во внимание направление ветра, подожгли бревна в надежде уничтожить страшное оружие.

Однако сильный восточный ветер нарушил планы коварных затворников. Огонь с бревен перекинулся на стены Аскалона. Раскаленные каменистые блоки разрушались, погружаясь в огненную стихию. Взорам удивленных крестоносцев предстал проход, сделанный огнем в западной стене.

Удача крестоносцев достигла своего апогея. Руками вражеских воинов было сделано то, чего не удалось достичь рыцарям за пять долгих месяцев. Однако судьба сыграла с ними злую шутку. Как только стало возможным беспрепятственное проникновение на территорию

Аскалона, храмовники не упустили шанса поживиться легкой добычей. Небольшой отряд рыцарей, поставленных охранять проход, проник за пределы стен Аскалона и увлекся грабежами. Это обстоятельство было использовано мусульманами, напавшими на трясущихся от жадности грабителей. Большая часть храмовников погибла, остальные обратились в позорное бегство.

Отчаянные крики беглецов были услышаны готовящимися к атаке крестоносцами. Нападение было отложено. На следующий день патриарх предложил возобновить атаку. Ожесточенные удары по слабеющим мусульманским позициям не прошли даром. Ряды мусульман быстро редели. После кровавого побоища обе стороны решили заключить временное перемирие.

Перемирие угнетающе подействовало на мусульман, подсчитавших свои многочисленные потери и получивших тревожные вести из Каира. Было принято решение сдать город иерусалимскому королю. Миссию передачи выполняли послы, избранные оставшимися в живых жителями города.

Тем временем уставшие от безрезультатных сражений предводители войска крестоносцев уже собирались отступать. Каково же было их удивление, когда они узнали о цели визита непрошенных гостей! На радостях оставшимся в живых жителям города предоставили возможность спокойно уйти прочь, забрав с собой все необходимое. Через три дня ворота Аскалона распахнулись перед победителями.

Первым шагом к очищению Священной земли было торжественное посвящение центральной мечети святому апостолу Павлу. С этого момента пограничный Аскалон стал непреодолимым барьером на пути мусульман. Палестинские земли были отрезаны от Египта.

События последующих лет не были столь знаменательны. Крестоносцы совершали набеги на арабские поселения в Панеадских лесах, кроме этого, произошли

мелкие сражения в Антиохийском княжестве и ряд столкновений с мусульманами в Триполийском графстве. Под мощным натиском воинов Рено Шатильонского пал остров Кипр.

Это событие привело к обострению отношений между правителями Антиохии и патриархом Амальрика. Рено Шатильонский приказал вывести прелата на вершину цитадели с намазанной медом головой. В течение дня связанный прелат страдал от укусов мух, облепивших его голову.

Через несколько дней заболел Балдуин III. Проболев несколько месяцев, он скончался в Бейруте и был похоронен вблизи Голгофы. Узнав о смерти великого предводителя, сам Нуреддин, относящийся с уважением к трауру христиан, приостановил военные действия.

За титул короля Иерусалима сражались несколько наследников. Брат Балдуина III, Амальрик, по праву занял место своего великого родственника. И хотя окружение недолюбливало его за скупость и гордыню, Амальрик оказался единственным достойным кандидатом на престол. Первым шагом нового правителя стала разработка плана нападения на Египет.

После взятия Аскалона египетский халиф отказался платить дань победителям, что послужило поводом для развязывания новой войны. Нападение на берега Нила принесло Амальрику солидное богатство. Превосходящее по силе войско иерусалимского короля заставило каирского халифа поверить в целесообразность откупа от ненужной войны.

После небольшого перерыва Амальрик появился на территории Египта с целью встречи с представителями партий, нуждающихся в его поддержке.

Предстоящие военные действия на территории Триполийской области требовали серьезной поддержки Запада. Откликнувшись на призывы нового короля, на территорию Палестины съехались войска из Пуату и Акви-

тании во главе с Гуго Лебреном, прибыли также два сына Лебрена — Жоффруа и Ги Люсиньянские. Впоследствии Ги стал королем Иерусалима.

После подкрепления, посланного войскам Амальрика, Нуреддин быстро сдал позиции, уступив Триполийскую область королю. Однако возмездие не заставило себя долго ждать.

Несколько недель спустя султан Дамаска одержал головокружительную победу в битве с христианами при Харенке. В результате несколько князей попали в суровый турецкий плен. Среди захваченных были Боэмунд III и триполийский граф Раймунд, которого турки справедливо прозвали франкским сатаной.

Эти скорбные события дополнило известие о взятии мусульманами города Панады. В тот же момент на Египет напали воины Нуреддина. Каирский халиф взмолился о помощи, и иерусалимский король не отказал ему. Орда Ширку, одного из военных предводителей Нуреддина, была разбита. За свои услуги Амальрик получал ежегодную дань в размере 100 тысяч червонцев и право на образование военного гарнизона в Египте.

После этого Амальрик женился на родственнице великого императора Мануила. Этот союз с племянницей могущественного правителя он планировал использовать для завоевания обширных плодородных земель Египта.

В Константинополь были отправлены послы с дарами. Их миссия заключалась в передаче просьбы Амальрика, касающейся содействия великого императора в предстоящих завоеваниях.

Получив согласие, Амальрик организовал собрание, на которое были приглашены высокопоставленные государственные чиновники. Они предупредили правителя о том, что после концентрации основной массы войск на египетских землях резко возрастет опасность нападения Нуреддина.

Крупномасштабная война с Египтом ослабляла Иерусалим, оставляя незащищенным самое сердце священного города. Однако Амальрик не внял предупреждениям ученых мужей. Он не сомневался в благополучном исходе начатой войны.

Нуреддин разрабатывал план захвата египетских территорий. Между тем войска иерусалимского короля приближались к Бильбеису. Высадившись на правый берег Нила, Амальрик приказал захватить город. Страшная участь ждала египетских жителей. После стремительного нападения Бильбеис пал к ногам победителей. Всех горожан, оставшихся в живых, предали жестоким пыткам и смерти.

Эти ужасные события заставили халифа преклонить колени перед грозным противником. Иерусалимских агрессоров остановили выгодные предложения послов халифа. Египетский правитель предлагал Амальрику большой денежный выкуп. Это был хорошо продуманный тактический ход.

Отступив на месяц от Каира, Амальрик предоставил халифу необходимое время для создания коалиции с Нуредином. Как только египетские земли заняли полчища солдат могущественного правителя, вселявшие страх в сердца христиан, Амальрик был вынужден с позором вернуться в Иерусалим.

Спустя несколько недель в порт Птолемаиды прибыли корабли Мануила, запоздавшие к первому предприятую. Мощь греческой эскадры вселила надежду в сердце побежденного короля. Амальрик направился к берегам Дамииетты, где он собирался при помощи греческого флота завоевать город.

Однако удача отвернулась от Амальрика — два долгих месяца осады не принесли никаких результатов. Множество кораблей из флота Мануила было выведено из строя в результате шторма. Оставшаяся часть флотилии пострадала от действия огня. Ряды армии иеруса-

лимского короля быстро редели. Люди погибали от голода и болезней. Расстроенный Амальрик покинул родину фараонов.

В это время в правительственных кругах Египта произошла смена политических лидеров. Конец династии Фатимидов был ознаменован приездом на территорию страны мусульманского короля. Халиф приказал казнить своего главного визиря Шавера и назначил на его пост великого Ширку, талантливого полководца армии Нуреддина.

Однако через несколько месяцев Ширку умер от неизвестной болезни. Место умершего занял его племянник Салах-Аддин. Будущий великий правитель, сын Аюба и эмир Нуреддина, прибыл из далекого Курдистана для поддержания порядка в Месопотамии.

Его путь к вершинам власти начался как раз в тот момент, когда внезапно умер Нуреддин и Дамаск остался без предводителя. Освободившееся место было предложено Салах-Аддину. С этих пор черный цвет одежд Аббасидов был заменен на белый в знак уважения и почитания великого Али.

До вступления на престол жизнь молодого Салах-Аддина была наполнена пьянством и развратом. В серале, где до тридцати лет жил будущий правитель, все знали его как распущенного человека, пороки которого представляли содрогаться священников.

Как отмечают древние летописцы, назначение Салах-Аддина на пост первого министра резко изменило судьбу великого грешника. В это же время скончался король Амальрик. Его преемником стал сын Балдуин IV, который в силу своих физических данных не мог продолжать дело отца. Регентом Иерусалима стал Раймунд Триполлийский.

Тем временем власть Салах-Аддина достигла своего апогея. Его имя было провозглашено во всех городах Египта как священное. С годами политическое и воен-

ное влияние Салах-Аддина превысило пределы египетских земель. Узнав о враждебных намерениях франков по отношению к священной Антиохии, грозный властитель снарядил огромную армию и направился к землям Палестины.

Дойдя до города Аскалона, воины Салах-Аддина разорили территории Рамлы и Лидды. В ответ на внезапное бесцеремонное вторжение мусульман с христианской стороны незамедлительно последовала жестокая расправа. Из Аскалона под покровом ночи христианские войска тайком перебрались за песчаные холмы, за которыми скрывался лагерь мусульман, и напали на неприятеля.

Рассредоточенные вражеские силы не смогли противостать хорошо спланированной централизованной атаке. Дороги Палестины были сплошь усеяны трупами «неверных».

Армия Салах-Аддина капитулировала. Сам правитель Дамаска с позором умчался с поля брани, что было силы прищипывая бока арабского скакуна.

Предводители христиан сознавали, что это сражение положило начало большой войне. Через некоторое время полчища мусульманских воинов, вооруженных саблями и кинжалами, приблизились к Галилее. Однако воинственным намерениям обеих сторон не суждено было сбыться. Усиливающийся в Сирии голод заставил Салах-Аддина заключить перемирие с христианами.

Спустя некоторое время ветхий мир двух враждебных держав был нарушен Рено Шатильонским. Женившись на вдове Жоффруа Торонского, он получил во владения Крак и Монреаль. Организовав нападение на территории священных городов Мекки и Медины, он тем самым преступил законы международного права.

Король Балдуин с каждым днем все больше слеп. Он прекрасно понимал, что скоро не сможет справляться со своими обязанностями. Балдуин принял решение

передать власть в руки Ги Люсиньянского. Этот политический шаг сильно удивил придворную знать, которая не видела в Ги достойного преемника.

И действительно, во время очередной попытки разбить мусульманские военные колонны, расположенные между горой Гельвуде и Скифополем, новый регент проявил стратегическую недалекость. Опытные военачальники высказали свое недовольство новым предводителем. Балдуин прогневался на нерадивого вояку и тотчас лишил его регентства. Эстафета власти перешла к другому кандидату. Им стал пятилетний граф Триполи. Балдуин собственноручно увенчал голову мальчика короной Иерусалима. Маленький властитель был законнорожденным сыном Сибиллы и маркиза Монферратского.

Защитники Иерусалимского королевства нуждались в поддержке западных христиан. К правителям западных европейских государств были отправлены рыцари, возглавляемые великим патриархом Ираклием и магистрами орденов храмовников и ионитов.

Однако раздираемая смутами Европа не могла ответить на призывы Иерусалима. Только серьезные политические катаклизмы могли убедить европейские народы в необходимости продолжения Крестовых походов.

Управление государством перешло в руки политика-нов и «стервятников-потрошителей», делящих Иерусалим у постели умирающего Балдуина IV. Вскоре Иерусалим остался без правителя.

По иронии судьбы и благодаря придворным интригам к власти снова пришел Ги Люсиньянский и его супруга Сибилла.

Близилось падение великого Иерусалимского королевства. В эти скорбные дни произошли события, закрепившие за христианами рыцарями славу отважных и достойных воинов. 1187 год был отмечен кровопролитными столкновениями вблизи Назарета.

Семь тысяч мусульманских воинов подошли близко к стенам Галилеи и напали на колонну, состоящую из 130 рыцарей-храмовников.

Мужественные христианские воины приняли неравный бой, отдавая себя мусульманам на растерзание. Удары сабель дождем осыпали кольчуги, пробивая тонкое железо и окрашивая мечи в красный цвет. Тысячи слуг Салах-Аддина погибли в этом великом сражении. Христиане были повержены.

В этом бою погиб магистр храмовников Жакоба де Моле. Неистовство сражающегося рыцаря не раз отпускало десятки сарацин. Спустя несколько месяцев огромная армия из Дамаска двинулась в сторону Галилеи. По пути она свернула к Тивериаде. Войско Салах-Аддина насчитывало около 80 тыс. человек. Тивериада была покорена за один день.

В это время состоялся большой военный совет, на котором было принято решение воссоединить все христианские силы на территории Сефурийской долины. Колонны христианских воинов насчитывали около 50 тыс. человек, способных держать в руках оружие.

Мусульманские гарнизоны приближались к крепости, в которой скрывалась жена великого графа Триполитского. Перед командованием христианского войска встал выбор: продолжать наступление или оставаться на сефурийских землях. Раймунд, укрепляя сердце, приказал воинам не покидать занимаемых территорий.

Раймунд планировал дожидаться выступления армии Салах-Аддина в новый поход. Мудрый и опытный военачальник резонно предполагал, что после победы над Тивериадой «дамасские псы» пройдут по самым пустынным территориям вблизи Сефури. По его мнению, они должны были испытывать страшные муки и умереть от жажды.

Ги Люсиньянский вновь подтвердил мнение о себе как весьма недалеком и посредственном правителе.

Магистр храмовников приказал выступить в поход против войска Салах-Аддина. Изнурительная жара мучила доблестных служителей Святого Креста. В начале июля они прибыли к Марескальции, расположенной в нескольких километрах от Тивериады.

Во главе воинской колонны выступал отряд рыцарей-храмовников и ионитов, возглавляемый новым иерусалимским королем. Передовые ряды войска возглавил сам граф Триполитский.

Подойдя к Марескальции, христиане выдержали атаку сарацин, осыпавших доблестных воинов Креста дождем из стрел. Путь к Галилейскому озеру лежал через узкие скалистые ущелья, вершины которых были использованы вражескими лучниками для нанесения сокрушительных ударов.

Подозревая, что главное нападение отрядов сарацин уже не за горами, граф Триполитский настоятельно рекомендовал королю продвигаться вперед по ущелью. Однако Ги Люсиньянский не последовал совету опытного военачальника и отправился вслед за графом.

Войдя в одно из ущелий Марескальции, аррьергард христианского войска подвергся нападению сарацин, со всех сторон окруживших королевскую свиту и храмовничьи отряды. Ги Люсиньянский впал в отчаяние. Аррьергардные ряды армии Иерусалима рассекали ливни сарацинских стрел, подкрепляемые ударами загнутых сабель. Этот день принес смерть многим христианским воинам. Равнина, по которой шествовали воины Креста, превратилась в огненное зарево. Сарацины подожгли сухую траву, ковром выстилавшую путь ненавистных противников.

Следующим тяжелым испытанием для христиан стал переход через холмы, отделявшие Галилейское озеро от равнины. Первыми к холмистым грядам устремились отряды Раймунда. Им предстояло принять на себя всю тяжесть первой сокрушительной атаки воинов Салах-

Аддина. Коварный правитель Дамаска решил отрезать занявших возвышение христиан от основной части войска. Достигнув холмов, воины Раймунда были вынуждены отражать атаки сарацин, следовавшие одна за другой, и через некоторое время ослабевшее войско стало взывать о помощи к королю, стоявшему у подножия холмов.

Однако Ги Люсиньянский не внял просьбам несчастных. Это обстоятельство внесло сумятицу в стройные ряды крестоносцев. Паника и безысходность, поселившиеся в рядах христиан, сподвигли Раймунда на героический прорыв через вражеские ряды к подножию холма. Войско сарацин было внезапно повержено обезумевшими от боли и страха воинами Креста. Отряды Раймунда направились к Триполи, оставив трусливого короля и жалкие остатки его войска.

В это время ударные силы сарацинов сокрушили оставшуюся часть воинов Креста во главе с Ги Люсиньянским. Евангельские Горы блаженства (так назывался холм, на котором разыгралось это печальное сражение), были залиты кровью. Веревки из палаток лагеря христиан были использованы для связывания пленников, количество которых значительно превышало число веревочек. Пленных христиан продавали в рабство.

После захвата основных владений христиан султан Салах-Аддин занялся приготовлениями к осаде Иерусалима. Однако вначале он предложил его жителям сдать город без сражения.

В ответ христиане сказали, что никогда не уступят города, в котором Иисус принял смерть. Разъяренные дерзким ответом мусульмане пошли на приступ городских стен.

Силы противников были изначально неравны, и Иерусалим, несмотря на мужественное сопротивление христиан, подчинился власти мусульманского завоевателя, египетского султана Салах-Аддина.

Вести о сокрушительном поражении крестоносцев быстро распространились в христианских кругах Европы. Уныние и скорбь поселились в сердцах служителей священного Креста на Западе, когда они узнали о том, что священный город завоеван султаном Салах-Аддином.

Третий крестовый поход

Падение Иерусалимского королевства потрясло всю Западную Европу. 29 октября 1187 года Папа Римский Григорий VIII вышел с обращением о начале Третьего крестового похода.

В этой петиции католикам предписывалось в течение пяти лет соблюдать еженедельный пост, а также два раза в неделю воздерживаться от употребления мяса. Призыв главного католического иерарха поддержали многие священнослужители.

После смены руководства Ватикана, когда на Священный престол взошел Климент III, пропаганда похода на Восток еще более усилилась. Новый папа стремился укрепить пошатнувшийся престиж католических иерархов. Но главной целью похода было возвращение христианскому миру власти в Иерусалиме. Некоторые кардиналы для подъема религиозного сознания европейцев приняли обет обойти всю Англию, Францию и Германию.

Третий крестовый поход произошел в период с 1189 по 1192 год. По сравнению с предыдущими состав участников нового похода претерпел значительные изменения. В XII веке рыцарское сословие стало главной движущей силой христианского возмездия, а народное ополчение уже не принимало в походах активного участия.

Тем не менее католическая церковь продолжала убеждать христиан в необходимости Третьего крестового похода, выдвигая различные религиозные обоснова-

ния. Крестоносцы поддерживали церковь, руководствуясь, однако, политическими и экономическими мотивами. В XII веке серьезным стимулом для западноевропейских лидеров стало завоевание Восточного Средиземноморья.

Между тем призывы высших римских иерархов уже не могли оказывать сильного воздействия на народные массы. Дело заключалось в том, что в 1189 году в Англии и Франции была введена дополнительная подать, предназначенная для сбора средств, необходимых для совершения похода.

Главную поддержку призывам римского папства оказали крупные феодалы, богатые рыцари и городской патрициат.

В 1188 году в направлении восточных берегов Африки вышла флотилия под командованием адмирала-пирата Маргаритона, состоящая из нескольких десятков кораблей.

В свою очередь во Франции, Германии и Англии феодалы приступили к формированию отрядов крестоносцев. Во главе войска Христова встали германский император Фридрих Барбаросса, английский монарх Генрих II Плантагенет и французский король Филипп II Август. Каждый из них стремился укрепить свое положение в Европе.

Генриху II (1133–1189) Плантагенету к началу Третьего крестового похода удалось значительно расширить свои владения. После женитьбы на Элеоноре Аквитанской он присоединил к своим владениям графства Анжу, Мен, а также герцогство Аквитания. Благодаря этому приобретению Англия укрепилась на Средиземноморских берегах и распространила свое влияние на стратегически важные торговые пути. В ходе новой военной авантюры Генрих II рассчитывал упрочить положение Англии в портах Средиземного моря. Кроме этого, он претендовал на трон Иерусалимского королевства.

Английский монарх давно вынашивал планы установления мировой англо-французской империи Плантагенетов, поэтому сразу откликнулся на призыв папы принять участие в войне с мусульманами.

Германский император Фридрих I Барбаросса (1152–1190), принимавший участие еще во Втором крестовом походе, принял решение отправиться на Восток. Он обладал весьма агрессивным и воинственным характером. Наряду с Генрихом II, Фридрих I стремился к абсолютному мировому лидерству.

До этого времени Фридрих I проводил захватническую политику на юге Европы, стремясь подчинить прилегающие к империи территории.

Многие годы германский правитель пытался завоевать Ломбардию, но терпел неудачи. В 1176 году он был разгромлен союзом городов, и ему пришлось подписать униженный Венецианский мирный договор, утвержденный Папой Римским. Впоследствии Барбаросса повел активную политику по отношению к Южной Италии и Сицилии.

Германский император хорошо понимал ценность стратегического положения Сицилии в левантской торговле.

Для достижения поставленных целей Фридрих I использовал династический брак своего сына Генриха и наследницы сицилийского трона Констанции. Тем самым он обеспечил переход острова во владение династии Штауфенов.

Германские доспехи

Фридрих мечтал о тех временах, когда Византия войдет в состав Германского государства; он намеревался расширить территорию своей державы до границ старой Римской империи.

Несмотря на то что папы до недавнего времени являлись политическими противниками Штауфенов, император положительно отнесся к идее Крестового похода. В то же время феодальные круги Южной Германии, служившие ему политической опорой, стремились к завоеванию восточных территорий.

Еще одним монархом, решившим отправиться к Гробу Господнему, был французский король Филипп II Август (1165—1223). Он только формально числился сюзереном Генриха II Плантагенета. На самом деле английский правитель был намного могущественнее французского монарха.

Французский король решил с помощью Крестового похода укрепить государство, пополнить казну и собрать силы для борьбы с ненавистной династией Плантагенетов. Впоследствии Филипп II намеревался собрать воедино потерянные его предшественниками земли.

В январе 1189 года недавние враги встретились и договорились о мире. Было принято решение о совместном выступлении против «неверных».

Между тем произошло событие, серьезно повлиявшее на дальнейший ход истории: сын Генриха II Ричард отказался заключить брак с сестрой Филиппа II Алисой, якобы соблазненной английским монархом. Французский король с помощью интриг сумел настроить сына против отца. В результате произошло кровопролитное столкновение, отодвинувшее на некоторое время начало похода.

6 июля 1189 года Генрих II умер, и на английский престол вззошел Ричард I Львиное Сердце (1159—1199). Впоследствии он стал главным героем Третьего крестового похода.

Интриги Фридриха Барбароссы

Несмотря на общность стратегических интересов, касающихся захвата обширных территорий на Ближнем Востоке, европейские монархи не потрудились выработать общий план военной кампании, в результате чего каждый действовал по собственному усмотрению.

11 мая 1189 года германский император отправился в поход со своей 30-тысячной армией. До этого ему удалось договориться с королем Венгрии Беллом III о беспрепятственном переходе через территорию его государства. Фридрих I встретился с византийской делегацией, возглавляемой Иоанном Дукой. Барбаросса договорился с греками о свободном пересечении их страны, пообещав, что немцы не причинят им никакого вреда.

Но, несмотря на то что византийцы заключили соглашение с Фридрихом I, император Исаак II Ангел (1155—1192) впоследствии создавал крестоносцам всевозможные препятствия. Константинопольский двор имел представление о воинственном нраве и взрывном характере Барбароссы, вследствие чего не особенно рассчитывал на него.

Византийский василевс хорошо знал о доверительных отношениях, сложившихся у Фридриха I с противником греков — иконийским султаном Кылыч-Арсланом II. Таким образом, опасения Исаака II имели довольно серьезные основания. Кылыч-Арслан враждовал с Салах-Аддином, против которого направлялся основной удар крестоносцев.

Византийская держава в тот период переживала серьезные потрясения: в 1185—1187 годах восстали болгары под предводительством Петра и Асеня. К северу от Балкан они основали Второе Болгарское царство. Сербия также заявила о своем стремлении выйти из состава империи.

В июле 1189 года, когда крестоносцы проходили через полуостров, Фридрих I встречался с великим сербским жупаном Стефаном Немани и вел переговоры с болгарскими послами.

Василевс прекрасно понимал, что в случае объединения Барбароссы с болгарами и сербами Византийская империя могла прекратить свое существование. Германский монарх, хотя и уклонялся от прямого союза с Сербией и Болгарией, в то же время прилагал все усилия, чтобы спровоцировать войну между Грецией и славянскими государствами.

Продвижение немецких рыцарей по Балканам сопровождалось грабежами и насилием. Таким поведением крестоносцы настроили против себя местное население.

Эти обстоятельства стали серьезным препятствием к заключению болгарскими лидерами союза с Фридрихом. Они контактировали с Барбароссой, надеясь в случае войны Германии против Византии закрепить свою независимость.

Несмотря на тяжелое внутреннее и внешнее положение в стране, греческий правитель не хотел терять завоеванные позиции на Средиземном море.

Однако влияние Византии было значительно подорвано экспансией североитальянских городов по отношению к приморским гаваням Палестины и Сирии. Поэтому усиление западноевропейских государств на «земле обетованной» не могло радовать православного императора.

В Константинополе полагали, что крестоносцы ставили под угрозу исконное право восточных христиан на обладание сирийско-палестинскими землями.

Исходя из вышесказанного, становится понятно, почему греки враждебно отнеслись к войску Христову. Император Исаак II Ангел создавал рыцарям всевозможные препятствия: вовремя не доставлялись припасы, крестоносцев направляли по самым неудобным до-

рогам, на которых лошади немцев спотыкались и ломали себе ноги. Фридрих I неоднократно отправлял посольства к василевсу, которые по разным причинам задерживались в Константинополе. В ответных посланиях Барбароссе греческий государь не трудился именовать Фридриха императором, обращаясь к нему как к «королю Алемании».

Кроме того, крестоносцы настроили против себя местное население своим насилием и мародерством. Они нападали на города и села, забирая то, что им было нужно. В августе 1189 года они захватили фракийский город Филиппополь.

Православные священники призывали народ оказать сопротивление рыцарям, а константинопольский патриарх в своих проповедях называл рыцарей не иначе как псами.

Началось открытое противостояние двух императоров. Фридрих I посылал петиции с угрозами в адрес Исаака II Ангела. В ответ на это византийский государь подписал договор о союзе с Салах-Аддином, основным врагом крестоносцев, пообещав ему поддержку против Кылыч-Арслана II.

Вскоре на Балканах произошли столкновения между немецкими рыцарями и отрядами греков. Хотя официально войну никто не объявлял, конфликт разгорался все сильнее.

Барбаросса предпринял попытку собрать коалицию, направленную против Византийской империи, аргументируя свои действия тем, что она мешает католикам победить «нехристей». Он направил письмо своему сыну Генриху с просьбой собрать дополнительное войско и заключить договор с руководителями североитальянских городов о снаряжении флота. Фридрих I собирался штурмовать Константинополь с моря. Одновременно германский император хотел, чтобы его сын добился от Папы Римского принятия решения об организации

похода католиков против Исаака II Ангела. Правитель «Священной Римской империи» решил реализовать план, касающийся подчинения Византии своей власти.

Позиция папского престола была достаточно противоречивой: с одной стороны, римские иерархи стремились подчинить восточную церковь католической, а с другой — не желали, чтобы это было сделано руками Фридриха Барбароссы. Римская курия не доверяла германскому императору, поэтому Крестовый поход против Исаака II Ангела в 1189 году не состоялся.

Фридриху I удалось добиться некоторых уступок от византийского императора. По результатам достигнутой договоренности 1190 года немецкое войско из Болгарии передислоцировалось в Малую Азию. Армия продвигалась через Лаодикею и Филомелию, минуя территории, ранее разоренные сельджуками.

Преемник Кылыч-Арслана II не хотел заключать договор с немцами, так как опасался, что это повлечет за собой войну с Салах-Аддином. Именно поэтому крестоносцам приходилось защищаться от внезапных налетов турецкой конницы, которые происходили почти ежедневно.

Продвигаясь дальше и дальше, рыцари в мае 1190 года подошли к городу Иконий. Осада прошла успешно, и крестоносцам удалось захватить богатую добычу. Султан предложил Фридриху I перемирие, которое было заключено 23 мая 1190 года.

Немцы восстановили силы, пополнили запасы продовольствия, после чего император отдал приказ двигаться дальше. 10 июня 1190 года произошел трагический случай: при переправе через бурную горную речку Барбаросса утонул. Армия была дезорганизована. Впоследствии часть рыцарей морским путем вернулась на родину, а остальные прошли армянские земли, остановились в Антиохии, где и нашли свою смерть в результате разразившейся эпидемии чумы.

В 1191 году умер герцог Фридрих Швабский, сын Барбароссы, и общее командование над немецкими отрядами принял на себя Леопольд Австрийский.

В Англии и Франции подготовка к Крестовому походу завершилась только через год после того, как Фридрих Барбаросса начал священную войну. Английский король Ричард I любыми путями собирал средства для похода: кроме сбора Саладиловой десятины, он продавал должности, замки, земли, предоставлял освобождение от похода за большой откуп.

4 июля 1190 года армия Ричарда I переправилась через Ла-Манш и, соединившись с французскими отрядами в городе Везеле, отправилась в поход. Английский и французский монархи заблаговременно договорились о равном разделе добычи.

Сначала крестоносцы продвигались объединенным отрядом, но скоро им пришлось разделиться из-за невозможности снабдить продовольствием такую большую армию. Отряд под командованием Филиппа II направился в Геную, а Ричард I — в Марсель.

В конце концов обе армии прибыли на Сицилию, где решено было перезимовать. Ричард I воспользовался раздором местных баронов и, по сути, захватил власть на острове, опираясь на папский престол. Это стало возможным только благодаря тому, что римские иерархи из всех сил сопротивлялись установлению германского контроля над Сицилией.

Английский король нашел повод для захвата Мессины и оккупировал ее. После того как сопротивление жителей было сломлено, Ричард на несколько часов отдал город в полное распоряжение своим рыцарям. За жестокость мессийцы дали английскому королю прозвище Львиное Сердце.

Во время конфликта Ричарда I с сицилийцами Филипп II формально придерживался нейтралитета, но в тайне противодействовал английскому королю, не же-

лая усиления последнего. Французский король вступил в переговоры с бароном Танкредом де Лечче, пытаясь сорвать штурм Мессины.

Ричард I, обладая чрезмерно честолюбивым и властным характером, все больше и больше настраивал против себя Филиппа II. Современники отмечают, что английский монарх обладал необычайной способностью наживать себе врагов.

Вскоре пришло известие о смерти Фридриха Барбароссы и о том, что его сын Генрих VI направился в сторону Рима для коронации.

Английскому монарху пришлось срочно разрешать конфликтную ситуацию, возникшую между ним и Танкредом де Лечче. В знак примирения барон выплатил Ричарду 20 тысяч унций золота. Филипп II напомнил английскому королю о договоренности делить добычу поровну, но Львиное Сердце отдал союзнику только третью часть, тем самым еще более усложнив и без того непростые взаимоотношения.

Весной 1191 года крестоносцы приняли решение продолжать поход. 30 марта войска Филиппа II отплыли из Мессины, взяв курс на Тир. Армия Ричарда I достигла Кипра, отрезав его от Византийской империи. Захват острова стал серьезным достижением крестоносцев: Кипр являлся мощным плацдармом, приобретение которого позволило рыцарям надолго закрепиться в Восточном Средиземноморье.

Объединение английского и французского отрядов произошло у Акры, во время осады ее немецкими рыцарями. Штурм мощной крепости продолжался около полугода.

Разногласия между баронами по вопросу о том, кому будет принадлежать титул Иерусалимского короля, послужили причинами столь длительной осады города. С наибольшей силой конфликт разгорелся между маркизом Конрадом Монферратским и Ги Люсиньянским.

Этот спор привел к обострению англо-французских противоречий, так как Ричард Львиное Сердце поддерживал Ги Люсиньянского, а Филипп II — Конрада Монферратского.

Монархи разошлись во мнениях и по вопросу о сроках взятия крепости. В результате возобладало мнение Ричарда о немедленном штурме. 11 июля 1191 года Салах-Аддину пришлось в целях сохранения гарнизона сдать Акру и выплатить большой выкуп.

В августе 1191 года Филипп II решил отказаться от дальнейшего участия в Крестовом походе. Он со своим отрядом отплыл к берегам Италии, а затем во Францию. Король собирался воспользоваться отсутствием Ричарда для усиления своих позиций в Европе. Филипп вел переговоры с германским императором Генрихом VI о совместных действиях против английского монарха. Кроме этого, он пытался найти общий язык с младшим братом Ричарда, Иоанном, оставленным управлять Англией в отсутствие короля.

Конрад Монферратский, как отмечают хронисты, склонялся выступить на стороне Салах-Аддина против Ричарда для того, чтобы получить во владение палестинские земли. Однако его надеждам не суждено было исполниться: в апреле 1192 года Конрад был убит мусульманами в городе Тире.

Несмотря на реальную опасность потерять земли в Европе, Львиное Сердце еще в течение года продолжал Крестовый поход. Он сделал несколько неудачных попыток захватить Иерусалим, после чего принял решение отвоевать у египетского султана прибрежные территории Восточного Средиземноморья. В ответ на угрозу захвата городов Салах-Аддин приказал их разрушить: Ричарду достались только пепелища.

Английский король прославился на Востоке невиданной жестокостью. Во время его похода наибольший размах приобрели грабежи и репрессии против местно-

го населения. По приказу Ричарда I были уничтожены 2 тысячи мусульман в Акре. В глазах мусульманского мира Львиное Сердце являл собой образец безграничной жестокости и кровожадности.

Когда силы крестоносцев окончательно истощились в войне с египтянами, король вступил в переговоры с Салах-Аудином. 2 сентября 1192 года был подписан мирный договор, согласно которому за крестоносцами оставалась прибрежная территория от Тира до Яффы. Кроме этого, Ричард добился разрешения христианским паломникам в течение трех лет свободно посещать Иерусалим.

Результатом похода английского короля стало значительное усиление позиций европейских городов в восточно-средиземноморской торговле. Однако папа не был удовлетворен сложившейся ситуацией, так как Иерусалим по-прежнему находился под властью египетского султана.

В октябре 1192 года Ричард Львиное Сердце отправился в обратный путь.

За время Крестового похода английский король сумел нажить себе немало врагов, в частности французского монарха Филиппа II и предводителя немецких рыцарей герцога Леопольда Австрийского. Недалеко от Вены Ричард попал в плен к герцогу, который передал его императору Генриху VI. В итоге английскому королю пришлось два года провести в заточении.

Германский правитель добился от Ричарда отказа от притязаний на Сицилию, выплаты огромного выкупа и принесения вассальной присяги, после чего отпустил коронованного узника.

Амбиции германского императора были под стать его отцу, Фридриху Барбароссе. Он намеревался завоевать Византию и присоединить ее территорию к своему государству. Василевсу Исааку II было предложено отдать в пользу «Священной Римской империи» балкан-

ские территории, а также выплатить контрибуцию за ущерб, понесенный Фридрихом I за время похода.

В мае 1197 года Генрих VI женил своего брата, герцога Филиппа, на греческой царевне Ирине, дочери бывшего императора Исаака II Ангела, свергнутого с престола в 1195 году. Тем самым хитрый монарх завоевал формальное право на византийский престол.

Но Третий крестовый поход не принес европейским лидерам желаемых результатов. Во владения христиан на Ближнем Востоке входили лишь города Акра, Тир и некоторые другие, а также Кипрское королевство. Разрозненные государства крестоносцев не могли долго противостоять объединившимся под властью Салах-Аудина Египту и Сирии и удерживать захваченные территории.

Четвертый крестовый поход

Четвертый крестовый поход состоялся в 1202–1204 годах. Первоначально его целью было освобождение святых мест от мусульманского господства, но в результате он обернулся разгромом Византийской империи и образованием на ее месте еще одного государства крестоносцев — Латинской империи.

По всей видимости, четвертый поход крестоносцев навсегда останется одной из самых загадочных тайн истории, и дело здесь не только в противоречивости источников: каждый, кто когда-либо занимался изучением этого вопроса (а таких было достаточно много), вносил свою трактовку произошедшего, а это значительно усложняет исследование реальных причин.

Инициатор похода Иннокентий III

Большинство современных исследователей придерживаются мнения, что инициатором описываемого похода был не кто иной, как Папа Римский Иннокентий III,

в период правления которого папство добилось большого могущества. При этом сам папа сыграл здесь одну из первых ролей благодаря своим незаурядным организаторским способностям и энергии.

Главной целью, которую преследовал папа, было установление гегемонии Римской курии над всем Западом и Востоком. При этом он нередко противоречил сам себе, действуя вразрез с собственными словами, что не раз вменялось ему в вину в форме упреков. Например, один из современников так отозвался на это: «Ваши слова — слова Бога, но ваши дела — дела дьявола». Что касается современных католиков, то они также придерживаются мнения, что Иннокентий III никак не мог преодолеть в себе стремления все время вмешиваться в дела государства и зачастую выступал больше как политический деятель, нежели как духовное лицо.

Крестовый поход с самого начала занимал ум этого великого человека и был частью его политики. В течение всего времени своего правления Иннокентий III прилагал всяческие усилия к тому, чтобы воскресить былую популярность Крестовых походов. Едва заняв папский престол, он обратился к странам Запада с призывом вступить в войну с мусульманским миром и отвоевать у «неверных» христианскую святыню (Иерусалим). Прикрываясь религиозными мотивами, первосвященник на самом деле преследовал иные цели, а именно расширение владений римской церкви и усиление собственного могущества.

Нужно заметить, что папа тщательно продумал организацию Крестового похода. Прежде всего он направил послания католическим церквям Венгрии, Франции, Германии, Англии и некоторых других государств. При всем при этом Иннокентий III подумал и о финансовой стороне. Так, например, он освободил крестоносцев от уплаты всех налогов, а также наложил на духовенство особую подать, средства со сбора которой должны были

пойти на вооружение рыцарей. Однако все было не так просто, церкви и монастыри не желали расставаться со своей собственностью и возмутились. Церковнослужители боялись, что все собранные суммы пойдут не на организацию похода, а в казну Римской курии. В ответ на это глава римской церкви пообещал пожертвовать на нужды крестоносцев $\frac{1}{10}$ от доходов курии.

Необыкновенно деятельным политиком показал себя Иннокентий и на поприще дипломатии, добившись перемирия между Англией и Францией, Генуей и Пизой, а также между двумя феодальными группировками в Германии. Раздор между немцами заключался в претензии на корону: каждая группировка (Штауфены и Вельфы) выдвинула своего претендента, в результате чего королевский трон был поделен между сыном Фридриха Барбароссы (Филиппом Швабским) и племянником Ричарда Львиное Сердце (Оттоном Брауншвейгским). Однако вмешательство папы помогло ненадолго, и группировки спустя некоторое время вновь начали враждовать между собой.

Другим дипломатическим ходом хитрого первосвященника было послание византийскому императору Алексею III, в котором Византия упрекалась в бездействии (не помогала Святой земле) и призывалась быть в числе первых, кто выступит в поход для освобождения Иерусалима. Что же касается истинных помыслов Иннокентия III, то в первую очередь он надеялся сполна воспользоваться военными и материальными ресурсами Византии, а также подчинить греческую церковь Римско-католической.

Получалось, что церковная уния и Крестовый поход оказались очень тесно связаны. Это объяснялось тем, что папа хотел поставить в зависимость от Рима и Константинополь, и Иерусалим, что было возможно сделать только благодаря завоевательному походу. И надо сказать, что он не скрывал этого от императора Алексея III, тон-

ко намекнув ему в послании, что в случае невыполнения требований апостольского престола против Византии выступят некоторые страны Запада.

Впрочем, византийский император отверг притязания хитрого дипломата, выдвинув свои обвинения в адрес папства, что, разумеется, не оставило равнодушным Иннокентия III, решившего во что бы то ни стало осуществить свои планы на деле. Над Византией нависла реальная угроза быть завоеванной.

Все это время церковнослужители не сидели сложа руки, а, наоборот, развернули широкую агитацию, произнося повсюду красноречивые речи и обещая всем будущим участникам Крестового похода всевозможные блага. Однако этого было недостаточно: требовался народный герой, и на этот раз им стал некто Фульк из города Нейи (Франция).

Поход в Далмацию

К концу 1202 года организаторы похода уже не могли скрывать своих намерений: в Венеции на острове Лидо начали собираться отряды рыцарей, прибывающих из Франции, Германии и Италии. Но у венецианцев были свои планы, которые они стремились воплотить в жизнь любым способом. Так, например, верхушка города постаралась поставить крестоносцев в стесненное положение, чтобы тем самым дать им понять свое превосходство. Продовольствие подвозилось на остров крайне нерегулярно, что в конечном итоге привело к болезням и смертям. Более мудрые бежали из лагеря-тюрьмы и возвращались на родину, что касается остальных, то они либо умерли от голода и болезней, либо жили в ожидании предстоящих святых деяний, заодно превратив Лидо в притон для игры в кости.

Когда же пришло время расплаты «за гостеприимство» Венеции, то оказалось, что рыцари, находящиеся

на острове, не в состоянии этого сделать. А произошло это в большей степени по причине того, что многие бароны и рыцари предпочли действовать напрямую и обошли Венецию стороной, направившись прямо в Сирию. И хотя вождям крестоносцев все же удалось отвлечь некоторых с неверного пути, это были лишь крохи, которые никак не смогли повлиять на положение рыцарей в Венеции (вместо 33,5 тысяч была собрана только третья часть войска). Недостача была столь велика, что ее не смогли покрыть даже солидные суммы, вложенные устроителями.

Что касается венецианцев, то они вообще перестали подвозить на Лидо продовольствие и пригрозили тем, что не дадут судов для переправы. Пока устроители пытались разрешить возникшую проблему, в Венецию прибыл главный предводитель крестоносцев — Бонифаций Монферратский, которого также иногда называют Бозмундом Четвертого крестового похода. Именно ему удалось договориться с представителями верховной власти республики. Существует предположение, что он поделился с ними планами относительно похода на Византию.

Кроме того, Энрико Дандоло (правитель Венеции), однажды лично побывавший на острове и убедившийся в том, что больше ему ничего не удастся вытянуть из крестоносцев (случаи дезертирства к тому времени приобрели массовый характер), посоветовавшись со своими приспешниками, решил отпустить рыцарей. Возможно, не последнюю роль в принятии этого решения сыграл страх, что Иннокентий III обвинит его соотечественников в срыве Крестового похода и они войдут в историю как «дрянные обманщики».

Взвесив все за и против, хитрый венецианец предложил крестоносцам достойный выход из сложившегося положения: они должны были отработать недостачу при помощи своих мечей. Иными словами, он потребо-

вал от рыцарей завоевать для республики город Задар, находившийся на побережье Адриатического моря, в Далмации. (В своей речи Дандоло представил этот крупный торговый центр, составлявший большую конкуренцию Венеции, всего лишь пиратским убежищем.)

Таким образом, отправившись на освобождение Святой земли, рыцари превратились в наемников Энрико Дандоло, который, несмотря на свой преклонный возраст, решил сам вести их на Задар. Однако все было не так уж просто: большинство предводителей крестоносцев не горели желанием участвовать в этой борьбе, и дело тут было не столько в боязни реакции со стороны церкви, сколько в нежелании рыцарей Креста сражаться со своими братьями по вере. В конечном итоге часть крестоносцев отбыла на родину. Что касается остальных, то многие воины (в большинстве своем выходцы из простого сословия) даже не разбирались в обстановке, так как все планы обсуждались только между представителями самых высоких кругов, которым было все равно, кого грабить.

Что касается Римской курии и ее отношения к затеваемому мероприятию, то осенью 1202 года в Рим прибыл папский легат, откомандированный Иннокентием III к войску крестоносцев, но вернувшийся по причине того, что Дандоло и Монферратский не желали иметь в своих рядах соглядатая. Оскорбленный эмиссар доложил папе о намерении венецианцев, и тот послал в Венецию предупреждение, в котором угрожал крестоносцам отлучением от церкви, если они осмелятся напасть на христианский город. Однако данное послание вовсе не означало, что Иннокентий III исполнит свою угрозу. На самом деле папе было безразлично, какими путями поход будет доведен до конца; все, что его беспокоило, так это то, чтобы он осуществился.

Ситуацию осложняло еще одно обстоятельство: венгерский король также входил в ряды крестоносцев и на-

пасть на его владения означало поставить под удар цели Четвертого крестового похода, не говоря уже о престиже самого папы, допустившего подобное. С другой стороны, невыполнение требований венецианцев означало прекращение так и не начавшегося мероприятия, что тоже противоречило замыслам папства.

Таким образом, перед Иннокентием III стояла неразрешимая дилемма: не допустить «малого зла» и отказаться от похода или же позволить совершить «малое зло» во имя главных целей. Папа выбрал второе. В истории это решение было истолковано как капитуляция перед венецианцами.

И вот 8 октября 1202 года завоеватели отплыли с острова и направились покорять Задар, разместив конницу, провиант и всевозможные орудия (катапульты, баллисты, стенобитные приспособления и т. д.) на 150 грузовых судах. Сами крестоносцы отправились в путь на 70 галерах, на которых, помимо экипажа, находились арбалетчики и пращники.

Спустя месяц (11 ноября) флотилия крестоносцев прорвалась в хорошо защищенную гавань, а спустя еще 50 дней приступом взяла город, сломив мужественное сопротивление задарского гарнизона и местных жителей. Самый главный и сильный соперник Венеции перестал существовать.

Победа крестоносцев ознаменовала начало Четвертого крестового похода. Реакция Рима была соответствующей: публично папа выказал «безмерную скорбь», а в письме рыцарям заявил, что готов простить им их прегрешения во имя святых деяний по отвоеванию Иерусалима. Что же касается прежних угроз, то о них и не вспоминалось. Правда, письмо это так и не попало к своим адресатам, крестоносцы уже отрядили в Рим делегацию, которая должна была повиниться перед папой и заверить его в том, что с этого времени рыцари Креста больше не ослушаются его.

Иннокентий же не ожидал подобного исхода и, чтобы выйти из двусмысленного положения, вынужден был отнестись к делегации со всей строгостью: воинов, участвовавших в походе против братьев-христиан, отлучили от церкви, что было сделано в основном для отвода глаз. В скором времени Иннокентий приказал снять отлучение со своих любимых чад взамен на обещание больше не нарушать его указаний (к венецианцам это не относилось, их отлучение оставалось в силе, ибо именно они были главными виновниками случившегося). Однако это обстоятельство никоим образом не помешало ревнителям христовой веры воспользоваться флотом отлученных и сохранять завязавшиеся отношения, тем более что они не знали об их отлучении.

После захвата Задара крестоносцы остались зимовать в завоеванном городе, куда весной следующего года прибыла делегация из Германии с предложением напасть на Константинополь. Поход на греческий город также был выгоден Венеции, так как благодаря ему она укрепила бы позиции на Леванте и заставила капитулировать Греческое царство. Что касается рыцарей Креста, то их не пришлось долго уговаривать. Новая война против христиан предпринималась якобы с благородными целями: заменить узурпатора Алексея III на другого представителя из дома Ангелов.

Сразу же после этого были подписаны грамоты, скрепленные подписями предводителей крестоносцев. Среди первых, кто это сделал, был интриган Бонифаций Монферратский, а также некоторые епископы (Труасский, Суассонский, Гальберштадтский).

Что касается низшего сословия, то, как и в первый раз, новый поход был воспринят двояко. Рыцари были в недоумении: только что с них была снята анафема за захват Задара, а предводители вновь собирались учинить поход на христиан. В результате из лагеря начались массовые побеги, значительно сократившие ряды

ревнителей христианского вероисповедания, что, впрочем, не нарушило общие планы.

Таким образом, Четвертый крестовый поход снова изменил свою направленность, что было отнюдь не случайно: Константинополь и раньше был заветной мечтой крестоносцев.

Согласно некоторым источникам, Византия навлекла на себя неприязнь рыцарей тем, что получала с их предприятий немалые выгоды, хотя сама не принимала в них никакого участия и даже не оказывала помощи. Кроме того, не последнюю роль сыграла политика греков, направленная на то, чтобы одновременно ослабить и католический Запад, и мусульманский Восток. Вследствие этого Запад, в частности страны Европы, уверовали в то, что именно Византия виновна в неудачах предыдущих походов крестоносцев, а потому ее завоевание не будет большим преступлением.

Подобные настроения поддерживались католической церковью, которая стремилась к господству в Византии. Иннокентий III также был полностью на стороне крестоносцев, действуя по принципу «кто не с нами, тот против нас».

Взятие Константинополя

Нужно заметить, что ревнители веры Христовой имели перед собой противника, значительно уступающего им по силе. По сути дела, Византия времен Алексея III представляла собой развалины некогда могущественной империи, и крестоносцам не представляло большого труда покорить ее, несмотря на то что к тому времени численность их войска составляла всего 10–12 тысяч человек.

23 июня 1203 года венецианский флот с крестоносцами на борту приблизился к столице Византии, которая произвела на рыцарей неизгладимое впечатление. Ни-

когда прежде они не видели столь богатого и красивого города, каким перед ними предстал Константинополь.

Высадившись неподалеку от столицы (у Скутари), крестоносцы в скором времени приняли у себя императорских послов, через которых беспечный Алексей надеялся договориться о разрешении конфликта мирным путем. Он полагал, что, пообещав противнику содействие в войне за Святую землю, он сможет снять с города угрозу разорения. Однако рыцари были не столь наивны и не поддались ни на уговоры, ни на угрозы, потребовав от императора немедленного отречения от престола. Но Алексей не торопился снимать с себя корону и тем самым вынудил крестоносцев довести свою затею до конца: 5 июля 1203 года они прорвали цепь, закрывающую проход в Золотой Рог (залив, глубоко вдающийся в сушу и разделяющий столицу на две части), и с ходу уничтожили прогнившие суда греков.

Овладев важнейшим стратегическим центром обороны города, рыцари высадились в предместье Галата, откуда атаковали укрепления Константинополя. Следующий день ознаменовался взятием Галатской башни, которую византийцы даже и не подумали оборонять, укрывшись за стенами столицы.

Несмотря на помощь английских и датских наемников, а также пизанских колонистов, город не выдержал осады и пал, не продержавшись даже двух недель. Исход битвы за Константинополь решило сражение, произошедшее между защитниками и нападавшими 17 июля.

Рыцари, находившиеся на кораблях (для надежности соединенных друг с другом попарно), вплотную подошли к стенам города и таким образом в скором времени захватили около двух десятков башен. А чтобы обезопасить себя от внезапного нападения, они подожгли ближайшие строения, уничтожив тем самым несколько расположенных рядом кварталов.

Напуганный василевс бросил против неприятеля последний резерв, но греческие наемники позорно капитулировали, даже не вступив в сражение. Поняв, что город спасти невозможно, Алексей III скрылся из столицы вместе со своими приближенными, прихватив заодно государственные ценности. Таким образом, один из самых могущественных городов пал перед небольшой кучкой западных авантюристов, которые, подобно пиратам, напали на христианское государство, прикрываясь благородной целью: свергнуть узурпатора Алексея и посадить на его место слепого Исаака II (другого представителя династии Ангелов).

Освобожденный из заточения Исаак II также должен был заплатить крестоносцам за оказанную ему услугу. Но городская казна была пуста, и новый император не мог этого сделать. Спустя несколько дней после провозглашения к нему соправителем был приставлен царевич Алексей (принявший имя Алексей IV), уговоривший отца откупиться от завоевателей. Первую часть суммы (100 тысяч марок) соправителям удалось собрать путем всевозможных конфискаций и налогов, вторую часть рыцари Креста, разбившие лагерь в одном из столичных предместий, собрали самостоятельно, ограбив церкви.

В то же время в столице разгорелось народное восстание против Алексея IV. Чтобы спасти свой трон, последний вновь обратился за помощью к крестоносцам, но сделать уже ничего было нельзя. Восстание разгорелось с невероятной скоростью. Чтобы урегулировать обстановку, знать, в частности Алексей Дука (один из ближайших сторонников бежавшего Алексея III), потребовал у царей отречения от престола. В итоге главный инициатор восстания — Дука (по прозвищу Мурцуфл) — сам занял трон и стал царем Алексеем V.

Обстановка накалилась еще больше: народ выдвинул в правители своего ставленника — простого воина

Николу Канава, которого короновали в Софийском соборе, правда, без участия духовенства. Таким образом, в столице образовались две враждующие между собой группировки, одну из которых составляла верхушка общества во главе с Алексеем V, другую — Никола Канава, поддерживаемый простым народом. Усугубляло дело присутствие в столице рыцарей Креста, занимавшихся грабежом.

Чтобы как-то преодолеть классовые разногласия, император Алексей V предложил народному ставленнику разделить с ним трон. Однако подобный шаг не оправдал возлагавшихся на него надежд. Через три дня ситуация разрешилась сама собой: зажиточные горожане перешли на сторону знати и тем самым способствовали аресту незаконно коронованного «императора». По приказу Мурцуфла Канава и схваченный ранее Алексей IV были задушены в темнице (Исаак II также вскоре умер, не снеся всех трудностей и бед, выпавших на его долю).

Подавив бунт черни и расправившись с соперниками, Алексей V предпринял некоторые меры по восстановлению потерянной репутации, в частности занялся реставрацией константинопольских укреплений, пытался собрать ополчение из местных жителей, а также выдвинул ультиматум, по которому крестоносцам предписывалось покинуть Византию в течение одной недели. Однако все эти действия только лишний раз показали несостоятельность государственной власти. Денег по-прежнему не было, в правящих кругах царил неразбериха, наемники не имели ни малейшего желания сражаться бесплатно, а простой народ был обозлен на дом Ангелов и не собирался оказывать ему поддержку.

Что касается крестоносцев, то они были в курсе всех распрей, раздиравших столицу Византийской империи, и готовились к тому, чтобы раз и навсегда покончить с городом, утратившим былое величие. В марте 1204 года, буквально за несколько недель до последнего приступа,

предводители рыцарей Креста (в частности, Бонифаций Монферратский и некоторые другие) и венецианцы составили соглашение о том, какая часть византийского наследства достанется каждому из них.

Константинополь еще находился в руках византийцев, а западные авантюристы уже поделили шкуру неубитого медведя: богатства, земли и власть нового государства, которое они намеревались образовать на месте Византийской империи. При этом венецианцы оставили за собой право на получение трех четвертей будущей добычи. Что касается крестоносцев, на чьи плечи ложилось осуществление всех захватнических предприятий, то они опять оставались в проигрыше, так как должны были получить только четвертую часть всей добычи.

Согласно этому договору новый правитель должен был избираться специальной комиссией из 12 человек (в которую входило шесть венецианцев и шесть крестоносцев). При этом нужно отметить, что спонсоры данной авантюры — венецианские купцы — не собирались взваливать на себя тяжкий груз короны, их вполне устраивали высокие посты в церковном управлении. Учитывая это обстоятельство, дож предложил внести в соглашение еще один пункт, согласно которому пост римско-католического патриарха Константинополя должен был занять представитель не той стороны, которая выдвинула императора, а противоположной.

Все сеньоры (за исключением дожа) должны были принести новому императору вассальную присягу, а тот получал вместе с тронном четвертую часть всех земель империи (остальные три четверти должны были быть поделены между крестоносцами и венецианцами). Подписание договора означало, что захват Константинополя был уже предрешен и главари не скрывали своих намерений перед правящей верхушкой.

Первая попытка штурма, закончившаяся неудачей, была предпринята 9 апреля 1204 года.

Напав с моря, крестоносцы не ожидали такого яростного сопротивления, которым их встретили: с крепостных стен на них обрушилась целая лавина камней и стрел, нанеся отряду большой урон. Спустя три дня рыцари совершили вторую попытку штурма, на этот раз увенчавшуюся победой.

С помощью перекидных мостиков одной группе рыцарей удалось взобраться на крепостные стены, в то время как другой отряд проломил стену специальными стенобитными орудиями и, попав в город, разломал ворота. Ворвавшись в город, крестоносцы сначала отбросили воинов Мурцуфла в глубь столицы, а потом обратили их в бегство.

Таким образом, 13 апреля 1204 года Константинополь был захвачен войсками крестоносцев. При этом местные жители и не подумали встать на защиту родного города, так как не собирались рисковать жизнью ради притеснявшего их узурпатора. Хотя, если верить средневековым историкам, соотношение сил было далеко не равным (1 : 200); и силовое превосходство было отнюдь не у ревнителей Христовой веры.

Разграбленный и разрушенный Константинополь выглядел весьма плачевно. Варвары с крестами на одеждах не умели ценить истинное искусство и признавали только изделия из желтого металла (который они превратили в слитки), уничтожая архитектурные и скульптурные памятники.

В связи с «константинопольским опустошением» стоит также отметить, что рыцари оказались более беспощадны к христианским святыням, нежели мусульмане. Византия понесла такой урон, что уже больше никогда не смогла возродить былое величие.

Таким образом, в Четвертом крестовом походе его вдохновители и участники попрали собственные ценности, выказав себя не смиренными ревнителями христианской веры, а алчными и кровожадными разбойни-

ками, разрушившими тот ореол святости и благочестия, который возводился вокруг религиозных предприятий рыцарей Креста.

Итогом Четвертого крестового похода стало образование на завоеванных землях Латинской империи. Оставшиеся византийские отряды отступили на северо-запад Малой Азии.

Но новое государство крестоносцев было очень непрочным. Впоследствии рыцари столкнулись с упорным сопротивлением народов, населявших захваченную территорию. В 1261 году Латинская империя прекратила свое существование.

Пятый крестовый поход

Иннокентий III всячески стремился возобновить Крестовые походы, но все его старания не принесли тех результатов, на которые он рассчитывал. Приступив к организации нового Крестового похода, Иннокентий III издал специальную буллу, в которой поведал о тысячах христиан, томящихся в сарацинских темницах. Кроме того, он с гневом отзывался о мусульманской крепости, специально сооруженной на горе Тавор, в том месте, где произошло преображение Иисуса Христа, и которая господствует над Акрой и позволяет сарацинам вторгаться в Иерусалимские земли.

Формирование войск крестоносцев поручалось легату апостольского престола. Материальное же обеспечение похода Иннокентий III брал на себя, выделив для этих целей 33 тыс. марок. Кандидатом в командующие крестоносным войском был выбран молодой германский государь и король Сицилии Фридрих II Гогенштауфен. 15 июля 1215 года на торжественном коронавании «римским королем» Фридрих II принял крест. Но это был лишь дипломатический жест, на самом деле

ему был чужд религиозный фанатизм и с самого начала он занял выжидательную позицию. Кроме Фридриха II, крестоносный обет приняли еще два короля: английский — Иоанн Безземельный и венгерский — Андраш II.

16 июля 1216 года Иннокентий III скончался. Следом за ним — 16 октября — умер Иоанн Безземельный. Преемником прежнего папы стал Гонорий III, который и продолжил его дело. Придерживаясь программы IV Лютеранского собора, новый папа возобновил организацию Крестового похода. Легатом апостольского престола он назначил кардинала Пелагия из Альбано.

В поход, начавшийся в 1217 году, выступили Андраш Венгерский, герцог Леопольд Австрийский и примкнувшие к ним сеньоры из южногерманских земель. В Венеции по сходной цене были куплены десять больших кораблей, средства для которых были выручены венгерским королем от продажи нескольких королевских поместий, а также грабежа церквей и аббатств страны. Но 10 тысяч конных рыцарей и еще большее количество пеших воинов, собранных для похода, не смогли уместиться на доставленных в Сплит кораблях, поэтому часть крестоносцев вернулась домой.

В сентябре 1217 года крестоносцы отплыли в Сирию. Под Акрой и в самом городе собралось до 20 тысяч рыцарей и 200 тысяч пешего войска. Это были отряды Андраша II Венгерского, Леопольда Австрийского, герцога Отто Меранского, короля Кипрского Ги Лузиньяна, князя Боэмунда IV Антиохийского, рыцарские контингенты сеньоров — иерусалимского короля Жана Бриеннского, госпитальеров под командованием Великого магистра Гарена де Монтегю, тамплиеров во главе с Великим магистром Гийомом Шартрским, рыцарей Тевтонского ордена под командованием Германа фон Зальца.

Сирийская знать к крестоносцам относилась неприязненно. Сирийцы уже двадцать лет жили в мире

с Египтом, у них были уже давно сложившиеся торговые отношения, и им не нужна была война. Кроме того, страна переживала голод, и многие крестоносцы, не получив поддержки от местных жителей, в течение года, проведенного в Акре, умерли от голода. Неоднократно крестоносцы пытались совершать набеги на Дамаск, Бейсан, Набулус, пробовали завладеть крепостью Тавор с ее 77 башнями и двухтысячным гарнизоном, воины трижды штурмовали крепость, но все попытки оказались безрезультатными. В итоге они каждый раз возвращались в Акру.

Андраш II, все это время просидевший в городе, разочаровавшись в походе, решил вернуться в Европу, невзирая на запреты со стороны патриарха Иерусалимского. В январе 1218 года он со своим отрядом отбыл на родину. Оставшиеся крестоносцы, прекратив военные действия, решили дожидаться подкрепления.

Рыцари из Фризии под командованием графа Вильгельма и немецкие ратники, посланные на помощь основным силам, задержались в пути, ввязавшись в войну с маврами под Лиссабоном. До Акры они добрались лишь в апреле 1218 года.

Поскольку у крестоносцев не было главного общепризнанного военачальника, предводители рыцарских отрядов постоянно вступали в конфликты. После долгих споров они все-таки решили направить свои войска в Египет, первоначально намереваясь завладеть крепостью Дамиемтой, имеющей большое стратегическое значение.

Осада Дамиемты началась 27 мая 1218 года и продолжалась больше года. Крепость, расположенная в дельте Нила, была обнесена тройными стенами и защищена мощной башней, находящейся на острове посреди Нила и соединенной с городом мостом с толстыми железными цепями. Эти цепи преграждали доступ к городу со стороны реки. На своих судах рыцари подплыли к кре-

пости и, используя длинные штурмовые лестницы, захватили крепостную башню.

Но успех недолго сопутствовал крестоносцам, разлив Нила, эпидемия, возникшая среди осаждавших, препятствовали их дальнейшим действиям. Многие рыцари, разочаровавшись в походе и бросив свои войска, вернулись в Европу. Но нашлись и такие, которые готовы были стоять до конца.

В осажденном городе свирепствовал голод и болезни. Большинство жителей и воинов гарнизона умерли: из 80 тысяч защитников в живых осталось только 30 тысяч. Египетский султан аль-Камиль, чтобы спасти Дамьетту, взамен на крепость предложил крестоносцам Иерусалимское королевство в границах 1187 года (без крепостей Крак и Крак де Монреаль). Кроме того, он предложил на 30 лет заключить мир.

Многие рыцари готовы были принять предложение, но приехавший в это время папский легат Пелагий помешал выполнению этого решения, возложив на себя обязанности главнокомандующего войсками. Ему удалось примирить враждовавшие между собой группировки предводителей крестоносцев и привлечь их на свою сторону. Пелагий призывал рыцарей захватить Дамьетту, а затем и весь Египет.

5 ноября 1219 года Дамьетта была взята и разграблена. Но победа в этом сражении не принесла положительных результатов, между рыцарями начались раздоры. Титулованный король Иерусалима — Жан Бриеннский — требовал присоединения захваченной крепости к его владениям. Кардинал Пелагий выступал против этого, считая, что все завоеванное должно принадлежать только Римской курии.

Кроме того, возобновились споры по поводу дальнейших военных действий. Пелагий предлагал продвигаться в глубь Нильской долины, на что многие военачальники высказывали свое несогласие, понимая несо-

стоятельность этого предложения, поскольку для такого предприятия у крестоносцев уже не было сил. Аль-Ашраф — правитель Великой Армении — в первую очередь пришел на помощь египетскому султану, выслав свою армию против крестоносцев.

Против рыцарей объединились силы султана аль-Камиля и его прибывших из Сирии братьев — аль-Ашрафа и аль-Муаззама Дамасского. Одной конницы у мусульман было 40 тысяч.

Весной 1221 года в Египет из Южной Германии прибыли отряды герцога Людвига Баварского и других князей. Египетский же султан создал укрепленные позиции южнее Дамьетты, возле города Мансуры. Кроме того, он снова обратился к крестоносцам с предложением о мире, обещая отдать им Гроб Господень. Но кардинал Пелагий в очередной раз отказался от выгодного предложения, совершив тем самым роковую ошибку.

В июле 1221 года крестоносцы двинулись к Мансуре. Полчища жаждавших добычи захватчиков неудержимо рвались вперед и остановить их уже было невозможно. В это время начался бурный разлив Нила. Лагерь крестоносцев затопило, а египетские войска отрезали им путь к отступлению, тесня врага со всех сторон и осыпая градом стрел. Крестоносцы запаниковали и обратились в бегство. Понимая безвыходность своего положения, они запросили мира. Аль-Камиль, не забывая об угрозе еще и со стороны монголов, охотно согласился.

30 августа 1221 года между враждующими сторонами был подписан мирный договор сроком на восемь лет. По договору Дамьеттская крепость переходила к мусульманам, а войска крестоносцев должны были немедленно покинуть Египет.

Таким образом, Пятый крестовый поход потерпел поражение. Помимо того, что он дорого обошелся За-

паду, неудача в этом предприятии нанесла очередной удар по престижу папского правления, а надежды на завоевание Святой земли снова рассеялись.

Шестой крестовый поход

История Шестого крестового похода связана с именем германского короля, с 1220 года императора «Священной Римской империи» Фридриха II Гогенштауфена (1194–1250), на протяжении многих лет боровшегося с папством и северо-италийскими городами. После женитьбы на дочери иерусалимского короля, Жанн де Бриенн, в 1225 году он стал претендовать на престол одного из палестинских королевств.

Гогенштауфен решил действовать мирным путем и, воспользовавшись междоусобной войной Египта с Дамаском, вступил в переговоры с султаном аль-Камилем. Это обострило и без того напряженные отношения с римским папством, стремящимся занять главенствующее место в феодальном мире.

В связи с тем что Фридрих II неоднократно уклонялся от участия в походах (хотя как император он обязан был выполнять обет, заключавшийся в служении «божьему делу»), Папа Римский Гонорий III через кардинала Гуголино Остийского, будущего Папу Григория IX, передал Фридриху, что в случае отказа тот будет отлучен от церкви и заплатит штраф в 100 тысяч унций золота. Император стал готовиться к походу, начало которого планировалось на август 1227 года. По его приказу в гаванях Сицилии и Италии строились новые корабли, кроме того, по всей империи проводилась пропаганда священной войны с исламом.

Во время подготовки к экспедиции Папа Гонорий III, находящийся в преклонном возрасте, умер, а его место занял ярый приверженец идеалов папской теократии,

80-летний Григорий IX (1227–1241), двоюродный брат Иннокентия III. Поскольку поход, из-за нехватки продовольствия и сильной жары вызвавший многочисленные болезни крестоносцев и самого германского короля, был отложен, новый Папа отлучил Фридриха II от церкви как врага христовой веры и «служителя Магомета».

В ответ на это отлученный император в 1228 году выступил в поход во главе многочисленного отряда, состоящего из нескольких десятков тысяч человек, набранных в Германии, Франции, Англии и Италии. Тогда Григорий IX запретил поход и заявил, что Фридрих II отправился в Палестину не для освобождения Гроба Господня и Святой земли от «неверных», а преследуя собственные корыстные цели, стремясь захватить одно из королевств этой страны.

Со стороны папы это был неверный ход, поскольку сама идея крестоносного братства давно не вызывала ничего, кроме равнодушия со стороны феодалов, многие из которых прекрасно понимали, что все походы, организованные против мусульман, были лишь средством борьбы, применяемым папством против империи. Но в одном Григорий IX был прав — Фридрих II действительно преследовал только политические цели, мечтая создать могущественную державу Штауфенов.

Летом крестоносцы Фридриха II отплыли из Бриндизи в Сирию, попутно захватив остров Кипр. В Акре император продолжил переговоры с аль-Камилем, во время которых на территории Сирии крестоносцы не вели никаких военных действий, ограничиваясь только отдельными вылазками.

Переговоры с султаном продолжались длительное время, но положение его было довольно неустойчивым из-за изнурительной борьбы с эмирами Дамаска. Поэтому в феврале 1229 года аль-Камиль был вынужден заключить мирный договор с Фридрихом II сроком на 10 лет, по условиям которого Иерусалим (кроме двух

кварталов, где находились главные мусульманские мечети), Вифлеем, Назарет, часть Сайды и Торон отошли императору, который к тому же теперь имел полное право перестраивать замки и крепости по своему усмотрению.

Через месяц крестоносцы, возглавляемые Фридрихом II, вошли в столицу Палестины, где в храме Гроба Господня была проведена церемония коронации нового иерусалимского короля. Фридрих II был вынужден самостоятельно выполнять этот обряд, так как патриарх Иерусалимский по указанию папства отказался короновать отлученного императора. Кроме того, Григорий IX запретил совершать в храмах города богослужения и религиозные обряды.

Римская католическая церковь, несмотря на то что Гроб Господень был вырван из рук «неверных», открыто выступила против Фридриха II, направив в его южно-италийские владения свои рыцарские отряды.

Коронованный император спешно повернул в Италию, где и произошло первое военное столкновение его крестоносцев с прелатами (тамплиерами и госпитальерами), в результате которого войска Григория IX потерпели поражение, а папа был вынужден снять отлучение с нового иерусалимского короля и даже одобрить условия мирного договора, заключенного между Гогенштауфеном и аль-Камилем. Таким образом, итогом Шестого крестового похода стал захват Иерусалима, который произошел без применения военной силы крестоносцами императора Фридриха II.

Седьмой крестовый поход

После окончания Шестого похода Фридрих II вернулся в Европу. В его новых восточных владениях нарастало недовольство богатых сеньоров, не желавших

мириться с властью нового иерусалимского короля. В это время конфликт императора с римским папством разгорелся с новой силой, и в результате Фридрих опять был отлучен от церкви.

Григорий IX обратился ко всему христианскому миру с призывом организовать новый поход против «неверных», преследуя конкретную захватническую цель. Католики должны были вносить в римскую казну щедрые пожертвования в случае их личного неучастия в предстоящем Крестовом походе.

После истечения срока мирного договора с Египтом (1239) в Лионе сошлись немногочисленные отряды крестоносцев, возглавляемые королем Тибо Наваррским, герцогом Гуго IV Бургундским и английским эрлом Ричардом Плантагенетом Корнуэлльским. Папа Римский объявил цель предстоящего похода — прийти на помощь Латинской империи.

Желание обогатиться было настолько сильно, что католическое духовенство уже не прикрывалось религиозными призывами вести праведную священную войну против мусульман — предстоящий Крестовый поход был связан только с политическими планами римских проповедников.

Предводители крестоносцев под давлением тамплиеров, движимых жадой наживы, заключили союз с Дамаском против Египта.

Однако объединенные отряды союзников потерпели поражение в столкновении с египетской армией (1239). Крестоносцы, не добившись положительных результатов, вернулись обратно на родину.

Тем временем египетский султан ас-Салих, ставший во главе 10-тысячной армии, осадил Иерусалим и, преодолев сопротивление местных жителей, вошел в город. Египтяне учинили страшнейшую резню, повсюду преследуя христиан. Иерусалим перешел в руки «неверных» и вновь стал мусульманским городом.

По решению Лионского собора 1245 года римские проповедники и прелаты начали организовывать новый Крестовый поход. Иннокентий IV по-прежнему стремился занять главенствующую позицию в феодальном мире. Для этого ему надо было устранить давнего противника на Востоке. На Лионском соборе Фридрих II был предан анафеме, а новый Крестовый поход был провозглашен против него. Подготовка к походу, как и прежде, сопровождалась многочисленными денежными сборами, причем большая часть собранных средств попадала в карманы римских священников.

Крестоносное движение тем временем воодушевляло все меньшее число рыцарей. Крестьянство уже давно не желало участвовать в походах, не надеясь на обещания Римской церкви дать освобождение от крепостного гнета. К тому же условия труда крепостных намного улучшились (развитие сельскохозяйственной техники, повсеместное применение удобрений, распространение трехполья).

Феодальная раздробленность отошла в прошлое, королевская власть стала более организованной и была способна защитить крестьян от бесчинств феодалов, являющихся прежде всего вассалами короля.

Средневековые города укреплялись и развивались, новое сословие — горожане, в основном купцы и ремесленники, обогащались. У них, как и у крестьян, не было необходимости стремиться в заморские земли, они хотели бороться за свободу у себя дома. Постепенно рыцари также перестали видеть какой-либо смысл в предстоящих походах на Восток, многие из них предпочитали находиться при дворе короля в качестве чиновников. Выгодной и почетной считалась также служба в королевских войсках.

Момент для нового похода был выбран римским первосвященником крайне неудачно. Западноевропейское христианство само находилось под угрозой разва-

ла вследствие развивающегося движения еретиков. Многие священники задавали себе один и тот же вопрос: «Как расколотый ересью Запад сможет помочь Востоку?» При таких невыгодных обстоятельствах было бы безумием организовывать новый завоевательный поход.

Помимо всего прочего, участвовать в будущем походе наотрез отказались английские феодалы, заявив, что Римская церковь неоднократно их обманывала, собирая ежегодную контрибуцию в 60 тысяч марок, во много раз превышавшую доходы английской короны, и ничего не давая взамен.

Впервые за всю историю Крестовых походов английский король Генрих III прямо заявил папским послам, что участвовать в этих экспедициях Англия больше не намерена.

Во многих странах Западной Европы вслед за Англией стало распространяться всеобщее недовольство многочисленными денежными сборами на нужды нового похода. Все меньшее количество людей вербовалось в крестоносцы, сомневаясь в целесообразности и необходимости завоевательных походов на Восток.

Растущее негодование западноевропейского общества против жаждущего наживы папства, преследовавшего только корыстные цели и пытавшегося прикрыться «зовом Божьим», в полной мере выразилось в литературе того времени. Если раньше трубадуры (поэты рыцарства) воспевали священные войны и осуждали желавших уклониться от участия в походах, то теперь, наоборот, они высмеивали участников Крестовых походов. Благодаря распространению такой поэзии, акцентирующей внимание на многочисленных потерях крестоносцев в неудачных предыдущих походах, все большее количество европейцев убеждалось в неискренности папских призывов, использовавших Крестовые походы в качестве политического оружия для борьбы с личными врагами.

Католическая церковь, не желая мириться с потерей своего авторитета в рыцарских кругах, пыталась опровергнуть аргументы, выдвигавшиеся европейскими правителями против идеи новых походов. Так, в середине XIII века кардинал Умберто де Романо по заказу апостольского престола написал трехтомное сочинение, защищавшее идеи экспедиций на Восток. Однако сомнения в правильности Крестовых походов росли даже в среде знаменитых христианских теологов — таких, как Гийом Триполлийский, Радульф Нигер, — прекрасно понимавших, что крестоносное движение уже лишено внутренней организации и целостности. Таким образом, перед началом Седьмого крестового похода сложилась крайне напряженная обстановка в странах Западной Европы.

Но Иннокентию IV все-таки удалось собрать рыцарей для очередной экспедиции в Священные земли Палестины. Правда, под знамена французского короля Людовика IX (1226–1270), возглавившего новый поход, собралось довольно небольшое количество французских и английских феодалов.

В мировую историю благодаря стараниям Римской церкви Людовик IX вошел как глубоко религиозный правитель, стремившийся к освобождению Иерусалима от «неверных».

Накануне Седьмого похода Папа Иннокентий IV поставил перед рыцарями и сеньорами, возглавляемыми королем-крестоносцем, конкретную задачу — очистить Египет от «неверных», взять их в плен и обратить в христианскую веру.

Людовик IX очень серьезно отнесся к возложенной на него миссии и начал тщательно готовиться к походу. В первую очередь он увеличил количество кораблей французского военного флота, сосредоточив 60 судов в Генуе и 20 — в Марселе. Кроме того, по решению Лионского собора французское духовенство выплатило

ему почти 1 миллион ливров. Людовик IX также позаботился о запасах продовольствия для своего войска, приказав завести в Каир в огромном количестве вино, хлеб и прочие продукты.

Подготовка к походу заняла у Людовика целых два года. В 1248 году войско собралось на Крите. Активная фаза началась весной 1249 года, когда французский король на 120 больших и 1600 малых судах переправился в Египет близ Дамьетты. Все это время Людовик молился Всевышнему и предавался покаянному самобичеванию. Обладая незаурядным умом и необыкновенной энергией, он сумел привлечь на свою сторону до 25 тысяч сеньоров, из которых около 3 тысяч были рыцарями. Но король не был одержимым фанатиком христианской веры; несмотря на свою религиозность и набожность, он преследовал определенную политическую цель — укрепить позиции Франции на Средиземном море, в частности в городе Лангедоке, совсем недавно (1229) присоединенном к французскому королевству.

Однако король-крестоносец не учел напряженную политическую обстановку на Западе, что и оказалось впоследствии его главной ошибкой. Италия и Германия по-прежнему конфликтовали с папством и даже не стремились поддержать новый поход на Восток.

Кроме того, германский император Фридрих II, знавший о планах Людовика IX, предупредил о готовившейся экспедиции египетского султана ас-Салиха Эйюба. Но это не было тайной для последнего, так как александрийские купцы и моряки, часто посещавшие Геную, прекрасно видели, что в порту полным ходом идет подготовка к новому походу.

Сообщая султану Египта о намерениях французского короля, германский император преследовал определенные цели — он хотел оградить свои территории от разорения французскими рыцарями, что было вполне вероятно во время проведения Крестовых походов.

Английский король Генрих III занял нейтральную позицию по отношению к готовящейся экспедиции, а Италия решала собственные проблемы. Людовик же ничего не знал о напряженной обстановке на Востоке, он был лишь орудием в руках римского духовенства, вынашивавшего собственные планы. До французского короля не доходили даже слухи об успешных завоеваниях татаромонгольских племен, как раз в это время совершавших опустошительные набеги на территорию Передней Азии.

Европейцы имели довольно расплывчатое представление об азиатских государствах, а скудные сведения, сообщенные францисканским монахом, путешественником Джованни дель Плано Карпини, побывавшем в глубине материка, носили полуфантастический характер.

Имея смутное представление о воинственных кочевниках, по совету кипрского короля Анри Лузиньяна (1218–1253) Людовик Святой попытался привлечь их на свою сторону в борьбе с мусульманами. Идея союза с монголами принадлежала первосвященнику Иннокентию IV, который еще раньше попытался заключить договор с ханом Золотой Орды.

По согласованию с папой Людовик IX во время подготовки похода на Кипре принял монгольских послов, которые передали ему письмо хана Едигея. По всей видимости, миссия их имела только разведывательный характер. Людовик же стремился обратить азиатских кочевников в христианство, чтобы сделать их своими союзниками против сарацин и Никейской империи.

По совету церковного сановника Одо де Шатору французский король ответил на послание и отправил своих представителей с предложением обращения монгольской нации в христианство. Они привезли кочевникам многочисленные дары, в числе которых находился знаменитый ковер, где были изображены сцены из жизни Иисуса Христа.

Однако надежды Людовика на сотрудничество с ханом Золотой Орды оказались пустыми. Послы добрались до Монгольского государства только через год, и, как в дальнейшем оказалось, экспедиция их была совершенно напрасна. Кочевники не только не собирались обращаться в христианскую веру, но и потребовали от французского короля покорности. Сам Людовик узнал об этом условии намного позже, только в 1251 году, во время встречи с Андре Лонжюмо, возглавлявшим миссию в Золотую Орду. К этому времени Седьмой крестовый поход уже завершился полным провалом французских рыцарей.

В начале 1249 года крестоносцы, высадившись в устье Нила, захватили город Дамьетту, не встретив ни малейшего сопротивления со стороны местных жителей. Это стало неожиданностью для египетского правительства, рассчитывавшего, что крестоносцам придется долго осаждать город. Стремительное взятие Дамьетты еще больше усилило панику среди жителей города, особенно при дворе умиравшего султана ас-Салиха.

Через пять месяцев рыцари Людовика IX осадили крепость Мансуру и взяли город в начале февраля 1250 года. В результате штурма города египетский командующий Фахр ад-Дин был убит. Однако мусульмане быстро оправались от поражения и собрали значительное войско во главе с султаном Муаззамом Туран-шахом (1249–1250), последним из династии Эйюбидов. Его воины, хорошо обученные и дисциплинированные, сумели запереть крестоносцев в городе, и в результате многие рыцари были уничтожены, причем основная часть крестоносцев погибла в сражении. Среди павших был брат короля Робер д'Артуа.

Победа, одержанная крестоносцами на египетской территории, оказалась иллюзией. Армия Людовика ослабла и прекратила свое существование. В то же время египтяне уничтожили флот крестоносцев, стоявший в од-

ной из бухт Мансуры, и перекрыли рыцарям дорогу к Дамiette, в которой находилась их база снабжения. Тысячи рыцарей были захвачены в плен, в том числе и французский король со своими братьями.

Через некоторое время среди пленников начались эпидемии различных болезней — малярии, дизентерии, цинги. Сам Людовик, по свидетельству его биографа Гийома де Нанжи, ослабел до такой степени, что не мог передвигаться самостоятельно — его приходилось нести на носилках.

Только в мае 1250 года египтяне выпустили французского короля из плена, получив за него огромный выкуп — 200 тысяч ливров. Кроме этого, все крестоносцы обязаны были покинуть Дамiette. Несмотря на полное поражение своей армии, Людовик решил продолжать поход и остался в Палестине еще на 4 года. Во Францию были направлены послы с приказом короля, адресованным графам, герцогам, баронам и рыцарям. Феодалы в спешном порядке обязаны были начать новые военные сборы для выступления против «неверных». Однако французские сеньоры и их вассалы не собирались поддерживать Людовика, наученные горьким опытом предыдущего поражения.

Призыв короля послужил своеобразным толчком для начала антифеодального восстания крестьян и городской бедноты. Этому способствовали пламенные речи одного пожилого проповедника, вошедшего во французские хроники как «учитель из Венгрии». Он призывал бедняков спасти Иерусалим, вырвать Гроб Господень из рук мусульман. В публичных выступлениях проповедник развивал мысль о том, что Бог не помог рыцарям из-за их гордыни, тщеславия и неумной жадности, поэтому выполнение новой миссии возложено именно на простой народ.

Однако проповеди «учителя из Венгрии» народная масса поняла по-своему, обратив свой гнев не против

«врагов христианской веры», а против знати и церковников. Десятки тысяч взбунтовавшихся бедняков двинулись к Парижу, убивая по пути собственных сеньоров и их защитников в сутанах. Почти все районы страны охватило пламя народного возмущения, отряды восставших насчитывали уже свыше 100 тысяч человек. Таким образом, организация новых Крестовых походов была не только бесполезна, но и социально опасна.

Тем временем Людовик IX, не зная, что вся Франция охвачена народным восстанием, тщетно прождал в Палестине подкрепления до весны 1254 года, возвратился во Францию. Седьмой крестовый поход закончился неудачно.

Сирийско-палестинские колонии крестоносцев оказались беззащитными перед лицом сельджуков, арабов и монголов. Последним удалось захватить территории Багдадского халифата, правда, ненадолго. Самую большую опасность для провинций крестоносного братства представляла египетская династия Мамлюков, основанная в 1250 году, после убийства Муаззама Туран-шаха.

Первоначально мамлюками называли половецких воинов, составляющих большую часть египетской армии. Обитая в причерноморских степях, многие из них попадали в плен к монголам, продававшим их в рабство. Так они оказывались в Египте. Некоторые мамлюкские командиры сумели подняться до положения феодальной знати и совершили в 1250 году дворцовый переворот, в результате которого на престол взошел султан Муизз Айбек (1250—1257), первый правитель мамлюкской династии.

Во время правления второго мамлюкского султана, бывшего раба Захира Руки ад-Дина Бейбарса Бундукдари (1260—1277), Египетское государство переживало экономический и политический подъем. Султан объединил Египет и Сирию, создал собственный могущественный флот и наладил регулярную почтовую связь.

Его основной целью было полное изгнание французских крестоносцев с территории государства. В 1265 году он захватил Кесарию и Арсуф, через 3 года — Яффу и Антиохию.

Восьмой крестовый поход

Вместе со своим дедом, Филиппом II Августом, и внуком, Филиппом IV Красивым, Людовик IX был одним из «трех великих Капетингов».

После смерти Людовика VIII власть перешла к Бланке Кастильской, которая благоразумно и твердо управляла страной в течение восьми лет своего регентства.

8 ноября 1226 года Бланке в обход закона удалось короновать сына, но вскоре против него выступили феодалы, воодушевляемые английским королем Генрихом III. Во главе заговора стоял могущественный граф Раймунд VII Тулузский.

В апреле 1229 года под давлением французской знати граф Тулузский подписал договор, положивший конец альбигойским войнам. И хотя к 1235 году был установлен мир с англичанами, политическая обстановка в королевстве франков оставляла желать лучшего. Начавшееся в 1240 году восстание крестьян в Лангедоке спровоцировало новый конфликт с Генрихом III и графом Тулузским. Только в 1243 году король подписал соглашение, означавшее завершение последнего серьезного феодального возмущения при Людовике IX.

Людовик IX купил у византийского императора реликвии Страстей Христовых; для хранения этих святынь он приказал устроить Святую Капеллу в королевской церкви Сент-Шапель.

Управляя королевством, Людовик IX продолжил политику деда и отца. Согласно предсмертной воле Людовика VIII, большая часть владений королевского

дома отошла младшим братьям Людовика IX. По завещанию Альфонс получил Пуату, а Карл — Анжуйскую провинцию; в результате раздела Франции существенно понизились королевские доходы. Именно в это время Людовик IX проявил талант организатора.

Начиная с 1263 года во Франции была введена новая денежная система: отныне монеты королевской чеканки (в отличие от денежных единиц местного значения) имели хождение на территории всей страны. Нововведения Людовика Святого подняли престиж королевской власти, до того времени зависевшей от прихотей феодалов. Мудрая политика короля позволяла поддерживать равновесие в обществе, соблюдая интересы различных слоев населения.

Правитель Франции окончательно решил спорные вопросы внешней политики. По договору с арагонским королем Хайме, подписанному в 1258 году, граница между двумя государствами прошла по Пиренеям. В 1259 году король заключил окончательный мир с Генрихом III, отказавшимся от притязаний на Нормандию, Турень, Анжу, Мэн и Пуату в обмен на свои владения в Гиени и Гаскони.

В 1267 году Людовик IX принял решение о выходе в очередной Крестовый поход, ставший последним. 25 марта в парижском храме Сент-Шапель по окончании молебна он громко заявил о намерении возобновить священную войну. Присутствующий при этом событии придворный историк Жан де Жуанвиль, не раз переживавший вместе с королем трудности длительных походов, описал впечатление, которое произвели на собравшихся слова монарха.

Верные рыцари Людовика IX были поражены неожиданным заявлением; потерпев позорное поражение в предыдущей кампании, они считали новый поход бессмысленным. Кроме того, опытные воины не испытывали желания сражаться под предводительством по-

жилого (королю в то время исполнилось 53 года) и большого человека, еще не залечившего раны предыдущей войны.

Тех, кто поддержал короля, оказалось совсем немного; рыцарский совет почти единодушно воспротивился началу новой палестинской кампании. Тогда Людовик хитростью привлек на свою сторону некоторых нужных лиц. Он приказал выделить крупную сумму из церковных средств и пожаловал десятки тысяч ливров самым влиятельным французским и английским феодалам; этим поступком король получил их расположение.

Через некоторое время крест приняли наследник престола Эдуард и младший сын монарха Эдмунд. Клятву верности дал король Наваррский Тибо — зять Людовика, его племянник — граф Тибо V Шампанский, отважные рыцари Робер д'Артуа и Гюн Фландрский. Жан де Жуанвиль отказался от участия в походе, сославшись на отсутствие средств (его поместья сильно пострадали во время предыдущей кампании), заявив, что остается во Франции, чтобы «помогать своим вассалам и защищать их».

Несмотря на обдуманное, твердое решение, состоявшуюся официальную церемонию и полную готовность армии, Людовик IX отложил начало военной кампании на май 1270 года. В то время сложная политическая обстановка не способствовала осуществлению замыслов короля.

Удачные переговоры с правителями Венеции, Марселя и Генуи позволили Людовику подписать договор о содействии этих государств в морских переправах крестоносцев. Через некоторое время крест приняли еще несколько знатных английских баронов. Однако поддержки и согласия неаполитанского короля, младшего брата Людовика, французам получить не удалось.

Шарль Анжуйский, на содействие которого рассчитывал Людовик IX, не торопился вступать в священную

войну. В то время у него были иные заботы. Два года назад Шарль с одобрения Папы Климента IV получил во владение Неаполитанское королевство, дав обещание стать вассалом Римской церкви.

В 1266 году отряд рыцарей во главе с Шарлем Анжуйским вторгся на территорию Южной Италии, где соединился с итальянскими союзниками. В жестокой схватке близ города Беневента французы разгромили войско Манфреда Гогенштауфена, владельца этих земель. Победа в сражении, а также гибель короля Манфреда, наследника Фридриха II, позволили французскому графу прочно утвердиться на троне Неаполитанского королевства (иначе называемого Королевством обеих Сицилий).

Смуглолицый, черноволосый правитель, силой завоевавший власть, по темпераменту был похож на испанца. Венецианский историк Марио Санудо подробно описывал характер короля. По словам биографа, это был жадный, мелочный человек с обостренным самолюбием. Он постоянно увлекался фантастическими идеями, строя грандиозные внешнеполитические планы.

Шарля Анжуйского не удовлетворяла роль правителя небольшой части Италии. Имея почетный титул имперского викария Тосканы и высокий ранг сенатора Рима, будучи вождем Гвельфской лиги, он мечтал объединить под своей властью все государства Средиземноморья, в итоге установив мировую монархию. Более всего короля занимала мысль о восстановлении власти латинских монархов в далекой Византии, где в 1261 году закончилось правление последнего славянского императора Бодуэна II.

Утвердившись на престоле, неаполитанский король направил усилия на расширение границ своих владений и немало преуспел в этом направлении. В мае 1267 года в присутствии Папы Климента IV и нескольких лиц высокого духовного звания Шарль Анжуйский

подписал договоры с Бодуэном II и правителем Морейского принципата князем Гийомом Виллардуэном. Встреча монархов происходила в загородной резиденции папы — Витербо.

На переговорах присутствовали также маршал Анри Кузанский и архидьякон Гийом Парижский, прибывшие в качестве послов Людовика IX.

По договору бывший латинский император взял на себя обязательство передать Королевству обеих Сицилий часть византийских земель, отвоеванных неаполитанскими воинами. В случае захвата Константинополя Шарль Анжуйский получал управление Морейским княжеством, многочисленными островами архипелага, плодородными землями Эпире и Корфу. В договоре предусматривался и вопрос наследования: если род Бодуэнов прерывался, то вся Латинская империя отходила Анжуйскому дому. По договору с Гиоймом Виллардуэном неаполитанский король получал земли на юге Пелопоннеса.

Климент IV скрепил оба договора печатями и в тот же день обвенчал Филиппа, сына Бодуэна II, с единственной дочерью Шарля Беатрисой. Этот брак окончательно закрепил за неаполитанским королем право на владение Константинополем.

Честолюбивый король всегда ставил престиж выше государственных интересов. Наряду с Византией, Шарль Анжуйский мечтал получить власть над Иерусалимом. Его желание исполнилось через десять лет, когда патриарх Палестины торжественно объявил Шарля Анжуйского королем Иерусалимским. Этот факт имел для него большое значение; в дальнейшем правитель Италии будет называть себя «Шарль, милостью Божией король Иерусалимский и Сицилийский», поставив первым титул восточного владыки.

В мае 1267 года в Неаполь прибыли послы Людовика IX для проведения переговоров относительно буду-

щей палестинской кампании. Из протоколов встречи можно узнать, что Шарль не дал твердого согласия на участие в военных действиях, но обязался в короткий срок предоставить материальную помощь своему венценосному брату. Договор предусматривал оснащение армии и флота на средства Неаполитанского королевства; кроме того, Шарль Анжуйский обещал собрать для французов 50 тысяч ливров — огромную для небольшого государства сумму. Но властитель Южной Италии не выполнил условий договора; в скором времени, отложив задачи Крестового похода, ему пришлось спасти собственное королевство.

В октябре 1267 года на территорию Неаполитанского государства без объявления войны вошла армия Конрадина, молодого принца Гогенштауфена, внука Фридриха II. Война на собственной территории не входила в планы Шарля Анжуйского, но военачальники требовали покончить с давними политическими врагами.

23 августа 1269 года в сражении близ Тальякоццо войско Конрадина было разбито. Отряды гибеллинов, союзников принца, еще до окончания битвы покинули поле боя и ушли за пределы Италии. Сын короля Манфреда, оставшись без поддержки, был вынужден скрыться. В течение месяца слуги неаполитанского короля по всей стране разыскивали Конрадина и схватили его осенью 1269 года.

29 октября юному наследнику Фридриха II по приказу правителя обеих Сицилий отрубили голову. С мятежниками было покончено, но в разгар этих событий скончался Папа Климент IV, и политическая обстановка в стране усложнилась.

В начале 1270 года Шарль Анжуйский возобновил отложенную на время восстания деятельность, направленную на решение византийского вопроса. Чтобы укрепить позиции на Средиземном море, он провел серию переговоров с наиболее влиятельными правителя-

ми прибрежных государств. Неаполитанский король нашел союзников в лице венецианского дожа Лоренцо Тьеполо, называвшего себя «повелителем четверти и полчетверти Романии», королем Венгерским Стефаном, владевшим Далматинским побережьем, сербским королем Урошем и царем Болгарии Константином. Этот мощный союз должен был вступить в борьбу против византийского правителя Михаила Палеолога.

Тем временем Людовик IX, больше не ожидая помощи брата, приказал рыцарям выводить армию из Парижа. Восьмой крестовый поход начался 14 марта 1270 года, когда папский легат, благословив воинов на святое дело, вручил французскому монарху посох и освященный крест.

К началу войны французское войско насчитывало не более 10 тысяч человек. Армия двинулась на юг страны, в Прованс; в гавани Эгморт крестоносцы погрузились на корабли и 11 июля вошли в порт Кальяри в Сардинии.

Дальнейший путь должен был указать совет военачальников, который собрался 13 июля 1270 года. По словам монаха королевского аббатства Сен-Дени Примата, официального историка Восьмого крестового похода, в результате долгих споров совет постановил направить флот в Тунис. Присутствующий здесь папский легат одобрил решение совета и высказал мнение, что война «против иноверцев из Туниса» так же священна, как и борьба за освобождение Палестины.

Участник восточной кампании, королевский исповедник, доминиканец Жоффруа де Болье в своих дневниках объяснил резкую смену маршрута войск двумя причинами, одной из которых была глубокая религиозность французского короля.

За несколько лет до начала Крестового похода Людовик IX завязал дружественные отношения с властителем Туниса, эмиром аль-Мостапсиром, не раз изъявлявшим желание принять христианство.

Опасаясь мести сарацин, владыка не решался перейти в православную веру. Французский король сумел убедить совет направить армию в Африку и внезапно напасть на Тунис, предоставив возможность эмиру свободно осуществить переход в христианство. Этим поступком Людовик надеялся восстановить справедливость в стране, где некогда проповедовал монах Августин Блаженный, один из самых благочестивых последователей учения Христа.

Помимо религиозных чувств, французский король руководствовался более прозаичными обстоятельствами. Миссионеры-доминиканцы убедили крестоносцев в том, что крепости Туниса не приспособлены для осады, поэтому овладеть сокровищами африканских эмиров для французов не представляет труда. Военную добычу можно в дальнейшем использовать для продолжения похода за освобождение Палестины. Кроме того, Людовик получил сведения о том, что властитель Египта давно пользуется неисчислимыми богатствами Туниса, доставляя в Каир деньги, оружие, лошадей и рабов.

Предыдущие поражения в африканской кампании убедили итальянских военачальников в безнадежности прямого нападения на могущественный Египет. Поэтому они решили направить корабли из Кальяри к берегам Туниса, самого сильного мусульманского морского государства.

Людовик IX надеялся получить контроль в Средиземном море, чтобы беспрепятственно отправлять отряды крестоносцев в Египет и Святую землю.

Еще до совета в Кальяри французский монарх поделился своими замыслами с неаполитанским королем, последний незамедлительно приказал собирать продовольствие для армии крестоносцев. В сицилийский порт Трапани было завезено около 2 тысяч голов сыра, 2 тысяч свиней, 600 коров и баранов, а также огромное количество хлеба, ранее закупленного в Апулии. Кроме

того, по указу Шарля Анжуйского коммерсантам предоставлялось право беспошлинного ввоза продуктов питания и других товаров, необходимых для военного предприятия. Но Людовик рассчитывал на прямое участие вассалов брата в войне против Туниса.

Король Обеих Сицилий, заверяя Людовика в скорой встрече, не спешил присоединиться к французскому войску. Его действия, направленные на создание военного союза, не увенчались успехом. Шарль Анжуйский собрал только два десятка кораблей — такого количества было недостаточно для завоевания Константинополя.

Венецианец Лоренцо Тьеполо отказался принимать участие в завоевательном походе и вышел из союза, назвав неаполитанского короля «авантюристом». Но это был лишь ловкий ход хитрого дожа, в то время уже вернувшего себе бывшие привилегии при дворе императора Византии. Продолжать греческую кампанию в одиночку король обеих Сицилий не имел возможности: государственная казна была пуста. По той же причине Шарль Анжуйский не спешил снаряжать войска на помощь брату, терпеливо ожидавшему поддержки.

По мнению историков, была и другая причина, по которой Италия не вступала в войну против североафриканских государств. Экономическая политика Шарля Анжуйского предусматривала сохранение мирных отношений с Тунисом, так как торговля с этим государством приносила неаполитанской казне большие средства. Война могла нарушить сложившиеся торговые связи. Более того, правитель Туниса, эмир аль-Мостансир, являлся давним должником Фридриха II, и Шарль Анжуйский надеялся получить дань, посылая с этой целью многочисленные посольства, за многие годы ставшие регулярными.

В последнее время затянувшиеся переговоры подходили к финалу, эмир дал туманное обещание выпла-

тить требуемую сумму. Но Шарль самолично сорвал сделку: помимо дани, он потребовал уплаты недоимок, накопившихся за много лет. Жадность итальянского монарха завела переговоры в тупик. Тогда он принял решение присоединиться к армии брата, чтобы силой оружия заставить аль-Мостансира уплатить долг.

18 июля 1270 года французская армада благополучно пересекла Средиземное море; воины высадились на берегу Туниса и двинулись в глубь страны, не встречая сопротивления местных жителей. Крестоносцы легко захватили древнюю крепость Карфаген, хотя город защищало многочисленное войско, состоящее из отрядов аль-Мостансира и Бейбоса, султана Египта.

Эта первая победа французской армии оказалась последней для короля. Недостаток продовольствия, изнуряющая жара и сложные условия перехода по пустыне послужили причиной эпидемии холеры, вспыхнувшей в лагере крестоносцев. Вскоре заболела вся семья Людовика: принц Филипп, рыцарь Жан Неверский, принцесса Изабелла и ее супруг — король Наваррский, родственники короля — Альфонс и Жанна де Пуатье. Все они скончались; выздоровел только Филипп, старший сын короля.

Людовик IX умер 25 августа 1270 года. В тот же день к берегам Туниса причалил корабль неаполитанского короля с отрядом арбалетчиков на борту, Шарль успел лишь к погребению старшего брата. Спустя много лет, 11 августа 1297 года, Людовик IX был канонизирован Папой Бонифацием VIII. Он стал символом духовных традиций французской монархии, воплощением образа благочестивого короля, титул которого его потомки с гордостью носили много веков подряд.

Через 50 лет этот король был причислен католическим духовенством к лику святых. Культ его постоянно поддерживался в клерикальных и проколониальных кругах на Западе и дошел до наших дней. Так, в 1970 году

в Париже и Риме отмечалось 700-летие со дня смерти французского короля, который трагически погиб во время Восьмого крестового похода.

Во многих городах в этот день состоялись научные конференции и были организованы выставки, посвященные жизни Людовика Святого.

Моральные и физические силы французских солдат были подорваны смертью короля, страхом перед болезнью и губительным для европейцев климатом Северной Африки. В армии начались беспорядки, и кампания едва не сорвалась.

Объединенные отряды итальянцев и крестоносцев под командованием Филиппа продолжили завоевательный поход и даже выиграли два незначительных сражения. Но сын Людовика IX понимал бессмысленность дальнейших военных действий. 1 ноября 1270 года он предложил эмиру Туниса перемирие и получил согласие, закончив на этом бесславную кампанию. Мирный договор предусматривал гарантии для успешного развития торговых отношений между Европой и государствами Северной Африки.

Главным в переговорах был вопрос обеспечения неприкосновенности итальянских купцов на всей территории стран — участников договора: «...будут находиться под охраной Господа и сами, и их имущество как при въезде в страну, так и в то время, пока они ведут свои дела».

Аль-Мостансиру дорого обошелся мир с Италией: эмир обязался уплатить дань (причем в двойном размере), выдать Шарлю Анжуйскому укрывавшихся в Тунисе гиббелинов и возместить военные расходы обоим странам. Из общей суммы неаполитанскому королю предназначалось 70 тысяч унций золота.

Удовлетворенные итогом переговоров, крестоносцы покинули Африку 17 ноября 1270 года. Несмотря на неудачный исход последней кампании, высшее духовен-

ство Европы продолжило деятельность, направленную на возобновление войны за освобождение Палестины.

Последние призывы святых отцов прозвучали на Лионском соборе, состоявшемся в 1274 году по инициативе Папы Римского. Пламенная речь Григория X, в которой он требовал организации новой военной кампании, осталась без ответа: люди больше не верили в успех восточных предприятий.

В аристократических кругах также не осталось желающих продолжить затянувшуюся войну. Рыцари, познавшие трудности предыдущих походов, считали, что вопрос взаимоотношений Востока и Запада можно было решить мирным путем. Походы крестоносцев окончательно прекратились после смерти Григория X.

В рукописных источниках сохранились высказывания духовенства по этому поводу: «Господь не захотел новых завоеваний, поэтому и призвал к себе папу».

Отдельные акции религиозных фанатиков, направленные на возобновление священной войны, продолжались до конца XIII века, но в деле завоевания Палестины они существенной роли не играли. Период Крестовых походов закончился. Оставшиеся на Востоке владения крестоносцев постепенно перешли к турецким владыкам. Весной 1289 года армия султана Келауна захватила Триполи.

18 мая 1291 года крестоносцы потеряли Акру, свой последний форпост на Востоке; египетские войска превратили прекрасный город в развалины.

Доминиканский монах Рикольдо де Монте Кроче в своих рукописях объяснял провал Крестовых походов тем, что военные неудачи подорвали в людях веру в справедливость борьбы за освобождение Иерусалима. По мнению историков, священная война не могла продолжаться ввиду того, что за 200 лет утратили силу идейные и социальные предпосылки, пробудившие религиозный фанатизм населения Европы.

Вторжение немецких рыцарей на Русь

Поражение под Новгородом послужило горьким уроком для рыцарей Ливонского ордена, не оценивших военной мощи противника. Мечтая вернуть утраченное влияние среди феодалов, не желавших вкладывать средства в сомнительное предприятие (таковым они считали русскую кампанию), предводитель войска крестоносцев объявил новый поход на Русь. Зная о том, что восточные соседи быстро устранили последствия разрушительного нашествия Батыя, католическая церковь и немецкие бароны торопились с вторжением на чужие земли с целью завладеть богатствами русских князей.

Русские князья тоже понимали, что возобновления войны не избежать; еще до Невской битвы они получили сведения о слиянии двух рыцарских орденов, меченосцев и Тевтонского, объединившихся в стремлении поработить прибалтийские народы и племена западных славян. Очень скоро предчувствия Александра Невского оправдались: ливонцы вновь пересекли границы Руси.

В то время в Ливонии проживал сын великого князя Владимира, Ярослав, изгнанный вольными псковичами за тайную переписку с папским епископом. Все годы, проведенные вдали от родины, он мечтал о мщении соотечественникам. Благодарностью ливонцам, приютившим его на чужбине, могла быть победа над русской дружиной в предстоящем сражении. Таким образом оскорбленные чувства внука великого князя Киевского Рюрика сыграли роль в подготовке нового Крестового похода, а Ярослав Владимирович стал формальным предводителем рыцарского отряда.

Магистр ордена, утверждавшийся Папой Римским и сохранявший этот титул до конца жизни, здраво рассудил, что использование «благородной» цели как нельзя кстати; он счел покровительство над русским князем

делом чести. Ярослав заслужил благосклонность святого отца набожностью (в изгнании он перешел в католичество) и обещаниями щедрых пожертвований в пользу церкви в случае успеха предприятия.

Мечтая любыми путями вернуть себе место псковского правителя, Ярослав Владимирович публично пообещал дерптскому епископу «подарить» союзникам все «королевство Псковское».

Известный историк XVII столетия В. Фрибе так комментирует причины, побудившие рыцарей Ливонского ордена совершить поход на Русь: «Магистр Герман Балк напал на Россию по следующим причинам: он желал отомстить за предыдущие нападения русских; отчасти он желал ближе познакомиться с нацией, которую уподобляют сарацинам; далее, путем победы над русскими Балк хотел увеличить мощь ордена и отличиться геройством».

Однако к началу Ледового побоища Балк уже умер; перед смертью он передал дела единомышленникам, которые вели тщательную подготовку к войне. Члены ордена собирали деньги, тщательно подбирали и обучали сильных рыцарей, способных носить на себе кованые латы, а также искали недовольных среди псковской знати, намереваясь использовать их в качестве осведомителей.

Изменниками оказались несколько знатных бояр во главе с посадником Твердило Ивановичем. Согласившись сотрудничать с иноземными захватчиками, предатели надеялись таким образом обезопасить себя от назревающего народного мятежа. Установив связь с изгнанником Ярославом, Твердило пообещал открыть крестоносцам ворота города. Кроме того, он объяснил немецким «друзьям», где располагаются основные силы русского войска.

В начале августа 1240 года в Риге собралась большая группа лидеров Ливонского ордена; католические священники из прибалтийских епископств приехали

издалека для того, чтобы обсудить подробности предстоящей операции. Среди собравшихся находились очень влиятельные духовные лица: Николай Рижский, Герман фон Бекесговеде Дерптский и Генрих Эзельский, владельцы хорошо укрепленных замков, способные быстро собрать крупные рыцарские отряды.

Вдохновителем кампании был преемник Балка, магистр Дитрих фон Грюнинген, выступивший перед собравшимися с призывом сломить сопротивление русских, захватив Изборск и Псков. Планы крестоносцев предусматривали вторжение в центральные области Руси и строительство там укрепленных городов, что помогло бы ливонцам покорить русский народ. Магистр предупредил братьев по оружию о силе и хитрости врага. По его словам, русы — это опасный и сильный противник, который оказывает помощь и другим язычникам — таким, как ливы и эсты, поэтому жалость к ним не должна тревожить сердца отважных рыцарей.

Затем вице-магистр Ливонского ордена приказал братьям собрать под свои знамена всех покоренных язычников и держать их в страхе, «дабы они не уклонялись от сражения с русскими».

В конце августа ливонцы вторглись в псковские земли и подошли к небольшому городку Изборску, жители которого не ожидали нападения. Несмотря на отчаянное сопротивление, Изборск стал первой победой крестоносцев. «Благородные» рыцари уже не боялись Божьего гнева, совершая грабежи, насилия и убийства.

Разорение мирного поселения было столь велико, что даже немецкий хронист был поражен творимыми бесчинствами: «Немцы взяли замок, собрали добычу, забрали имущество и ценные вещи, вывели из замка лошадей и скот; что же осталось, то предали огню... Никого не оставили из русских, кто только прибегал к защите, тот был убиваем или взят в плен, по всей земле были слышны вопли».

Весть о падении города быстро дошла до Пскова. Князь, потрясенный жестокостью ливонских рыцарей, немедленно собрал вече, решившее поднять народ на освобождение многострадальных жителей Изборска. На следующий день 5 тысяч человек из городского ополчения под предводительством княжеского воеводы Гаврило Гориславича направились к Изборску. Тогда псковичи не подозревали о планах врага, посчитав внезапное нападение обычной вылазкой, которые ливонцы регулярно совершали в те времена.

Бояре пытались отговорить горожан от этого безрассудного поступка, предложив дожидаться помощи из Новгорода, однако их призыва никто не поддержал: псковичи спешили отомстить за обиду, нанесенную их братьям. Впоследствии они убедились в поспешности своих действий.

Люди, вооруженные топорами и рогатинами, не могли сражаться с конными рыцарями в железных латах. Последние уже были предупреждены о подходе псковичей, которые прославились храбростью, упорством и преданностью родной земле. В этом немецкие воины убедились в предыдущих сражениях.

Битва под Изборском была долгой и кровопролитной. Русское войско значительно уступало вражескому по численности, но псковичи продолжали сражаться, даже когда в бою пал их предводитель Гаврило Гориславич. В конце дня ливонцы применили свой излюбленный прием: построились клином и ударили в самый центр неприятеля. Эта тактика позволила им разбить ополчение на две части, что предрешило исход сражения.

Потери псковичей в этом сражении составили около 800 человек, остальным пришлось спасаться бегством, пробираясь тайными тропами через густые леса.

Преследуя русичей, отряды ливонцев скоро подошли к Пскову, намереваясь быстро завладеть городом. Однако горожане закрыли ворота, поэтому крестонос-

цы не смогли ворваться в крепость. В течение нескольких недель рыцари безуспешно атаковали высокие каменные стены, но псковичи отбивали атаки, даже не открывая городские ворота.

Понимая, что взять Псков будет непросто, рыцари разорили посад, уничтожили окрестные деревеньки, захватив в плен женщин и детей.

Дальше крестоносцы направились в сторону новгородских земель, не оставляя надежды покорить Псков. С этой целью они вступили в переговоры с местной знатю и при помощи бояр-изменников уговорили местных жителей принять их условия. Посадник вместе со своими приспешниками добился того, чтобы жители сдали город без сопротивления. При этом Твердило Иванович сохранил все свои полномочия и стал управлять городом вместе с двумя немецкими наместниками.

Зимой 1240 года рыцари Ливонского ордена вторглись в новгородские земли, на которых проживало финское племя водь, платившее дань Великому Новгороду. Здесь неприятель не встретил ожидаемого сопротивления; финнам было все равно, кому платить дань: русским или немцам.

Почему же князь Великого Новгорода никак не отреагировал на нападение крестоносцев и не выслал подкрепления своим братьям-псковичам? Дело в том, что в то время Новгород сам находился в незавидном положении: в городе царила смута и свирепствовал голод. Кроме того, буйные новгородцы, желая оставаться свободными, изгнали из города князя Александра Невского.

Это произошло вскоре после блистательной победы молодого князя над войском шведов, которому он нанес поражение на реке Неве. Вернувшись в Новгород, князь сразу же почувствовал враждебное отношение бояр, которые, помимо богатства, обладали большим влиянием на горожан и могли предоставить в случае войны немалую военную силу. Консервативные новго-

родцы не пожелали подчиниться сыну владимирского князя Ярослава Всеволодовича, отличавшегося крутым нравом и твердой рукой. Пытаясь подавить восстание, Александр приказал повесить нескольких смутьянов из числа горожан, что было неожиданностью для новгородцев; они прежде не знали жестокости приглашенных князей.

Не имея достаточной силы, бояре сначала опорочили имя победителя перед всеми горожанами, а затем перешли от обличительных речей, проводимых на публичных сходках, к наказанию непокорного правителя. Они значительно сократили князю жалованье, на которое он содержал не только семью, но и дружину. Также «отцы города» отказали Александру в просьбе об увеличении размеров княжеского землевладения за пределами Новгорода. Эти действия несказанно обидели молодого князя; избегая открытых столкновений с враждебно настроенными боярами, Александр вместе со своей семьей и дружиной отправился в родную вотчину к отцу, которого новгородцы также многократно изгоняли из княжества.

Узнав о случившемся, Ярослав Всеволодович отдал сыну город-крепость Переяславль-Залесский, в котором тот стал княжить, не теряя дружеских связей со многими новгородцами разного звания, в надежде, что вновь вернется туда, откуда его прогнали. Убежденность Александра имела все основания. В те далекие времена только твердая рука князя и помощь верных дружинников могли гарантировать русским городам защиту от иноземных захватчиков, часто покушавшихся на богатство и земли Руси. Кроме того, после отбытия Александра Новгород остался без опытного правителя, замену которому нашли не скоро; во время нападения ливонцев город был во власти бояр.

Прошло очень мало времени, а горожане уже пожалели о том, что так неосторожно и легкомысленно из-

бавились от князя, который мог защитить их от захватчиков. Накаляли страсти и псковичи, которым удалось бежать в Новгород и скрыться за его стенами. Их рассказы о зверствах рыцарей и об их планах вселили в сердца новгородцев неописуемый ужас.

Ливонцы не заставили себя долго ждать. Вскоре они несколькими отрядами вторглись в новгородские земли и приобщили их к своим владениям, в то время как местные жители, не решаясь на ответные действия, предпочли оставить все как есть.

А крестоносцы тем временем совершали все новые и новые набеги, вскоре захватив Копорье, хорошо укрепленное русское поселение, представляющее собой большую ценность с точки зрения торговых отношений с чужеземными народами.

Важность своего нового приобретения ливонцы определили сразу же: найдя неприступное место, они согнали с него местных жителей и возвели каменный замок, который сразу же превратился в разбойничий притон. Самое неприятное для новгородцев заключалось в том, что замок Копорье перекрывал важнейшие торговые пути и находился там, откуда удобнее всего было совершать набеги на новые земли.

Не встретив сопротивления новгородцев, крестоносцы вскоре завладели поселением Тесово и остановились на берегах реки Луги. Они часто появлялись в окрестностях Новгорода, устраивая засады на местных купцов. Разграбление окрестных деревень в скором времени привело к уменьшению запасов продовольствия, что вызвало голод.

К тому времени немецкие рыцари официально причислили к владениям Папы Римского Водскую и Ижорскую земли, тот передал их в дар эзельскому епископу, а последний в свою очередь поделил их между рыцарями. Данное обстоятельство подтолкнуло новгородцев к решительным действиям, и они начали требовать у бо-

ярства возвращения Александра Ярославича. Опасаясь гнева черни, знать обратилась к великому князю Владимировичу с просьбой отпустить на княжение младшего сына Андрея. Однако бояре не смогли обмануть простой народ подменой правителей. Тогда в Переяславль-Залесский прибыл новгородский архиепископ Спиридон, в задачи которого входило уговорить изгнанного князя вновь взять власть в свои руки, встав на защиту Отечества.

Александр уже ждал посланников и, забыв нанесенную ему обиду, летом 1214 года вернулся в Новгород, который принял его с радушием большим, чем после Невской битвы. Этому были свои причины: неприятель находился недалеко от города. Воодушевленный торжественной встречей, князь с усердием принялся за дела, и первое, что он сделал, — освободил Копорье от захвативших его чужеземцев, которые надолго устроились на привольных новгородских землях.

Собрав ополчение, куда вошли все, кто мог держать в руках оружие (некоторые из них принимали участие в битве со шведами), князь повел его в поход против рыцарей ордена. Русское войско по численности превосходило ливонские отряды. Узнав об этом, враги заволновались. Они помнили о военных заслугах Александра; уже одно прозвище «Невский» наводило на рыцарей страх.

Князь верил в силу русского народа и в то, что он сможет одолеть незваных гостей, прогнав их с территории Руси. Возможно, именно эта вера и помогла ему осуществить задуманное. Что касается новгородцев, то общая беда прекратила распри между боярскими родами, которые забыли о своей ненависти к Ярославичу и были преисполнены благодарности за то, что он вновь решил встать на их защиту.

Народное ополчение собралось в очень короткие сроки: медлить было нельзя, и все это прекрасно понима-

ли. Богатые горожане сдавали металлические предметы, из которых кузнецы изготавливали оружие для ратников.

Собрав и вооружив ополчение, Александр дождался подкрепления (карелы и ижоряне прислали в помощь новгородцам свои дружины) и только потом двинулся вместе с войском на Копорье.

Рыцари же, свыкшиеся с бездействием русских, не ожидали встретить их на подступах к своей крепости, а потому не успели испросить подкрепления ни у орденна, ни у прибалтийских епископов.

Еще до подхода к Копорью русичами было истреблено несколько отрядов захватчиков, насаждавших в окрестностях католицизм, а подойдя к крепости, они без труда пробили ее стены и перебили большую часть гарнизона. Однако Александр не позволил своим ратникам уничтожить всех воинов Креста и приказал отпустить часть пленных в Ливонию, где находились дети многих псковичей, полоненные во время разорения псковского посада. При этом князь распорядился о повешении предателей из племен чудь и водь, которые выступили пособниками крестоносцев.

Разрушив до основания неприятельскую крепость, Александр торжественно вернулся в Новгород: второй раз ему удалось снять опасность, нависшую над городом. Там княжеский сын отпустил домой значительную часть плененных рыцарей, показав свой гуманизм. Богородный поступок не нашел поддержки у новгородцев. «Милостив был паче меры!» — говорили по этому поводу бояре.

После освобождения Копорья Александр планировал повести свое войско на Псков, для того чтобы освободить его от крестоносцев. Однако силы были неравны, и талантливый полководец понимал бесполезность продолжения похода. Обратившись за помощью к своему отцу, Александр Ярославич добился подкреп-

ления, состоящего из хорошо обученных и вооруженных ратников из Суздаля, Владимира и Переяславля. Кроме того, на помощь старшему брату прибыл князь Андрей Ярославич.

На этот раз сборы ополчения заняли всю зиму, за это время князь Александр неоднократно посещал отца, принимал от него советы, чем заслужил большое признание и уважение новгородцев, ратовавших за освобождение своих псковских братьев.

Военные сборы никого не оставили равнодушным: одни с азартом готовились к походу, другие с подозрением следили за сборами. Недоверчивыми были удельные князья и новгородские бояре, недолголюбивающие молодого князя.

Князья не могли собрать большое войско, вследствие чего ополчение Александра казалось всем невероятно многочисленным.

Как только новгородцы соединились с суздальско-владимирской ратью, Александр Невский выступил в поход, стремясь всеми силами не допустить того, чтобы ливонский гарнизон, расположившийся в псковском детинце и состоявший преимущественно из немецких рыцарей, их оруженосцев и кнехтов — рядовых пеших воинов, узнал о походе и попросил подкрепления у орденна. Таким образом, нападение русичей стало для немцев большой неожиданностью.

Увидев русских на подступах к псковской крепости, ливонцы едва успели спрятаться за крепкими стенами, но это не спасло их: восставшие псковичи успели открыть ворота и впустить своих спасителей.

Пытаясь отразить атаки ратников Александра, крестоносцы потерпели поражение и были вынуждены сдаться на милость победителя. Они потеряли в ходе этого сражения более 70 знатных представителей орденна и много простых воинов. Ратники Александра Ярославича захватили в плен двух наместников-фоггов, на-

ходившихся в крепости по приказу магистра ордена; они прибыли для организации управления завоеванными землями.

Что касается псковских предателей, то они разделили участь изменников Копорья: князь не пожалел никого, кто выступил на стороне жестоких ливонцев, будь то знатный боярин или простой горожанин. В этот раз Александр получил одобрение и бояр, и простого псковского народа, а также своих воинов, воодушевленных быстрой и легкой победой.

После взятия Пскова Невский сразу же двинулся на Изборск, чтобы не допустить соединения разрозненных отрядов ливонцев, которые, окрепнув, могли оказать сопротивление более сильное, чем под Копорьем и Псковом. Время показало, что расчет князя был верным: вражеский гарнизон даже не пытался сопротивляться, спешно покинув пределы Руси.

Победы русских в псковских и новгородских землях вызвали восстания среди эстов, также покоренных меченосцами. Самый сильный бунт произошел на острове Эзель (ныне Сааремаа). Это событие заставило крестоносцев в спешном порядке заключить с островитянами мирное соглашение.

Что касается Александра, то он не успокоился на достигнутом и решил идти походом на Ливонию, дав своим ратникам разрешение наносить неприятелю максимальный ущерб, опустошать его земли целиком и полностью. Таким образом, русские полки, не обремененные тяжелым вооружением, быстро продвигались по вражеской территории, предавая огню все немецкие поместья, которые только попадались им на пути.

Испуганный таким поворотом событий, орден начал спешно собирать новое войско, чтобы теперь уже очистить свои территории от русских и отвоевать все, что было теми захвачено. Тяжелая конница рыцарей набиралась в основном из гарнизонов всех крепостей Ливо-

нии, находящихся в Риге, Феллине и Оденпе, а также из дружин католических епископов, в частности Дерптского, Рижского и Эзельского.

Что касается пехоты, то она состояла из покоренных прибалтов, силой привлекавшихся в рыцарское войско. И хотя отряды орденских наемников не являлись грозной силой, однако они имели пеших воинов, которые в случае неудачи чаще всего служили конным рыцарям прикрытием и нередко бросались на произвол судьбы.

Кроме того, на этот раз на подмогу неприятелю было прислано немалое подкрепление от датского монарха Вальдемара II под командованием двух принцев крови — Кнута и Абеля. Немецкие земли также снарядили в Ливонию значительные по своей численности отряды крестоносцев. Во главе всего войска рыцарей Креста, численность которого равнялась 20 тысячам человек (большую их часть составляли тяжеловооруженные конники, прошедшие хорошую военную подготовку), был поставлен вице-магистр Ливонского ордена Андреас фон Вельвен.

Нужно отметить, что все орденские братья соблюдали строгую дисциплину: никто из них не мог самовольно оставить свое место на поле сражения или атаковать, не получив на то разрешения. Объяснялось это наличием определенной системы, имевшей место в пределах владений ордена, по которой воины строго карались за любое уклонение от сражения, вплоть до изгнания и изъятия поместий, что было равносильно смерти.

В то время, когда Андреас фон Вельвен собрал большое войско и решил дать сражение, Александр Невский со своими ратниками находился на берегу Псковского озера и уже направлялся к Чудскому, то и дело высылая вперед дозор. По всей видимости, русский полководец предчувствовал скорую битву и не собирался слишком глубоко заходить в земли противника.

Один из таких дозорных отрядов, возглавляемый братом новгородского посадника Домашем Твердиславичем и Кербетом — одним из тверских воевод, наблюдал за дорогой, ведущей от Пскова к Дерпту.

Александр Невский неоднократно предупреждал своих воевод о том, чтобы они не вступали в стычки с противником, превосходящим их по силе. Но случилось непредвиденное: неподалеку от селения Хаммаст (ныне Моосте, Эстония) небольшой отряд Домаша Твердиславича натолкнулся на объединенные силы крестоносцев и был разбит.

Сведений о том, почему русские вступили в неравный бой с ливонцами, не осталось, однако есть предположение, что рыцари Креста могли сами устроить засаду и напасть.

Гибель дозорного отряда не была напрасной: узнав о произошедшем, Александр начал готовиться к решающему сражению, стягивая все силы к селению Мехикорма. Будучи талантливым стратегом, он хорошо знал, что враг может попасть в русские земли только тремя путями: от разрушенного Копорья по берегам реки Луги; от города Юрьева (ныне Тарту) через Псковское и Чудское озера и далее по руслам замерзших рек Желчи, Плюссе и притокам Шелони; от Пскова до реки Черехи, а потом волоком в реку Шелонь. Мороз к тому времени накрепко сковал воды рек, и лучших дорог просто не существовало.

Теперь же, когда неприятель выдал себя, Александр был точно уверен, каким именно путем ливонцы намереваются пройти на территорию Руси, и путь этот лежал через Чудское озеро. Дело в том, что другими дорогами рыцари ордена просто не могли воспользоваться: каменная псковская крепость находилась в руках русских, а дорога через Копорье была непроходимой во время весенней распутицы. Таким образом, место сражения было предопределено.

Ледовое побоище

После поражения шведов на берегах Невы, которыми руководители Ливонского ордена не придавали особого значения, немецкие рыцари-крестоносцы совершили на Новгородскую Русь еще один Крестовый поход. Армия ордена отличалась прекрасной военной организацией и железной дисциплиной. Немецкие рыцари были хорошо известны в Европе как профессиональные и опытные воины. Каждый из них имел настолько хорошее вооружение, что в бою стоил нескольких воинов противника. Но особенно мощной считалась тяжелая рыцарская конница, во время боя наносившая таранный удар по войскам неприятеля. Кроме того, немецкие рыцари были связаны круговой порукой и благословением Папы Римского. До Ледового побоища только русской земле не доводилось испытать на себе всю силу этого крестоносного братства.

Рыцари Ливонского ордена имели определенный боевой порядок — в сражениях они наступали «железным клином» или «кабаньей головой». Русские, по свидетельству летописцев, называли такое построение «свиной». Оно представляло собой трапецию или клин, острие которого было представлено двумя рядами: первый составляли 3–5 опытных конных рыцарей (обычно это были командиры и отличившиеся в боях воины), второй — 5–7 немецких воинов. Следующая шеренга увеличивалась на два человека в каждом ряду. В результате получалась усеченная глубокая колонна в виде клина. Наибольшую опасность для неприятельских войск представлял ее правый фланг. Острием клина во время боя рыцари врезались в ряды противника и разбивали их на две неравные части.

За патрициями ордена, стоявшими в голове «свиной», шли знаменщики. Они хорошо охранялись во вре-

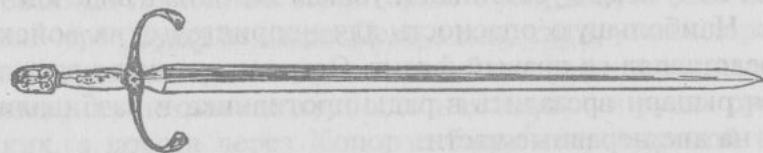

мя сражения, так как по уставу ни один из рыцарей не имел права покидать поле боя, пока над их войском развивается орденское знамя. Поэтому при неудачном столкновении с противником крестоносцы не могли спастись бегством.

Рыцари ордена имели хорошие воинские доспехи, состоящие из щита, панциря, кольчуги, круглого железного шлема с узкими прорезями для глаз, железных перчаток и кольчужных чулок. Кони также были закованы в броню: грудь и бока их покрывались железной кольчужной попоной, а голова была защищена сталью.

Вооружение немцев составляли длинные и тяжелые мечи, имеющие широкие рукоятки, позволяющие держать оружие двумя руками; копья, окованные железом; булавы с острыми шипами; боевые топоры и длинные кинжалы. Не намного хуже крестоносцев были вооружены их слуги и оруженосцы, которые имели такое же оснащение, только более низкого качества. Пешие воины-кнехты вооружались короткими мечами, самострелами и копьями.

Что касается воинов Александра Невского, то они были защищены от ударов металлической кольчугой; на головы надевались островерхие шлемы, а кольчужная сетка, закрывающая лицо, по качеству не уступала рыцарскому забралу. На ноги надевались кольчужные чулки, на руки — боевые рукавицы с нашитыми на них металлическими пластинами. Вооружение богатых ратников составляли мечи, копья, щиты, луки, палицы,

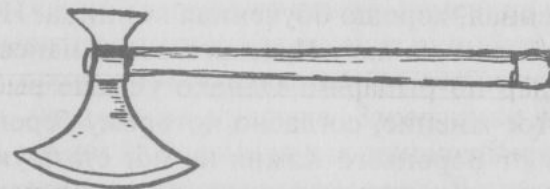
Бастард — меч, которым можно было пользоваться как одной, так и двумя руками

боевые топоры, кистени и самострелы. Пешие воины, набравшиеся из народа (вои), были вооружены намного хуже. В бою они использовали рогатины, топоры, кистени и большие дубины. Защитой воинов служили чаще всего деревянные щиты с вделанными в них металлическими пластинами.

Решающее сражение немецких рыцарей и русских воинов состоялось на льду Чудского озера. По сведениям ученых-историков, приблизительно рассчитавших численность противоборствующих армий, в битве принимало участие почти 30 тысяч человек, из них 15–17 тысяч русских воинов и 10–12 тысяч немецких. (Точная цифра не указывается даже в русских хрониках и новгородских летописях.)

Большим преимуществом русского войска была удобная и выгодная стратегическая позиция, выбранная молодым князем Александром Невским. Он выстроил своих воинов вдоль кромки озера, у береговой черты, где проходили зимние дороги (зимники), ведущие к Пскову и Новгороду. Русские отряды расположились около скалы под названием Вороний Камень, которая сохранилась до сих пор и только недавно была обнаружена археологами. Она была скрыта под водой в 2 км от берега озера. Эта скала стала наблюдательным пунктом и сторожевым постом русских ратников во время Ледового побоища.

Новгородский князь, хорошо разбиравшийся в боевой тактике военачальников Ливонского ордена, выс-

Боевой топор

троил свое войско так называемым полчным рядом. Впереди встали многочисленные отряды лучников и стрелков с самострелами-арбалетами. Они должны были уничтожить разведывательное соединение немецких рыцарей, чтобы не дать противнику возможности выяснить положение русской тяжелой конницы, состоявшей из опытных суздальских, владимирских и новгородских ратников. Ведь именно на нее в ходе сражения крестоносцы планировали нанести мощный удар головой «свиньи».

Помимо лучников, первую боевую линию составлял передовой полк, в состав которого входили пешие воины и стрельцы. Их задача заключалась в том, чтобы разъединить ряды, составляющие острие немецкого клина. Затем передовой полк отступал и присоединялся к основному войску.

За первой передовой линией располагался многочисленный полк «чело», возглавляемый опытным воеводой. Его воины завязывали рукопашный бой в самом начале сражения и отходили назад.

Фланги «чела» образовывали полки правой и левой руки, состоящие из хорошо обученных, вооруженных конных и пеших воинов. По замыслу Невского, фланги «чела» должны были охватить с боков рыцарскую «свинью». За «челом» князь поставил свою дружину, которая должна была отразить удар рассеченных частей немецкой «свиньи». В тылу, у кромки озера, расположился санный обоз.

Много споров у исследователей вызывало наличие засадного полка. По мнению одних, засаду составляла многочисленная, хорошо обученная конница. Именно она в ходе битвы на льду Чудского озера нанесла решающий удар по рыцарям. Однако ученые высказывают и другое мнение, согласно которому берег озера неподалеку от Вороньего Камня не мог стать укрытием для большого отряда конных воинов, так как к береговой черте подступал густой, непроходимый лес.

В связи с этим засадный полк, по всей видимости, состоял из небольшого числа конных воинов.

Александр Невский неслучайно выстроил передовую линию только из пехотинцев, которые имели численное превосходство над конниками. Издавна на Руси пешие войска считались важнее конницы, прикрывая ее в сражении и решая исход самой битвы.

Командование рыцарского ордена разработало план предстоящего сражения, заключавшийся в нанесении одного мощного удара передовых частей клина боевому порядку неприятеля. Эта тактика много раз успешно применялась ливонскими рыцарями в войнах в Прибалтике. Что касается Александра Невского, то он планировал ослабить удар, нанесенный «свиньей», силами передового и большого полков, в результате чего немецкие рыцари оказались бы в тупике у береговой черты. Затем фланги русских ратников должны были сначала атаковать вражеский клин с боков, а потом разгромить его. По замыслу новгородского князя, немецких рыцарей должны были уничтожить пешие ратники. Но даже в том случае, если рыцари прорвали бы первую передовую линию, путь им перегородили бы обозные санные отряды.

Если общая численность войск была неизвестна, то сам ход Ледового побоища подробно описан во многих древнерусских хрониках и летописях — первой Новгородской старшего и младшего изводов, Софийской первой, Симеоновской и других.

Сражение началось ранним утром 5 апреля 1242 года. Приближение «железного клина» немецких рыцарей не было неожиданностью для русских ратников. Дозорные, вместе с князем находившиеся на вершине Вороньего Камня, увидели их издалека. Закованные в латы, ливонцы верхом на боевых конях двигались прямо на русские полки, постепенно ускоряя ход. Вражеское войско было хорошо видно с наблюдательного пункта.

Вообще орденскими военачальниками широко применялась так называемая психологическая атака. Сначала крестоносцы двигались медленно, чтобы за ними успевали пешие воины-кнехты, затем набирали скорость, врезались в середину армии противника и разбивали ее на две части. Рыцари рассчитывали посеять панику в отрядах неприятельской армии, терявших в ходе атаки связь друг с другом и после этого нередко обращавшихся в бегство.

Рыцари, напоминая своим видом железную стену, все в белых плащах, действительно имели весьма устрашающий вид. Их копья были подняты вверх, над отрядами развевались знамена с нашитыми на них крестами. По свидетельствам немецкой Рифмованной хроники, первый ряд крестоносцев, составляющий острие клина, возглавлял опытный военачальник Зигфрид фон Марбург, прославившийся своей силой и полководческим талантом. Приблизившись к русскому войску, ливонцы умело замедлили ход своих коней, намереваясь ударить в центр вражеской армии.

Стоявшие в первом ряду, перед основным полком, лучники и арбалетчики открыли огонь по закованным в броню рыцарям, но действия их были безрезультатны. Стрелы не могли пробить мощные доспехи крестоносцев, легко скользя по стали. Тогда русские стрелки спешно отступили под звуки труб, призывавших к атаке русскую рать. Рыцари также перешли в наступление, опустив вперед окованные железом копья. «Железный клин» со страшным скрежетом врезался в первую линию передового полка, завязался бой.

Через некоторое время рыцари сумели прорвать центр передового полка, разделив его на две части, затем успешно атаковали большой полк («чело») и вышли к краю обледелого берега Чудского озера, где столкнулись с русской конницей, не уступавшей противнику по мощи и опытности. Воины ее были хорошо воору-

жены и защищены доспехами. Но обрывистая кромка берега стала непреодолимым препятствием для немецких рыцарей, устремившихся в сторону псковской земли. Когда копья обломались, в ход пошли тяжелые двуручные мечи, булавы и секиры, от ударов которыми воинов не защищали даже шлемы и щиты.

Сражение продолжали пешие кнехты, находившиеся все это время за передними рядами клина. Они же помогали конным рыцарям, которые после падения не могли самостоятельно взобраться на коня из-за своего тяжелого обмундирования. Поэтому успех немецкой конницы полностью зависел от действий пеших воинов.

Многие рыцари, выбитые из седла, попали под копыта коней, другие были убиты. Расчет Александра Невского полностью оправдался: подойдя вплотную к воде озера, ливонцы лишились пространства, необходимого им для маневров в ходе сражения. К тому же рыцарская конница оказалась окружена русскими пешими воинами. Начался рукопашный бой, поставивший рыцарей в довольно затруднительное положение. Закованные в тяжелые доспехи, они явно проигрывали пешим ратникам, имеющим более легкое снаряжение и оружие. Русичи же, воодушевленные успехом, сражались все более яростно.

Крестоносцы стали отступать. Впервые они встретили такого сильного и грозного противника за всю историю завоевательных походов. Рыцарский строй был сломлен и потерял свою ударную силу. Александр Невский приказал трубить победу и поднять княжеское знамя Ярославичей, на котором был изображен лев, олицетворяющий собой могучего и мудрого царя.

Затем фланговые отряды русских ратников с обеих сторон атаковали крестоносцев. Одним из них командовал брат Александра, Андрей Ярославич. После этого в бой вступила владими́ро-суздальская конница, новгородские и ладожские полки. Исход сражения решила

личная дружина Александра Невского. Ратные конники, возглавляемые самим новгородским князем, зайдя в тыл центральной части «железного клина», нанесли мощный удар по пешим воинам-кнехтам, которых прикрывала только одна конная шеренга крестоносцев.

Ряды немецких рыцарей смешались и превратились в разрозненные группы. Крестоносцы отчаянно сопротивлялись, но, падая с коней на лед озера, не могли даже подняться на ноги. В рукопашную схватку вступили пешие воины-кнехты, однако из-за неорганизованности и расстроенности рядов они через некоторое время, не выдержав яростного натиска русских ратников, обратились в бегство, не проявляя никакого желания сопротивляться дальше.

Крестоносцы, имеющие хорошую профессиональную подготовку и военную выучку, продолжали защищаться. По воспоминаниям немецких рыцарей, оставшихся в живых (как свидетельствует Ливонская хроника), в конце битвы им уже казалось, что на каждого из них напало по 60 русских воинов. Конечно, они преувеличивали, но орден впервые за всю историю завоевательных походов на Восток встретил такой яростный отпор со стороны противника. Через некоторое время орденские братья устремились к эстонскому берегу.

Один из военачальников крестоносного войска, вице-магистр Андреас фон Вельвен, пытался остановить бегство, но безуспешно: рыцари скакали прочь, бросая на ходу орденские знамена. Решающая битва против Новгородской Руси была проиграна. Рыцари, окруженные русскими воинами, сдавались в плен. Но пощадили не всех — слишком много бед принесли они с собой на Новгородскую землю.

Мало кому удалось вырваться из окружения, однако о спасении говорить было рано: до противоположного берега оставалось почти 7 км по скользкому льду Чудского озера. Вопреки сложившемуся мнению (чему

способствовали многие исторические работы и показ художественно-исторического кинофильма «Александр Невский») апрельский лед был довольно крепок и выдержал многотысячную массу людей и лошадей. В противном случае ни Александр Невский, ни орденские руководители не решились бы проводить на нем грандиозную военную кампанию.

Однако все-таки некоторое число бежавших рыцарей утонуло в ледяной воде, только произошло это в устье реки Желчи, впадавшей в Чудское озеро. Место впадения речной воды в озеро новгородцы называли Сиговицей. Александр Невский знал от горожан о ее коварстве, так как река при впадении в озеро подтачивала лед, делая его очень тонким. Поэтому новгородский князь расположил свое войско так, чтобы прикрыть Сиговицей его правый фланг.

Ведь неслучайно место предстоящего сражения Невский выбирал сам по совету коренных жителей, хорошо знавших берега озера.

Ливонское войско, состоящее из немецких рыцарей и прибалтийских католических священников, было полностью разгромлено.

В ходе сражения погибло около 400 рыцарей-крестоносцев и тысячи пеших воинов-кнехтов (точная цифра неизвестна, так как в то время простых воинов не учитывали ни среди убитых, ни среди раненых). В плен было захвачено 50 знатных рыцарей, возглавлявших небольшие воинские отряды.

Потери немецких крестоносцев оказались просто огромными по средневековым меркам. Даже в крупном военном столкновении в 1119 году при Брюмеле, произошедшем между англичанами и французами, было убито только три рыцаря, а в битве при Бувине (1214 год) потери крестоносцев составили 70 человек убитыми и около 150 пленными. Следовательно, битва на Чудском озере стала довольно крупным европейским сра-

жением Средневековья. Именно поэтому в историю она вошла под названием Ледового побоища.

Сражение было выиграно благодаря стремлению русских воинов одержать победу, а также их ярости и ненависти к захватчикам. Но главную роль в Ледовом побоище сыграл молодой новгородский князь Александр Невский. После двух побед, одержанных на берегу Невы и на льду Чудского озера, он прославился как опытный, мудрый полководец. Слава о нем распространилась и по всей Западной Европе, и на Востоке.

Одержанная победа подняла моральный дух русских людей, находившихся в то время под татаромонгольским гнетом, и дала им надежду на скорое освобождение и изгнание всех иноземных врагов с Русской земли.

Русские воины ушли с места Ледового побоища сразу же после того, как были подобраны раненые и убитые, а также собраны военные трофеи, прежде всего оружие и доспехи. Войско Александра Невского отправилось в Псков, где воинов-победителей встретили православные священники, несшие впереди иконы и церковные хоругви. В соборе Святой Троицы был отслужен торжественный молебен. А через некоторое время в Пскове был построен новый собор Иоанна Предтечи в честь победы новгородцев.

Весть о разгроме ливонского войска быстро облетела Западную Европу и дошла до самого Рима. Католическое духовенство после этого долгое время не строило никаких планов в отношении Русской земли, и лишь в XIV веке, после смерти Ивана Грозного, был принят новый поход на Русь, который возглавил польский король Сигизмунд III.

После полного разгрома крестоносцев на Чудском озере положение немецкого ордена стало неустойчивым. Дело было не только в больших потерях, но и в утрате политического авторитета ливонского братства. Летом того же года в Новгород прибыли немецкие послы для

ведения мирных переговоров с Александром Невским. Великий князь сам стремился к миру с Ливонским орденом, потому что Русь еще не оправилась после татаромонгольского нашествия и не смогла бы вести долгую борьбу с крестоносцами.

Когда посольство во главе с рыцарем Андреасом фон Стирландом прибыло в Новгород, князя в городе не было. Бояре, входящие в состав новгородского веча, согласились с условиями мирного договора, предложенного ливонцами. Все земли (Псков, Луга, Водь и другие), ранее захваченные крестоносцами, возвращались обратно Руси. Кроме этого, братство обязывалось отпустить всех пленных, захваченных когда-либо на новгородской и псковской землях, в обмен на знатных рыцарей, попавших в плен во время Ледового побоища.

Так был подписан договор, заключенный без присутствия Александра Ярославича. При этом ливонцы согласились с крайне невыгодными для них условиями только вследствие своего поражения на Чудском озере. Таким образом, именно Александр Невский смог остановить захватническое движение крестоносцев на восток вдоль Балтийского побережья.

Нападение крестоносцев на Литовско-Русское государство

После поражения на Чудском озере ливонские рыцари более не помышляли о нападении на территории столь грозного и сильного врага, как Александр Невский. Теперь все их помыслы были устремлены на захват Литовско-Русского государства. Это государство возникло во второй половине XIII века после наступления литовцев на Полоцко-Минскую землю.

В середине XIV века в состав Литовской державы были включены Витебск, Полоцк и Минск. Официаль-

но государство стало именоваться Великим княжеством Литовским и Русским. Только за правление Ольгерда (1345—1377) рыцари Креста нападали на это государство сто раз, неизменно принося смерть, голод, разруху и другие не менее ужасные бедствия местному населению.

Папа целиком и полностью был на стороне крестоносцев, ратуя за то, чтобы «исхитить земли из рук язычников». Не осталась без внимания рыцарей-захватчиков и Польша, также неоднократно подвергавшаяся их набегам. Существует немало свидетельств летописцев о зверствах крестоносцев.

Что касается хронистов (Вартберг, Рюссов, Виганд), воспевающих походы орденских братьев, то они предпочитали только подсчитывать количество жертв с той и другой стороны, умалчивая о том отпоре, который встречали на своем пути немецкие рыцари. Если верить их повествованиям, то везде и всюду рыцари неизменно были победителями и только иногда им приходилось отступать вследствие «плохой погоды».

Хвастовство и цинизм летописцев не поддается описанию. Так, например, рассказывая об одном из походов, Вартберг самым бесстыдным образом сообщает о том, сколько рыцари опустошили деревень во время одного привала.

А вот еще одно леденящее душу описание: «Бог оказал такую милость христианам, что язычники дали захватить себя врасплох. Это им дорого обходится: их колют и режут. В округе было много людей и добра: сколько убытка для язычников, сколько поживы христианам! Ах, как тут было хорошо! Язычники продолжали кричать в зарослях, но это им не помогло. Много их было перебито, много у них было захвачено женщин и детей. И смешно же было смотреть на этих женщин, у которых было привязано по два ребенка, один спереди, другой сзади, и на этих мужчин, которые шли отрядами, связавшись друг с другом, будто на своре».

Описания кровавых зверств, приводимых летописцами, проникнуты отнюдь не сочувствием к несчастным жертвам, а радостью победы над ними. При этом нужно заметить, что если описание насилия и убийств «язычников» вполне можно принять на веру (подобное поведение было свойственно всем крестоносцам), то факт отсутствия сопротивления заставляет насторожиться.

До настоящего времени сохранились воспоминания очевидцев событий 1313 года, когда захватчики с крестами на одеждах перешли границу Литовско-Русского государства, по ходу захватили два города и перебили большую часть жителей. Бросившись на выручку соотечественникам, литовский князь Гедимин нанес крестоносцам серьезное поражение, обратив их в бегство. При этом русские не удовлетворились победой над врагом и вторглись на его территории, дойдя почти до самой столицы (Мариенбург).

Спустя семь лет крестоносцы вновь осмелились напасть на литовско-русские земли и были полностью уничтожены. 27 сентября 1331 года прусские и ливонские рыцари напали на краковского короля и вместе с ним истребили пять тысяч человек, вследствие чего даже папа вынес суровое порицание их зверствам. Однако на сей раз злодеяния крестоносцев не остались безнаказанными: польский король Владислав Локоток и литовский князь Гедимин объединили свои войска и, настигнув неприятеля в деревне Пловцы, уничтожили на поле брани около четырех тысяч рыцарей.

В 1345 году в Мариенбурге собрались несколько европейских королей, герцогов и графов для того, чтобы отправиться в Литву на «охоту». И вот, собрав многочисленное войско, магистр ордена Людольф Кенинг повез своих гостей полюбоваться просторами Литвы. Но захватчики и не предполагали, какую шутку с ними сыграет литовский князь Ольгерд. Заманив врагов в самый центр своего княжества, он резко свернул в сторо-

ну, сначала ускользнув от крестоносцев, а потом вторгнувшись на их территории. В результате Кенинг около двух недель блуждал вместе с гостями по непроходимому болоту, а потом ни с чем вернулся обратно.

Разумеется, его гостям это не понравилось, и они заключили полководца в замок Энгельберт, ссылаясь на то, что у него большая психика. Таким образом на карьере Кенинга был поставлен крест.

В 1369 году орденский магистр выстроил на территории Литвы крепость Готтесвердер. Когда же князь Ольгерд попросил его дать объяснение тому факту, что строительство крепости осуществилось на территориях, не принадлежащих ордену, самоуверенный магистр ответил: «По праву сильного, а если Ольгерду не нравится — пусть придет и разрушит постройку».

Не в первый раз приходилось литовскому князю выступать против немецких захватчиков, и на этот раз он также одержал победу.

Осадив крепость, Ольгерд перебил весь гарнизон, после чего разрушил ненавистное строение до основания, в очередной раз посмеявшись над бахвальством крестоносцев.

В 70-х годах XIV столетия другой литовский князь, Кейстут, совершил три набега на рыцарские владения в отместку за то, что крестоносцы нападали на Литовскую землю и разоряли ее. Причем на этот раз даже Вартберг-летописец не смог умолчать о том поражении, которое понесли его хозяева от народов, населявших Литовско-Русское государство (в основном это были русские, украинцы и белорусы).

Далеко не последнюю роль в подготовке нападений на Польшу и Литву играл шпионаж, широко практиковавшийся немцами уже с XIII века. Так, например, достоверно известно, что в 1240 году в Новгород проник немецкий шпион, который пытался выяснить, смогут ли горожане дать достойный отпор ордену.

В XIV столетии и Польша, и Литва были переполнены шпионами, снабжающими Великого магистра сведениями о строительстве крепостей, вооружении и намерениях литовских и польских правителей. В 1362 году, перед тем как напасть на крепость Ковно, магистр послал в Литву своих шпионов, которые должны были собрать сведения, касающиеся численности гарнизона и его готовности оказать сопротивление. При выполнении этого задания шпионам удалось не только добыть все необходимые сведения, но и вступить в заговор с одним из сыновей князя Кейстута — Бутавой.

Предатели имелись в окружении и уже упоминавшегося князя Ольгерда. Так, например, несколько лет подряд его зять Вайдыло собирал и передавал ордену информацию, касающуюся оборонных мероприятий князя Кейстута. Однако тайное всегда становится явным. Однажды вражеский шпион был разоблачен и предан смерти, от которой его не спасла даже принадлежность к княжескому роду.

Шпионажем занимались и купцы, привозившие свой товар в Литовско-Русское государство. Но не только шпионаж практиковался орденом, одним из направлений его деятельности были заказные убийства. Чаще всего жертвами убийц становились люди, неугодные великому магистру и плохо относившиеся к самому ордену. Так, например, история хранит предание о польском короле Пшемиславе II, не пожелавшем уступить ордену польское Поморье. Чтобы лишний раз продемонстрировать свое могущество, магистр приказал убить короля. Произошло это через несколько месяцев после его вступления на престол.

Но вот наступил 1386 год, принесший с собой новые столкновения между крестоносцами, с одной стороны, и народами Литовско-Русского государства и поляками — с другой. В тот год между Польшей и Литовско-Русским государством была заключена уния, подразумевающая,

кроме всего прочего, и объединение военных сил. Закреплялось же данное обязательство женитьбой литовского князя Ягайло на польской королеве Ядвиге с принятием титула польского короля.

Получив приглашение на их свадьбу, магистр пришел в неописуемую ярость от столь неслыханной наглости и отреагировал на нее тем, что стал одно за другим слать бесконечные письма в Рим, жалуясь папе на то, что Ягайло хочет ввести в Польшу язычество. Однако на этот раз расчет магистра не оправдался: папа предпочел ограничиться соболезнованиями и не оказал никакой реальной помощи.

Но ничто не могло остановить магистра, сделавшего своей целью разрушение союза между Литвой и Польшей. Пятнадцать лет своей жизни он потратил на то, чтобы добиться осуществления своих планов, причем повод для первой интриги подал сам Ягайло, перебравшийся после свадьбы в Краков. Дело в том, что двоюродный брат Ягайло, Витовт, искренне надеялся, что, сделавшись польским королем, Ягайло оставит его своим наместником в Литве, однако тот предпочел Скиргайла, своего родного брата.

Не нужно говорить, что подобное решение сильно оскорбило Витовта. В это время шпионы донесли магистру о противоречиях между двумя литовскими князьями, и тот, надеясь на скорое аннулирование унии, призвал Витовта в Мариенбург, где встретил его с большими почестями и обещаниями добыть литовский престол. Однако взамен за эту услугу магистр потребовал расторжения унии. Согласие Витовта было как нельзя кстати, но одних только слов было недостаточно: магистр взял в заложники жену, брата и двух сыновей на случай, если его компаньон надумает отказаться от своих обещаний.

И вот в 1389 году, собрав огромное войско, магистр двинулся на Вильну, чтобы исполнить свою часть уго-

вора и силой водворить на престол Витовта. Однако сделать это ему не удалось, объединенные силы двух государств сумели дать достойный отпор незванным гостям.

Следующий поход состоялся уже в 1391 году, но и он окончился полным провалом, что, впрочем, не охладило пыл магистра, сразу же начавшего подготовку к третьему походу.

Но тут случилось непредвиденное: Ягайло связался с Витовтом и пообещал отдать ему литовский престол, если тот не будет выступать против унии. Соблазнившись предложением двоюродного брата, Витовт, не задумываясь, перешел на его сторону, даже не посчитавшись с тем, что это грозило смертью его сыновьям. Таким образом, уния была сохранена. Дальнейшие происки магистра-интригана также не имели успеха.

На рубеже XV века возникло противостояние двух сил: с одной стороны находилось государство Тевтонского ордена, с другой — Литовско-Русское государство. Грюнвальдская битва должна была определить победителя.

Нужно заметить, что к XV веку девять десятых всех земель Литовско-Русского государства занимали русские земли; официальным государственным языком также считался русский, на котором говорила большая часть всего населения. А все литовские князья, начиная с Гедимины, называли себя не только литовскими королями, но и русскими. Таким образом, теперь уже против немцев поднялись не только и не столько литовцы, сколько великорусы — русские, украинцы и белорусы.

Уставший от бесконечных войн народ призвал своих братьев-правителей — Ягайло и Витовта — раз и навсегда покончить с немцами, что еще больше обострило отношения этих государств с орденом. Однако, прежде чем началась война, между противниками возник ожесточенный спор о приграничных крепостях и коренных литовских землях (Жемайтии и Жмуди).

При этом необходимо отметить, что крепость Дрезденко, ранее принадлежавшая Польше, была вероломно захвачена крестоносцами еще до того, как образовалась польско-литовская уния, и все переговоры, осуществлявшиеся между новыми и старыми «хозяевами», не имели никакого результата. В сложившихся обстоятельствах возвращение крепости стало делом чести, и польский король Ягайло, отличавшийся нерешительностью и даже трусливостью, поклялся, что не будет королем Польши до тех пор, пока не вернет эту крепость.

В связи с этим Ягайло выдвинул магистру требование, в соответствии с которым немецкий гарнизон должен был оставить Дрезденко. Однако гроссмейстер не только не выполнил данное требование, но и захватил еще одну крепость (Санток), принадлежащую Польскому королевству, что вызвало в государстве необычайное волнение.

Гроссмейстер Ульрих фон Юнгинген понимал, что его действия не останутся безнаказанными, а потому постарался заранее обезопасить орден, построив в Жмудской области еще несколько крепостей.

Местные жители обратились к европейским государствам с просьбой освободить их от «соседей» крестоносцев, но Европа проигнорировала это прошение. Тогда жмудины подняли восстание и собственноручно перебили немецкие гарнизоны, чем навлекли на себя страшный гнев гроссмейстера, пославшего в Жмудь карательный отряд.

Но события в Жмуди приняли совершенно иное направление: на сторону угнетенного народа встал Витовт. Взбешенный его вмешательством, магистр направил еще одно войско в Литву; Витовт же совершил набег на земли ордена. В ответ на это гроссмейстер задержал хлеб, направленный в Литву из Польши; Витовт послал в Жмудь литовское войско во главе с боярином Румпольдом.

Орденские братья, крайне обозленные выходками литовского наместника, начали собирать огромное войско для того, чтобы двинуть его на противника. Но тот тем временем не сидел сложа руки: к литовско-прусской границе уже стекались многочисленные отряды из Полоцка, Смоленска, Новгорода, Брянска, Новгород-Северска, Киева, Луцка и Владимира-Волынского.

Первого августа 1409 года произошла последняя встреча между Ульрихом фон Юнгингеном и польским послом Николаем Куровским, во время которой гроссмейстер попытался выяснить, намерен ли Ягайло оказать военную помощь Витовту. На что посол, не желая выдавать истинного положения дел, ответил, будто бы польский король готов принять на себя роль миротворца и уладить конфликт, возникший между орденом и Литвой, но с условием, что гроссмейстер не станет вмешиваться в дела Жмуди до окончания переговоров.

Подобное условие вызвало гнев магистра, заставив его высказаться на тот счет, что он сам вправе решать судьбу жмудинов, так как Жмудь является собственностью ордена. В ответ на подобное заявление посол дал понять разгорячившемуся фон Юнгингену, что в этом случае появится серьезная угроза объединения сил двух братьев-правителей, что, в свою очередь, навлечет на орден большую опасность.

Однако данное сообщение нисколько не напугало чванливого магистра, решившего напасть на «голову», нежели на «туловище», то есть на Польшу, а не на Литву. И вот 6 августа 1409 года гроссмейстер, вместо того чтобы напасть на Литовско-Русское государство, объявил великую войну его союзнику.

Обе противоборствующие стороны были настроены весьма решительно, понимая, что на этот раз дело не ограничится простым набегом; один из противников должен быть уничтожен.

Грюнвальдская битва

В начале XV века во владении германских феодалов оказались почти все земли Восточной Прибалтики, исключение составляло лишь Западное Поморье.

6 августа 1409 года крестоносцы начали активные военные действия против Польши и Литвы. Магистр Тевтонского ордена, Ульрих фон Юнгинген, заключил выгодное соглашение с венгерским королем Зигмундом Люксембургским и с чешским королем Вацлавом, что еще более усилило позиции ордена на Западе.

Ядро немецкой армии составляли рыцари-тевтоны. В тех землях, где они чувствовали себя полноправными хозяевами, под знамена ордена удалось собрать 50 тысяч воинов-крестоносцев.

Объявляя поход на литовско-русские земли, гроссмейстер фон Юнгинген прибегнул к помощи наемников (набранных преимущественно из отпетых головорезов и бандитов) из различных стран Западной Европы, численность которых составила 35 тысяч человек. Таким образом, в начале 1410 года для грандиозной военной экспедиции было собрано огромное по тем временам войско, насчитывающее около 85 тысяч воинов.

Предводителем этой армии пожелал стать сам магистр Тевтонского ордена — Ульрих фон Юнгинген.

Среди рыцарей этот человек снискал себе репутацию отчаянного пройдохи и гуляки, проявил себя как человек необузданных нравов и прихотей. Его предшественник на посту магистра, родной брат Конрад фон Юнгинген, умирая, наказывал своим ближайшим сподвижникам не выдвигать Ульриха в гроссмейстеры, ссылаясь на то, что тот вполне мог вовлечь орден в неразумную и гибельную авантюру, что и случилось впоследствии.

Однако к мнению умирающего магистра не прислушались, и Ульрих фон Юнгинген был единодушно из-

бран новым гроссмейстером ордена. Своими верными помощниками в предстоящем походе он назначил старых опытных вояк — великого командора Куно фон Лихтенштейна и маршала Фридриха фон Вальроде, прославившихся особой жестокостью, проявленной ими в предыдущих походах по отношению к мирному населению завоеванных земель.

Предстоящая война обещала воинам-крестоносцам богатую добычу, а в успешном исходе кампании они не сомневались. Между тем литовский князь Витовт и польский король Ягайло также не сидели сложа руки, а деятельно готовились к предстоящей борьбе с орде-ном. Им удалось привлечь на свою сторону 30 тысяч татар и около четырех тысяч чехов. (В рядах последних находился и ставший впоследствии знаменитым предводителем гуситов Ян Жижка.)

При этом большая часть литовского войска была сформирована из русских полков, прибывших из Смоленска и других русских городов, входивших тогда в состав Литовско-Русского государства. Количество русичей, вставших под знамена союзных армий, достигало 40 тысяч ратников.

Основной единицей ополчения у славянских и прибалтийских народов считалась в те времена хоругвь. Свое название она, как правило, получала по месту сбора войска (Смоленская, Краковская и т. д.) или по имени военачальника (например, хоругвь маршала Сбигнева). Численность этого воинского подразделения не всегда была одинаковой. В среднем она включала в себя 800 пехотинцев и 200 всадников.

Для предстоящего сражения с рыцарями Тевтонского ордена поляки собрали 51 хоругвь, литовцы — 40. Таким образом, союзная армия славян не считывала к началу сражения около 100 тысяч воинов.

Вооружение и оснащение противоборствующих сторон также было неодинаково, что можно объяснить уже

сложившимися национальными особенностями военной науки. Так, например, немцы главную свою силу видели в тяжелой рыцарской кавалерии. В союзных же армиях на ее долю приходилась лишь одна четверть общего числа воинов.

Что же касается поляков и литовско-русских ратников, то они отдавали предпочтение легкой коннице. Боевую технику и с той и с другой стороны представляли пушки, стрелявшие каменными ядрами, а также метательные машины (катапульты и баллисты).

Бойцы обеих армий имели на вооружении исключительно холодное оружие. В его арсенал входили простые ножи, которые обычно носили за голенищем (отсюда название — засапожный нож), и тяжелые обоюдоострые мечи (поднять такой меч можно было только двумя руками). Конница, преимущественно татарская, вооружалась копьями и луками.

Одну из важнейших ролей играли доспехи. Особое место уделяла им в бою рыцарская конница. Всадники, а очень часто и кони, были закованы в железо. Имея такую надежную защиту, рыцарь и лошадь были практически неуязвимы для противника. Что касается пехотных войск, то они не могли позволить себе такое громоздкое и тяжелое облачение, поэтому надевали перед схваткой более легкие кольчуги и панцири. При этом простолюдины за неимением больших средств носили простроченные паклей кафтаны.

Самое тщательное внимание уделялось выбору места сражения. Предпочтение, как правило, отдавалось равнине или широкому полю: такой ландшафт позволял с большим удобством развернуть боевые порядки (атаку старались начинать только в сомкнутом строю).

В первых числах июля 1410 года войска рыцарей-тевтонов и союзная армия выступили в поход против Литовско-Русского государства. К вечеру 14 июля передовые отряды немецкой армии заняли деревни Грюн-

вальд и Танненберг. Лагерь их противников расположился в четырех километрах от озера Лаубен. Исход войны был решен в единственном большом сражении, которое произошло уже на следующий день — 15 июля.

Боевые порядки литовцев, поляков, русских и чехов находились на опушке леса. Впереди перед ними раскинулось громадное холмистое поле, простиравшееся до самых деревень Танненберг и Грюнвальд. Немецкие рыцари сумели занять более удобную позицию: гротсмейстер Ульрих фон Юнгинген вывел свои передовые войска на холм перед селениями.

Атаку должны были начать конные тяжеловооруженные рыцари; магистр поставил перед ними четко сформулированную задачу — врезаться в неприятельские ряды и опрокинуть их. Что касается пехоты, то ее немецкий главнокомандующий решил пустить вслед за кавалерией. По замыслу фон Юнгингена, она должна была добивать раненого противника или брать его в плен. Мощь первого удара немецкие рыцари решили усилить пушками, выкатив их на передовую линию.

Правый фланг немцев заняли отряды под командованием великого орденового командора Куно фон Лихтенштейна. На левом разместились воины маршала Фридриха фон Вальроде. Тыловую часть фронта, которая находилась на расстоянии полукилометра от передовых линий, у деревни Грюнвальд, составили обозные повозки и резервные отряды войска крестоносцев, выстроенные кругом. (Немцы называли такой порядок построения вагенбургом.)

Сам Великий магистр Тевтонского ордена расположился на вершине холма, откуда великолепно просматривалась вся панорама предстоящей битвы.

Армия противника заняла менее удачную позицию: район, где она разместилась, представлял собой болотистое место, заросшее лесом. Боевые порядки союзных армий выстроились на трехкилометровом простран-

стве вдоль опушки леса, встав тремя параллельными линиями. По мнению литовского полководца Витовта, поддержанного краковским наместником Польского королевства Зиндромом Машковским, такое построение придавало устойчивость всему фронту в случае прорыва одной из передовых линий.

В полдень были завершены последние приготовления к битве. Войска союзных армий разместились в следующем порядке: отряды короля Ягайло встали на левом фланге, а русско-литовская армия Витовта заняла позицию справа. Главные массы русских ратников сосредоточились в центре с небольшим смещением к левому флангу; таким образом, русские полки оказались костяком боевого построения союзного войска.

До наших дней дошли сведения польского историка XV века Яна Длугоша, во всех подробностях описавшего битву при Грюнвальде: «Сражение началось со смелой атаки легкой конницы Витовта против левого крыла орденов войска.

Немцы встретили атакующих выстрелами из пушек, а вскоре сами перешли в контратаку. Поднялся столь ужасный шум, что треск от ударов копий, бряцания оружия и лязга мечей был слышен на несколько миль в окружении. Воин напирал на воина, ломалось оружие, попадали в лицо острия стрел. В этих смешавшихся рядах и суматохе трудно было отделить сильных от более слабых, смелых от трусов».

Но вот конники Витовта не выдержали натиска превосходящего по силе противника и начали беспорядочно отступать. Немецкие рыцари стали преследовать литовцев, сопровождая погоню пением победного гимна.

Примерно в это же время крестоносцам удалось потеснить и польские войска на противоположном (правом) фланге. В стане рыцарей Тевтонского ордена раздался победный клич: «Христос воскрес! Христос воскрес!» Однако радость немцев была преждевременной.

Положение спасли смоленские полки русских. Все тот же польский историк Длугош впоследствии написал: «В этом сражении русские воины-смоляне, составлявшие три хоругви, упорно сражались и одни не приняли участия в бегстве, заслужив этим бессмертную славу. И если один из полков был жестоко изрублен и даже склонилось до земли его знамя, то два других полка, отважно сражаясь, одерживали верх над всеми мужами и рыцарями, с какими сходились врукопашную, пока не соединились с отрядами поляков...»

Именно храбрость и героизм русских ратников решили исход битвы. Даже натиск тяжелой немецкой кавалерии, один из самых грозных приемов в тактике тевтонцев, как правило приносящий им успех и победу, разбился о стойкость русичей. Их упорное сопротивление не допустило разгрома правого крыла союзной армии. Кроме того, смоляне, приняв на себя удар (после позорного бегства литовцев) отрядов фон Вальроде, спасли центр и левое крыло от флангового удара и захода войск неприятеля в тыл.

Благодаря упорству русских поляки смогли вовремя перестроить свои боевые порядки и перейти в контрнаступление против правого фланга крестоносцев, а литовский полководец Витовт сумел нанести мощнейший удар по силам неприятеля с левой стороны фронта.

Таким образом, картина сражения резко изменилась, и орденов войска в панике отступили к селению Грюнвальд. Магистр Великого ордена фон Юнгинген, видя повальное бегство рыцарей, предпринял отчаянную попытку переломить ход битвы. Имея в резерве пятнадцать боеспособных отрядов, гроссмейстер построил рыцарей в колонну и лично повел их в атаку. Однако вскоре он получил меткий удар в лицо, нанесенный литовским воином. Удар был настолько силен, что облаченный в доспехи рыцарь вылетел из седла и от полученной раны тут же скончался. Такая же участь постигла маршала

ордена Фридриха фон Вальроде, нескольких военачальников, а также многих других знатных крестоносцев.

Исход битвы был предreshен — орден получил смертельный удар. Объединенные силы Польши и Литвы при поддержке русских полков в многочасовом сражении нанесли сокрушительное поражение рыцарям Тевтонского ордена: 18 тысяч крестоносцев было убито, 14 тысяч взято в плен.

Сражение при Грюнвальде сыграло очень важную роль в истории славянских и прибалтийских народов. Эта битва навсегда подорвала силы могущественного ордена и надолго приостановила экспансию немецких феодалов в земли Восточной Европы.

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	5
Глава 1. СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ РЫЦАРСТВА	7
Рыцари и церковь	10
Посвящение в рыцари	13
Рыцарские турниры	18
Геральдика	23
Рыцарство и знать	27
Светские ордена	32
Внешние формы рыцарства	39
Рыцарство и война	50
Завершение рыцарской эпохи	56
Глава 2. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОРДЕНА ТАМПЛИЕРОВ	65
История создания ордена Храма (Христа)	73
Латинский устав	115
Французский устав	121
Структура ордена Храма	128
Глава 3. ОРДЕН ГОСПИТАЛЬЕРОВ	202
Основание ордена госпитальеров	203
Родосские рыцари	210
Мальтийский период	219
Российский период	221
Мальтийский орден в XX веке	235
Традиции Мальтийского ордена	244
Валлетта	254
Глава 4. ТЕВТОНСКИЙ ОРДЕН	266
Глава 5. ИСТОРИЯ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ	288
Первый крестовый поход	292
Второй крестовый поход	315
Третий крестовый поход	337
Четвертый крестовый поход	349
Пятый крестовый поход	363
Шестой крестовый поход	368
Седьмой крестовый поход	370
Восьмой крестовый поход	380
Вторжение немецких рыцарей на Русь	392
Нападение крестоносцев на Литовско-Русское государство	415

Научно-популярное издание
Серия «Все загадки Земли»
Ткач Михаил Иванович
Какабадзе Наталья Владимировна

ТАЙНЫ РЫЦАРСКИХ ОРДЕНОВ

Генеральный директор издательства С. М. Макаренков

Редактор О. Н. Дубровская
Художественное оформление:
Художники С. В. Богачева, О. Н. Логинова
Компьютерная верстка: Е. В. Козейкина
Корректоры М. А. Елисеева, Ю. А. Покатилова

Издание подготовлено при участии
ЛА «Софит-Принт»

Оригинал-макет подписан к печати 31.05.2002 г.
Формат 60х90/16. Гарнитура «Школьная». Печать офсетная
Печ. л. 27,0. Усл. печ. л. 31,0. Тираж 10000 экз.
Заказ № 1660

Адрес электронной почты: info@ripol.ru
Страничка во «всемирной паутине»: www.ripol.ru

ИД «РИПОЛ КЛАССИК»
107140, Москва, Краснопрудная ул., д. 22а, стр. 1
Изд. лиц. № 04620 от 24.04.2001 г.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Вы можете заказать полный каталог книг
нашего издательства.
Для этого отправьте заявку по адресу:

129336, Москва, а/я 5
В заявке укажите свою фамилию и полный
почтовый адрес с индексом.

Каталог высылается БЕСПЛАТНО!